ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ:

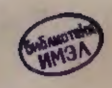
РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Изданіе Ю. САМАРИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN.
1869

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Всѣмъ извѣстно, что Русская заграничная пресса пріобрѣла у насъ худую, къ сожалѣнію вполнѣ заслуженную славу. И не мудрено. За очень рѣдкими исключеніями, во всѣхъ рукахъ ею ворочавшихъ (Герцена и Шедо-феротти безъ различія) она служила не Россіи, а политическимъ интересамъ и ученіямъ сложившимся внѣ ея, и частью вовсе ей чуждымъ, частью положительно ей враждебнымъ. Съ тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ стояли и стоятъ наши заграничные публицисты, Россія созданная исторіею ничѣмъ инымъ представляться не могла какъ препятствіемъ, помѣхою, или мертвымъ орудіемъ, чѣмъ то въ родѣ громаднаго тарана, годнымъ только для механическаго употребленія. Въ первомъ случаѣ, нужно было повалить или раздробить ее, а во второмъ — по крайней мѣрѣ напоить ее до потери историческаго самосознанія, чтобы воспользоваться ея силами для невѣдомыхъ ей цѣлей.

Теперь, замыслы и виды обращенной къ Россіи заграничной пропаганды всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ окончательно выяснились для всѣхъ способныхъ видѣть, и окончательно отвергнуты всѣми способными вразумиться. Это важный успѣхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ распространилось очень естественное предубѣжденіе противъ самаго орудія приспособленнаго ею къ дѣлу и какъ будто

навсегда испорченнаго этимъ употребленіемъ его намъ во зло. При такомъ общемъ настроеніи, всякій прибѣгающій къ тому же орудію, разумѣется въ другихъ видахъ, не только имѣетъ право позаботиться объ огражденіи себя отъ подозрѣній болѣе чѣмъ вѣроятныхъ, но даже, до нѣкоторой степени, обязанъ передъ публикою предупредить недоразумѣнія, высказавъ на первыхъ же порахъ, положительно и ясно, чего онъ хочетъ и чего не хочетъ.

Я сдѣлаю это въ короткихъ словахъ.

Какъ Русскій, желающій посильно служить *моей* родинѣ и въ *мое* время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ либо партій свойства *политическаго*, въ серьёзномъ значеніи этого слова. Я не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ. Я убѣжденъ, что довлѣетъ дневи злоба его и что далеко еще не наступило для Россіи время думать объ измѣненіи существующей формы правленія. Вижу, что самодержавная власть (чтобы она сама о себѣ ни думала) никогда не была такъ сильна *нравственно* какъ теперь; думаю, что никакая другая власть, въ настоящую минуту, не моглабы внушить такого къ себѣ довѣрія, ни располагать такъ легко, такимъ добровольнымъ, единодушнымъ и *безпритязательнымъ* содѣйствіемъ народныхъ силъ; вывожу отсюда, что историческое призваніе самодержавія еще не исполнилось и что ему предстоитъ совершить еще многое для блага Россіи; крѣпко держусь той вѣры (все еще держусь, не смотря на все совершающееся и, по видимому, готовящееся въ настоящую минуту) что, *по существу своему*, самодержавіе отнюдь не несовмѣстно съ тою свободою, въ которой мы въ настоящую минуту дѣйствительно нуждаемся, что наконецъ вопросъ теперь не въ томъ: какая форма правленія для насъ лучше, а въ

томъ: которое изъ двухъ побужденій, періодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возметъ верхъ надъ другимъ: довѣріе или страхъ.

Если восторжествуетъ первое, то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и, тѣмъ самымъ, укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины; ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непремѣнно понесетъ и туда *дѣйствительную* свободу для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ — а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью не вполнѣ нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ. На оборотъ, второе побужденіе повелобы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тяготѣющимъ къ заграничнымъ центрамъ. Повторяю: давленіе дома, послабленіе на окраинахъ — одно другимъ обусловливается. Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагу. Кто нашептываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и всесословнымъ выборомъ мировыхъ судей; кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить Русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти, тотъ въ тоже время заигрываетъ съ Польскою шляхтою и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ Балтійскимъ рыцарствомъ; равномѣрно, кто внутренно благоговѣетъ передъ Балтійскою и Польскою гражданственностью и лелѣетъ про себя мысль украсить Россію пересадивъ на почву ея политическіе идеалы заимствованные у окраинъ, тотъ, вопреки кажущемуся либерализму своихъ стремленій, по крайней мѣрѣ своихъ фразъ, оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся Русской мысли, и, не будучи въ состояніи усыпить ее вновь, по крайней

мѣрѣ отравляетъ ей полусвободу гласнаго выраженія, только что ею полученную черезъ его же руки. Повидимому, у этихъ двухъ людей точки отправленія совершенно различныя; но они приходятъ къ однимъ результатамъ, и потому, разъ встрѣтившись, пойдутъ рука объ руку до конца. . . .

„Вотъ новости!" — подумаетъ можетъ быть иной читатель — „необходимость самодержавія, свобода національныхъ стремленій, укрѣпленіе окраинъ — да это все оффиціальная фразеологія извѣстная всѣмъ и каждому изъ Высочайшихъ рескриптовъ и множества всякихъ циркуляровъ. Если пришла охота повторять и парафразировать ихъ, то почему не дѣлать этого дома и съ какой стати, по казенной программѣ, начинать изданіе за границею?"

На вопросъ, я отвѣчу другимъ вопросомъ: когда на крышѣ показывается дымъ, что дѣлать простому обывателю, не должностному лицу, не отвѣтственному блюстителю безопасности и не пожарному служителю?

— „Поднять тревогу, будить народъ, бить въ набатъ.".

— Хорошо! Но если величественный сторожъ, мѣрными шагами расхаживающій по улицѣ, говоритъ, что это все вздоръ и что опасности нѣтъ: если, по особенному свойству своего политическаго темперамента, онъ предпочитаетъ пожаръ всякой тревогѣ, даже бѣготнѣ толпы вооруженной вёдрами, лѣстницами и баграми; если онъ вчера завѣрялъ хозяина, которымъ онъ приставленъ, что пожара не будетъ и непремѣнно хочетъ донести ему завтра, что всё обстоитъ благополучно; если въ ту минуту какъ обыватель сбирается звать на помощь и ударить въ набатъ, сторожъ зажимаетъ ему ротъ и вырываетъ у него изъ рукъ веревку — тогда что дѣлать?

— „Идти домой, лечь спать и съ сторожемъ не ссориться. Вѣдь отвѣтчикъ всётаки онъ, а не вы."

— Положимъ что онъ, по крайней мѣрѣ ближайшій; положимъ даже, что завтра, послѣ пожара, его отставятъ; но за ночь деревня всётаки сгоритъ и сторожъ ея не выстроитъ. Чтожъ дѣлать обывателю, если онъ рѣшительно не хочетъ горѣть?

— „Пожалуй: не теряя времени, перейти въ сосѣдній приходъ, гдѣ нѣтъ такого сторожа, и постараться оттуда подать пожарный сигналъ."

Второй совѣтъ нравится мнѣ больше чѣмъ первый и, кажется, разумнѣе перваго.

На окраинахъ Россіи, особенно Сѣверозападной и Балтійской, пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ, недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ; уголья всё еще тлѣютъ подъ золою, а ужъ многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что вся бѣда не отъ поджигателей, а отъ пожарной команды и что нужно поскорѣе разогнать ее, такъ какъ, заливая огонь и срывая горѣвшія крыши, она коегдѣ перебила панскія зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы. Въ другомъ мѣстѣ, накопляются горючіе матерьялы и безъименныя кореспонденціи, разсылаемыя оттуда во всѣ иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это тѣже подметныя письма, писанныя въ Россіи и для Россіи, но перебрасываемыя къ намъ изъ за границы. Конечно, въ этомъ случаѣ, дерзость нисколько не признакъ силы, а не болѣе какъ невольное и не совсѣмъ осторожное обнаруженіе затаенныхъ побужденій, которыхъ многіе у насъ и не подозрѣвали. Пугаться этихъ угрозъ былобы смѣшно; но, съ другой стороны, не благоразумно былобы и пренебрегать ими.

Наше положеніе на окраинахъ существенно разнится отъ положенія нашего внутри Россіи. Здѣсь, оплошность, ошибка, фальшивая мѣра, вредятъ отрицательно, ослабляя насъ, но никого не усиливая на нашъ счетъ, сдерживая и тормозя естественный ходъ нашего развитія, но всётаки

не измѣняя его направленія. Намъ это не въ диковинку и мы, Русскіе, какъ нибудь оттерпимся, переждемъ, и ужъ навѣрное не воспользуемся ошибкою для увеличенія зла. Это даже не мыслимо, потому что у насъ нѣтъ и быть не можетъ антирусскихъ цѣлей. Не такъ на окраинахъ. Тамъ имѣются на готовѣ, въ полномъ сборѣ, силы прямо намъ враждебныя, съ тою именно цѣлью вышколенныя, чтобъ обращать въ наступательное противъ насъ орудіе всякую нашу ошибку и пользоваться намъ во вредъ каждою потерянною нами минутою. Тамъ, всё что мы дѣлаемъ не въ попадъ, или чего не дѣлаемъ вовсе тогда какъ слѣдовалобы сдѣлать, приноситъ намъ ущербъ прямой, положительный, часто неисправимый.

Въ своемъ приходѣ, будить людей нельзя — это ужъ дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на Пражскомъ Вышеградѣ скромную, пожарную каланчу. — Авось увидатъ сигналъ изъ дому.

„Отчегоже именно въ Прагѣ?" — спроситъ можетъ быть иной любопытный читатель. — А вотъ отчего: само собою разумѣется, что я имѣю въ виду, главнѣйшимъ образомъ, моихъ соотечественниковъ, Русскую публику, но не ее одну. Клеветы на Россію и на ея правительство, изобрѣтаемыя въ нашихъ предѣлахъ и распускаемыя за границею на всѣхъ языкахъ, дѣйствуютъ въ Европѣ не одинаково. Во Франціи, въ Германіи и въ Англіи, онѣ встрѣчаютъ, не то чтобы полную вѣру, а полную готовность принять всякій вымыселъ за правду. Тамъ, общественное мнѣніе на столько застарѣло въ своихъ предубѣжденіяхъ и такъ привыкло считать свое враждебное къ намъ расположеніе принадлежностью высшей цивилизаціи, что для него уже нѣтъ и вопроса о правдѣ и неправдѣ. Мы давно осуждены и приговорены по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, такъ

что, кто бы на насъ ни доносилъ или ни жаловался, Полякъ, Нѣмецъ, Черкесъ или Татаринъ, всѣ напередъ оправданы. Не такое впечатлѣніе производятъ тѣже распускаемые про насъ слухи на Славянъ, всѣхъ вообще (кромѣ конечно Поляковъ). Они смущаются ими и не хотѣли бы давать имъ вѣры; мало того, они часто протестуютъ противъ нихъ, даже не имѣя подъ рукою фактовъ для ихъ опроверженія, а просто по какомуто вѣрному историческому чутью, и потому еще, что находясь сами подъ опалою Европы, они по опыту знаютъ до какой степени безстыдства можетъ довести чувство племеннаго соперничества. Во всякомъ случаѣ, Славяне, и они одни, хотятъ и могутъ выслушивать насъ спокойно и безпристрастно. Съ Франціею, Англіею и Германіею, мы можемъ спорить, договариваться, входить въ соглашенія и сдѣлки какъ держава съ державою, но оправдываться передъ тамошнею публикою и стараться вразумить ее, значилобы только, безъ всякой пользы, жертвовать своимъ достоинствомъ и пускать слова на вѣтеръ.*) Единственная среда, къ которой мы можемъ относиться нашею народною совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ которой мы можемъ и должны дорожить, это міръ Славянскій. И вотъ почему я становлюсь ближе къ нему и начинаю свое изданіе именно въ Прагѣ, какъ средоточіи западно-Славянскаго просвѣщенія.

Цѣль моя очень скромна и проста. Я желалъ бы, во первыхъ, дать возможность моимъ соотечественникамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые бываютъ за границею, узнавать объ окраинахъ Россіи то, чего имъ не говорятъ дома и о чемъ имъ не позволяютъ говорить; я разумѣю тѣ обвинительные процессы противъ Россіи и ея

*) Присутствіе Государя Императора въ Парижѣ и предпосланная его поѣздкѣ амнистія сосланнымъ Полякамъ, конечно, были краснорѣчивѣе всякой журнальной статьи или дипломатической ноты. А какъ отозвалась на это Франція?

правительства, которые ведутся теперь преимущественно на Нѣмецкомъ діалектѣ, передъ судомъ западной Европы, вѣрноподданными Россійскаго Императора Нѣмецкаго и Польскаго происхожденія, и тѣ такъ называемыя у насъ канцелярскія *тайны*, которыя, какимито непостижимыми путями, прямо изъ нашихъ министерствъ и главныхъ управленій, перелетаютъ черезъ головы нашей публики въ иностранныя газеты, для назиданія Европы. Во вторыхъ, я желалъ бы, въ мѣру силъ моихъ, простымъ возстановленіемъ искажаемыхъ фактовъ, противодѣйствовать антирусской пропагандѣ и знакомить Славянскую публику съ призваніемъ и дѣйствіями нашего правительства въ предѣлахъ тѣхъже нашихъ окраинъ. При этомъ, я претендую на право защищать за границею государственные и народные интересы Россіи противъ Балтійскаго и Польскаго провинціализма также свободно, какъ на примѣръ ГГ. фонъ Боккъ, фонъ Сиверсъ и другіе, ихъже имя легіонъ, защищаютъ передъ западною Европою свои провинціальные интересы противъ Россіи.*)

Первая серія открываемаго мною изданія посвящается Русскому Балтійскому поморію; вторая будетъ посвящена Сѣверозападному краю, третья можетъ быть Польшѣ, Югозападному краю и т. д.

---

*) Вызывая Русскую прессу на публичный судъ передъ Европою. Г. Егоръ Сиверсъ говоритъ: „я надѣюсь и предполагаю, что когда дѣло дойдетъ до предъявленія съ моей стороны опроверженій, *я не встрѣчу на пути своемъ ни вещественныхъ, ни личныхъ препятствій*“ (Appel an die Europäische Oeffentlichkeit etc. 1865). Бывшій вице-президентъ Лифляндскаго Гофгерихта фонъ Боккъ, въ одной изъ своихъ брошюръ, заявляетъ о своемъ намѣреніи напечатать какойто Сенатскій указъ и прибавляетъ: „если только заплечнымъ мастерамъ Московскихъ Стрѣльцевъ (то есть, такъ называемой Старорусской партіи) не удастся, паче чаянія, заткнуть мнѣ глотку“ (Livländische Beiträge B. I Lief. II S. 72 Anmerk.). Сколько мнѣ извѣстно, ни Г. фонъ Сиверса, ни Г. фонъ Бокка никто не тревожилъ — и слава Богу! Радуюсь этому искренно, и не столько для себя лично, сколько для чести Русскаго правительства. Пора наконецъ доказать, что намъ нечего бояться и нечего скрывать,

Само собою разумѣется, что при скудныхъ моихъ средствахъ, я бы и не подумалъ приступать къ такой задачѣ, еслибъ не надѣялся, что найдутся люди, лично мнѣ незнакомые, но близко знающіе настоящее положеніе дѣлъ въ той или другой изъ нашихъ пограничныхъ областей и раздѣляющіе мое убѣжденіе въ пользѣ приподнимать, хотя бы по временамъ, завѣсу скрывающую ихъ отъ Россіи. Можетъ быть, они не откажутъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи. Какъ матерьялъ я приму съ благодарностью даже отрывочныя указанія, справки, документы, выписки и простыя извѣстія; но полныя обозрѣнія или монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, хотябы въ сыромъ и не обработанномъ видѣ, былибы еще нужнѣе и полезнѣе.

Въ особенности, прошу будущихъ моихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ не основываться на слухахъ, а исключительно на несомнѣнныхъ фактахъ, тщательно провѣрять достовѣрность сообщаемыхъ ими свѣдѣній, указывать на источники (хотя бы для моего только свѣдѣнія а не для обнародованія) и, по возможности, прилагать документальныя подтвержденія.

Для отличія статей доставленныхъ отъ писанныхъ мною, я буду выставлять подъ первыми слово „*сообщено*“, а имена лицъ участвующихъ въ моемъ изданіи будутъ оставаться тайною для всѣхъ, развѣ бы самъ авторъ присланной статьи потребовалъ, чтобъ она явилась за его подписью.*)

Ни числа выпусковъ, ни времени ихъ выхода впередъ опредѣлить нельзя. Это будетъ зависѣть, главнѣйшимъ образомъ, отъ степени сочувствія которое я встрѣчу и отъ количества доставляемыхъ мнѣ матерьяловъ.

Польскіе пропагандисты давно насъ опередили; они овладѣли почти всѣми органами иностранной журналистики,

---

*) Мой адресъ, за границею: въ Прагѣ, въ редакцію газеты „Politik“ и въ Россіи: въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ Толмачахъ, въ домѣ Графини Саллогубъ.

наполнили книжныя лавки летучими произведеніями своего неистощимаго воображенія и, дѣйствительно, достигли всего чего можно было достигнуть этимъ путемъ, имѣя противъ себя правду. Теперь, слѣдуя ихъ примѣру и въ подмогу имъ, выступаетъ дружная фаланга публицистовъ Балтійскаго поморія, издавна называющихъ себя нашими учителями и образцами. Они, располагающіе несравненно бо́льшими средствами чѣмъ Поляки или чѣмъ мы Русскіе, такъ какъ нѣтъ у насъ такой канцеляріи, въ которойбы они не имѣли *своихъ*, переносятъ также свою дѣятельность за границу, выпуская о своемъ краѣ множество брошюръ и корреспонденцій. Нѣкоторые изъ нихъ прямо вызываютъ насъ на публичный диспутъ. Почему бы не принять вызова и не пойти за ними на избранное ими поприще?

Въ одномъ только я позволю себѣ не послѣдовать ихъ примѣру. Лифляндскіе и Курляндскіе рыцари, за немногими исключеніями, обыкновенно выходятъ на состязаніе съ опущенными забралами — я же не привыкъ къ этому тяжелому убранству и потому подписываюсь полнымъ именемъ.

ЮРІЙ САМАРИНЪ.

ПРАГА,
Декабрь 1867.

Русское Балтійское поморіе

въ настоящую минуту

(какъ введеніе въ первую серію).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, пробывъ безъ малаго три года въ Ригѣ, въ то самое время, когда, съ перемѣною главнаго начальника края,*) въ системѣ управленія Русскимъ Балтійскимъ поморіемъ совершался крутой переломъ, я набросалъ на бумагу, въ формѣ писемъ, выводы изъ моихъ изслѣдованій о прошедшихъ судьбахъ этого края и моихъ наблюденій о тогдашнемъ его положеніи. Все это было незрѣло, писано съ плеча, подъ вліяніемъ раздражительныхъ впечатлѣній, и свойственной молодости дурной привычки тыкать правдою прямо въ глаза. Словомъ: *по тогдашнимъ понятіямъ*, это была непростительная дерзость, и покойный Государь, до свѣдѣнія котораго добрые люди довели мою рукопись, продержавъ меня нѣсколько дней въ крѣпости, поступилъ со мною, (опять таки *по тогдашнимъ понятіямъ*) снисходительно и даже милостиво. Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ, осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе дѣйствій выс-

---

*) При назначеніи Генералъ-губернаторомъ Князя Суворова на мѣсто Ген. Головнина.

шаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными. Едвали нужно прибавлять, что я вспоминаю теперь объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ: я благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго Императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести въ памяти, изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія, образъ историческаго лица неожиданно передо мною явившагося, въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія . . .

Послѣ этого, рукопись моя, разумѣется, исчезла изъ обращенія; толки о Балтійскомъ краѣ, возбужденные въ нашемъ обществѣ переходомъ Латышей въ Православіе, вскорѣ совсѣмъ замолкли, и весь этотъ край, надолго, какъ будто исчезъ изъ виду нашей публики.

Девятнадцать лѣтъ спустя, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и воззрѣніяхъ, по упраздненіи крѣпостнаго права, по введеніи въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, гласнаго судопроизводства и новаго закона по дѣламъ печати, я помѣстилъ въ газетѣ „Москва“ „нѣсколько передовыхъ статей, въ которыхъ, между прочимъ, указалъ на жалкое, унизительное положеніе представителя Православной Церкви въ средѣ Балтійскаго общества и на неминуемыя послѣдствія постепеннаго упадка довѣрія къ Россіи въ тамошнемъ простонародьѣ. За эти статьи, въ которыхъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ высмотрѣлъ между прочимъ „возбужденіе вражды въ одной части народонаселенія противъ другой“ газета напечатавшая ихъ получила предостереженіе и подверглась трехмѣсячному запрещенію.*)

*) Въ предостереженіи 25 Марта 1867 г. выставлены и другіе мотивы въ томъ числѣ слѣдующій: „мѣры взысканія, которымъ подверглись Лифляндская Лютеранская Консисторія и Пасторъ Пробстъ Дебнеръ порица-

Этихъ двухъ опытовъ было совершенно достаточно для личнаго моего вразумленія, и предпринимать третій, подъ ударами главнаго управленія по дѣламъ печати, я счелъ излишнимъ. Были впрочемъ и другіе факты, лично до меня не касавшіеся, но еще болѣе поучительные.

Въ 1863 году, въ Лейпцигѣ, вышла небольшая брошюра: „Мекленбургъ въ Курляндіи (Mecklenburg in Kurland).“ Авторъ ея, Отто фонъ Рутенбергъ, природный Курляндскій дворянинъ, разбиралъ въ ней разныя мнѣнія выраженныя на Курляндскомъ ландтагѣ 1862 года, по поводу предъявленнаго правительствомъ требованія, чтобы крестьянамъ открыта была возможность пріобрѣтать въ собственность земли бывшія въ ихъ пользованіи. Вѣрный своему происхожденію и традиціямъ своей касты, онъ отнесся къ своимъ собратьямъ не только не враждебно, а даже съ полнымъ сочувствіемъ къ общему ихъ стремленію

ются *подъ видомъ* желанія обоюдной борьбы между Православіемъ и Протестантизмомъ, хотя *это желаніе не соотвѣтствуетъ всѣмъ дѣйствующимъ относительно Православной Церкви въ Имперіи узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанію статей газеты Москва.*“ Еслибы можно было спорить съ административымъ произволомъ, я позволилъ бы себѣ предложить три вопроса. Вопервыхъ, почему главное управленіе по дѣламъ печати знаетъ, что газета „Москва“ приняла на себя *видъ*, то есть *не искренно* сожалѣетъ о преслѣдованіи за мнѣнія, которыхъ она не раздѣляетъ? Сколько мнѣ извѣстно, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ есть частный приставъ, а не духовникъ журналистики и уставъ не даетъ ему права касаться чужихъ, закрытыхъ *для* него побужденій. Во вторыхъ, хотябы даже желаніе выраженное въ газетѣ „Москва“ и противорѣчило содержанію ея статей (чего я рѣшительно не допускаю), развѣ главное управленіе по дѣламъ печати призвано мстить за нарушеніе законовъ логики? Давноли оно и она (т. е. главное управленіе и логика) вступили въ такую тѣсную дружбу? Въ третьихъ, если простое заявленіе желанія свободной полемики между двумя вѣроисповѣданіями преступно уже потому, что не соотвѣтствуетъ дѣйствующимъ узаконеніямъ относительно Православной Церкви въ Имперіи, то какъже могло случиться, что формальное и настойчивое ходатайство объ отмѣнѣ кореннаго закона церковнаго и гражданскаго (по предмету браковъ между Православными и Лютеранами) не только было выражено Лифляндскимъ дворянствомъ и тамошнимъ духовенствомъ, но было *вызвано* Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и, благодаря преимущественно его стараніямъ, получило полное удовлетвореніе?

порѣшить дѣло домашнимъ образомъ, то есть безъ вѣдома *старорусской партіи*, и не подавая повода къ прямому вмѣшательству со стороны правительства; при этомъ однако, какъ человѣкъ честный, вразумленный историческимъ опытомъ другихъ земель и успѣвшій, за границею, выбросить изъ головы своей многіе мѣстные предразсудки, онъ не побоялся обнаружить нѣсколько крупныхъ фактовъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ благоразумные его земляки никогда передъ публикою не проговариваются. Такъ, онъ разсказалъ, въ главныхъ чертахъ, исторію постепеннаго *ухудшенія* быта крестьянъ со дня упраздненія на бумагѣ ихъ крѣпостной зависимости и не утаилъ, что въ послѣднее время, когда правительство, съ полнымъ довѣріемъ къ Балтійскому рыцарству, отдавало ему въ руки разрѣшеніе поземельнаго крестьянскаго вопроса, въ Курляндіи производилось втихомолку, но въ громадныхъ размѣрахъ, систематическое отобраніе крестьянскихъ усадьбъ; наконецъ, критическимъ разборомъ разныхъ проэктовъ предъявленныхъ на ландтагѣ, онъ выяснилъ до очевидности, что Курляндское рыцарство имѣло въ виду отнюдь не *выкупную операцію* (въ томъ значеніи какое эти слова имѣютъ у насъ и во всей Германіи) а *продажу* крестьянскихъ земель, по возможно высокой цѣнѣ, лицамъ всякаго званія и состоянія. Брошюра эта испытала странную участь, почти такуюже какъ извѣстная книга Меркеля: „Несчастные Латыши (die unglücklichen Letten)".*) Она какъ то очень скоро исчезла изъ обращенія и сдѣлалась почти библіографическою рѣдкостью.

У Рижскихъ книгопродавцевъ ея нѣтъ, они даже не выписываютъ ея, увѣряя, что она разошлась и за границею, да и дѣйствительно, даже тамъ трудно добыть ее

*) Говорятъ, что почти все изданіе книги Меркеля было скуплено и уничтожено Балтійскимъ дворянствомъ.

иначе какъ черезъ антикваріевъ. Прежде однако чѣмъ она улетучилась, брошюра Рутенберга попала въ редакцію Петербургскихъ вѣдомостей, которая изготовила объ ней статью и собралась ее напечатать; но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, провѣдавъ объ этомъ, призвалъ къ себѣ редактора и потребовалъ отъ него, чтобъ онъ отложилъ свое намѣреніе, дабы не возбуждать въ Русской публикѣ неблагопріятныхъ толковъ о Балтійскомъ краѣ и не подавать повода къ сравненію условій выкупной операціи въ тѣхъ губерніяхъ и въ Россіи. Благодаря этому мудрому распоряженію, Россія, пока можно было поправить дѣло, дѣйствительно ничего не узнала объ основаніяхъ, на которыхъ разрѣшался въ Курляндіи крестьянскій вопросъ.*)

Въ 1867 году, вышла въ Берлинѣ брошюра совершенно инаго рода, подъ безконечно длиннымъ заглавіемъ: Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde von der protestantischen Landeskirche und dem deutschen Landesstaate in den Ostseeprovinzen Russlands, von ihrem guten Rechte und von ihrem Kampfe um Gewissensfreiheit (буквально: вклады изъ Лифляндіи для распространенія основательныхъ познаній о тамошней, мѣстной Протестантской Церкви и о Нѣмецкомъ провинціальномъ штатѣ**) въ Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, о ихъ правотѣ и о ихъ борьбѣ за свободу совѣсти). Книжка эта составляетъ довольно удачный „pendant" къ извѣстному пасквилю „souffrances et persécutions de l'Eglise catholique en Russie" котораго теперь начинаетъ стыдиться даже ультрамонтанская партія вы-

*) Предупреждаю, что я передаю слухъ, впрочемъ дошедшій до меня изъ надежнаго источника. Если я ошибаюсь, пусть меня опровергнутъ и я возьму слова свои назадъ. Фактовъ останется довольно и безъ этого

**) Я перевожу Landesstaat словомъ провинціальный *штатъ*, какъ оно переводилось въ нашихъ оффиціальныхъ актахъ XVIII вѣка Подъ этимъ очень неопредѣленнымъ выраженіемъ, подразумѣвалась вся совокупность мѣстныхъ учрежденій, земскихъ, судебныхъ и даже церковныхъ.

пустившая его въ сороковыхъ годахъ, но который все таки оставилъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ въ мнѣніи Европы. Это ни болѣе ни менѣе какъ формальный доносъ на Русское правительство, поданный Германіи однимъ изъ ея Балтійскихъ единовѣрцевъ, съ цѣлью побудить ее къ заступничеству за ея мнимо угнетенныхъ братьевъ. Тутъ, всѣ мотивы, въ оффиціальныхъ бумагахъ едва проглядывающіе подъ маскою вѣрноподданнической преданности, высказываются нагло и дерзко, разумѣется съ приправою безстыднѣйшей клеветы и глубочайшей ненависти къ Россіи и къ Православной Церкви. Въ началѣ предисловія, авторъ жалуется на недостатокъ участія со стороны Германіи къ *ея сѣверовосточной колоніи, къ Нѣмецкимъ Остзейскимъ провинціямъ Россіи*; онъ указываетъ на ихъ значеніе *для распространенія и укрѣпленія Нѣмецкаго духа и Нѣмецкой жизни*, а въ концѣ заявляетъ „что необыкновенная сила, выказанная горстью Нѣмцевъ въ упорномъ и успѣшномъ ихъ противодѣйствіи всѣмъ направленнымъ противъ нихъ покушеніямъ, почерпается ими *въ сознаніи того призванія свыше, которое, по предопредѣленію Божественнаго промысла спеціально пекущагося о судьбахъ Германіи* (nach der göttlichen Ordnung der deutschen Dinge) выпало на долю ея колоніи, подвизающейся на отдаленномъ Балтійскомъ взморьѣ.“ За предисловіемъ слѣдуетъ рядъ документовъ, совершенно для насъ новыхъ и крайне поучительныхъ. Мы узнаемъ изъ нихъ, между прочимъ, что права Лютеранской Церкви (въ томъ конечно смыслѣ и объемѣ въ какомъ онѣ истолковываются въ Ригѣ и Дерптѣ) права обезпеченныя *международными трактатами* и составляющія *коренное условіе* политической вѣрности мѣстнаго Протестантскаго населенія, давно уже нарушены и безпрестанно нарушаются Русскимъ правительствомъ: это доказано тамошними юристами, признано всею интеллигенціею края и сообщается Германіи къ свѣдѣнію и руководству. Да-

лѣе, разсказывается подробно, почти по днямъ и по часамъ, какъ завязалась, раскинулась и проникла въ разныя вѣдомства и въ высшее Петербургское общество, ловкая интрига недавно увѣнчавшаяся, при ревностномъ содѣйствіи высоко поставленныхъ лицъ, отмѣною общаго закона о бракахъ между Православными и Лютеранами, не задолго передъ тѣмъ (при изданіи 3^{ей} части свода мѣстныхъ узаконеній) формально распространеннаго и на Балтійскій край; сообщаются подлинные протоколы (разумѣется слѣдователей Лютеранскаго вѣроисповѣданія и Нѣмецкаго происхожденія) о дѣйствіяхъ Православнаго духовенства при крещеніи и миропомазаніи младенцевъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ; наконецъ, пропечатывается рапортъ на Высочайшее имя флигель-адъютанта Графа Бобринскаго, посланнаго для изслѣдованія положенія Православной паствы въ Лифляндіи и его же отчетъ объ этой поѣздкѣ. Для Россіи, все это, разумѣется, государственныя тайны, о которыхъ ей не подобаетъ вѣдать, а теперь, эти секреты, въ Нѣмецкомъ переводѣ, обѣжали Германію, заняли видное мѣсто на выставкахъ Берлинскихъ и Лейпцигскихъ книгопродавцевъ и вся Нѣмецкая публика восторжествовала, прочтя въ нихъ признаніе самаго правительства въ безнравственности средствъ будто бы имъ употребленныхъ и нынѣ еще употребляемыхъ для обращенія Латышей въ Православіе и для удержанія ихъ отъ возврата въ Лютеранство. Эта курьезная брошюра вышла безъ подписи, но въ Лифляндіи имя автора извѣстно всѣмъ.*) Вскорѣ по выходѣ ея за границею, она появилась въ Ригѣ и разошлась очень скоро. Книгопродавцы, не выжидая спроса, разсылали ее по домамъ, что однако не помѣшало Рижской газетѣ заявить

*) Съ тѣхъ поръ какъ это было писано, вышло четыре новыхъ выпуска и авторъ, Г. фонъ Боккъ, вицепрезидентъ Лифляндскаго Гофгерихта, назвался по имени

печатно, что она объ ней ничего не знаетъ.*) Унасъ, Livländische Beiträge значатся въ цензурномъ каталогѣ въ числѣ книгъ запрещенныхъ и къ обращенію не допущенныхъ, чтобъ не раздражать Русскаго, національнаго чувства противъ уроженцевъ Балтійскаго края. Забота конечно похвальная и увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Пасквиль, въ которомъ, удачнымъ подборомъ свидѣтельствъ и документовъ, придано было нѣкоторое правдоподобіе самой безстыдной клеветѣ, остался безъ обличенія, на которое онъ, такъ сказать, напрашивался и которое было бы легко;**) Русское національное чувство избавилось отъ раздраженія вреднаго для здоровья, а тѣмъ временемъ, за границею, Нѣмецкое національное чувство быстро накаливается и раздражается противъ Россіи — точь въ точь какъ во Франціи передъ Польскимъ мятежемъ и во время мятежа.

Въ послѣдніе три года, между Московскими газетами и Рижскими тянулась почти непрерывная полемика объ отношеніяхъ Балтійскихъ губерній къ Россіи, о силѣ мѣстныхъ такъ называемыхъ привилегій, о степени обязательности законовъ издаваемыхъ правительствомъ, о правахъ Русскаго языка, о положеніи Русскихъ обывателей края и о другихъ такого же рода вопросахъ, какъ видно, доселѣ неразрѣшенныхъ. Оказалось, что понятія Русской прессы, по всѣмъ этимъ предметамъ, рѣшительно расходились съ Балтійскими провинціальными воззрѣніями, какъ извѣстно, господствующими и въ высшихъ сферахъ нашей администраціи. Повидимому, имѣя ее на своей сторонѣ,

*) Rig. Zeitung 1867 No. 90.

**) Въ предпослѣднемъ своемъ выпускѣ, издатель Лифляндскихъ вкладовъ, заявляя, что Русская журналистика отвѣтила молчаніемъ на его нападенія, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „опытъ доказалъ еще разъ, что Русскій начинаетъ грубить когда съ нимъ обращаются учтиво, но что стоитъ лишь ему самому нагрубить, чтобъ заставить его замолчать (Livl. Beitr. B. II Lief. II S. 57). Усердно благодаримъ нашу цензуру, своимъ о насъ попеченіемъ, выслужившую намъ эту аттестацію.

Балтійская пресса могла бы и не обращать вниманія на безсильные протесты какихъ нибудь двухъ или трехъ газетъ; но, къ изумленію, она отнеслась къ дѣлу иначе, Почуяла ли она, что эта ею такъ называемая *старорусская* партія есть всё таки ни болѣе ни менѣе какъ сама Россія, начинающая сознавать свое политическое совершеннолѣтіе; повѣялъ ли на нее изъ за границы духъ хвастливой самоувѣренности обуявшій родную Германію — какъбы то ни было, она вышла изъ себя, разгорячилась, растерялась, и, тѣснимая запросами своихъ противниковъ неутомимо обличавшихъ ея извороты, начала очень не кстати выбалтывать свои сокровенныя, заднія мысли. Такая непростительная неосторожность ставила въ самое неловкое положеніе, не столько Рижскую и Дерптскую интеллигенцію, сколько ея Петербургскихъ патроновъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отрекаться за нее отъ приписываемыхъ ей поползновеній и ручаться за политическую ея благонамѣренность, въ виду цѣлаго ряда собственныхъ ея признаній? И вѣдь ничто не помогало. Оттуда, изъ Петербурга, подмигивали, подавали условные сигналы, подсылали надежныхъ людей проповѣдывать сдержанность, а расходившаяся пресса все не одумывалась; или, можетъ быть, она и одумалась, но слишкомъ поздно, когда дѣло зашло такъ далеко, что ей самой стало почти невозможно добровольно отказаться отъ полемики или даже перемѣнить тонъ. Еще годъ или два такой полемики, и — чего добраго — Россія пожалуй узнала бы всѣ тайны своей Балтійской окраины. Пора было придумать противъ этого предупредительныя мѣры, и дѣйствительно придумали. Кто именно? — трудно рѣшить. Сама ли тамошняя интеллигенція выпросила себѣ запрещеніе спорить, или ея покровители прибѣгли къ этому способу, чтобъ выручить ее и себя изъ щекотливаго положенія — это еще не выяснено; во всякомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати, послѣдовало спа-

сительное для нея распоряженіе, извѣстное всѣмъ читателямъ, чтобы Нѣмецкія Балтійскія газеты прекратили національную борьбу съ газетами старорусской партіи *)

Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ неосторожнымъ откровенностямъ; дана была вазможность Балтійской прессѣ раскланяться съ своими противниками и сойти съ поприща состязанія почти съ тріумфомъ, по крайней мѣрѣ, не подвергшись ни малѣйшему порицанію; поданъ былъ вполнѣ основательный поводъ сочувствующей ей заграничной прессѣ протрубить на всѣ лады, что разбитая старорусская партія, въ сознаніи своей немощи, натравила на свою соперницу литературную полицію; наконецъ: у Русскихъ газетъ отнята была возможность продолжать разоблаченіе правды о Балтійскомъ краѣ.

Но этимъ дѣло кончиться не могло.

Два противника долго между собою спорили; вдругъ, одному изъ нихъ велятъ молчать и этимъ прекращаютъ споръ конечно не безъ причины. Кто нибудь употребилъ свободу слова во зло, а можетъ провинились оба. Но литературная полиція ни въ чемъ не упрекаетъ Балтійской прессы, а только отнимаетъ у нея слово. Ктожь провинился?

На этотъ вопросъ дала отвѣтъ Сѣверная Почта въ передовой статьѣ 9/21 Ноября 1867 года. Газета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ни на кого прямо не глядитъ и никого не называетъ по имени; она только раскладываетъ передъ публикою богатые матерьялы, припасенные ею для будущаго приговора, имѣющаго обрушиться на когото. Матерьяловъ дѣйствительно такъ много, что разбѣгаются глаза и становится жутко. Послушайте: „вредныя, по своей раздражительности формы,

*) Я привожу версію иностранныхъ газетъ, такъ какъ Русскій текстъ у насъ, кажется, оффиціально обнародованъ не былъ

крайность взглядовъ и направленій, поверхностная оцѣнка постановленій, опрометчивое осужденіе системы законодательства и управленія, произвольное и оскорбительное сравненіе дѣлъ Прибалтійскихъ губерній съ дѣлами западнаго края, возбужденіе не основательныхъ подозрѣній, распространеніе не основательныхъ нареканій, неправильная постановка вопросовъ, невѣрная оцѣнка правительственныхъ распоряженій“ и т. д. Какъ послѣдствія всего этого: „распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ опасеній на счетъ цѣлаго ряда принудительныхъ мѣръ, водвореніе мысли, что правительство систематически стремится къ стѣсненію гарантированной свободы Протестантскаго вѣроисповѣданія и Нѣмецкаго языка, отголосокъ тойже мысли въ заграничной печати, возбужденіе племенной неприязни, упорное заявленіе подозрѣнія и недовѣрія, усилія возстановить одинъ классъ общества противъ другаго“ и т. д. и т. д. А все это оттого, что „нѣкоторыя газеты *постоянно обращаются къ дѣламъ Прибалтійскаго края и обсуживаютъ или возбуждаютъ вопросы, имѣющіе отношеніе къ этимъ дѣламъ*“ — такими словами начинается статья. Какія же это однако газеты надѣлали столько бѣдъ? Балтійскія не *обращаются* къ дѣламъ Прибалтійскаго края; это ихъ спеціальность, домашняя ихъ среда, въ которой онѣ живутъ. Стало быть: виною всему газеты Русскія.*)

Дѣло ясно: правительство, или точнѣе, вѣдомство уполномоченное отмѣривать Русскому обществу паёкъ свободы на умственное его продовольствіе, желаетъ избавиться отъ нашихъ медвѣжьихъ услугъ. Мы мѣшаемъ ему. Безъ насъ, побесѣдовавъ наединѣ съ Балтійскою интеллигенціею, какъ слѣдуетъ, по Нѣмецки, оно гораздо скорѣе сговорилось бы съ нею и порѣшило бы всѣ вопросы къ обоюдному

*) Такъ понята была статья Сѣверн. Почты во всей Германіи, да и нельзя было понять ее иначе.

удовольствію; потомъ, по подписаніи мировой, можнобы было объявить намъ, въ общихъ выраженіяхъ, объ этомъ счастливомъ событіи, и намъ оставалосьбы только благодарить и славить. *Кажется, я понялъ вѣрно?*

Отказаться отъ роли непрошенныхъ наблюдателей и убраться по добру по здорову пока насъ окончательно не вытолкали, былобы конечно сообразно съ Русскою лѣнью и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, благоразумно; сомнительно только, чтобы дѣла отъ этого дѣйствительно пошли лучше. Я даже позволяю себѣ думать противное и объясню почему.

Еслибы шла рѣчь о заграничномъ займѣ или о заключеніи договора съ иностранною державою, всякій бы понялъ необходимость тайны и вредъ огласки. Но дѣла, къ которымъ Сѣверная Почта совѣтуетъ намъ не *обращаться*, вовсе не такого свойства. Въ Балтійскомъ краѣ, прежде всего, предстоитъ выяснить понятіе объ отношеніи одной части государства къ цѣлому государству и провести въ жизнь практическіе выводы изъ этого понятія. Иными словами: нужно, чтобъ три губерніи, въ настоящее время разобщенныя съ Россіею *и стремящіяся къ еще большему разобщенію съ нею* (я это докажу въ своемъ мѣстѣ) убѣдились наконецъ, что онѣ составляютъ не передовое укрѣпленіе Германіи, какъ онѣ охотно себя величаютъ, а западную, приморскую окраину Россіи, и потому признались бы себя всецѣло, безоговорочно и навсегда связанными въ настоящемъ и въ будущемъ съ судьбою послѣдней. Что ни Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, ни какія либо иныя власти не должны бы имѣть другой цѣли,*)

*) Говорю: не *должныбы* имѣть и думаю, что *не имѣютъ*, но въ Балтійскихъ губерніяхъ думаютъ иначе. Г. фонъ Боккъ, вицепрезидентъ Лифляндскаго Гофгерихта, повѣствуетъ между прочимъ слѣдующее, ссылаясь на свидѣтельство очевидца, притомъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ центральной коммиссіи для судебной реформы. На одномъ изъ засѣданій

тому непререкаемымъ свидѣтельствомъ служатъ знаменательныя слова недавно произнесенныя самимъ Государемъ Императоромъ въ г. Ригѣ. Въ изысканіи и примѣненіи законодательныхъ и административныхъ мѣръ къ ея достиженію, правительство свободно; ничье мнѣніе его не связываетъ; но для успѣха, нужно одно, существенное условіе, важность котораго вполнѣ можетъ быть оцѣнена нами именно теперь, съ тѣхъ поръ какъ мы лишились его въ сѣверозападномъ краѣ. Нужно, чтобъ мѣстная интеллигенція убѣдилась окончательно въ томъ, что дѣйствія власти исходятъ не изъ случайнаго расположенія или воззрѣнія того или другаго лица, хотябы и самаго Самодержца, а отвѣчаютъ на потребности *сознанныя* всею землею; и что поэтому, въ будущемъ, не мыслимо повтореніе такого перелома въ нашей внутренней политикѣ, какой произошелъ на другой день по кончинѣ Императрицы Екатерины II, когда ея преемникъ, однимъ взмахомъ, сбилъ вызрѣвавшіе плоды долголѣтнихъ ея насажденій.*) А

помянутой коммиссіи, бывшій Генералъ-Губернаторъ Графъ Шуваловъ выразилъ мысль, что введеніе суда присяжныхъ *было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для онѣмеченія Латышей*, такъ какъ уже *окончательно признано, что языкомъ судопроизводства долженъ быть и оставаться Нѣмецкій*. „*Я*—продолжалъ Графъ Шуваловъ—*стою за введеніе присяжныхъ*, но, еслибъ я былъ на мѣстѣ Государя, *который не хочетъ, чтобы сельское народонаселеніе онѣмечилось*, то я исполнилъ бы желаніе дворянства и, не установляя присяжныхъ, не далъ бы Остзейскимъ провинціямъ могучаго орудія германизаціи“ (Livl. Beitr. B. I. Lief. III S. 20). Если это правда, то не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію, что Генералъ Губернаторъ счелъ себя призваннымъ учить Нѣмцевъ какъ лучше нѣмечить Латышей (точно они нуждаются въ этой наукѣ) въ противность извѣстной ему волѣ Государя; а если ученый юристъ, призванный правительствомъ на совѣтъ въ важномъ дѣлѣ судебной реформы, или его пріятель, вицепрезидентъ Гофгерихта, прилыгаетъ, то пусть эта новая клевета причтется къ длинному списку всякаго рода напраслинъ пущенныхъ въ ходъ тѣмъ же публицистомъ, и пусть то лице, котораго на сей разъ клевета коснулась, испытаетъ на себѣ общую участь всѣхъ Русскихъ дѣятелей въ Балтійскомъ краѣ большихъ и малыхъ.

*) Такого же рода переломъ, разумѣется въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, совершился въ 1847 году, при назначеніи въ Ригу Князя Суворова.

можетъ ли установиться такое убѣжденіе и есть ли какое нибудь основаніе ожидать добровольнаго отреченія отъ надеждъ, къ сожалѣнію находящихъ себѣ въ прошедшемъ полное оправданіе, если, съ той точки зрѣнія, на которой упорно держится интеллигенція окраины, она не будетъ ни видѣть, ни слышать Русскаго общества, стоящаго за спиною правительства и поддерживающаго своимъ сочувствіемъ дѣйствія власти? Для уясненія моей мысли, я приведу примѣръ. Въ Балтійскомъ краѣ издавна распущенъ и тщательно поддерживается слухъ, будтобы Государь Императоръ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, сказалъ когда то, что „въ его царствованіе конечно не останется въ Остзейскихъ губерніяхъ ни одного Православнаго Епископа." Я знаю, что это миѳъ, подобный многимъ другимъ, изобрѣтаемымъ Нѣмецкими агитаторами съ цѣлью смущать народъ; не менѣе того, не далѣе какъ въ прошломъ году, авторъ брошюры изданной въ Берлинѣ счелъ не лишнимъ напомнить печатно объ этомъ мнимомъ обѣщаніи.*) Мудрено ли, что пока подобные слухи бродятъ въ краѣ и находятъ вѣру, правительственныя распоряженія по отводу мѣстъ для постройки церквей и помѣщенія Православныхъ школъ встрѣчаютъ упорное недовѣріе, парализуются систематическимъ противодѣйствіемъ, и приводятъ къ результатамъ, въ которыхъ стыдно признаться? И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ тѣ кому подобаетъ объ этомъ знать не услышатъ и не убѣдятся, что церковная хоругвь, водруженная на Балтійскомъ поморіѣ, охраняется не только волею Самодержца, но еще и другою силою, имъ же вызванною, имъ воспитанною и ему преданною — я разумѣю общественное мнѣніе Православной Россіи. Дѣятель одаренный нѣкоторою долею политическаго такта, увидалъ бы въ

*) Livl. Beitr. B. 1. Lief. 1 S. 88

содѣйствіи этой силы, не посягательство на свободу правительства и не помѣху, а подкрѣпленіе и оправданіе его дѣйствій; онъ не сталъ бы на нее коситься, даже если бы способъ ея выраженія былъ ему лично не сочувственъ; онъ понялъ бы, что именно въ Балтійскомъ краѣ, нужно, чтобы все мѣстное, интеллигентное общество, такъ сказать, перевоспиталось по отношенію къ Россіи что для этого недостаточно законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ и, что желанное сближеніе въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ никогда не послѣдуетъ, пока Балтійское общество, съ одной стороны, Русское съ другой, будутъ стоять другъ противъ друга и безмолвствовать. Онъ не побоялся бы предоставить обѣимъ сторонамъ одинаковую, полную свободу сужденія и спора, со всѣми ея неизбѣжными увлеченіями и крайностями, хотябы наконецъ для того, чтобы домашніе вопросы и недоразумѣнія разрѣшались и улегались дома, не разжигая за предѣлами государства международныхъ страстей. Все это такъ очевидно, что противоположный образъ дѣйствія, эти старанія цензурной полиціи развести спорящихъ по угламъ, отнять у нашей журналистики охоту и возможность *обращаться* къ дѣламъ Балтійскаго края, спрятать ихъ отъ насъ и порѣшить ихъ за спиною Россіи, не только не укрѣпляютъ въ обществѣ довѣрія къ правительству, а производятъ обратное, прискорбное дѣйствіе.

Есть и другая причина мѣшающая намъ послѣдовать внушенію Сѣверной Почты и заставляющая насъ напрягать взоры, чтобъ высмотрѣть правду сквозь напущенный туманъ, застилающій отъ насъ нашу Балтійскую окраину. Это свѣжее восломинаніе о томъ, какъ мы, весьма недавно, едва было не проспали Польши съ сѣверозападнымъ краемъ. А, кажется, чего тамъ не было? Намѣстники и Генералъ-Губернаторы облеченные заслуженнымъ довѣріемъ власти; при нихъ: разнаго рода полиціи, самыя тайныя, просто

тайныя и явныя, тысячи глазъ и ушей, казенныя перья, казенныя деньги и ружья, словомъ: полный аппаратъ власти, вооруженной всѣми аттрибутами, и въ добавокъ — невозмутимое безмолвіе Русскаго общества, никакого съ этой стороны нескромнаго любопытства, никакого подобія политической прессы. И чтоже? Эта всевидящая, всюду проникающая власть ручалась за спокойствіе края, въ то время какъ заговоръ копался подъ ея ногами; она скрѣпляла своими завѣреніями и пересылала въ Петербургъ вѣрноподданническіе адресы мѣстныхъ сословій, въ то время какъ эти сословія смыкались въ мятежническую организацію, припасали оружіе и обмѣнивались сигналами съ своими заграничными вожаками. Принимая за признакъ благонамѣреннаго консерватизма ревность, съ которою ея чиновники высматривали не гнѣздится ли гдѣ нибудь въ деревняхъ зловреднаго коммунизма, любуясь азартомъ, съ которымъ дворянскіе предводители накидывались на крестьянъ *якобы бунтовавшихъ*, то есть взывавшихъ къ правительству о защитѣ и помощи, она, эта всевѣдущая власть, распиналась за вѣрность своихъ сослуживцевъ и отвергала съ негодованіемъ всякое сомнѣніе въ ихъ политической благонадежности; а между тѣмъ, эти предводители систематически портили народъ, соблазняя его обѣщаніями и стращая его грозою Русской военной силы; эти чиновники по особымъ порученіямъ объѣзжали край съ казенными подорожными для формированія будущихъ шаекъ, а секретари передавали конфиденціальныя бумаги организаторамъ возстанія. Поплатившись такъ дорого за это ослѣпленіе, не пора ли наконецъ уразумѣть, что оно происходило не отъ случайныхъ причинъ, *а отъ свойства зрительнаго органа власти*, отъ котораго, по особенностямъ его конструкціи, цѣлые порядки явленій ускользаютъ очень часто и очень легко, по крайней мѣрѣ гораздо чаще и легче чѣмъ отъ цѣлаго общества? ....

Я однако чуть не забылъ, что намъ запрещено напоминать, по поводу Прибалтійскихъ Губерній, о западномъ краѣ и что такое сопоставленіе объявлено Сѣверною Почтою *произвольнымъ* и *оскорбительнымъ*.*)

Такъ какъ я не хочу прибѣгать къ натяжкамъ а тѣмъ менѣе къ оскорбленіямъ, и всётаки не усматривая причины отказатся отъ права сближать однородныя явленія для взаимнаго ихъ уясненія, то позволю себѣ, въ отвѣтъ на приговоръ газеты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, высказать разъ навсегда въ чемъ, по моему мнѣнію, заключается сходство и въ чемъ разница.

Послѣ недавняго, горькаго опыта нашего въ Польшѣ и въ западномъ краѣ, мы безспорно значительно поумнѣли. Мы на примѣръ знаемъ, что когда въ какомъ либо вѣдомствѣ или присутственномъ мѣстѣ начинаютъ группироваться чиновники съ фамиліями на *вичъ* или *ски*, то не мѣшаетъ смотрѣть въ оба, какъ бы Польская справа, разбитая на другихъ пунктахъ, не свила себѣ въ этомъ мѣстѣ новаго гнѣзда; мы намотали себѣ на усъ, что пѣнье возмутительныхъ гимновъ въ костелахъ служитъ признакомъ начинающагося броженія и предвѣщаетъ близкое появленіе процессій на улицахъ, а потомъ и вооруженныхъ шаекъ въ лѣсахъ. Все это очень вѣрно высмотрѣно; а такъ какъ ничего подобнаго въ Балтійскихъ губерніяхъ не видно, да и предполагать нельзя, то мы выводимъ отсюда, что между ними и западнымъ краемъ ничего нѣтъ общаго. Такое заключеніе, мнѣ кажется, не вполнѣ основательно; оно доказываетъ, что въ нашей памяти отпечатлѣлся собственно только *мятежъ*, въ типическомъ образѣ шляхтича, съ закрученными усами и откидными рукавами, тогда какъ, про закулисныя пружины и общіе пріемы политической интриги, которыми иногда дѣйствительно

*) См. цитованную выше статью 5/21 Нояб. 1867.

подготовляются революціонные взрывы, и иногда, совершенно иными средствами, втихомолку, безъ всякаго нарушенія благочинія, безъ выстрѣловъ, безъ набата и шитыхъ знаменъ, преобразуется духъ цѣлой страны — мы какъ будто ужъ начинаемъ забывать. При всемъ ихъ разнообразіи, эти пріемы сводятся окончательно къ четыремъ главнымъ: пропагандѣ въ деревняхъ, пропагандѣ въ министерствахъ и столичныхъ гостиныхъ, подрыву личныхъ репутацій и наконецъ: журнальной агитаціи за границею. Обыкновенно, начинаютъ съ пропаганды въ деревняхъ. Цѣль ея: отвлечь отъ правительства и отъ господствующей народности довѣріе и сочувствіе массъ. Для этого не требуется ни особеннаго краснорѣчія, ни правдоподобія вымысловъ, ни убѣдительности доводовъ; дѣло сподручно всякому; но необходимо, чтобъ за него брались многіе, единовременно, на разныхъ пунктахъ, и долбили бы постоянно по одному мѣсту, пуская въ ходъ всякаго рода небылицы приспособленныя къ понятіямъ простонародья, перетолковывая въ дурную сторону распоряженія власти, благоразумно умалчивая о дѣйствіяхъ ея явно благопріятныхъ для большинства, наконецъ — это самое эффектное средство — выискивая, даже создавая поводы обносить народъ передъ правительствомъ и наводить на деревни военныя экзекуціи, хотя бы замаскированныя простою перемѣною въ дислокаціи войскъ (какъ это теперь дѣлается въ Балтійскихъ Губерніяхъ). Этого рода пропаганда дѣйствуетъ конечно медленно, но вѣрно, и хороша тѣмъ, что высмотрѣть ее изъ Петербурга довольно трудно.

Второй пріемъ, пропаганда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, употребляется для предупрежденія или обезсиленія всякаго противодѣйствія со стороны мѣстъ и лицъ, отъ которыхъ можно ожидать его, для устраненія серьезнаго обсужденія представляемыхъ проэктовъ, для испрошенія разрѣшеній на всякаго рода ходатайства

екстралегальнымъ путемъ, вообще: для образованія въ центрѣ правительства какого нибудь, по возможности, изолированнаго и независимаго учрежденія (Статсъ-секретаріата или комитета) въ которомъ бы сосредоточивались всѣ дѣла извѣстной области, и въ которомъ бы засѣдали, разумѣется, только люди безгласные или такіе какіе нужны. Рука объ руку идетъ пропаганда въ гостиныхъ. Здѣсь, на легкой, воспріимчивой почвѣ, опытными руками разбрасываются сѣмена сомнѣній въ правотѣ самыхъ законныхъ требованій правительства и опорочиваются употребляемыя имъ средства. Запавшее сомнѣніе скоро порождаетъ ложный стыдъ, потомъ раскаяніе, а эти чувства располагаютъ къ уступкамъ въ видахъ искупленія мнимыхъ несправедливостей.

Третій пріемъ служитъ для раздѣлки съ лицами, въ какомъ бы то ни было отношеніи, опасными для интриги, и которыхъ нельзя ни провести, ни подкупить, ни застращать. Въ этихъ случаяхъ, почти всегда удается голословное заподозрѣваніе въ радикальности убѣжденій, въ политической неблагонадежности, въ возмутительныхъ замыслахъ, словомъ — доносъ.

Въ довершеніе, подогрѣвается заграничная журналистика, которая переноситъ домашнее дѣло въ область между-народныхъ вопросовъ и ставитъ мѣстную интригу подъ защиту общественнаго мнѣнія разжалобленной Европы.

Пусть теперь придумаютъ для этой тактики какое хотятъ названіе, хоть самое мягкое. Пусть это будетъ не агитація, не интрига, а пожалуй „естественная заботливость объ охраненіи мѣстныхъ, временемъ освященныхъ особенностей" (какъ выражается обыкновенно Сѣверная Почта) — я спорить не буду; но позволю себѣ сказать, что тотъ лишь кто слѣпъ, или нарочно закрываетъ глаза, можетъ не узнать въ очерченныхъ пріемахъ стратегическаго плана

издавна усвоеннаго Балтійскою интеллигенціею и приводимаго ею въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ.

Попробуйте сблизиться съ простымъ Латышемъ настолько, чтобъ онъ отложилъ свою подозрительность; постарайтесь заставить его разговориться, разумѣется не въ присутствіи Орднунгсъ-рихтера, а въ избѣ, корчмѣ или на охотѣ, и вы услышите о Русскомъ правительствѣ, о Россіи, о Православной вѣрѣ, курьезы такого же точно свойства и тойже фабрикаціи, какими наполняются столбцы мелкихъ и дешевыхъ газетъ закупленныхъ Поляками. Вы спросите: „отъ кого научился ты всей этой мудрости?“ и получите въ отвѣтъ: „право не умѣю сказать — всё говорятъ: пасторъ, кистеръ, форминдеръ, управляющій, арендаторъ, лѣсничій, малоли кто! Даже въ нашихъ Латышскихъ газетахъ пишутъ“ — „И ты всему этому вѣришь? — „Да какъ сказать! Не то чтобы твердо вѣрилъ, можетъ и привираютъ; а все побаиваюсь вашихъ. У васъ вѣдь всё казаки, такіе вотъ какихъ нагоняютъ лупить нашего брата нагайками . . . Царь вашъ (всегда *вашъ* или *Русскій*) добрый — это мы слышали, да гдѣ ему узнать про насъ? Не доберешься до него; наши вотъ много разъ пробовали, всё какъ то не удавалось“ и т. д. — Я говорю это не по догадкѣ, а на основаніи наблюденій, свѣдѣній и свидѣтельствъ самыхъ достовѣрныхъ, изъ разныхъ источниковъ, говорю съ полнымъ убѣжденіемъ. Изъ пасторатовъ и помѣщичьихъ усадьбъ, черезъ посредство прикащиковъ, писарей, кистеровъ, школьныхъ учителей и всякаго рода церковныхъ и мызныхъ служителей, черезъ Латышскія газеты издаваемыя Лютеранскимъ духовенствомъ, особенно же черезъ онѣмеченныхъ Латышей и Эстовъ,*) идетъ по всему краю антирусская пропаганда, начавшаяся давно

*) Такіе теперь ужъ попадаются. Это послѣдній продуктъ Нѣмецкой фабрикаціи, самое надежное орудіе для угнетенія массъ.

и значительно усилившаяся съ 1845 года. Цѣль ея: потрясти въ массахъ ихъ сочувствія и надежды обращенныя къ правительству и къ Россіи.*) Она работаетъ безъ устали, не пренебрегая ничѣмъ и, своими комментаріями, сопровождающими каждое слово и дѣйствіе власти, придаетъ имъ такое значеніе, какого конечно въ Петербургѣ никто и не подозрѣваетъ. Близко незнакомому съ процессомъ образованія народныхъ понятій, доказать это довольно трудно; ибо каждый фактъ, который бы я могъ привести, взятый отдѣльно, непремѣнно долженъ показаться случайнымъ и ничтожнымъ; значеніе и силу онъ пріобрѣтаетъ только въ массѣ другихъ фактовъ совершенно однородныхъ и безпрестанно повторяющихся. Поэтому, не обѣщая того чего дать нельзя, то есть полнаго доказательства, я представлю нѣсколько случаевъ, за достовѣрность которыхъ могу поручиться, въ видѣ примѣровъ взятыхъ на удачу, прося читателя мысленно помножить каждый изъ нихъ на сотни тысячь. По поводу недоразумѣній возникшихъ въ Рижской эпархіи относительно примѣненія Высочайшаго повелѣнія, которымъ отмѣнены были предбрачныя обязательства о крещеніи въ Православной вѣрѣ дѣтей рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, состоялось другое Высочайшее повелѣніе такого содержанія: „чтобы при заключеніи браковъ (между Православными и Лютеранами) не возбуждалось произвольныхъ и неправильныхъ затрудненій посредствомъ требованія предварительнаго исполненія или соблюденія такихъ условій, исполненіе или соблюденіе которыхъ не требуется или доселѣ, мѣстнымъ духовенствомъ (Православнымъ), не требовалось.“ Это значило, чтобы наши священники не вмѣняли въ непремѣнную обязанность Православнымъ (жениху или невѣстѣ) быть у исповѣди и у Св. При-

*) Подробнѣйшія свѣдѣнія читатели найдутъ во второмъ выпускѣ, въ запискахъ Латыша.

частія до сочетанія бракомъ, и не вызывали бы ихъ къ себѣ для увѣщанія. Между тѣмъ, въ Лютеранской церкви, по заведенному порядку, не бывшихъ на конфирмаціи не вѣнчаютъ и пасторы никогда не упускали вызывать къ себѣ своихъ прихожанъ заявлявшихъ желаніе вступить въ бракъ съ Православными, для увѣщанія и отклоненія ихъ отъ такихъ браковъ. Все это такъ естественно, что еслибъ даже вздумали запретить это, то запрещеніе осталось бы мертвою буквою. Приведенное Высочайшее повелѣніе относилось исключительно до Православнаго духовенства; но Лютеранское, по домогательствамъ котораго оно было испрошено, поспѣшило огласить его по всѣмъ приходамъ, съ присовокупленіемъ къ нему комментаріевъ въ родѣ слѣдующаго: „вы видите, что *Русскій* царь гораздо благосклоннѣе расположенъ къ намъ чѣмъ *къ Русскимъ попамъ*, и ближе принимаетъ къ сердцу интересы нашей вѣры чѣмъ *Русской*. Попамъ, онъ строго запрещаетъ удерживать своихъ отъ браковъ съ нашими, а намъ не мѣшаетъ оберегать своихъ отъ браковъ *съ Русскими*." Въ Петербургѣ скажутъ, что это нелѣпо и улыбнутся; но вѣдь и распространяется этотъ толкъ не въ Петербургѣ, а въ Лифляндскихъ деревняхъ. Повѣрьте: пасторы хорошо знаютъ съ кѣмъ они имѣютъ тамъ дѣло. Латышъ ребёнокъ, у котораго все еще первый вопросъ на умѣ: что думаетъ *Царь*, какъ *онъ* смотритъ на дѣло, что *онъ* скажетъ и чего *онъ* желаетъ? Со временемъ, очень можетъ быть, что ожиданія Латышей обратятся въ иную сторону, и что они научатся интересоваться въ тойже степени какимъ нибудь другимъ лицемъ, хоть бы на примѣръ Королемъ Прусскимъ;*) но пока, имъ все еще смер-

*) Въ сороковыхъ годахъ, въ Царствѣ Польскомъ, одна деревня, въ продолженіи многихъ лѣтъ, подавала жалобы на своего помѣщика и на мѣстныхъ чиновниковъ губернатору, фельдмаршалу, самому Государю. Наконецъ, не получая удовлетворенія, и видя, что всѣ просьбы возвращаются

тельно хочется проникнуть въ мысли Русскаго Царя, а истолкователи его мыслей и его желаній — пасторы и помѣщики.

Вотъ другой примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжая черезъ Лифляндію, Государь Императоръ былъ на охотѣ и ночевалъ, кажется, въ лѣсу. Мѣстные дворяне приготовили для него павильонъ и испросили позволенія, въ продолженіи ночи, поочередно, стоять на караулѣ съ ружьями у дверей спальни (я ручаюсь за достовѣрность не факта, а слуха ходившаго по всему краю). Что могло быть благонамѣреннѣе и ктобы догадался, что это была своего рода политическая манифестація направленная противъ крестьянъ? А вотъ что было распущено на другой день въ народѣ и что обошло окрестность: Русскій царь не довѣряетъ Латышамъ и потому призвалъ къ себѣ на ночь дворянскую стражу. Кому извѣстна натянутость отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Балтійскомъ краѣ, кто знаетъ, что неестественный порядокъ вещей въ тамошнихъ селахъ поддерживается коёкакъ только потому, что простой народъ все еще ожидаетъ дѣйствительнаго улучшенія въ своемъ быту именно отъ Русскаго Царя и только отъ него, тотъ пойметъ какое впечатлѣніе на массу долженъ былъ произвести этотъ распущенный слухъ. Но, разумѣется, о такихъ мелочахъ Орднунгсъ-рихтеры (мѣстные помѣщики) не доносятъ, и Губернаторы (тоже мѣстные помѣщики) посовѣстились бы утруждать въ своихъ отчетахъ Высочайшее вниманіе подобными брѣднями грубой черни. А между тѣмъ, брѣдни, мало по малу, дѣлаютъ свое дѣло; капля за каплею, падая въ одно мѣсто, пробиваетъ камень; когда нибудь онъ намъ понадобится, этотъ

окончательно къ тѣмъ же гминнымъ войтамъ и чиновникамъ, крестьяне, съ отчаянія, обратились къ Прусскому Королю. Это было оффиціально дознано. Такой же случай былъ и въ Волынской Губерніи; но тамошніе крестьяне обратились къ Австрійскому Императору, должно быть по сосѣдству.

камень, его же небрегоша зиждущіе, только тогда мы замѣтимъ, къ не малому своему изумленію, что онъ треснулъ во всю длину. — Вотъ еще фактъ, въ другомъ родѣ, изъ самыхъ мелкихъ. Одинъ пасторъ недавно *прослушивалъ**) мальчиковъ обучавшихся грамотѣ и велѣлъ имъ принести съ собою тетрадки, чтобы судить о ихъ почеркѣ. Въ числѣ другихъ, явился девятнадцатилѣтній юноша, который учился у Православнаго священника и писалъ по Русски. Пасторъ всѣми остался доволенъ, но когда ему была подана Русская тетрадка, онъ вышелъ изъ себя, бросилъ ее на полъ, а ученика вытолкалъ въ шею. Скажутъ, что объ этомъ и подавно не стоило бы говорить. Въ самомъ дѣлѣ: велика бѣда! Если и вытолкалъ, такъ вѣроятно потому, что ученикъ нагрубилъ экзаминатору, или, можетъ быть, послѣднему не понравилась небрежность почерка. Вѣдь нельзя же доказать, что онъ остался недоволенъ именно Русскимъ письмомъ? — Все это можетъ быть и я даже убѣжденъ, что еслибы дѣло было изслѣдовано Орднунгсъ-рихтеромъ или совѣтникомъ Лютеранской консисторіи, то непремѣнно оказалосьбы, что кругомъ виноватъ ученикъ и что, для егоже пользы, нужно, чтобъ онъ учился письму не у Православнаго священника а у школьмейстера; но повторяю: вся сила въ томъ, что такихъ *случаевъ*, ничтожныхъ и ничего не доказывающихъ, можно бы насчитать сотни и тысячи. Каждый изъ нихъ взятый порознь почти неуловимъ, а если вы захотите составить себѣ понятіе о значеніи многихъ такихъ случаевъ въ совокупности, то вамъ поможетъ Лифляндскій корреспондентъ Г. фонъ-Бокка, заявляющій между прочимъ слѣдующее: „довольно знаменательно, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне у насъ точно помѣшались на Русскомъ языкѣ, т. е. непремѣнно хотѣли

*) Мѣстный терминъ, значитъ: экзаменовать передъ конфирмаціею.

учиться по Русски (правительство и Русское общество конечно объ этомъ ничего не знали, да и не хотѣли знать). Въ то время, мы должны были уступить этому стремленію и, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ приходскихъ школъ, ввести Русскій языкъ въ число предметовъ обученія. Но видно, что потребность была однако не очень сильна, потому — что народъ этимъ удовлетворился и теперь никто уже не спрашиваетъ учатсяли дѣти по Русски и какъ учатся Совсѣмъ не то съ языкомъ Нѣмецкимъ! Черезъ нашу приходскую школу прошло 187 учениковъ; всѣ они очень изрядно говорятъ по Нѣмецки и, теперь, начинаютъ ощущать потребность въ женахъ также на Нѣмецкій ладъ образованныхъ (deutsch gebildeten Frauen) .... Теперь, сами крестьяне просятъ объ открытіи Нѣмецкой школы для дѣвочекъ. Въ нашемъ приходѣ насчитывается уже 28 хозяевъ образованныхъ въ Нѣмецкомъ духѣ и они теперь пріискиваютъ себѣ женъ къ нимъ подходящихъ... Другая община тоже изъявила желаніе, чтобы въ ея школѣ введено было обученіе Нѣмецкому языку ... Все это очень знаменательно, особенно въ настоящее время, когда насъ хотятъ осчастливить сверху *православнымъ* языкомъ (mit der orthodoxen Sprache) — наша (Нѣмецкая) школа процвѣтаетъ; согласитесь, что это настоящій шагъ впередъ, *притомъ шагъ на пути къ Германизму* ... Надобно прибавить, что съ другой стороны, крестьяне вразумляются отталкивающимъ видомъ Русскихъ школъ (das abschreckende Bild der Russischen Schule) ... Въ послѣднее время, предусмотрительные люди сочли за нужное коёчто сообщить наиболѣе развитымъ крестьянамъ о поползновеніяхъ руссифицировать край,*) но, узнавъ чего отъ нихъ ожидаютъ, крестьяне презрительно улыбнулись.“**)

*) Легко можно себѣ представить *что* сообщалось и въ *какомъ видѣ* сообщалось!

**) Livl. Beitr. B. II Lief. 11 S. 70. 71

Итакъ, фактъ заявленъ и на свидѣтельство торжествующаго очевидца, кажется, можно положиться: еще недавно крестьяне настоятельно требовали, чтобъ ихъ учили по Русски; теперь, они совершенно охладѣли къ Русскому языку и стараются преобразиться въ Нѣмцевъ. Это значитъ, что прежде они тянули къ Россіи, а теперь тянутъ къ Германіи. Въ какихъ нибудь двадцать лѣтъ, совершился въ ихъ настроеніи рѣшительный переворотъ. Спрашивается: сдѣлалось ли это случайно, такъ, само собою, безъ чьего либо старанія, или эта нынѣ громко заявляемая побѣда мѣстнаго Германизма надъ Россіею была плодомъ той неуловимой пропаганды, о которой ничего не знали и не знаютъ наши Генералъ-губернаторы?

Я упомянулъ о систематической клеветѣ на народъ и о военныхъ экзекуціяхъ, какъ о средствѣ застращиванія крестьянъ грозою Русской власти: знаю напередъ, что мнѣ не повѣрятъ, а скажутъ, что это клевета; но не угодноли сперва прочесть со вниманіемъ слѣдующія двѣ бумаги списанные мною съ подлинниковъ.

Въ 1848 году, отъ 28 Мая, за № 2603, Эстляндскій Губернаторъ (тамошній матрикулированный дворянинъ) по объѣздѣ двухъ уѣздовъ, писалъ Генералъ-губернатору Князю Суворову*) „ich erachte mich für ver-

---

*) Считаю себя обязаннымъ довести до свѣдѣнія Вашей Свѣтлости, что я нашелъ въ окрестностяхъ Гапсаля крестьянъ въ *замѣтно дурномъ расположеніи*. А именно: Пашлепскіе крестьяне — тѣ самые, у которыхъ происходило столкновеніе съ карауломъ въ Гапсалѣ — оказались виновными въ нѣсколькихъ *неважныхъ* ослушаніяхъ (противъ кого?). Выборные отъ другой общины *жаловались на тягость лежащей на нихъ податной недоимки* и говорили о невозможности очистить ее при томъ *скудномъ количествѣ земли*, которымъ они пользуются, хотя, не далѣе какъ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они заключили *добровольные контракты* (мы знаемъ, что значитъ добровольный контрактъ съ неграмотными крестьянами не имѣющими закономъ опредѣленнаго права на землю!) каковыми контрактами приняли на себя уплату подушныхъ. Третья община жаловалась на *притѣсненіе ея требованіемъ усиленныхъ работъ* и происходившія при этомъ *противозаконныя наказанія*, тогда какъ, съ другой стороны, управляющій имѣніемъ, *онъ же*

pflichtet, Ew. Durchlaucht zugleich zu berichten, dass ich in der Hapsal'schen Gegend eine sehr merkliche Verstimmung der Bauern gefunden habe. Namentlich hatten die Bauern von Paschlep — eben dieselben, welche den Conflict mit der Wache in Hapsal gehabt haben — sich wiederholentlich kleiner Ungehorsamsfälle schuldig gemacht. Die Deputirten einer anderen Gemeinde beschwerten sich über ihre grosse Kopfsteuer-Restanz und sprachen von der Unmöglichkeit, dieselbe bei den beschränkten, von ihnen besessenen Ländereien zu entrichten, obwohl sie erst vor wenigen Jahren freiwillig Contracte mit der Uebernahme der Kopfsteuer abgeschlossen hatten. Eine dritte beschwerte sich über Bedrückung durch erschwerte Arbeit und widerrechtliche, bei dieser Gelegenheit vorgekommene Bestrafungen, während der Verwalter dieses Gutes, welcher Arrendator ist, seinerseits über mangelhafte Leistungen und Ungehorsam geklagt hatte. Ich habe allen diesen Sachen den gesetzlichen Gang angewiesen, und wenn sie auch eine befriedigende Erledigung erhalten sollten, so scheint mir dennoch die Anwesenheit von Truppen nothwendig, um sogleich dem leisesten Ausbruch von Excessen auf wirksame Weise entgegentreten zu können. Ich wage deshalb meine bereits mündlich ausgesprochene Bitte Ew. Durchlaucht zu wiederholen, dass baldmöglichst wenigstens ein Linienregiment

---

и арендаторъ (и вѣроятно орудующій, по передачѣ отъ помѣщика, вотчинною, патримоніальною юрисдикціею?) жаловался на неисправности въ работахъ и ослушанія. Всѣмъ этимъ дѣламъ я далъ законный ходъ, но, хотя бы онѣ даже получили удовлетворительное разрѣшеніе, я всё таки нахожу *присутствіе войскъ необходимымъ*, дабы немедленно, самымъ, рѣшительнымъ образомъ, *сдержать малѣйшее обнаруженіе безпорядковъ*. Потому, осмѣливаюсь повторить Вашей Свѣтлости мою, передъ, этимъ словесно выраженную просьбу о скорѣйшемъ командированіи въ Эстлянд. Губернію *по крайней мѣрѣ одного линейнаго полка въ мое распоряженіе*, для размѣщенія его по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ, *по настроенію крестьянъ*, это окажется нужнымъ.

ins Esthländische Gouvernement abcommandirt und nach meiner Anordnung in diejenigen Theile desselben hinverlegt werden könnte, wo es, wegen der Stimmung der Bauern, eben erforderlich wäre.“

На это отношеніе послѣдовалъ отъ Князя Суворова слѣдующій отвѣтъ отъ 8го Іюня за № 2952: М. Г. И. Е. отъ 28 минувшаго Мая за № 2603 В. Пр. по совершеніи объѣзда части ввѣренной Вамъ губерніи, изволили сообщить мнѣ, что Вами замѣченъ между крестьянами Гапсальскаго Уѣзда нѣкоторый духъ неудовольствія и *строптивости* и, посему, просили объ исходатайствованіи расположенія въ Эстляндіи одного полка, въ видѣ мѣры предосторожности отъ какихъ либо могущихъ возникнуть безпокойствъ — Имѣя въ виду полученное мною нынѣ Высочайшее Государя Императора повелѣніе, воспрещающее дѣлать какую либо перемѣну въ дислокаціи войскъ резервной дивизіи 1го пѣхотнаго корпуса, имѣющаго прибыть въ Лиф. и Курл. Губерніи, и изъ числа коихъ единственно можно было бы командировать, по желанію Вашему, одинъ полкъ во ввѣренную Вамъ Губернію, я не нахожу возможнымъ входить въ настоящее время съ оффиціальнымъ ходатайствомъ о семъ, тѣмъ болѣе, что я вполнѣ увѣренъ, что подобное ходатайство, при однихъ лишь неопредѣлительныхъ опасеніяхъ, *моглобы произвести въ теперешнихъ обстоятельствахъ невыгодное на высшее правительство впечатлѣніе на счетъ благоустройства самаго края и существующаго въ ономъ спокойствія.* Объ имѣніи же подъ рукою войскъ, въ случаѣ усмотрѣнія мною какой либо въ этомъ дѣйствительной потребности, я, вмѣстѣ съ симъ *отнесся партикулярнымъ образомъ* къ Г. Генералъ-квартирмейстру (кажется Графу Бергу?) Переходя затѣму къ мѣрамъ для прекращенія какихъ либо могущихъ возникнуть частныхъ неустройствъ, я убѣжденъ что В. П. согласитесь со мною, что на первое время, и пока не будетъ

въ виду особаго повода къ близкимъ опасеніямъ, мѣстные способы въ распоряженіи Вашемъ находящіеся, оказываются вполнѣ достаточными. А посему, я полагалъ бы, въ случаѣ крайней необходимости и совершенной недостаточности мѣстныхъ полицейскихъ средствъ, посылать на мѣста гдѣ болѣе всего опасаться можно нарушенія порядка со стороны крестьянъ, въ достаточномъ по усмотрѣнію Вашему числѣ, *воинскихъ чиновъ отъ Ревельской команды внутренняго гарнизоннаго баталіона или отъ инвалидныхъ командъ въ губерніи расположенныхъ.*“

Итакъ, въ одной деревнѣ, неважныя ослушанія, противъ кого — неизвѣстно; въ другой: заявленіе о тяжести подушной недоимки и о недосдаткѣ въ землѣ, въ третьей: жалобы на обремененіе работами и противозаконныя наказанія. Эти *три* случая происходили въ *двухъ* уѣздахъ. Ни одинъ изъ нихъ еще не разслѣдованъ и потому неизвѣстно дѣло ли говорятъ крестьяне или нѣтъ? Но они *жаловались*, слѣдовательно намѣреваются бунтовать; слѣдовательно: надобно ихъ наказать, двинувъ на губернію и размѣстивъ въ ней, по крайней мѣрѣ, одинъ полкъ. Такое натравливаніе Русской вооруженной силы на народъ, обращающійся къ правительству за помощью, не только не возбуждаетъ въ Генералъ-губернаторѣ ни негодованія ни изумленія, а напротивъ представляется ему на столько естественнымъ и основательнымъ, что побуждаетъ его войти въ сношеніе съ Генералъ-квартирмейстромъ; но онъ дѣлаетъ это *партикулярно*, безъ огласки, и не исполняетъ ходатайства Губернатора собственно потому, что высшее правительство получило бы невыгодное понятіе о благоустройствѣ края, то есть: догадалось бы, можетъ быть, что крестьяне бѣдствуютъ (какъ это и обнаружилось нѣсколько лѣтъ спустя). Такъ разсуждали и дѣйствовали не агенты помѣстнаго дворянства, не стряпчіе провинціальной интриги, а мѣстные представители государствен-

наго начала, начальникъ губерніи и Генералъ-губернаторъ.*) И это была не случайность, а административная традиція, издавна укоренившаяся въ краѣ особенно въ сороковыхъ годахъ, при Баронѣ Паленѣ (творцѣ знаменитаго крестьянскаго побоища въ Беверсгофѣ) и противъ которой принималъ строгія мѣры предшественникъ Князя Суворова генералъ Головинъ, der berüchtigte Golovin, какъ называютъ его Балтійскіе публицисты. Дѣйствительно, у него въ этомъ отношеніи, были оригинальныя понятія; онъ, на примѣръ, никакъ не допускалъ, чтобъ изобрѣтеніе небывалыхъ бунтовъ входило въ аттрибуты полиціи

---

*) Мнѣ уже не разъ приходилось и придется часто въ послѣдствіи упоминать о Князѣ Суворовѣ, котораго продолжительное управленіе, такъ сказать, дало тонъ нашей мѣстной администраціи въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ; поэтому я позволю себѣ сказать два слова въ объясненіе обстоятельства касающагося моихъ къ нему отношеній. До меня не разъ доходилъ слухъ, будтобы, найдя меня въ Ригѣ, онъ *принялъ меня какъ сына*, и будто бы я отплатилъ ему за его благосклонность черною неблагодарностью, то есть систематическимъ порицаніемъ его дѣйствій. Такъ какъ это неправда, то само собою разумѣется, что самъ Князь Суворовъ этого сказать не могъ; но такъ какъ слухъ идетъ отъ людей съ нимъ знакомыхъ и ссылающихся на него, то настоящимъ опроверженіемъ, я не только сниму съ себя незаслуженное обвиненіе, но и устраню всякій поводъ приписывать его Князю. Онъ засталъ меня въ Ригѣ прикомандированнымъ, по распоряженію тогдашняго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, при которомъ я служилъ, къ коммиссіи ревизовавшей городское управленіе; я имѣлъ честь представиться ему вмѣстѣ съ членами этой коммиссіи; потомъ, по приглашенію Князя, обѣдалъ у него одинъ разъ, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, П. А. Волуевымъ. Никакихъ другихъ сношеній между нами не было; никогда никакихъ порученій Князь Суворовъ мнѣ не давалъ, ни о какихъ дѣлахъ меня не спрашивалъ, никакихъ дѣлъ мнѣ не сообщалъ. Административная, оффиціальная его дѣятельность въ Ригѣ принадлежитъ исторіи; я считаю себя въ правѣ относиться къ ней также свободно, какъ относится, на примѣръ, издатель Лифляндскихъ вкладовъ къ управленію Ген. Головина, Гр. Перовскаго, Гр. Протасова и Гр. Шувалова, съ тою однако разницею, что я никогда не позволю себѣ ни оскорбительныхъ эпитетовъ, ни заподозриванія намѣреній. Затѣмъ, будучи убѣжденъ въ томъ, что управленіе Князя Суворова принесло Россіи неисчислимый вредъ, я этого не скрывалъ, повторяю теперь и постараюсь доказать фактами документально засвидѣтельствованными и бумагами имъ самимъ подписанными.

и до конца оставался того мнѣнія, что Русская армія существуетъ вовсе не для возбужденія въ крестьянахъ ненависти къ Русскому имени. За то недолго онъ и продержался на мѣстѣ.

Нѣтъ! чтобы ни говорила Сѣверная Почта, а перелистывая бумаги, изъ которыхъ я привожу эти выписки, мнѣ кажется, что я читаю отрывокъ изъ исторіи нашей администраціи въ сѣверозападномъ краѣ, до ея отрезвленія и прозрѣнія, то есть передъ началомъ мятежа. И тамъ и здѣсь разигрывается, какъ бы по нотамъ, одна и таже твердо затверженная партитура.

Въ сферѣ высшаго управленія, въ Петербургѣ, результаты достигнутые Балтійскою тактикою еще осязательнѣе. Достаточно указать на Комитетъ по дѣламъ Остзейскимъ, въ теперешнемъ его составѣ и при теперешнемъ, установившемся въ немъ порядкѣ производства законодательныхъ дѣлъ. Этотъ Комитетъ составляетъ какъ бы маленькое укрѣпленіе in partibus Russorum, выстроенное въ самомъ центрѣ высшаго правительства, и въ стѣнахъ котораго Балтійская интеллигенція нашла себѣ неприступный операціонный базисъ и вѣрное убѣжище отъ всякихъ нападеній извнѣ. Услуги, въ этомъ отношеніи оказанныя ей Остзейскимъ Комитетомъ (дѣйствующимъ иногда въ расширенномъ, а иногда въ сокращенномъ составѣ) до сихъ поръ еще не были оцѣнены по достоинству. Благодаря ему, для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ, что удалось, на примѣръ, не то что отмѣнить, а такъ сказать заклеить въ сводѣ законовъ капитальную статью о смѣшанныхъ бракахъ, не только безъ участія, но даже безъ вѣдома того высшаго учрежденія, до котораго дѣло прямо касалось, или, что цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Госу-

дарственный Совѣтъ, восходили на Высочайшее утвержденіе и вводились въ дѣйствіе *въ видѣ опыта*, на срокъ болѣе или менѣе продолжительный. При этомъ обыкновенно заявлялось, что не стоитъ очень строго разсматривать постановленія, которымъ сами составители придавали значеніе опытовъ, и о достоинствѣ которыхъ предстояло еще впереди имѣть окончательное сужденіе; а между тѣмъ, этими постановленіями, вводившимися въ видѣ опытовъ, разрѣшалось помѣщикамъ отрѣзывать участки отъ крестьянскихъ земель *безповоротно и безвозвратно*. Государственный Совѣтъ, или Главный Комитетъ по дѣламъ крестьянъ, пожалуй призадумался бы подвергать цѣлый народъ такого рода опытамъ; но на то именно и нуженъ спеціальный Остзейскій Комитетъ, чтобъ разрѣшать не задумываясь все что подвертывается ему изъ Риги.

Пропаганда въ высшемъ столичномъ обществѣ, кажется, окончательно исполнила свое дѣло и достигла всего чего только можно было отъ нея ожидать.*) Мы склонили головы передъ обличеніями; повѣрили всѣмъ небылицамъ, которыми заѣзжіе бароны раздражали наше воображеніе

*) Объ успѣхахъ ея въ самое важное *для Лифляндіи* время, мы находимъ у издателя *Лифляндскихъ вкладовъ* слѣдующее свидѣтельство: „въ зиму 1845—1846 года, *Лифляндскій Ландмаршалъ* фонъ *Лилиенфельдъ* и секретарь дворянства фонъ Енгельгардъ отправились въ Петербургъ съ цѣлью, не только поискать помощи у правительства отъ бѣдствій Православной пропаганды, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и подѣйствовать спасительно (разумѣется *для Лифляндіи*) на высшее Петербургское общество разоблаченіемъ происходившихъ у насъ мерзостей. И дѣйствительно, эта такъ сказать *салонная миссія* шла отлично до возвращенія покойнаго Государя изъ Палермы. Петербургское общество, повидимому, совершенно убѣдилось изъ разсказовъ въ позорныхъ продѣлкахъ Православнаго духовенства и приняло горячо сторону *Лифляндіи* (Livl. Beitr. B. II Lief. 11 S. 81. 82).“ Такого рода миссіонеры, Остзейскіе и Польскіе никогда не переводятся въ тѣхъ же кругахъ; и теперь какъ и тогда, наше высшее общество слушаетъ ихъ развѣся уши не подозрѣвая даже какое безконечное презрѣніе оно внушаетъ имъ своею ребяческою довѣрчивостью, а еще болѣе легкостью, съ которою оно выдаетъ имъ головою все *свое* (т. е. Русское) и всѣхъ *своихъ*.

и повинились во всемъ: въ подговорахъ къ вѣроотступничеству, въ нагломъ нарушеніи всевозможныхъ правъ и договоровъ, въ низкой зависти къ Нѣмецкой цивилизаціи, въ намѣреніи испортить ее прививкою къ ней нашего Русскаго варварства и т. п.

Остается только всѣ эти наши провинности поскорѣе искупить.

„Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus! Nous leurs devons une réparation ne fut-ce que pour sauver notre honneur et repousser toute solidarité avec ce soit disant parti Russe qui n'est au fond que la révolution déguisée.“

„Ah madame! Nous le savons bien, vous êtes dans les bons principes, si tout le monde pensait et sentait comme vous! Mais hélas! ...

Кто не слыхалъ въ Петербургскихъ гостиныхъ безконечныхъ варіяцій на эту тему? А извѣстно, что Русскій человѣкъ высшаго полёта пьянѣетъ отъ удовольствія и безъ оглядки вдается во всякій обманъ, когда Нѣмецъ или Полякъ даетъ ему чувствовать, что онъ, Русскій un accident heureux parmi les siens.

Третьимъ орудіемъ, клеветою и политическимъ доносомъ, die loyale Baltische Ritterschaft владѣетъ также беззастѣнчиво какъ и Польская справа, но нѣсколько ловчѣе. Разверните любую бротшюру Балтійскаго издѣлія, изъ числа выходящихъ во множествѣ за границею, и прочтите что̀ въ нихъ разсказывается про всѣхъ безъ исключенія Русскихъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ мѣстною, провинціальною интригою и которые передъ нею не пасовали (какъ на примѣръ: про покойнаго Гр. Уварова, про Преосвященныхъ Иринарха, Филарета и Платона, про Генералъ-губернатора Головина, про Ханыкова, про Графа Толстаго, про Шафранова и другихъ) или даже про тѣхъ, которые, хотя и не имѣли случая заниматься дѣлами Бал-

тійскаго края, но могли казаться опасными для переду (на примѣръ про Милютина) или наконецъ про тѣхъ, которые, не состоя даже на службѣ и не имѣя никакого значенія въ оффиціальномъ мірѣ, слѣдили за Рижскими газетами и печатно обсуждали, на сколько это у насъ возможно, ихъ политическія теоріи (на примѣръ про Вольдемара, Каткова и Аксакова). Даже прежнія, признанныя заслуги не обезоруживаютъ систематической клеветы, дѣйствующей въ томъ отношеніи безъ лицепріятія, что нѣтъ такого лица, почему либо безпокоящаго ее, для очерненія котораго она бы не подобрала приличнаго рецепта. Графъ Шуваловъ, будучи Генералъ-губернаторомъ, вторилъ жалобамъ Балтійскаго дворянства на какія то возбужденія крестьянъ къ переходу въ Православіе, обнаруживалъ негодованіе на распоряженія правительства по надѣленію землею батраковъ и всячески противодѣйствовалъ приведенію этой мѣры въ исполненіе (всё это по свидѣтельству заграничной Балтійской прессы) — въ то время онъ былъ угоденъ. Но Графу Шувалову довелось взять въ руки испорченное его предшественникомъ дѣло о судебной реформѣ; онъ попытался (очень неудачно) провести мысль, что *главныя* основанія судоустройства принятыя для всей Россіи должны быть примѣнены и къ Балтійскому краю; онъ отстаивалъ учрежденіе присяжныхъ, и за это ему теперь приходится испытывать на себѣ comment on s'y prend pour démolir une réputation politique. Огласить его агентомъ Русской революціи было бы конечно не совсѣмъ ловко; но вѣдь это только одинъ изъ пріемовъ, а есть и другой — „Графъ Шуваловъ (объявляетъ издатель Лифляндскихъ вкладовъ) въ засѣданіяхъ коммиссіи обсуждавшей судебную реформу, иначе де никогда не отзывался о священной особѣ Монарха какъ съ тонкою, но очень замѣтною ироніею, *къ счастью*, оставившею слѣды въ протоколахъ коммиссіи, и этимъ де оскорбилъ онъ болѣе всего благо-

родныя чувства (das loyale Gefühl) Остзейскихъ провинцій.“*) — Я нисколько не опасаюсь послѣдствій этой клеветы за Графа Шувалова; къ тому же, отъ печатнаго слова, да еще сопровождаемаго ссылкою, можно всегда защититься; но нашептыванье, для котораго существуетъ спеціальный терминъ, часто встрѣчающійся въ конфиденціальныхъ перепискахъ агентовъ Балтійскихъ сословій съ ихъ довѣрителями — эти Privat-Insinuationen, отъ нихъ какъ уберечься, особенно тому кто не пользуется выгодами личнаго положенія Графа Шувалова?

Указывать на систематическое возбужденіе заграничной Нѣмецкой прессы, кажется не предстоитъ надобности. Оно-то собственно и подало поводъ къ открытію настоящаго изданія. Не говоря уже о крупныхъ газетахъ и обозрѣніяхъ, нѣтъ такого городка отъ Вислы до Рейна, гдѣ бы мѣстный листокъ, издаваемый для самаго ограниченнаго круга читателей, въ послѣднее время не помѣщалъ пасквилей на Россію въ формѣ корреспонденцій изъ Риги или Митавы и не подбивалъ Германіи къ заступничеству за ея будто бы обижаемыхъ единоплеменниковъ. Это должно быть извѣстно всѣмъ, но чтобъ дать понятіе читателямъ о томъ, до какихъ слоевъ проникла эта журнальная агитація, я приведу случай, котораго былъ свидѣтелемъ. Въ Берлинѣ, въ Октябрѣ 1867 года, происходило Собраніе общества Нѣмецкихъ работниковъ (des deutschen Arbeitervereins). Тутъ были въ сборѣ мастеровые, ремесленники, мелкіе торговцы и, въ очень ограниченномъ числѣ, художники. Они обсуждали, съ точки зрѣнія своихъ промышленныхъ интересовъ, разные современные вопросы и, въ томъ числѣ, нынѣшнюю политику Пруссіи. Одинъ изъ ораторовъ, нѣкто Швейцеръ, развивалъ ту мысль, что нѣсколько крутой и не совсѣмъ кон-

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 14.

ституціонный образъ дѣйствій министерства искупался возвеличеніемъ Пруссіи, на которую теперь всѣ сосѣднія державы смотрятъ съ уваженіемъ и страхомъ. На этомъ, десятки голосовъ перервали говорившаго криками: „und Russland, Russland (а Россія, Россія)?“ Незнакомому съ настроеніемъ современной Германіи, трудно бы было понять въ какомъ смыслѣ указаніе на Россію употреблялось въ этомъ случаѣ какъ возраженіе; но ораторъ понялъ это сразу и отвѣчалъ не задумываясь: „господа, если бы Пруссія, по поводу Нѣмецко-Русскихъ провинцій, захотѣла придраться къ Россіи *въ настоящую минуту*, (съ особеннымъ удареніемъ на эти слова) то либеральное мнѣніе не могло бы этого одобрить, повторяю: въ настоящую минуту.“ Значитъ: и газетная агитація свое дѣло сдѣлала; она успѣла убѣдить Германію въ томъ, во первыхъ, что на нашемъ Балтійскомъ поморіѣ частью совершаются, частью готовятся какія то вопіющія беззаконія; во вторыхъ, что дѣйствія нашего правительства оскорбительны для Германіи, и въ третьихъ, что по своему историческому призванію, она имѣетъ поводъ вступиться въ дѣло. Это первый моментъ. За этимъ, обыкновенно слѣдуютъ запросы, предлагаемые въ представительныхъ собраніяхъ вожаками крайнихъ партій, людьми отчаянными. Такихъ запросовъ было уже нѣсколько — это второй моментъ. Прусское Министерство разъ уже на нихъ отвѣчало и отклонило отъ себя всякое вмѣшательство;*) вѣроятно отклонитъ въ другой и въ третій разъ; но запросы будутъ продолжаться. Наконецъ (таковъ обыкновенный ходъ дѣла) правительство дружески къ намъ

*) Балтійскіе публицисты остались очень довольны отвѣтомъ Графа Бисмарка, которому они приписываютъ слѣдующія слова: „еще до битвы подъ Танненбергомъ (1410) нынѣшняя восточная Пруссія, *также какъ и Остзейскія провинціи нынѣ принадлежащія Россіи*, составляли части Прусской земли (Preussisches Land) *какъ вѣковое владѣніе Нѣмецкаго Ордена*. Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung, Wirkung etc. etc. Vortrag, gehalten zu Quedlinburg 8. Januar 1868. Berlin. S. 85 u. Livl. Beitr. B. I Lief. III S. IX.

расположенной державы обратится въ Петербургъ съ ласковою просьбою сообщить ему что нибудь, въ формѣ, если не завѣренія, то хоть бы объясненія, чѣмъ бы оно могло унять у себя докучливую оппозицію и зажать ей ротъ. Я не говорю, чтобъ это могло случиться теперь, когда Пруссіи угрожаетъ ежеминутно разрывъ съ Франціею; но утверждаю, что общественное мнѣніе Германіи настроено и подготовлено къ такого рода запросу для переду. Такъ какъ мы дѣйствительно ничего такого не замышляемъ и не творимъ въ чемъ бы не могли громогласно сознаться, то почему бы и не успокоить нашихъ добрыхъ сосѣдей? Но разумѣется, мы этимъ никого не удовлетворимъ, а вызовемъ опять таки дружескій совѣтъ поступить такъ то, или не дѣлать того то, во имя спокойствія Европы и ради поддержанія тѣснаго союза съ державою желающею намъ всякаго добра. Вѣдь и Наполеонъ говорилъ намъ, что онъ лично вовсе не желалъ возбуждать Польскаго вопроса, но что общественное мнѣніе Франціи lui forçait la main. Только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ, а тамъ, мы быстро скользнемъ по отлогому, къ несчастію очень намъ знакомому скату, и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ передъ трибуналомъ Европы. Конечно, можетъ быть и въ этотъ разъ найдется Князь Горчаковъ, который подниметъ насъ за руку, поставитъ на ноги и выведетъ съ торжествомъ изъ залы, но всегда ли можно на это разсчитывать?

По поводу Балтійской агитаціи за границею, я не могу не обратить вниманія на тѣсный союзъ заключенный между пропагандою Нѣмецкою и пропагандою Польскою. Въ Пруссіи, Познанскіе Поляки, кажется, первые подняли голосъ за мнимо угнетенныхъ Балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать заранѣе горькую участь ожидающую Лютеранство и Нѣмецкую національность,

Въ свою очередь, въ отплату за эту добрую услугу, Балтійскіе публицисты поносятъ память покойнаго Графа Муравьева, указываютъ Европѣ на *угнетеніе* Латинскаго духовенства и негодуютъ на *насильственное* введеніе въ западномъ краѣ Русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру Балтійскаго издѣлія и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы Польскаго изобрѣтенія, вы узнаете, на примѣръ, что Русскіе вовсе не Славяне, а выродившіеся Монголы, или Туранцы; что еслибы Русскія интриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ Балтійскихъ Губерніяхъ давно бы были облагодѣтельствованы своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками; что Русскій Императоръ считается главою своей Церкви не только въ мірскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе (буквально) *Кесаремъ-Папою;* что Латинству и Протестантству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно какъ одно цѣлое, именно какъ *западное Христіанство*) das abendländische Christenthum), объявить войну восточному Христіанству (т. е. Православію*) и *Москалю*, этому исконному и непримиримому общему ихъ врагу (gegen den Erz- und Erbfeind, den Moscowiter).**)

Чтобъ разбить эту стачку, мы дѣлаемъ все что можемъ и гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Мы, на примѣръ, поясняемъ, что предоставивъ право, на извѣстныхъ

*) Dem orientalischen Cäsaro-Papismus gegenüber, wie er beiden (dem Protestantismus und Römischen Catholicismus) gleich tief feindlich, in Russland entgegen — nicht nur, sondern auf den Nacken tritt, bilden Römischer Catholicismus und Protestantismus ein durch die Gemeinschaft des Feindes und der Gefahr zu engster Solidarität verbundenes Ganzes. — Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. gleichnamiger Factore des öffentlichen Lebens etc. etc. von W. v. Bock. Berlin 1868. Seite 10. Livl Beitr. B. I Lief. II S. 36, 177. Lief. III S. 1, 2, 299.

**) Wesentl. Verschiedenheit etc. etc. S. 1, 30. Livländ. Beitr. B. I Lief. 1 S. 10, 110. Lief. III S. 1, 2. B. II Lief. I S. 1, 30, etc. etc. — Appell an die Oeffentlichkeit v. Sievers. S. 9, 16.

условіяхъ, пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ исключительно лицамъ *Русскаго* происхожденія, мы, подъ этимъ выраженіемъ, подразумѣвали и лицъ *оффиціально* называющихъ себя Нѣмцами. Руководствуясь тѣмъ же взглядомъ, администрація Сѣверозападнаго края недавно еще благопріятствовала онѣмеченію Ковенской Губерніи по системѣ Графа Кейзерлинга, съ переводомъ крестьянъ изъ Латинства въ Лютеранство и съ учрежденіемъ Нѣмецкихъ школъ и порядковъ; но и это не помогаетъ. Правда, Балтійскіе дворяне не брезгаютъ дешевыми имѣніями и пользуются распространенными на нихъ льготами — это своимъ чередомъ; а тѣмъ временемъ, за границею, агенты ихъ продолжаютъ подвизаться рука объ руку съ Поляками, подъ однимъ знаменемъ, да еще въ добавокъ они же, по поводу нашихъ уступокъ, печатно надъ нимъ издѣваются — и по дѣломъ*) Всего этого Сѣверная почта вѣроятно не знала, когда укоряла Русскую журналистику въ *произвольномъ* и *оскорбительномъ* сопоставленіи Балтійскаго края съ Сѣверозападнымъ . . . .

„Понимаемъ къ чему вы ведете“ — скажутъ иные читатели (это обыкновенный отвѣтъ въ подобныхъ случаяхъ) — „вамъ нужны политическія слѣдствія, военно-

*) „Несмотря на то, что Россія въ своихъ Польскихъ и Литовскихъ владѣніяхъ принялась за дѣло еще съ большею страстью чѣмъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ ея рукахъ, опытъ руссификаціи оборачивается въ процессъ Германизаціи (sein Russificirungsversuch ihm unter den Händen in den Germanisationsprocess umschlägt). Поляковъ вытѣснили, но такъ какъ ожидаемаго прилива чистой Русской крови на рынокъ Литовскихъ имѣній не оказалось (?), то были вынуждены (?!) прибѣгнуть къ *смѣлой фикціи* будтобы, въ указѣ о продажѣ имѣній, подъ категоріею лицъ Русскаго происхожденія подразумѣвались и Нѣмцы, уроженцы Остзейскаго края“ (Wesentliche Verschiedenheit etc. etc. S. 37).

„Ожидать отъ насъ, чтобъ мы, оставаясь Нѣмцами, въ тоже время были душею и сердцемъ Русскими (Russes de coeur et d'âme, какъ выражался покойный Государь) все равно, что требовать, чтобы квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ.“ — (Livl. Beitr. B. II S. 118. 119). — Вотъ вамъ и благодарность за всѣ наши уступки и поблажки.

судныя коммиссіи, военное положеніе, ссылки, конфискаціи — нуженъ прежде всего Муравьевъ для Балтійскаго края. Такъ чтоли? Этого вы добиваетесь?" —

Нѣтъ, господа, не этого. Я не хочу ни слѣдствій, ни военносудныхъ коммиссій, ни военнаго положенія, ни ссылокъ, ни конфскацій. Напротивъ: я нахожу несправедливымъ, возмутительнымъ, и въ тоже время крайне неполитичнымъ, послѣ двадцатилѣтняго бездѣйствія и двадцатилѣтнихъ поблажекъ, опрокидываться на отдѣльныя личности, на удачу выхваченныя изъ ряду, на какого нибудь Вальтера или Дебнера, ничѣмъ кромѣ бóльшаго прямодушія не отличающихся отъ другихъ, и вмѣнять имъ въ преступленіе ихъ слова или поступки тогда какъ тоже самое, около нихъ, говорятъ и дѣлаютъ всѣ, въ глазахъ начальства, съ его вѣдома, подъ часъ даже съ его одобренія.*) И если ужъ зашла рѣчь о Муравьевѣ, какъ о лицѣ типическомъ, то я не только не желаю Муравьева для Балтійскаго края, а напротивъ: потому именно позволяю себѣ относиться критически къ противоположному типу Мирковичей, Назимовыхъ, Суворовыхъ, Ливеновъ и Барановыхъ, что образъ дѣйствія, или точнѣе бездѣйствія, послѣднихъ всегда и неминуемо приводитъ къ печальной необходимости прибѣгать къ системѣ перваго. Я нахожу, что жалка та политика, которая умѣетъ только потворствовать или карать, вымѣщая на другихъ естественныя

*) Баронъ Ливенъ, отправляя въ ссылку Безбардиса, говорилъ ему между прочимъ, что онъ самъ (Генералъ-губернаторъ) стоитъ за непремѣнное онѣмеченіе Латышей (по разсказу свидѣтеля) а Оберъ-президентъ Вальтеръ, за туже мысль выраженную въ проповѣди, устраненъ отъ должности. Все Лютеранское духовенство, ежедневно и ежечасно, въ журналахъ и съ каѳедръ, поноситъ Православную Церковь — этого не замѣчаютъ или не хотятъ слышать, а пасторъ Пробстъ Дебнеръ подвергнутъ взысканію за то, что онъ, въ своей книгѣ, судилъ о Церкви, о ея обрядахъ, о почитаніи креста и иконъ, какъ судятъ объ этихъ предметахъ всѣ Протестанты. Гдѣ же справедливость?

послѣдствія собственныхъ своихъ послабленій; я желалъ бы вызвать борьбу не съ лицами, а съ общественными силами; ибо я вижу ясно, что противъ насъ. въ Россіи и за границею, въ деревняхъ и въ городахъ, въ гостиныхъ и въ министерствахъ, работаетъ неутомимая, антирусская, политическая и общественная пропаганда, и я убѣжденъ, что противодѣйствовать ей съ успѣхомъ можно только (не малодушнымъ задабриваніемъ и не карательными мѣрами) а прямо и рѣшительно заявленною системою національнаго, Русскаго законодательства, національной, Русской администраціи, и допущеніемъ той свободной, національной, общественной пропаганды, которая такъ противна Сѣверной Почтѣ. Слова мои кажется ясны и, я надѣюсь, что на сей разъ ихъ не перетолкуютъ.

Повторяю: политическая агитація, опознанная нами въ грубѣйшей ея формѣ уличнаго скандала и мятежа, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много иныхъ средствъ, не менѣе если не болѣе дѣйствительныхъ, но къ которымъ мы, къ сожалѣнію, какъ будто не успѣли еще приглядѣться. Иной разъ, можно даже подумать, что мы преднамѣренно игнорируемъ ихъ, забывая, что если иногда цѣлыя полосы земли проваливаются мгновенно въ море отъ волканическихъ сотрясеній, то еще чаще случается, что море, незамѣтно, заливаетъ неукрѣпленный берегъ и шагъ за шагомъ отвоевываетъ его.

Вотъ въ чемъ сходство и въ чемъ несходство. Затѣмъ, я очень хорошо знаю, что мы не увидимъ въ Балтійскомъ краѣ шитыхъ знаменъ съ революціонными эмблемами и не услышимъ ни одного выстрѣла; что тамошніе дворяне никогда не пойдутъ до ляса (гдѣ бы ихъ всѣхъ перехватали Латыши) и ужъ конечно никогда не подумаютъ подкупать народъ къ возстанію отмѣною повинностей и даровыми надѣлами (за это ручается мудрая разсчетливость тамошнихъ помѣщиковъ и общій характеръ всѣхъ

сочиненныхъ ими крестьянскихъ положеній). Припоминая былыя времена XVI, XVII и начала XVIII вѣковъ, я вижу, что Балтійскій край никогда не бунтовалъ и не возставалъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова; онъ не отторгался насильственно ни отъ Польши ни отъ Швеціи, а, такъ сказать, *отваливался* отъ нихъ, въ ту минуту, когда онъ могъ это сдѣлать безъ особеннаго для себя риска, то есть когда сила измѣняла державѣ, которой онъ принадлежалъ, и переходила въ другія руки. Но я вижу также, что каждому изъ этихъ кризисовъ предшествовала продолжительная, глухая работа, которою онъ исподоволь подготовлялся. Медленно и незамѣтно ослаблялись узы скрѣплявшія область съ государствомъ, осторожно и тихо подпиливались сваи, на которыхъ опиралась верховная власть; потомъ, заблаговременно предусмотрѣнный ударъ извнѣ довершалъ эту работу, и самые слѣды ея исчезали въ общей катастрофѣ.

Все это азбука исторіи; но мы разучились читать ее, книга вывалилась изъ нашихъ рукъ и мы (правительство и общество) спокойно дремлемъ подъ старую, давно затверженную пѣснь, которую намъ напѣваетъ наша Нѣмецкая нянька: „они такъ вѣрно служатъ, такъ много пролили своей крови на поляхъ сраженій и т. п.*)

Здѣсь опять приходится имѣть дѣло съ какимъ то страннымъ недоразумѣніемъ, не знаю вольнымъ или невольнымъ. Никогда никто не отрицалъ и не забывалъ личныхъ заслугъ служилыхъ людей вышедшихъ, не только изъ Балтійскаго дворянства, но и изъ тамошняго средняго сословія. Вся Россія, съ почтительною признательностью, произноситъ имена Сиверса, Барклая, Графа Палена, Тотлебена и многихъ другихъ, не забывая при этомъ ни Женевца Лефорта, ни Шотландца Гордона, ни Ольденбургца

---

*) См. въ Сѣвер. Почтѣ вышеприведенную статью.

Миниха. Но мы всётаки не миримся съ мыслью, чтобы пролитая кровь давала право пропагандировать противъ Россіи въ Латышскихъ деревняхъ, отрицать обязательность издаваемыхъ правительствомъ законовъ, не исполнять лѣтъ по двадцати Высочайшихъ повелѣній, надоѣдать Графу Бисмарку жалобами на наше правительство и натравливать на насъ общественное мнѣніе Германіи.

Рѣчь идетъ не о личной службѣ въ рядахъ Русской арміи, въ дипломатическомъ корпусѣ, или въ министерствахъ; идетъ рѣчь о настоящей и будущей судьбѣ цѣлаго края, объ отношеніяхъ его къ Россіи, о томъ, что можетъ съ нимъ случиться при той или другой политической компликаціи, а въ доказательство, что это не одно и тоже, я опять сошлюсь на исторію.

Въ 1812 году, въ то самое время когда Курляндцы, съ честью, славою и самоотверженіемъ, сражались въ рядахъ нашихъ войскъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и Тарутинымъ, въ Курляндіи дѣйствовало временное правительство, набранное Наполеономъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, и когда нашествіе было отражено, послѣдовалъ на имя Рижскаго Генералъ-Губернатора Маркиза Паулучи Именной указъ (31 Декаб. 1812 № 25308) „о объявленіи прощенія нѣкоторымъ Курляндскимъ жителямъ вступившимъ въ отправленіе должностей порученныхъ непріятелемъ во время пребыванія его въ предѣлахъ Россіи.“ За нѣсколько передъ этимъ дней, послѣдовалъ точно такой же Манифестъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ*) „о

---

*) Въ указѣ о Курляндіи мы читаемъ: Курляндскіе жители, во время пребыванія непріятеля въ предѣлахъ Нашихъ, не оказали никакой *явной* къ нему приверженности, выключая немногихъ вступившихъ въ отправленіе поручаемыхъ отъ него должностей, и то по неволѣ, устрашенные угрозами и насиліемъ; почему повелѣваемъ вамъ объявить однимъ изъ нихъ наше благоволеніе, а другимъ всеобщее прощеніе, предавая проступки ихъ забвенію и запрещая впредь имѣть какое либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе.“ — А въ манифестѣ о Сѣверозападномъ краѣ: въ настоящую съ

прощеніи нѣкоторыхъ жителей отъ Польши присоединенныхъ областей. Съ тѣхъ поръ какъ Курляндія вошла въ составъ Русскаго Государства, политическая ея вѣрность подверглась испытанію только одинъ разъ — во время нашествія Французовъ; но именно въ этомъ случаѣ, исторія, а не Московская журналистика, связала ее съ Сѣверозападнымъ краемъ. Замѣчательно при этомъ, что въ то самое время, когда всепрощеніемъ покрывались вины Курляндцевъ и Поляковъ, въ Смоленскѣ и Москвѣ учреждались слѣдственныя коммиссіи надъ лицами находившимися въ должностяхъ у непріятеля (указъ 1813, Марта 18, № 25356). И вѣрно: ни одинъ Русскій не скажетъ, чтобы тогдашнее правительство поступало несправедливо, преслѣдуя однихъ и милуя другихъ. Нѣтъ, оно конечно сознавало въ ту минуту, что для первыхъ Россія была отечествомъ, а для вторыхъ не болѣе какъ политическою силою, охранявшею ихъ безопасность и ихъ выгоды.*)

Такъ было и прежде. Во время Сѣверной войны, одинъ Паткуль (Рейнгольдъ — герой Лифляндіи, въ то время еще Шведскій подданный) устраивалъ противъ Швеціи коалицію, а другой Паткуль, вѣроятно родственникъ перваго (Дитрихъ — Генералъ-маіоръ и Вицегубернаторъ на Шведской службѣ) командуя Шведскимъ гарнизономъ, покрывалъ себя славою защищая Ревель отъ Русскихъ. Лифляндія гордится обоими: но который же

французами войну, главная часть жителей въ прежде бывшихъ Польскихъ, нынѣ же Русскихъ областяхъ и округахъ, пребыли Намъ вѣрны . . . но другіе, различными образами, навлекли на себя праведный нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ раззоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе и т. д. (Манию. 1312 Дек. 12 No. 25289)

*) Пока дѣло шло о взысканіяхъ и объ отвѣтственности, эта разница, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, не упускалась изъ виду; но она упразднилась когда дѣло дошло до покупки въ Сѣверозападномъ краѣ имѣній по дешевой цѣнѣ и на льготныхъ условіяхъ.

изъ нихъ служилъ вѣрой и правдой? Съ точки зрѣнія Балтійскихъ понятій, тогдашнихъ и нынѣшнихъ, вопросъ разрѣшается просто — оба. Повторяю: оба, разумѣется каждый по своему: ибо и тотъ и другой, съ одинаковымъ самоотверженіемъ, служилъ своей отчизнѣ, а отчизною въ Лифляндіи никогда не считалась ни Польша, ни Швеція, какъ не считается теперь Россія. Слово отчизна, для Лифляндца, имѣетъ двоякое значеніе; въ тѣсномъ смыслѣ родины, оно означаетъ Лифляндію, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, означаетъ das Deutschthum, Германизмъ, это нѣкогда отвлеченное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политическій организмъ, стоящій во всеоружіи у нашей границы. Вотъ чему и кому служитъ Балтійское рыцарство служа Русскому правительству. Я сказалъ это въ 1848 году и за это былъ посаженъ въ крѣпость; но за меня заступился Лифляндскій публицистъ, притомъ еще чиновникъ (по крайней мѣрѣ очень недавно состоявшій на службѣ) такъ что мнѣ теперь остается только на него сослаться. Вицепрезидентъ Лифляндскаго Гофгерихта, Г. В. фонъ Боккъ, издатель не разъ уже цитованныхъ мною Livländische Beiträge, написалъ въ 1867 году статью подъ заглавіемъ: Пруссія и Нѣмецкія Остзейскія провинціи Россіи (Preussen und die deutschen Ostsee-Provinzen Russlands). Взявшись за перо съ цѣлью вызвать въ Германіи *дѣятельное* сочувствіе къ ея будто бы угнетаемымъ единовѣрцамъ и землякамъ, онъ перебираетъ и опровергаетъ одинъ за другимъ всѣ упреки, которымъ уроженцы Балтійскаго края подвергаются въ Нѣмецкихъ либеральныхъ газетахъ, какъ извѣстно, ставящихъ имъ въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ посвящаютъ свои способности на службу государственнымъ интересамъ Россіи. По этому поводу, авторъ очень резонно замѣчаетъ, что его нисколько не удивляетъ ропотъ Русскихъ (der Stockrussen) на замѣщеніе множества первостепенныхъ должно-

стей уроженцами Балтійскаго края, но что самый этотъ ропотъ долженъ бы былъ навести на умъ Нѣмецкую, заграничную публику; затѣмъ онъ говоритъ (я цитую буквально): Deutschland namentlich sollte, in dem Maasse als es vom Cosmopolitismus zur Politik fortschreitet, nicht allzusehr splitterrichtern, wenn es, in dem gewaltigen Nachbarstaate, ein stammverwandtes Element gewahr wird, das denn doch, bei seiner allseitigen und intensiv bedeutsamen Durchdringung des ganzen ungeheuern russischen Staats-Körpers, jedenfalls in Bezug auf die beständige fieberhafte Neigung des „Ewigrussischen" das deutsche „hinabzuziehen"*) nothwendig retardirend, neutralisirend, gleichsam antiphlogistisch wirken muss, und so, unscheinbar zwar, aber doch unausgesetzt, deutsches Wasser in den russischen Wein giesst.*) Понятно, что автору понадобилась, для возможнаго замаскированія его мысли, эта могочленная, неуклюжая, свинченная фраза, но всё таки смыслъ ея довольно ясенъ: вмѣсто того, чтобъ осуждать своихъ Балтійскихъ земляковъ, Германія должна бы радоваться, что люди, по отношенію къ ней *свои*, вступая въ Русскую службу и овладѣвая государственными силами Россіи, пріобрѣтаютъ возможность мѣшать ей сдѣлаться вполнѣ Русскою (въ законодательствѣ, управленіи, политикѣ) и, тѣмъ самымъ, подъ знаменемъ двуглаваго орла,

---

*) Намёкъ на извѣстный стихъ Гёте: Das Ewigweibliche zieht uns hinan.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 295, 296. Перевожу слово въ слово: особенно Германія, по мѣрѣ того какъ она отъ космополитизма подвигается къ политическому сознанію, не должна бы позволять себѣ слишкомъ легкомысленныхъ осужденій, когда она, въ могучемъ сосѣднемъ государствѣ, усматриваетъ *одноплеменный ей элементъ, всесторонно и въ значительной степени проникающій въ глубину весь громадный, Русскій, государственный организмъ*, такъ какъ этотъ элементъ (при постоянномъ и лихорадочномъ стремленіи неумирающей Русской стихіи осадить все Нѣмецкое) всё таки, естественно, долженъ дѣйствовать не иначе какъ сдерживая, неутрализируя, такъ сказать охлаждая, и, хотя непримѣтно, но непрестанно, подливая Нѣмецкую воду въ Русское вино.

служить Германіи.*) Эти слова, произнесенныя корифеемъ современной Балтійской интеллигенціи подвизающейся за границею, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія. Имѣяй уши слышати да слышитъ.**)

Итакъ, не во гнѣвъ Сѣверной Почтѣ будь сказано, я думаю, что Русская публика имѣетъ достаточныя причины обращаться къ дѣламъ Балтійскаго края и буду къ нимъ обращаться, если не въ Россіи, гдѣ этого не допускаетъ вѣдомство, которому подчинены Русская мысль и Русское слово, то хоть изъ Праги. Для почина, я представлю краткій перечень результатовъ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи за послѣднее двадцатилѣтіе (съ 1847 года) то есть съ того времени когда, въ лицѣ Князя Суворова, водворилась правительственная система, которой его преемники слѣдовали неуклонно до

---

*) Во второмъ выпускѣ своего изданія, тотъ же авторъ напечаталъ списокъ извѣстныхъ ему лицъ Нѣмецкаго происхожденія состоящихъ на Русской службѣ въ высшихъ и среднихъ должностяхъ. *По счету*, они составляютъ 26%; но еслибы (прибавляетъ авторъ) можно было опредѣлить отношеніе вѣсомъ (то есть принять въ соображеніе степень власти, значенія и вліянія) то оказалось бы болѣе 74%.

**) Остается только прибавить, что и здѣсь дѣло обходится не безъ ироніи. Заявивъ какъ фактъ, что цѣлая фаланга чиновниковъ Балтійскаго края непрестанно парализируетъ въ государственномъ организмѣ національныя стремленія, авторъ, почти на каждой страницѣ, выставляетъ передъ Германіею безсиліе Русской, народной стихіи, ея дряблость, вялость, неустойчивость, неспособность къ какой-либо иниціативѣ, непослѣдовательность въ предпріятіяхъ, неумѣніе постоять за себя, всегдашнюю уступчивость передъ напоромъ Нѣмецкаго элемента, совершенное отсутствіе всякой притягательной силы и т. д. — die geistige und sittliche Impotenz der Russen und Russengenossen u. s. w. Даже въ діавольскомъ искуствѣ подкупать и обманывать, Русскіе (замѣчаетъ Г. фонъ Боккъ) такіе же неучи какъ и во всемъ. (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 103, Lief. III S. 237, B. II Lief. I S. 36 etc. etc. Иными словами, и придерживаясь сравненія употребленнаго авторомъ, выходитъ слѣдующее: его земляки надѣваютъ Русскій мундиръ, чтобъ имѣть возможность, въ угоду Германіи, разсыропливать Русское вино какоюто своею Нѣмецкою подливкою; потомъ, они же отвѣдываютъ эту жижь, морщатся, оплёвываются передъ лицемъ Европы и говорятъ ей: „дрянь Русское вино, ни крѣпости, ни вкуса, ни игривости, ничего въ немъ нѣтъ." — Еще бы!

нынѣшняго дня. Сообразивъ, что̀ въ этотъ промежутокъ времени сдѣлано и что̀ упущено, что̀ пріобрѣтено и что̀ потеряно, читатели сами увидятъ чего можно ожидать отъ управленія не развлекаемаго никакимъ гласнымъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія; въ этомъ же перечнѣ, они получатъ програму тѣхъ вопросовъ, подробной разработкѣ которыхъ будутъ посвящены слѣдующіе выпуски настоящаго изданія.

I.

Учрежденія, права и обычаи Балтійскихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, по завоеваніи Петромъ I Лифляндіи и Эстляндіи, и позднѣе, по принятіи Екатериною II Курляндскаго Герцогства въ составъ Имперіи, были признаны Русскимъ правительствомъ и утверждены гуртомъ, но, какъ извѣстно, не безоговорочно, а „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и „Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ (согласно формулѣ временъ Петра I) или (согласно позднѣйшей, въ сущности тождественной формулѣ) „елико сообразны они съ общими государства нашего постановленіями и законами.“*) Можно сказать, что Россія позволила Балтійскимъ сословіямъ и обществамъ перевести съ собою, черезъ государственную нашу границу, весь юридическій свой багажъ, не подвергая его таможенному осмотру, и отложила обстоятельный

*) Жалован. грам. 1710 Септ. 30 (No. 2301). Высоч. грамота 1856 февр. 17 (No. 30185). Оговорка эта иногда прямо высказывалась и всегда подразумѣвалась — это относится спеціально до Лифляндіи и Эстляндіи, или, говоря точнѣе: до сословій и обществъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ; чтоже касается до Курляндіи, то она подчинилась Россіи не выпросивъ себѣ никакихъ особенныхъ правъ (unbedingte Subjection) и, вслѣдъ затѣмъ, получила ихъ отъ Екатерины II. (Имен. Указъ 1795. Апр. 15 и акты Герц. Кур. 18 Марта тогожъ года.)

переборъ его до другаго времени. Затѣмъ, оставалось разумѣется опредѣлить въ точности, что̀ въ немъ не противорѣчило и что̀ противорѣчило времени, нашей формѣ правленія, нашимъ кореннымъ постановленіямъ; что̀ могло оставаться и что̀ требовало отмѣны или измѣненія. Задача была не легкая, и надъ нею трудились долго; наконецъ: хорошо ли, дурно ли, но всётаки разрѣшили ее изданіемъ свода мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ. Этимъ достигался двоякій результатъ: во первыхъ, изъ нестройной груды завѣщаннаго вѣками, постепенно накоплявшагося юридическаго матерьяла, извлекалось все что долженствовало сохранить въ настоящемъ силу закона дѣйствующаго — извѣстно, что тѣмъ же процессомъ, изъ полнаго собранія законовъ, выработанъ былъ нашъ сводъ; во вторыхъ, самымъ фактомъ изданія свода мѣстныхъ узаконеній, такъ называемыя привилегіи, *въ формальномъ отношеніи*, упразднялись; иными словами: онѣ теряли характеръ привилегій, хотя *содержаніе* ихъ нисколько не отмѣнялось, а только переносилось, *какъ мѣстное законодательство* одной области (совершенно приравненное къ мѣстнымъ законамъ Малороссійскимъ) въ общую систему государственныхъ законовъ.*)

---

*) Въ именномъ Указѣ 1845 года Іюня 1 (No. 19146), при которомъ опубликованы были первыя двѣ части мѣстнаго свода, мы читаемъ: по приведеніи дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ Имперіи Нашей законовъ въ стройный порядокъ и единство, изданіемъ общаго оныхъ свода, мы нашли нужнымъ, для удобности жителей тѣхъ губерній и областей, въ коихъ имѣютъ силу нѣкоторыя особыя узаконенія, ввести ихъ, по принадлежности, въ самый составъ свода, или же сдѣлать предметомъ отдѣльныхъ по тому же плану расположенныхъ собраній. Въ исполненіе сего предположенія, внесены въ общій сводъ законовъ Имперіи, при новомъ ихъ изданіи въ 1842 году, всѣ древнія постановленія, кои, на основаніи дарованныхъ Малороссійскому краю предками Нашими правъ, сохраняютъ доселѣ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской полную силу и дѣйствіе. Сія мѣра не могла быть принята въ отношеніи къ дѣйтвующимъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской *также особымъ узаконеніямъ* Они столь *многочисленны* (— итакъ вотъ причина) что было бы невозможно

Отсюда, само собою вытекало слѣдующее: если сводъ мѣстныхъ узаконеній есть дѣйствительно *законъ* (а не простое литературное упражненіе ГГ. Бунге и Бреверна) то, со дня введенія его въ дѣйствіе, всѣ возникающіе въ Балтійскомъ краѣ административные и судебные вопросы (разумѣется: по тѣмъ частямъ управленія и судопроизводства для которыхъ онъ изданъ) должны были подлежать разсмотрѣнію въ предѣлахъ этого свода и получать разрѣшеніе на основаніи содержащихся въ немъ статей; съ того же дня, ссылки на привилегіи должны были прекратиться; наконецъ, по всѣмъ предметамъ, о которыхъ въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній не встрѣчалось никакихъ особыхъ постановленій (то есть никакихъ изъятій изъ общихъ законовъ Имперіи) эти послѣдніе законы должны были воспріять полную, обязательную силу (какъ это и выражено во 2ой ст. введенія къ 1ой части мѣстнаго Свода).*)

Никто конечно не рѣшится сказать, чтобы правительство, въ этомъ дѣлѣ, поступило слишкомъ спѣшно, или

безъ важныхъ неудобствъ, помѣстить ихъ въ общемъ сводѣ законовъ Имперіи . . . *Посему*, предположивъ издать оныя въ видѣ особаго свода, Мы повелѣли II отдѣленію Собственной Канцеляріи Нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность всѣ имѣющіе силу въ Остзейскомъ краѣ, *по дарованнымъ оному* предками Нашими и утвержденнымъ Нами правамъ, постановленія, и потомъ изложить ихъ въ порядкѣ, совершенно соотвѣтствующемъ плану общаго свода законовъ Имперіи, коего сіе собраніе мѣстныхъ узаконеній губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской *долженствуетъ быть дополненіемъ* . . . Правительствующій Сенатъ имѣетъ при этомъ объявить: что сіи первыя части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1го Янв. 1846 года; что, съ сего времени, статьи оныхъ *должны быть приводимы и примѣняемы* въ дѣлахъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ *на томъ же основаніи* какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго свода законовъ Имперіи.

*) Сіи (мѣстныя) узаконенія простираются на тѣ только губерніи и области, коимъ они особенно предоставлены, и объемлютъ тѣ только случаи, на кои именно постановлены, *какъ изъятіе* изъ общихъ правилъ. *Во всѣхъ другихъ случаяхъ, дѣйствіе общихъ законовъ Имперіи сохраняетъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу*

чтобъ оно не дало голоса представителямъ мѣстныхъ воззрѣній и интересовъ. Проэктъ свода для Остзейскихъ губерній составленъ былъ, подъ руководствомъ покойнаго Графа Блудова, спеціалистами изъ тамошнихъ ученыхъ юристовъ и дѣльцевъ (ГГ. Бунге, Самсономъ, Раденомъ, Бреверномъ и др.); затѣмъ, онъ двукратно разсматривался на мѣстахъ, сперва въ особыхъ комитетахъ, по губерніямъ, потомъ въ одной общей коммиссіи состоявшей изъ чиновниковъ и гражданъ того края; послѣ этого, онъ поступилъ въ комитетъ изъ Сенаторовъ и Оберъ-прокуроровъ и наконецъ въ Государственный Совѣтъ.

Но если потребно было много времени и усилій для составленія свода, то несравненно еще труднѣе было ввести его въ дѣйствіе; я разумѣю ввести *дѣйствительно*, то есть перенести мѣстное дѣлопроизводство на эту вновь очищенную, всѣмъ доступную, для всѣхъ открытую почву дѣйствующаго законодательства. Это была задача совершенно самостоятельная и осуществленіе ея не могло обойтись безъ упорной борьбы.

Можно смѣло сказать, что Балтійская интеллигенція сама себѣ сочинила сводъ мѣстныхъ узаконеній, по своему вкусу; она включила въ него всё свои права, всё чѣмъ она дорожила, въ томъ числѣ всё содержаніе нѣкоторыхъ привилегій очень сомнительной подлинности (напр. знаменитой грамоты Польскаго Короля Сигизмунда Августа, которой не признавало ни Польское ни Шведское правительство); наконецъ, собственно дворянству, удалось даже расширить прежнія свои права на счетъ другихъ сословій (н. п. Рижскихъ гражданъ); но, не смотря на все это, мѣстныя сословія вообще и дворянство въ особенности отнеслись къ своду мѣстныхъ узаконеній далеко не благосклонно. Онъ былъ имъ глубоко противенъ, не по содержанію своему, не ради той или другой статьи, а самъ по себѣ, по существу своему, именно какъ составная часть свода

законовъ всей Имперіи, какъ *итогъ* подведенный всему историческому прошедшему края до присоединенія его къ Россіи, какъ *прививка* мѣстнаго законодательства къ общему. Имъ желательно было пользоваться сводомъ законовъ какъ новымъ и торжественнымъ утвержденіемъ ихъ особенныхъ правъ и, въ тоже время, не признавать за нимъ значенія *свода*, то есть завершенія всего предшествовавшаго развитія; иными словами: имъ хотѣлось уберечь и отстоять *непрерывность* своего мѣстнаго права и своего *исключительнаго* положенія въ составѣ Имперіи — die Continuität ihres bilateralen Rechtes vor jedem Einbruch zu bewahren, какъ выражаются мѣстные юристы. На практикѣ, это имѣло для нихъ огромное значеніе.

Въ архивахъ каждаго изъ мѣстныхъ учрежденій, сословій и обществъ, хранился цѣлый арсеналъ грамотъ, патентовъ, рескриптовъ, уставовъ, (шрагъ) постановленій и всякаго рода болѣе или менѣе подлинныхъ актовъ, разновременно изданныхъ, между собою несоглашенныхъ, никѣмъ критически неразобранныхъ и, даже безъ обстоятельнаго ихъ перечня, признанныхъ и утвержденныхъ при завоеваніи края. Эти склады письменнаго матерьяла, и сверхъ того обычаи незаписанные, служили издревле неисчерпаемыми запасами доказательствъ и справокъ, одинаково пригодныхъ для подкрѣпленія всякаго рода антигосударственныхъ домогательствъ, и для отраженія самыхъ естественныхъ требованій власти. По мѣрѣ надобности, и смотря по тому, чего именно, въ данномъ случаѣ, требовали мѣстные и частные интересы, ничего не стоило выхватить изъ той или другой пачки подходящій документъ и построить на немъ цѣлую теорію, разумѣется не упоминая ни о предшествовавшихъ ни о позднѣйшихъ актахъ, буде они оказывались не подходящими. Такого рода приспособленія старины къ интересамъ настоящаго облегчались въ особенности: неопредѣленностью юридическихъ терминовъ, до-

пускавшею разнообразныя толкованія, частыми ссылками на *общее* Германское право и на *добрые порядки* незаписанные, совершенною для правительства невозможностью собирать, по поводу каждой ссылки, полныя справки и предпринимать критическія изслѣдованія подлинности каждаго предъявляемаго акта. Наконецъ, съ терминомъ *привилегіи* связывалось, конечно очень неопредѣленное и въ сущности вовсе имъ не свойственное, понятіе о какой то загадочной святынѣ, будто бы на вѣчныя времена неприкосновенной, и передъ которою будто бы все должно было склоняться, тогда какъ сила статьи свода законовъ, степень ея обязательности и порядокъ установленный для ея разъясненія, измѣненія или отмѣны, когда въ этомъ представлялась надобность, были всѣмъ хорошо извѣстны и для всякаго понятны. Отъ этого, при встрѣчѣ съ привилегіею, мѣстные представители власти каждый разъ становились въ тупикъ, и, повертѣвъ въ своихъ рукахъ непонятную для нихъ грамоту, почти всегда отступались отъ самыхъ справедливыхъ своихъ требованій изъ опасенія нарушить чтото такое, въ чемъ они не отдавали себѣ яснаго отчета, но чего боялись. Понятно, что для мѣстныхъ сословій, никогда не упускавшихъ изъ виду своихъ антигосударственныхъ поползновеній, было много причинъ дорожить этими стародавними пріемами, и что ввести между ними сводъ мѣстныхъ узаконеній въ дѣйствительное употребленіе было вовсе не легко. Это было одною изъ главныхъ заботъ Генералъ-губернатора Головина во время его управленія, и какъ бы строго къ нему ни относились по другимъ предметамъ, этой заслуги у него отнять нельзя. Несмотря на систематическое, на каждомъ шагу возобновлявшееся противодѣйствіе, онъ придалъ своду мѣстныхъ узаконеній подобающую ему обязательную силу, по крайней мѣрѣ, онъ вынесъ всю тягость борьбы за него съ укоренившимися привычками, такъ что,

послѣ него, оставалось только твердо держаться на отвоеванной имъ почвѣ. Къ сожалѣнію, этого то именно его преемники не сумѣли или не захотѣли сдѣлать. Они уступили ее безъ боя, или, говоря точнѣе, можетъ быть сами того не замѣчая, дали себя съ нея сдвинуть. Само собою разумѣется, что сводъ мѣстныхъ узаконеній *формально* отмѣненъ не былъ; въ дополненіе къ первымъ двумъ частямъ вышедшимъ въ 1845 году, была даже издана третья; но на практикѣ, въ обычномъ дѣлопроизводствѣ, сводъ мѣстныхъ и общихъ узаконеній постепенно вытѣснялся старымъ юридическимъ матерьяломъ, который опять всплылъ на поверхность, и на сей разъ потянулъ за собою давнишніе, международные трактаты, Ништатскій и Абовскій.

Кампанія противъ свода законовъ ведена была, въ стратегическомъ отношеніи, совершенно правильно. Въ 1865 году, въ Ригѣ и въ Ревелѣ, изданы были сборники Лифляндскихъ и Эстляндскихъ капитуляцій, съ приложеніемъ искусно подобранныхъ выписокъ изъ мѣстныхъ привилегій временъ Польскаго и Шведскаго владычествъ и нѣсколькихъ статей Ништатскаго мирнаго договора, заключеннаго въ 1721 году между Россіею и Швеціею.*) Это былъ какъ бы отвѣтъ на изданіе мѣстнаго свода: вы (т. е. правительство) подводите итогъ нашему провинціальному законодательству, вводите его въ систему законовъ Имперіи и увѣряете, что наши мѣстные законы, какъ и общіе, заимствуютъ свою силу отъ единой власти Самодержавной;**) а мы возстановляемъ историческую связь своего мѣстнаго права съ источниками не Русскими, при-

*) Die Capitulationen der Livländischen Ritter und Landschaft und der Stadt Riga von C. Schirren (преподавателя Русской исторіи въ Дерптск. Университетѣ) Dorpat 1865. Die Capitulationen der Esthländischen Ritterschaft und der Stadt Reval etc. etc. von Winkelmann. Reval 1865.

**) Сводъ мѣст. узак. Губер. Остзейскихъ. Введеніе ст. 2.

крѣпляемъ его, на вѣчныя времена, къ моменту капитуляцій и ставимъ его подъ защиту международныхъ обязательствъ. Такимъ образомъ, сложилось понятіе о „Tractaten und capitulationsmässigem Landesrechte," о которомъ такъ много говорятъ новѣйшіе публицисты Балтійскаго края. Изъ этого такъ кстати подновленнаго и всѣмъ сподручнаго матерьяла, мѣстныя присутственныя мѣста и сословныя представительства, разумѣется, не упустили извлечь для своихъ цѣлей нужную пользу. Въ рѣшеніяхъ судебныхъ инстанцій, въ представленіяхъ городскихъ Магистратовъ, стали появляться ссылки, не только на такъ называемыя привилегіи Польскихъ и Шведскихъ Королей, но и на Ништатскій и Абовскій трактаты — чего прежде не бывало. Освѣживъ такимъ образомъ свою историческую память и утвердивъ за собою твердый операціонный базисъ, мѣстные юристы приступили къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Началась своего рода *ревизія*,*) съ точки зрѣнія мѣстнаго и международнаго права, всѣхъ общихъ и частныхъ законовъ изданныхъ Русскимъ правительствомъ и, дотолѣ, безспорно примѣнявшихся къ Балтійскому краю. Въ результатѣ оказалось, что почти ни одинъ изъ нихъ не выдерживалъ критики — разумѣется: по увѣренію тамошнихъ ученыхъ и дѣльцовъ; что, на примѣръ, Православная Церковь, безъ явнаго нарушенія утвержденныхъ правительствомъ привилегій и связывающихъ его дипломатическихъ обязательствъ, не можетъ считаться господствующею въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ; что подчиненіе тамошняго мѣстнаго управленія Лютеранской Церкви управленію центральному для всей Имперіи (Генеральной Консисторіи учрежденной въ 1832 году) есть дерзкое нарушеніе неоспоримаго права; что введеніе въ оффиціальное употребленіе Русскаго языка, хотя бы даже

*) „Eine ernste Revision." Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 90.

только въ коронныхъ мѣстахъ, было бы явнымъ отступленіемъ отъ порядка вещей временемъ и самимъ правительствомъ освященнаго; что переносъ, по апелляціи, судебныхъ дѣлъ изъ Балтійскаго края въ Сенатъ не долженъ имѣть мѣста; что подчиненіе Дерптскаго Университета высшему надзору министерства Народнаго Просвѣщенія есть нарушеніе торжественно гарантированнаго права Балтійскаго рыцарства; что вообще никакой законъ, составленный безъ участія мѣстнаго дворянства, не долженъ бы имѣть въ Балтійскомъ краѣ обязательной силы и т. д.*) Всѣ эти выводы, мало по малу, переходятъ въ общественное сознаніе и, по мѣрѣ усвоенія ихъ мѣстными сословными представительствами, обращаются въ ходатайства объ устраненіи будто бы несправедливыхъ посягательствъ на историческія особенности края и о возстановленіи въ немъ такъ называемаго правомѣрнаго порядка вещей, иначе: *непрерывности* его публичнаго права, временно разорванной вторженіемъ свода законовъ. Работа эта теперь въ полномъ ходу, а мы какъ будто и не подозрѣваемъ съ какою цѣлью она производится — точно Ташкентцы хлопавшіе глазами въ то время какъ Русскіе вели свои траншеи. Мало того, съ нашей стороны было уже сдѣлано нѣсколько важныхъ уступокъ, болѣе чѣмъ достаточныхъ для поддержанія охоты продолжать работу и вести ее до конца, до расторженія всякой связи между мѣстнымъ законодательствомъ и общимъ для всей Имперіи. Въ этомъ отношеніи, сдѣланный нами попятный шагъ такъ очевиденъ, что Балтійскіе публицисты даже не скрываютъ побѣды одержанной мѣстнымъ провинціализмомъ на поприщѣ права. Вотъ, на примѣръ, какую силу бывшій вицепрезидентъ Гофгерихта придаетъ теперь словамъ Высочайшихъ подтвердительныхъ грамотъ,

*) Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 35, 37, 39. Lief. II S. 117. Lief. III S. 259.

опредѣляющихъ отношеніе мѣстныхъ законовъ къ общимъ: „формула: *елико сообразны онѣ* (мѣстныя права и установленія) *съ общими государства Нашего постановленіями и законами*" — говоритъ онъ — „введена, въ отмѣну прежней, невинной (unverfänglich) формулы, только въ 1803 году и не имѣетъ никакого практическаго значенія (keinen praktischen Sinn); притомъ, всѣ Лифляндцы столь благородны (loyal) и такъ глубоко проникнуты чувствомъ всѣмъ имъ прирожденнаго уваженія къ величію и достоинству власти, что въ первой, то есть новѣйшей формулѣ, они *ничего болѣе не хотятъ видѣть* какъ простое изобрѣтеніе Императорской Канцеляріи, просмотрѣнное Государемъ, и потому охотно даютъ вѣру распространившемуся въ 1803 году по всей Лифляндіи слуху, что введеніемъ этой формулы, одинъ изъ тогдашнихъ высоко поставленныхъ чиновниковъ отомстилъ рыцарству, отказавшему ему въ денежномъ вымогательствѣ."*) — Такъ какъ наши Государи самолично не занимаются редакціею законовъ, а возлагаютъ эту работу на свою канцелярію, или на государственный совѣтъ, то понятно, что усвоивъ себѣ такого рода обращеніе съ словами *обожаемыхъ* Балтійскимъ рыцарствомъ Монарховъ, то есть рѣшившись выдавать за подлогъ, или за грязную канцелярскую продѣлку все что въ оффиціальномъ выраженіи Высочайшей воли и мысли не подходитъ подъ мѣстныя воззрѣнія, ничего не стоитъ перешагнуть черезъ любой законъ. Далѣе, мы узнаемъ „что извѣстный Балтійскій юристъ Бунге, участвуя какъ членъ коммиссіи въ составленіи 3[ей] части свода мѣстныхъ узаконеній, долженъ былъ *подчиниться давленію какой то*

*) Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 108. Сказаніе это уже потому невѣроятно, что Балтійское рыцарство и тамошніе города никогда никому не отказывали во взяткахъ, даже навязывали ихъ, за что неоднократно объявлялись имъ Высочайшіе выговоры. Не менѣе того, любопытно бы было узнать кого въ этомъ случаѣ обноситъ der loyale Baltiker?

незримой, враждебной силы (подъ руководствомъ покойнаго Графа Д. Н. Блудова!) и одобрить, *противъ совѣсти*, одну изъ статей этого свода; что этимъ онъ запятналъ свое доброе имя; что степень примѣнимости свода законовъ Имперіи къ Балтійскому краю есть *вопросъ* и предметъ спора, все еще продолжающагося между дѣльцами этого края и государственными людьми Имперіи;*) что впрочемъ, и независимо отъ этого обстоятельства, даже *нравственный* кредитъ свода, въ Остзейскихъ губерніяхъ, *окончательно подорванъ*."**) Нельзя не прибавить, что примѣры безцеремоннаго съ нимъ обращенія приводимые самимъ авторомъ „Лифляндскихъ вкладовъ" подтверждаютъ какъ нельзя лучше его слова. Какъ заявленіе факта, они неоспоримы. Пріобрѣтеніе ли это для Россіи или потеря? — пусть судятъ читатели.

II.

Перейдемъ къ другому явленію. Движеніе крестьянъ изъ Лютеранства въ Православіе, начавшееся въ 1841 году, въ то время насильственно подавленное экзекуціями, и четыре года спустя съ такою силою возобновившееся, съ 1848 года совершенно прекратилось. Это было заявлено Княземъ Суворовымъ, въ одномъ изъ первыхъ его всеподданнѣйшихъ отчетовъ, и съ нѣкоторымъ даже торжествомъ; но въ то время, главное мѣстное начальство подавало по крайней мѣрѣ надежду, что новообращенные

*) А ужъ протекло болѣе полутороста лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Балтійскій край вошелъ въ составъ Имперіи, и болѣе двѣнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ изданъ томъ мѣстнаго свода, въ которомъ этотъ вопросъ положительно и ясно разрѣшается. Ктобъ этому повѣрилъ?

**) Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 100, 102. Lief. III S. 49.

укрѣпятся въ своей вѣрѣ и что приложена будетъ заботливость объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ новонасажденной паствы. Къ сожалѣнію, ни одна изъ этихъ надеждъ не сбылась. Отводъ мѣстъ для устройства Православныхъ Церквей встрѣтилъ со стороны владѣльцевъ систематическое противодѣйствіе, засвидѣтельствованное самимъ Княземъ Суворовымъ, и котораго онъ не одолѣлъ. Сооруженіе храмовъ подвигалось и теперь подвигается чрезвычайно медленно, а работы производятся такъ небрежно, что тотчасъ по сдачѣ новоотстроенной Церкви, требуются значительныя суммы на ея ремонтъ. До сихъ поръ еще, въ 45 приходахъ, Православное Богослуженіе совершается въ наемныхъ, полуразвалившихся сараяхъ и овинахъ, продуваемыхъ вѣтромъ и пробиваемыхъ дождемъ и снѣгомъ. Эта жалкая внѣшняя обстановка Церкви, по оффиціальной терминологіи *господствующей*, а по мѣстной терминологіи *Русской* или *Царской*, повергаетъ Православную паству въ горькое уныніе, а иновѣрцами усердно разработывается какъ неистощимая тема глумленія и попрековъ. Графъ Бобринскій, въ 1846 году, по Высочайшему повелѣнію объѣхавшій нѣкоторые изъ Лифляндскихъ приходовъ для изслѣдованія положенія Православныхъ Латышей, живыми красками описалъ лишенія всякаго рода, которымъ подвергается въ томъ краѣ наше сельское духовенство, далеко недостаточное число священниковъ, по огромному протяженію приходовъ, и происходящее отъ этого отсутствіе живаго общенія между сельскимъ Православнымъ духовенствомъ и поселянами. Въ заключеніе рапорта поданнаго имъ на Высочайшее имя, онъ говоритъ: для поддержанія Православія въ Лифляндіи оставалось бы одно средство, а именно: поднять всѣ учрежденія нашей Церкви, всю обстановку ея, на одну высоту съ Лютеранскими; къ несчастію, это средство потребовало бы огромныхъ расходовъ, а успѣхъ былъ бы

теперь весьма сомнителенъ, послѣ *девятнадцатилѣтняго упущенія по этой части* (nach der versäumten Zeit der letzten 19jährigen Periode).*) Вотъ вамъ и характеристика разсматриваемаго нами періода, сдѣланная лицемъ, котораго ни князь Суворовъ, ни Баронъ Ливенъ, вѣроятно, не обвинятъ въ пристрастіи.

Въ Лифляндіи ходитъ слухъ, будто бы Преосвященный Платонъ, докладывая Государю Императору объ этихъ обстоятельствахъ, просилъ и убѣдилъ Его поднять Православіе въ глазахъ мѣстнаго народонаселенія, выстроивъ гдѣ нибудь въ Балтійскомъ краѣ хоть одну Церковь, но непосредственно отъ себя и на свой счетъ — это говорятъ Православные священники — но будто бы, въ послѣдствіи, Государь Императоръ отмѣнилъ свое намѣреніе, услышавъ, что исполненіе его было бы сочтено за пропаганду и могло бы возобновить движеніе крестьянъ — такъ повѣствуютъ Лютеране. Я привожу этотъ слухъ нисколько не ручаясь за его достовѣрность, только какъ черту характеризующую настроеніе края и положеніе занимаемое въ немъ Церковью, по оффиціальной терминологіи господствующею.

Новообращенные Латыши и Эсты нетолько не укрѣпились въ своей вѣрѣ (какъ обнадёживалъ Князь Суворовъ въ 1848 году) а напротивъ, по свидѣтельству Графа Бобринскаго, относятся къ ней теперь, не только равнодушно, но враждебно, и умоляютъ Государя о разрѣшеніи перейти обратно въ Лютеранство. Что они рано или поздно получатъ его — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; по крайней

*) Livl. Beitr. B. I Lief. 1 S. 55. Я цитую по Нѣмецкому печатному переводу, такъ какъ подлиннаго рапорта Графа Бобринскаго я не читалъ. У насъ, въ Россіи, онъ почти никому неизвѣстенъ; но за то, вся Германія теперь знаетъ его

мѣрѣ нельзя себѣ представить какимъ бы образомъ правительство могло имъ въ этомъ отказать.*)

Итакъ, въ продолженіи какихъ нубудь 12 15 лѣтъ, духъ мѣстнаго сельскаго народонаселенія совершенно измѣнился. Въ 1846 году, крестьяне толпами валили въ полуотверзтые врата Церкви и напуганная полиція съ трудомъ ихъ удерживала; теперь Церковь имъ опротивѣла и они ломятся изъ нея вонъ. Пока совершался этотъ странный переворотъ въ понятіяхъ полутороста тысячъ душъ, его не замѣчалъ ни Князь Суворовъ ни Баронъ Ливенъ; по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, ни тотъ ни другой объ этой мелочи не доводилъ до свѣдѣнія высшаго правительства; да и къ чему? На случай запроса было подготовлено объясненіе, которымъ, какъ послѣ оказалось, всѣ удовлетворились. Намъ говорятъ: крестьянъ *соблазняли* къ переходу въ Православіе священники и какіе то тайные агенты, не безъ вѣдома и участія правительства сулившіе имъ всякаго рода мірскія выгоды; но возбужденныя надежды не сбылись и, какъ скоро эта искуственная агитація была прекращена, такъ естественно обнаружилось въ разочарованныхъ жертвахъ подговора тяготѣніе къ прежней, родной вѣрѣ, отъ которой онѣ внутренно никогда не отрекались. Въ этомъ смыслѣ написано было безчисленное множество записокъ, отчетовъ

*) Я утверждаю, что послѣдуетъ разрѣшеніе невозбраннаго перехода изъ Православія въ Лютеранство не потому только, что этого домогается Лифляндское дворянство, которому никогда и ни въ чемъ не бываетъ отказовъ, но еще и потому, что уголовныя преслѣдованія за вѣроотступничество составляютъ пятно безобразящее наше теперешнее законодательство гражданское и, *въ особенности*, *Церковное*. Съ понятіемъ о вѣроисповѣданіи *господствующемъ*, *въ смыслѣ нашихъ законовъ*, можетъ еще мириться государство; но Церковь, по самому существу своему, не должна бы была допускать его. Впрочемъ, о томъ что дѣлать съ новообращенными въ Лифляндіи и при какихъ условіяхъ могли бы быть отмѣнены карательныя мѣры за отступничество отъ Православія будетъ подробно говорено въ 3мъ или 4мъ выпускѣ настоящаго изданія.

и донесеній, не говоря уже о печатныхъ статьяхъ; это твердили въ одинъ голосъ Лютеране, въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ, въ этомъ созналось оффиціально Министерство Внутреннихъ Дѣлъ;*) этому повѣрило все наше высшее общество; говорятъ: повѣрилъ и Государь Императоръ; а всётаки это обманъ. На сей разъ, я ограничусь краткимъ указаніемъ на дѣйствительную причину отпаденія крестьянъ отъ Православія, предоставляя себѣ, въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, развить эту тему подробнѣе и обставить ее всѣми нужными доказательствами.

Покойный Императоръ, при всей односторонности нѣкоторыхъ своихъ убѣжденій, несомнѣнно обладалъ способностью, безъ которой нельзя быть историческимъ дѣятелемъ: онъ вѣрно угадывалъ инстинкты народныхъ массъ и, въ этомъ отношеніи, стоялъ безконечно выше всего своего правительства. Когда движеніе изъ Лютеранства въ Православіе охватило Лифляндію, онъ и онъ одинъ понялъ, что это была не искуственная агитація и не случайная вспышка, а историческая тяга цѣлаго народа къ Россіи, въ основныхъ своихъ побужденіяхъ совершенно свободная (spontannée), исходившая изъ неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, и, въ тоже время, изъ глубокаго недовольства всею внѣшнею обстановкою тогдашняго крестьянскаго быта. Не смотря на всѣ наговоры и на всѣ старанія Барона Палена запугать высшее правительство, покойный Государь не остановилъ движенія, но захотѣлъ, чтобъ оно само собою очистилось, такъ, чтобы крестьяне, не слыша съ одной стороны никакихъ соблазнительныхъ подговоровъ къ переходу, съ другой: не встрѣчая ни помѣхъ ни противодѣйствія, могли совершенно

*) Покойный С. С Ланской, или точнѣе директоръ написавшій для него бумагу по дѣлу о пасторскихъ повинностяхъ, и позднѣе П. А. Валуевъ.

свободно чинить выборъ между друмя вѣроисповѣданіями. По его мысли, правительство должно было оставаться неутральнымъ, охраняя лишь внѣшній полицейскій порядокъ. Въ этомъ смыслѣ были составлены, въ руководство мѣстнымъ властямъ, правила неоднократно пополнявшіяся и въ сущности сводившіяся къ слѣдующимъ: никому не возбранять перехода въ Православіе, предварительно удостовѣрившись (насколько это доступно правительству) въ искренности побужденій; за переходъ въ Православіе не награждать никакими мірскими выгодами; но наблюдать также, чтобъ и на оборотъ, переходъ не подавалъ повода къ отнятію у новообращающихся тѣхъ выгодъ, которыми они прежде пользовались. Все это было прекрасно въ теоріи, но, къ сожалѣнію, свидѣтельствовало о совершенномъ незнакомствѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ края. Упущено было изъ виду одно обстоятельство, а именно: что такъ какъ обращеніе крестьянъ въ Православіе грозило подорвать въ самомъ корнѣ владычество Нѣмецко-Лютеранской колоніи, то ни одно изъ первенствующихъ сословій, изъ которыхъ набирался и набирается весь мѣстный правительственный штатъ, не останется неутральнымъ; что между всѣми пасторами, всѣми помѣщиками, всѣми полицейскими чиновниками, администраторами и судьями, естественнымъ образомъ, составится стачка, которой никакая сила не будетъ въ состояніи разбить, и что эта антиправославная коалиція, имѣя въ своихъ рукахъ проповѣдь, полицію, патримоніальную и правительственную, суды и даже военную силу, располагала средствами болѣе чѣмъ достаточными, чтобъ застращать крестьянъ и подавить движеніе. Съ другой стороны, для противодѣйствія грозному Нѣмецко-Лютеранскому заговору, былъ Православный Архіерей, жившій на своемъ Рижскомъ подворьѣ, и десятокъ священниковъ, объѣзжавшихъ край въ сопровожденіи и подъ надзоромъ мѣстныхъ полицейскихъ чи-

новниковъ, разумѣется: Лифляндцевъ и Лютеранъ. Собственно неутральнымъ оставался одинъ Генералъ-губернаторъ, изолированный въ своемъ замкѣ, имѣвшій при себѣ не болѣе трехъ или четырехъ Русскихъ чиновниковъ, на которыхъ онъ могъ полагаться, со всѣхъ сторонъ опутанный интригою, безъ глазъ, безъ ушей, безъ рукъ, и въ добавокъ, ежечасно ожидавшій, что козни, ковавшіяся противъ него въ Петербургѣ, сломятъ ему шею. Наконецъ, и заступничество главнаго мѣстнаго начальника края, съ назначеніемъ князя Суворова, измѣнило Православію. Это было неминуемо и не могло быть иначе; ибо нельзя же было требовать отъ человѣка, чтобъ онъ принялъ горячо къ сердцу интересы вѣроисповѣданія, которое, по его убѣжденію, внушенному ему Нѣмецкою интригою, водворено было въ краѣ безчестными подкупами и поддерживалось насиліемъ. Итакъ, первая половина инструкціи покойнаго Государя выполнена была въ точности; присоединившіеся къ Церкви ничего не пріобрѣли; вторая же половина осталась мертвою буквою; ибо, отказавшись отъ *дѣятельнаго* покровительства Православію, высшее правительство развязало руки *дѣятельной* пропагандѣ антиправославной и, тѣмъ самымъ, нарушило то равновѣсіе между двумя вѣроисповѣданіями, о поддержаніи котораго оно такъ усердно заботилось. Новообращенные были, въ буквальномъ смыслѣ слова, выданы головою сложившейся противъ нихъ коалиціи, раззорены и замучены помѣщиками, осмѣяны и обруганы пасторами,*) и все это почти всегда въ предѣлахъ закона, болѣе или менѣе правильно примѣняемаго и толкуемаго, по крайней мѣрѣ безъ слишкомъ явнаго его нарушенія. Можно было заранѣе предсказать, что не всѣ Латыши и Эсты окажутся призван-

*) Это будетъ доказано въ особой статьѣ о Православіи въ Лифляндіи, свидѣтельствами Лютеранскаго духовенства и мѣстныхъ Генералъ-губернаторовъ, въ томъ числѣ и Князя Суворова.

ными къ мученичеству. Одинъ изъ Балтійскихъ публицистовъ объявляетъ съ торжествомъ, что Православная паства въ Лифляндіи находится теперь въ полнѣйшемъ разложеніи — in voller innerer Auflösung begriffen; другой замѣчаетъ съ ироніею, что наша Церковь, не смотря на жалкую ея обстановку, всётаки не украсилась ореоломъ мученичества. Предположимъ, что это правда; но каково же слышать, что такой опытъ производился надъ Церковью, по оффиціальной терминологіи *господствующею*, въ продолженіи цѣлаго двадцатилѣтія, въ Россіи, подъ крыломъ правительства и въ виду Православнаго общества?

III.

Чтобъ заставить Латышей и Эстовъ, въ простотѣ своей считавшихъ Православіе за вѣру дѣйствительно господствующую во всей Имперіи, разувѣриться въ этомъ на опытѣ и горько покаяться въ своемъ заблужденіи — на то имѣлись на мѣстахъ средства разнообразныя и болѣе чѣмъ достаточныя; но нужно было, возбудивъ обратное стремленіе въ Лютеранство, довести дѣло до конца, а именно: испросить для Православныхъ Латышей и Эстовъ разрѣшенія невозбраннаго перехода изъ Церкви въ Протестанство. Объ этомъ Лютеранское духовенство и Лифляндское дворянство начали хлопотать въ 1864 года. Надежные люди ощупали почву въ Петербургѣ, но встрѣтили препятствія, повидимому, неодолимыя. Пришлось обойти ихъ, отказаться, хоть на время,*) отъ нынѣшняго

*) Я говорю *на время*, потому что ходатайство возобновится, только съ другаго конца. Балтійскіе публицисты теперь такъ увѣрены въ своей силѣ, что даже не берутъ на себя труда маскировать закладываемыя ими батареи. До сихъ поръ, за крестьянъ принявшихъ Православіе, говорили и просили представители дворянства; теперь хотятъ побудить *самихъ крестьянъ* обратиться непосредственно къ высшему правительству и, для этого, разсчитываютъ воспользоваться введенными въ послѣднее время волостными общественными учрежденіями. Это пишетъ ктото изъ Лифляндіи издателю Лифл. вкладовъ. Livl. Beitr. B. II Lief. 1 S. 36.

поколѣнія, то есть отъ принявшихъ Православіе, и ограничиться отвоеваніемъ для Протестантства будущихъ поколѣній. Достигнувъ этого, можно бы было, съ точностью почти математическою, опредѣлить тотъ годъ, въ который Православіе окончательно вымретъ въ Лифляндіи. Такова была настоящая цѣль настойчиваго ходатайства объ отмѣнѣ общаго закона, въ силу котораго дѣти раждающіеся отъ браковъ иновѣрцевъ съ Православными, должны быть крещаемы и воспитываемы въ Православной вѣрѣ. Къ этой цѣли присоединялась другая. Выше было сказано, что по Балтійской теоріи, тамошняя Лютеранская Церковь считаетъ себя (на основаніи Ништатскаго трактата) господствующею въ предѣлахъ Лифляндіи и Эстляндіи, или, по крайней мѣрѣ, равноправною съ Православіемъ, и, во всякомъ случаѣ, совершенно самостоятельною, то есть не состоящею ни въ какой связи съ Лютеранскою Церковью въ другихъ областяхъ Имперіи. По той же теоріи, Лютеранская Церковь въ Балтійскомъ краѣ признаетъ свое фактическое подчиненіе Генеральной Консисторіи вопіющимъ нарушеніемъ своихъ правъ. Это считается на мѣстахъ, вопросомъ окончательно разъясненнымъ и рѣшеннымъ, eine erwiesene Thatsache. Когда дворянство и духовенство положили, по общему соглашенію, возбудить вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, имъ пришлось учинить выборъ между двумя путями; можно было предъявить ходатайство объ отмѣнѣ общаго закона въ пользу Лютеранъ вообще, и можно было ходатайствовать объ отмѣнѣ его только въ предѣлахъ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Первое было бы очевидно гораздо логичнѣе и согласнѣе съ соображеніями духовнаго свойства; но второе представляло

въ томъ отношенiи выгоду, что одно выпрошенное изъятiе изъ общаго закона въ пользу *мѣстной* Балтiйской Церкви было бы первымъ шагомъ къ постепенному отрѣшенiю ея отъ Лютеранской Церкви въ предѣлахъ всей Имперiи, и, въ послѣдствiи, послужило бы основанiемъ для дальнѣйшихъ домогательствъ клонящихся къ той же цѣли. Послѣ долгихъ объ этомъ пренiй, положено было дать предпочтенiе второму способу; слѣдовательно: повести атаку единовременно противъ уставовъ Православной Церкви и противъ общаго учрежденiя о Лютеранской Церкви въ предѣлахъ Имперiи, причемъ, возбудивъ вопросъ на почвѣ мѣстныхъ привилегiй, перенести его, нечувствительнымъ образомъ, въ область международнаго права, связавъ наглухо Прибалтiйскiя учрежденiя съ Ништатскимъ трактатомъ. По этой программѣ, избранные дѣльцы принялись за дѣло; но само собою разумѣется, что объ этихъ своихъ видахъ, ни Лифляндское дворянство, ни агенты его, ни служившая имъ пресса, слишкомъ громко и ясно до поры до времени не говорили. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, государственные сановники, на покровительство которыхъ возлагалась главная надежда, послѣдовали тойже системѣ благоразумной осторожности — дѣло, какъ видно, находилось въ надежныхъ рукахъ. По общему соглашенiю, выкинуто было знамя свободы въ дѣлахъ совѣсти, der Gewissensfreiheit; но такъ какъ трудно было предположить, чтобы правительство, еслибъ оно захотѣло усвоить себѣ это высокое начало, вздумало примѣнить его только къ Лютеранству и притомъ только въ территорiальныхъ границахъ трехъ Балтiйскихъ губернiй, то пришлось всю аргументацiю въ пользу свободы совѣсти извлечь изъ арсенала Балтiйскихъ юридическихъ актовъ XVII и XVIII вѣковъ, иными словами: вычитать въ нихъ то, чего въ нихъ не было, что даже никогда и на умъ не приходило ни тѣмъ кто ихъ выпрашивалъ, ни тѣмъ кто ихъ выдавалъ,

наконецъ то, отъ чего бы отступились съ ужасомъ прадѣды и дѣды нынѣшнихъ бароновъ, настоящiе, коренастые Протестанты XVIII вѣка. Сообразивъ трудность этой задачи, нельзя не подивиться мастерству, съ которымъ ведена была вся эта интрига, увѣнчавшаяся наконецъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, всемилостивѣйшимъ разрѣшенiемъ предъявленнаго ходатайства, въ томъ именно смыслѣ какого домогались просители. Тайна была соблюдена до конца; никто изъ посвященныхъ не проговорился; затѣявъ дѣло, мѣстныя сословiя благоразумно притихли и пустили впередъ своихъ могучихъ ходатаевъ, изъ числа Православныхъ; всякое серьезное обсужденiе вопроса было предупреждено. Въ одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, я разберу какъ сущность такъ и самый ходъ этого дѣла, теперь во всей подробности передъ нами раскрытый, благодаря болтливости издателя „Лифляндскихъ вкладовъ“ а на сей разъ ограничусь указанiемъ на достигнутые результаты. Свобода совѣсти ничего не выиграла и мы отъ нея также далеки теперь какъ и прежде; но въ то самое время когда вся система высшаго управленiя, повидимому, клонилась къ скрѣпленiю пограничныхъ областей Россiи съ ея средоточiемъ, Балтiйскому краю удалось выхлопотать себѣ очень важное изъятiе изъ общихъ законовъ, издавна дѣйствовавшихъ въ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губернiяхъ, новую, мѣстную *привилегiю*, въ полномъ значенiи этого слова (eine territoriale Bekenntnissfreiheit, als eine dem Boden der deutschen Ostseeprovinzen beiwohnendes Realrecht) и сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ, конечно по направленiю не къ Россiи, а отъ Россiи къ Финляндiи. Побѣда одержанная въ этомъ случаѣ Балтiйско-Лютеранскимъ провинцiализмомъ тѣмъ знаменательнѣе, что отмѣна закона о предбрачныхъ обязательствахъ, въ той формѣ въ какой она послѣдовала, объявлена и приведена въ дѣйствiе, заключала въ себѣ,

во первыхъ: отступленіе отъ общаго порядка производства законодательныхъ дѣлъ; во вторыхъ: подразумѣваемое признаніе независимости мѣстной Лютеранской Церкви Балтійскаго края отъ общаго управленія Лютеранскою Церковью въ предѣлахъ Имперіи;*) въ третьихъ: такое оказательство пренебреженія къ законному представительству Православной Церкви и такое безцеремонное нарушеніе ея правилъ, какого она не испытывала даже во времена Петра I^го.

IV.

Устройство хозяйственнаго быта поселянъ въ Балтійскомъ краѣ составляло, начиная съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, предметъ почти непрерывныхъ заботъ правительства. Припоминая множество произведенныхъ

*) Замѣчательно, что когда состоялось Высочайшее повелѣніе 14го Мая 1865 года о крещеніи дѣтей рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ въ Лифляндіи, оно было немедленно сообщено *Лифляндской* Консисторіи, а *Генеральной* Лютеранской Консисторіи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ даже и не поставилъ объ этомъ въ извѣстность, точно какъ будто бы дѣло до нея не касалось. Сама Генеральная Консисторія должна была испросить себѣ сообщенія упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и, получивъ его, снеслась уже отъ себя съ Лифляндскою Консисторіею, причемъ не упустила намекнуть ей, что это только *починъ*, или первый шагъ, подающій поводъ ожидать дальнѣйшихъ. Въ отношеніи ея отъ 7 Января 1866 за No. 17 мы читаемъ: „будемъ твердо стоять въ молитвѣ и въ соблюденіи существующихъ законовъ, даже тѣхъ которые и теперь еще составляютъ для насъ тягость . . . будемъ выжидать пока Господу угодно будетъ даровать намъ дальнѣйшее исполненіе нашихъ молитвъ (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 229, 231, 232). Какія теперь выдвинуты будутъ домогательства, намъ уже заранѣе объявлено: разрѣшеніе перехода изъ Православія въ Лютеранство, провозглашеніе независимости мѣстной Лютеранской Церкви отъ Генеральной Консисторіи и т. д. Издатель Лифл. вкладовъ не даромъ заявляетъ, что испрошенное Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ хорошо собственно тѣмъ, что въ немъ содержится подразумѣваемое (implicite) признаніе *территоріальнаго* (т. е. мѣстнаго) Церковнаго права. (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 57, 58)

по его порученію изслѣдованій, учрежденныхъ имъ всякаго рода коммиссій, массу написанныхъ для него проэктовъ и разновременно изданныхъ отъ имени его положеній, нельзя, по истинѣ, не придти въ восхищеніе отъ необыкновенной дѣятельности по этой части выказанной; къ сожалѣнію, всматриваясь въ ея резултаты, нельзя также не изумиться поразительной ея безплодности. Да еще хорошо коли бы только *безплодности*, но и это выраженіе не вполнѣ точно; ибо на практикѣ, каждый разъ выходили результаты прямо противоположные намѣреніямъ и видамъ правительства. Теперь, Балтійскіе публицисты считаютъ крестьянскій вопросъ окончательно рѣшеннымъ и навсегда закрытымъ; таково же убѣжденіе мѣстнаго дворянства, по крайней мѣрѣ, оно старается увѣрить въ этомъ себя и Россію; наконецъ, само высшее правительство, по видимому, держится тоже мнѣнія. Тяжелый камень приваленъ, казенная печать приложена, у камня стоитъ недремлющая кустодія и, едва едва, доходитъ до слуха жалобный стонъ заживо замуравленнаго народа. А вопросъ всётаки не разрѣшенъ, онъ только окончательно испорченъ.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе, отъ 1848 по 1868 годъ, издано было правительствомъ, частью для всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній, частью для каждой изъ нихъ порознь, не менѣе одиннадцати капитальныхъ положеній,*) касающихся разныхъ сторонъ крестьянскаго быта, не счи-

*) Для Лифляндіи: Уложенія о крестьянахъ 9 Іюля 1849 и 13 Ноября 1860; для острова Эзеля: положеніе 19 Февраля 1865; для Эстляндіи: положеніе 5 Іюля 1856, правила въ измѣненіе и отмѣну многихъ статей его 23 Января 1859, правила о вознагражденіи хозяевъ удаляемыхъ изъ ихъ усадебъ 18 Февр. 1866; для Курляндіи: положеніе 6 Сент. 1863; общія для трехъ губерній положенія: объ отлучкахъ и перечисленіяхъ крестьянъ 9 Іюля 1863, объ устройствѣ волостей 19 Февраля 1866, объ общественномъ *благосостояніи* (значитъ благоустройствѣ) въ волостяхъ 18 Іюля 1866: о видахъ и мѣрѣ наказаній налагаемыхъ волостными и приходскими судами 5 Ноября 1866 года и т. д.

тая ни множества Высочайшихъ повелѣній и указовъ относящихся до отдѣльныхъ, болѣе специальныхъ предметовъ, ни цѣлаго ряда мало у насъ извѣстныхъ инструкцій и регламентовъ, изданныхъ на мѣстахъ, въ поясненіе, дополненіе и, очень нерѣдко, въ искаженіе и отмѣну дѣйствующихъ законовъ. Ближайшими поводами къ составленію большей части исчисленныхъ положеній, были опасенія за спокойствіе края, неудовольствіе поселянъ, начинавшіяся между ними волненія и дознанная неудовлетворительность ихъ быта; каждому приступу къ преобразованію его предшествовала строгая критика прежнихъ законодательныхъ мѣръ, приводившая къ чистосердечнымъ сознаніямъ въ учиненныхъ ошибкахъ, и, каждый разъ, правительство, въ новыхъ своихъ положеніяхъ, не только впадало въ прежнія ошибки, но нерѣдко даже усугубляло ихъ. На практикѣ, обнаруживались явленія еще болѣе невѣроятныя; чѣмъ громче оглашались такъ называемыя „великодушныя пожертвованія дворянства“ чѣмъ торжественнѣе объявлялись крестьянамъ новыя, такъ называемыя „благодѣянія“ долженствовавшія даровать имъ счастье, тѣмъ бѣдственнѣе и безвыходнѣе становилось ихъ положеніе. Дѣло доходило до того, что окончательно осчастливленные поселяне, возчувствовавъ полновѣсность падавшаго на нихъ благополучія, съ отчаянія, бросали свою родину и собирались уходить на Амуръ или за Волгу, а иногда даже встрѣчали съ кольями воинскія команды, приносившія имъ на штыкахъ своихъ давно ожидаемыя улучшенія.*) На всѣ этого рода явленія у Балтійскаго дворянства имѣется издавна припасенное объясненіе, то самое, которымъ Поляки объясняютъ теперь жалобы Русскихъ въ Галиціи, а Венгерцы неудовольствіе южныхъ Австрійскихъ Славянъ:

*) Какъ на пр. въ Эстляндіи, при обнародованіи и введеніи въ дѣйствіе положенія 1856 года.

„злонамѣренные подстрекатели — вотъ и все!“ Кажется однако, что мы уже на столько успѣли присмотрѣться у себя дома къ ходу крестьянскихъ дѣлъ вообще, что пора бы было перестать морочить насъ этимъ ничего не объясняющимъ объясненіемъ.

Намѣреваясь посвятить одинъ изъ послѣдующихъ выпусковъ (а можетъ быть и нѣсколько выпусковъ) подробному изслѣдованію крестьянскаго вопроса въ Балтійскихъ губерніяхъ, я ограничусь теперь указаніемъ на главные моменты его развитія въ послѣдніе истекшіе года, причемъ однако, для ясности, долженъ буду упомянуть вкратцѣ о законодательныхъ мѣрахъ прежняго времени.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императоръ Александръ I, убѣдившись въ крайне бѣдственномъ положеніи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ крестьянъ и усмотрѣвъ, что упадокъ ихъ благосостоянія произошелъ, главнѣйшимъ образомъ, отъ того, что съ теченіемъ времени, коренное положеніе изданное и введенное Шведскимъ правительствомъ для обезпеченія хозяйственнаго ихъ быта,*)

*) Правилами этого *строго обязательнаго* положенія такъ мало стѣснялись въ Лифляндіи и Эстляндіи въ первой половинѣ прошлаго вѣка, а нашему правительству онѣ были такъ мало извѣстны, что въ 1739 году, на запросъ Юстицъ-Коллегіи о правахъ помѣщиковъ по отношенію къ ихъ крестьянамъ, Ландратъ Розенъ, отъ имени Лифляндскаго дворянства, могъ позволить себѣ, не боясь быть уличеннымъ въ обманѣ, отвѣтить, что помѣщики, располагая личностью и всѣмъ имуществомъ своихъ крестьянъ какъ полною и неограниченною своею собственностью, могли облагать ихъ всякаго рода повинностями по своему усмотрѣнію; что, хотя и существовали опредѣленія о размѣрѣ барщины и даней, но эти опредѣленія исходили отъ доброй воли самихъ помѣщиковъ (aus blosser Willkühr der Herrschaft) отнюдь не имѣли въ отношеніи къ нимъ обязательной силы и нисколько не отнимали у нихъ права переступать установленный размѣръ повинностей (es ist die Masse der Gerechtigkeit und deren Dienste nicht etwa als nicht zu überschreiten seiender Anschlag von einer Landes-Herrschaft vorgeschrieben) и, наконецъ, что постановленія Шведскаго правительства о повинностяхъ имѣли исключительною цѣлью обезпеченіе казеннаго интереса, то есть оцѣнку податной единицы, но не давали крестьянамъ никакихъ правъ и ни въ чемъ не стѣсняли полновластія помѣщиковъ. (Hermes oder kritisch. Jahrbuch der Literatur 3. 1821 über

пришло въ забвеніе, рѣшился возстановить главныя основанія этого положенія, а именно: предоставить крестьянамъ неотъемлемое право наслѣдственнаго пользованія землею, издревле носившею названіе крестьянской, и опредѣлить обязательными правилами виды и размѣръ ихъ повинностей, по количеству и по степени производительности отведенной имъ земли. Въ этихъ видахъ, изданы были такъ называемые регулативы для Эстляндіи въ 1802 и 1805 годахъ, а для Лифляндіи подробное положеніе 1804 года. Путь избранъ былъ на сей разъ самый вѣрный и нѣтъ сомнѣнія, что при нѣкоторой настойчивости, имѣя готовую точку опоры въ прежнихъ, по своему времени образцовыхъ Шведскихъ законахъ, правительство достигло бы своей цѣли, по крайней мѣрѣ, положило бы прочное основаніе дальнѣйшему, нормальному развитію крестьянской реформы. Но именно потому то мѣстное дворянство и признало нужнымъ сманить его на другую дорогу, развернувъ передъ нимъ знамя въ то время моднаго либерализма, и, забѣжавъ такъ сказать впередъ, мнимымъ отреченіемъ отъ крѣпостнаго права на личность, побудить верховную власть отказаться отъ своихъ начинаній. Этотъ ловкій маневръ удался какъ нельзя лучше. Въ 1816, 1817 и 1819 годахъ, крестьяне трехъ Балтійскихъ губерній признаны были номинально свободными, безъ права выхода изъ губерніи, къ которой они были приписаны, съ крайне стѣснительными ограниченіями права перечисленія въ города и въ другія сельскія общества, съ полнымъ подчиненіемъ волостнаго общественнаго управленія вотчинной конторѣ, и съ оставленіемъ за помѣщикомъ или за его повѣреннымъ прежняго произвола, подъ

---

die neuerlich begründete Bauernfreiheit in den Russ. Ostseeprov. No. 7). Вотъ каковы справки доставляемыя представителями Балтійскихъ сословій изъ арсенала ихъ привилегій.

названіемъ вотчинной или мызной полиціи, то есть домашней расправы надъ крестьянами. Въ тоже время, однимъ почеркомъ пера, были упразднены: во первыхъ, исторически выработавшееся и только что передъ этимъ законодательнымъ порядкомъ признанное поземельное право крестьянъ (разумѣя подъ этимъ право наслѣдственнаго пользованія землею носившею названіе крестьянской) и, во вторыхъ, всякое законное ограниченіе размѣра крестьянскихъ повинностей отбываемыхъ въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ, обезпеченіе крестьянъ землею, безъ которой они не могли жить, равно какъ и опредѣленіе барщины или оброка предоставлены были такъ называемому *полюбовному соглашенію* поселянъ и помѣщиковъ, какъ сторонъ будто бы равноправныхъ и другъ отъ друга независимыхъ. Послѣдствія этой, въ полномъ смыслѣ слова, революціонной мѣры,*) вызванной ходатайствами консервативнѣйшаго изъ всѣхъ сословій въ мірѣ, стали обнаруживаться очень скоро, но обратили на себя вниманіе высшаго правительства не ранѣе какъ въ сороковыхъ годахъ, послѣ продолжительныхъ волненій и цѣлаго ряда экзекуцій, сперва въ Лифляндіи, а потомъ въ Эстляндіи (въ Курляндіи, гдѣ гораздо раньше чѣмъ въ двухъ другихъ Балтійскихъ губерніяхъ, вошли въ обычай наслѣдственныя аренды и денежный оброкъ, крестьяне, до исхода пятидесятыхъ годовъ, находились въ положеніи сравнительно лучшемъ). — „Собственно говоря, только тогда (въ 1816—1819 годахъ) Балтійскіе помѣщики и покорили себѣ весь край“ — такъ выражается одинъ изъ тамошнихъ публицистовъ, притомъ дворянинъ и помѣщикъ. — „Да,

---

*) Я называю ее революціонною, во первыхъ, какъ радикальный разрывъ съ историческимъ прошедшимъ и легкомысленное упраздненіе сложившагося факта во имя отвлеченной теоріи; во вторыхъ, какъ попытку осчастливить цѣлое сословіе, не принимая нисколько въ соображеніе собственныхъ его требованій, ожиданій и надеждъ, даже не справляясь съ ними.

говоритъ другой — это была конечно ошибка, разумѣется невольная и притомъ единственная, тогдашняго главнаго двигателя крестьянскаго дѣла, Ландрата Самсона“*) — (*невольная* ошибка одного изъ умнѣйшихъ и опытнѣйшихъ дѣльцевъ Балтійскаго края!) А вотъ, въ заключеніе, приговоръ самаго правительства выраженный въ одномъ изъ журналовъ Государственнаго Совѣта: „отъ новаго порядка, благосостояніе крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ.“ Какъ на ближайшую причину этого прискорбнаго явленія единогласныя свидѣтельства указывали, съ одной стороны, на систематическое отобраніе у крестьянъ лучшихъ земель, съ другой — на крайнюю обременительность ихъ повинностей. Послѣднее обстоятельство было такъ очевидно, что правительство вынуждено было наскоро (въ 1845 году) вернуться до нѣкоторой степени къ прежней, Шведской системѣ и ограничить размѣръ барщины высшею нормою, которой помѣщикъ не долженъ былъ переступать. Затѣмъ, изысканіе мѣръ къ прочному улучшенію быта поселянъ, правительство, по заведенному порядку, возложило опять таки на мѣстное дворянство, которое подслужилось ему такимъ добрымъ совѣтомъ въ 1816—1819 годахъ. Лифляндія управилась съ этою задачею прежде Эстляндіи; проэктъ былъ составленъ, разсмотрѣнъ Княземъ Суворовымъ, который не только одобрилъ, но даже расхвалилъ его, внесенъ въ Остзейскій комитетъ, оттуда, минуя Государственный Совѣтъ,**) представленъ на Высочайшее утвержденіе и введенъ въ дѣйствіе въ видѣ опыта, на 6 лѣтъ (опытъ этотъ однако

*) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 79.

**) Государственный Совѣтъ разсматривалъ только часть этого проэкта, именно положеніе о непрерывно доходномъ банкѣ, а все остальное, *то есть самое существенное*, призналъ окончательно рѣшеннымъ, въ силу Высочайше утвержденнаго Журнала Остзейскаго Комитета (Журн. Депар. Госуд. Экон. 28 Мая и Общ. Собр. 6 Іюня 1849).

продолжался до 1860 года). И что же? Параграфомъ восьмымъ этого новаго положенія, задуманнаго для исправленія столь чистосердечно и ясно сознанныхъ ошибокъ 1819 года, дается помѣщикамъ право, при регулированіи (отграниченіи) такъ называемой *повинностной* земли,*) присоединить къ мызнымъ землямъ около трети земли *досель во владѣніи крестьянъ состоящей*, а параграфомъ вторымъ тогоже положенія, всякое опредѣленіе размѣра повинностей, основанное на поземельной оцѣнкѣ, окончательно *устраняется*, какъ дѣло будто бы *на основаніи опыта признанное не возможнымъ*, по чрезвычайной *обширности* Лифляндіи и по необыкновенной *разносвойственности* ея почвы. Иными словами: наше правительство не только не разрѣшило, но заявило себя навсегда несостоятельнымъ когда либо разрѣшить въ *одной* губерніи ту задачу, которая, въ XVII вѣкѣ, была разрѣшена съ полнымъ успѣхомъ правительствомъ Шведскимъ, была разрѣшена или разрѣшалась почти во всей Германіи, наконецъ, спустя девять лѣтъ, была возбуждена нашимъ же правительствомъ въ примѣненіи къ цѣлой Россіи и разрѣшена имъ спустя двѣнадцать лѣтъ.**) Можно конечно

*) Этотъ варварскій терминъ (Gehorchsland) выдуманъ и введенъ въ оффиціальное употребленіе съ единственною цѣлью вытѣснить прежній, историческій терминъ крестьянской земли (Bauerland) По этому поводу, я припоминаю, что ни одинъ изъ помѣщиковъ сѣверо и югозападнаго края, принимавшихъ участіе въ трудахъ Редакціонныхъ Коммиссій въ качествѣ членовъ Коммиссій или депутатовъ отъ губернскихъ Комитетовъ, ни разу, ни на бумагѣ ни въ разговорахъ, не назвалъ поземельнаго надѣла *крестьянскою* или *мірскою* землею. Они называли ее всегда *малымъ* владѣніемъ или *малою* собственностью. Такъ точно и теперь, Ирландскіе помѣщики доказываютъ, что въ Ирландіи вовсе нѣтъ *крестьянъ*, а есть *мелкіе* фермеры. Поразительно это единство пріемовъ, при единствѣ побужденій, безъ всякихъ соглашеній или стачекъ.

**) Кстати напомнить, что въ этой *обширной* Лифляндіи, въ которой цѣнность или доходность земли составляетъ будтобы неопредѣлимую величину, издавна существуетъ правильно устроенный поземельный кредитъ, которымъ не безъ причины хвалится тамошнее дворянство, и котораго главныя основанія заключаются въ правилахъ Шведской оцѣнки.

до нѣкоторой степени примириться съ мыслью, что въ 1849 году, правительство не имѣло еще случая выяснить себѣ главныя условія прочнаго обезпеченія крестьянскаго быта; но къ чему же было связывать себя напередъ, отнимая у себя право прибѣгнуть въ послѣдствіи къ системѣ, не только не опровергнутой опытомъ, но въ то время у насъ даже серьезно еще не испробованной? При этомъ, была ли надобность, даже умѣстно ли было, вносить такую декларацію принципа *въ крестьянское Уложеніе*, которое, въ добавокъ, вводилось въ видѣ опыта, и въ пригодности котораго само правительство, какъ видно, далеко не было убѣждено? Одною этою декларацією, правительство испортило все дѣло, не только въ настоящемъ но и въ будущемъ, лишило себя возможности поправить его, не впадая съ самимъ собою въ явное противорѣчіе, и добровольно выпустило всю суть вопроса изъ своихъ рукъ. Но это еще не все: даже только что передъ этимъ изданное постановленіе о высшемъ размѣрѣ барщины почему то не нашло себѣ мѣста въ новомъ положеніи 1849 года, хотя въ немъ были сведены и соглашены всѣ прежніе законы, циркуляры и мѣстныя распоряженія о крестьянахъ, и хотя, въ числѣ другихъ его достоинствъ, Князь Суворовъ указывалъ именно на полноту этого свода. Со стороны высшаго правительства, какъ видно изъ послѣдующаго дѣлопроизводства, это былъ простой недосмотръ; но примѣнимо ли это оправданіе къ дворянской коммиссіи сочинявшей проэктъ положенія, къ Лифляндскому Ландтагу, который такъ долго взвѣшивалъ и обдумывалъ каждую его статью, наконецъ, къ ближайшей мѣстной власти, подъ наблюденіемъ которой положеніе изготовлялось и которая разсматривала его въ два если не въ три пріема?

Къ сожалѣнію, началамъ системы принятой въ 1849 г., правительство осталось вѣрно во всѣхъ послѣдующихъ

узаконеніяхъ изданныхъ имъ для трехъ Балтійскихъ губерній. Съ одной стороны, какъ будто связанное страннымъ запретомъ имъ самимъ на себя наложеннымъ, или отуманенное напущенными на него софизмами, оно и не возбуждало вопроса о законодательномъ опредѣленіи размѣра крестьянскихъ повинностей, не только въ то время когда это вмѣнилось въ непремѣнную обязанность открытымъ во всей Россіи губернскимъ комитетамъ, но даже по утвержденіи положенія 19 февраля 1861 года и по введеніи его въ дѣйствіе. О томъ, что казалось возможнымъ, естественнымъ и необходимымъ для огражденія Русскихъ крестьянъ отъ Русскихъ помѣщиковъ, о томъ, противъ чего почти никто изъ послѣднихъ даже не спорилъ, правительство какъ будто не дерзало и подумать въ примѣненіи къ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. — „Какъ можно! Это все хорошо для полудикой страны, въ которой ничто не дѣлается иначе какъ изъ подъ палки, по принужденію; но съ чего бы прибѣгать къ такимъ средствамъ въ благодатной странѣ гдѣ все разрѣшается само собою, полюбовными сдѣлками? У насъ вѣдь царство свободы! Давайте намъ только по чаще воинскія команды, какъ только мы ихъ потребуемъ, да не мѣшайте намъ расправляться по своему съ злонамѣренными *подстрекателями*, и вы увидите какъ скоро водворятся между крестьянами и нами нормальныя отношенія, плодъ добровольныхъ соглашеній“ — вотъ въ сущности что говорили, писали и что повторяютъ до сихъ поръ Балтійскіе дворяне и публицисты. Не знаю вполнѣ ли они убѣдили правительство, но, во всякомъ случаѣ, судя по его дѣйствіямъ, оно вѣрило имъ безусловно: въ воинскихъ командахъ для подкрѣпленія теоріи экономической свободы никогда не отказывало и терпѣливо выжидало, до сихъ поръ выжидаетъ, пока желанная гармонія нормальныхъ отношеній сама собою осуществится. Въ Лифляндіи, положеніемъ 1860 года, высшій предѣлъ (maximum) барщины

былъ однако возстановленъ; въ Эстляндіи, онъ былъ сохраненъ; но предѣлъ, въ этой послѣдней губерніи, былъ поднятъ на такую высоту, до которой не было физической возможности достигнуть — вотъ все что было сдѣлано для огражденія крестьянъ отъ вымогательствъ. Это было конечно не много; но всётаки это было что нибудь; по крайней мѣрѣ, крестьянинъ *отбывавшій барщину* былъ обезпеченъ въ томъ отношеніи, что пока онъ исправно исполнялъ свои работы, помѣщикъ не имѣлъ права удалить его съ усадьбы подъ предлогомъ увеличенія повинности, даже по истеченіи контрактнаго срока.

Съ другой стороны, правительство продолжало, съ непостижимою легкостью, разрѣшать урѣзки отъ крестьянскихъ земель, то по поводу отобранія неправильно захваченныхъ полосокъ, то по поводу размежеванія и округленія усадьбъ, то наконецъ по поводу введенія денежнаго оброка, какъ бы въ вознагражденіе владѣльцевъ за отмѣну барщины. На этомъ послѣднемъ основаніи, Эстляндскимъ помѣщикамъ въ 1856 году (ст. 17 полож. 5 Іюля 1856 года) а Эзельскимъ въ 1865 (ст. 8. полож. 19 февраля 1865 года) дано было право отобрать и прирѣзать къ мызнымъ землямъ до $^1/_6$ земель находившихся въ пользованіи крестьянъ, притомъ по выбору и усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ — позволительно думать, что выборъ ихъ палъ не на худшіе участки. Здѣсь, невольно, приходитъ на мысль сравненіе. Въ *царствѣ свободы* (то есть въ Балтійскихъ губерніяхъ) существуетъ, какъ всѣмъ извѣстно, очень и даже слишкомъ многочисленное сельское батрачество; крестьяне хозяева всегда держали при себѣ батраковъ, отбывавшихъ за нихъ почти всѣ работы на помѣщичьихъ хуторахъ, да и помѣщики, въ подспорье къ барщинѣ, постоянно прибѣгали къ наемнымъ работникамъ изъ того же класса сельскихъ батраковъ; на оборотъ, во внутреннихъ губерніяхъ *полудикой*

Россіи, въ мѣстностяхъ издѣльныхъ, по свойству господствующей у насъ системы землевладѣнія, батрачество составляло крайне рѣдкое исключеніе, и помѣщики располагали на барщинѣ исключительно рабочими силами тяглыхъ, то есть надѣленныхъ землею крестьянъ. Итакъ, скорѣе можно было опасаться, что у насъ, а не въ Балтійскихъ губерніяхъ, съ отмѣною барщины, окажется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и наступитъ для помѣщиковъ тяжелый хозяйственный кризисъ; поэтому, естественнѣе, по крайней мѣрѣ извинительнѣе было бы помѣщикамъ центральныхъ губерній выпрашивать себѣ, по поводу перехода на оброкъ, какого либо вознагражденія на счетъ крестьянскихъ надѣловъ. Но къ чести нашего дворянства, никто, сколько мнѣ извѣстно, и не подумалъ предъявить подобное требованіе; по крайней мѣрѣ, оно никогда не доходило до обсужденія, а въ Балтійскихъ губерніяхъ, оно не только было предъявлено цѣлымъ сословіемъ, но было признано и удовлетворено правительствомъ, даже безъ всякихъ возраженій или споровъ. Очевидно: полудикая Россія не считалась примѣромъ для царства свободы; прибавлю, что къ счастью нашему, и мы не брали въ то время царства свободы за образецъ для нашей полудикой страны.

До сихъ поръ, рѣчь шла о Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то тамъ правительство даже и не помышляло ни объ установленіи высшаго предѣла повинностей, ни о предупрежденіи обезземеленія крестьянъ, не смотря на то, что именно въ этой послѣдней губерніи, какъ будто захотѣвшей разомъ догнать Лифляндію и Эстляндію, систематическое упраздненіе крестьянскихъ дворовъ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, приняло характеръ какой то лихорадочной спекуляціи и производилось въ громадныхъ, дотолѣ не слыханныхъ размѣрахъ.

Дѣло наконецъ дошло до того, что въ 1867 году, само Курляндское дворянство, добровольно, издало постановленіе (конечно обязательное только для частныхъ лицъ, а не для всего сословія) которымъ запретило всякія дальнѣйшія урѣзки крестьянскихъ участковъ. Видно ужъ нечѣмъ было поживиться на счетъ крестьянъ.

Все это разрѣшалось и попускалось, на все это правительство смотрѣло сквозь пальцы, въ видахъ, во первыхъ: скорѣйшаго переложенія барщины на денежную повинность и, во вторыхъ, выкупа крестьянскихъ земель. Къ этимъ двумъ цѣлямъ стремилось оно въ послѣднее время, и стремленію его, повидимому, вполнѣ сочувствовали Балтійскіе помѣщики, почему то вдругъ преисполнившіеся какого то несказаннаго омерзѣнія къ барщинѣ. На ландтагахъ и во всѣхъ своихъ проэктахъ, дворянство не переставало твердить, что издѣльная повинность отжила свой вѣкъ, что скоро пробьетъ ея послѣдній часъ, и что уже теперь должно смотрѣть на нее какъ на преходящую временную, только что терпимую форму хозяйственныхъ отношеній; правительство, слыша такія сужденія, радовалось, благодарило, кланялось на всѣ три стороны и повторяло вслѣдъ за дворянствомъ, что о барщинѣ много толковать не стоитъ, такъ какъ уже въ 1849 году она была окончательно признана формою несостоятельною и несвоевременною. Не знаю только: много ли отъ такого признанія стало легче тѣмъ крестьянамъ, которые, послѣ этого, въ проложеніи цѣлыхъ 18[ти] лѣтъ, по прежнему сѣяли, жали и молотили по наряду господскій хлѣбъ? — Посмотримъ же какъ совершилось въ Балтійскомъ краѣ переложеніе барщины на денежный оброкъ и какъ производится выкупъ крестьянскихъ земель. Такъ какъ я пишу преимущественно для Русскихъ читателей, то прибѣгну опять къ сравненію порядка вещей введеннаго во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, въ 1861 году, съ порядкомъ почти

единовременно установленнымъ, по распоряженію того же правительства, въ Балтійскомъ краѣ.

У насъ, никто не можетъ *заставить* крестьянина состоящаго на барщинѣ платить, за землю которою онъ пользуется, деньгами; но крестьянинъ можетъ, когда самъ захочетъ, освободиться отъ барщины и замѣнить ее денежною повинностью. Итакъ, у насъ, крестьянинъ *переходитъ* на оброкъ; это его право.

Въ Балтійскомъ краѣ, въ странѣ свободы, почему то не догадались предоставить крестьянину такое же право, а вмѣсто этого, дали право помѣщику, по своему усмотрѣнію, отмѣнять барщину и требовать, чтобы крестьянинъ арендующій у него усадьбу расплачивался за нее, не работами, а деньгами.*) Безъ согласія помѣщика, крестьянинъ не могъ перейти съ издѣльной повинности на денежную; но когда помѣщикъ требовалъ оброка вмѣсто рабочихъ дней, крестьянинъ долженъ былъ покориться его требованію или сойти съ усадьбы. Итакъ, въ странѣ свободы, крестьянинъ не переходилъ, а *переводился* на оброкъ.

Далѣе, въ полудикой Россіи, размѣръ оброка установленъ закономъ и, въ точности, означенъ въ уставной грамотѣ; бо́льшаго помѣщикъ требовать не можетъ и потому, переходя съ барщины на оброкъ, крестьянинъ переходитъ съ извѣстной, опредѣленной закономъ, на извѣстную же, тѣмъ же закономъ опредѣленную повинность. Не такъ въ странѣ свободы. Какъ было сказано выше, въ Лифляндіи и Эстляндіи, правительство ограничило вымогательства помѣщиковъ опредѣленіемъ высшаго размѣра *барщины;* но никакого подобнаго постановленія относительно денежнаго оброка издано не было; здѣсь, помѣщикъ

*) Въ послѣдствіи, назначенъ былъ общій срокъ, къ которому помѣщики обязаны были отмѣнить отбываніе барщины.

можетъ требовать чего хочетъ, а крестьянинъ жаловаться не въ правѣ. Итакъ, въ странѣ свободы, переводъ съ барщины на оброкъ значитъ переводъ съ повинности, которой положенъ былъ предѣлъ, на повинность, которая можетъ быть возвышаема безъ ограниченія, по личному усмотрѣнію взимающаго ее. Ужъ не оттого ли Балтійское дворянство такъ искренно возненавидѣло барщину, съ 1846 года, и такъ полюбило оброкъ, о которомъ (по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи) оно до этого времени не хотѣло и слышать?

Наконецъ, у насъ, поземельныя права крестьянъ, при замѣнѣ барщины оброкомъ, ни въ чемъ не измѣняются и нисколько не колеблятся; чѣмъ владѣли издѣльные крестьяне, тѣмъ же владѣютъ и оброчные, такъ что потери для нихъ отъ перехода на оброкъ, въ этомъ отношеніи, нѣтъ и не можетъ быть. Въ Балтійскомъ краѣ, введеніе оброчной повинности навело помѣщиковъ на изобрѣтеніе новаго предлога къ удаленію хозяевъ изъ арендуемыхъ ими усадьбъ. Въ силу новѣйшихъ положеній изданныхъ для Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, помѣщикъ объявляетъ крестьянину-хозяину, что онъ, помѣщикъ, отмѣняетъ барщину и требуетъ денежнаго оброка въ такомъ то размѣрѣ; затѣмъ, онъ спрашиваетъ у крестьянина согласенъ ли онъ платить такой оброкъ? Крестьянинъ божится и клянется, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не успѣлъ приготовиться и умоляетъ продержать его еще годъ или два на барщинѣ; но помѣщикъ мотаетъ головою и говоритъ: „не могу, любезный, и не хочу; барщина мнѣ надоѣла; это негодная, временная форма и, выводя ее въ своемъ имѣніи, я исполняю волю правительства. Рѣшайся, или — долой съ усадьбы; охотниковъ до нея довольно и мѣсто не останется празднымъ; ко мнѣ ужъ набиваются такойто и такойто.“ — Крестьянинъ, покряхтѣвъ, предлагаетъ оброкъ на половину или на одну треть ниже назначеннаго помѣщикомъ, объясняя, что по такимъ то и такимъ то причинамъ, онъ не въ состояніи платить больше, но помѣщикъ твердо стоитъ на своемъ и, если крестьянинъ не соглашается подчиниться его требованіямъ, то онъ сгоняетъ его и передаетъ усадьбу другому, болѣе сговорчивому, болѣе состоятельному, или менѣе осторожному хозяину. Само собою разумѣется, что нѣтъ причины предполагать, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при введеніи оброка вмѣсто прежней барщины, крестьянскій дворъ переходилъ непремѣнно въ другія руки; но довольно и того, что эта операція допускается закономъ. Помѣщикъ, по предоставленному ему праву, сдастъ участокъ какъ бы съ торговъ, тому кто предложитъ за него высшую плату, помимо прежняго хозяина. Тоже самое повторяется при каждой переоброчкѣ участка, по истеченіи контрактнаго срока. Повторяю — это не злоупотребленіе, а законъ, и потому прежній хозяинъ, превратившійся вдругъ въ бездомнаго бобыля, не въ правѣ на это жаловаться. Помочь ему въ этомъ горѣ никто не можетъ, ибо нѣтъ правила, которое бы ограничивало произволъ помѣщика въ запросѣ оброка, а нѣтъ такого правила потому, что правительство, еще въ 1849 году, признало соразмѣреніе повинностей съ цѣнностью земли задачею неразрѣшимою, а признало оно эту задачу неразрѣшимою потому, что Балтійскій край чрезвычайно *обширенъ* (вѣроятно по сравненію съ остальною Россіею) и что почва въ немъ разнокачественна. Мы видѣли что значитъ введеніе денежнаго оброка въ полудикой Россіи, гдѣ личность *подавляется деспотизмомъ общины*, (какъ выражаются Балтійскіе бароны) и въ благословенной странѣ свободы, гдѣ такъ высоко уважается и такъ бережно охраняется право *личное*.

Теперь перейдемъ къ выкупу. Объ немъ начали толковать и сочинять правила съ 1845 года; въ 1849 году, въ Лифляндіи, открытъ былъ крестьянскій непрерывно-до-

ходный банкъ, въ видахъ облегченія выкупа крестьянскихъ земель; но онъ не оправдалъ ожиданій и черезъ нѣсколько лѣтъ прекратилъ свои дѣйствія. Немного спустя, когда, послѣ благополучнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса у насъ, стали обнаруживаться между крестьянами Прибалтійскихъ губерній признаки какого то нетерпѣливаго ожиданія, правительство выразило твердое свое намѣреніе предоставить имъ дѣйствительную возможность пріобрѣсти въ собственность остатокъ уцѣлѣвшихъ въ ихъ пользованіи земель. Это былъ послѣдній, удобный случай исправить сколько нибудь рядъ сдѣланныхъ прежде ошибокъ и можно было надѣяться, или (разсуждая съ точки зрѣнія Балтійскаго рыцарства) можно было опасаться, что хоть на сей разъ, правительство взглянетъ на дѣло своими глазами, тѣми же какими оно смотрѣло на него въ 1861 году, въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; но и эта надежда не сбылась.

У насъ (по положенію 19 Февр. 1861 года)*) да и не только у насъ, а также въ Пруссіи, въ Австріи и въ другихъ земляхъ, выкупная операція (Ablösung, rachat) имѣетъ цѣлью возвести право обезпеченнаго пользованія крестьянскою землею въ право полной собственности; въ этомъ смыслѣ, она по справедливости разсматривается какъ завершеніе крестьянской реформы и этимъ отличается отъ всякой обыкновенной покупки и продажи. Иными словами: выкупная операція предпринимается вовсе не въ тѣхъ видахъ, чтобы та или другая полоска земли отошла отъ цѣлаго имѣнія и, изъ рукъ помѣщика, перешла въ *чьи нибудь* иныя руки, а чтобъ она сдѣлалась собственностью именно того лица, юридическаго или физическаго (цѣлаго общества или семейства взятаго порознь) которое этою

*) Я намѣренно не привожу для сравненія законоположеній изданныхъ для Польши и для Западнаго края, такъ какъ читатели могли бы сказать, что въ этихъ мѣстностяхъ, политическія соображенія имѣли вліяніе на разрѣшеніе хозяйственнаго вопроса.

землею пользовалось. Отсюда вытекаетъ естественно, какъ непремѣнное условіе выкупной операціи, что выкупной платежъ долженъ быть соразмѣренъ съ средствами выкупающихъ, слѣдовательно: размѣръ его долженъ быть болѣе или менѣе точно опредѣленъ закономъ и, разумѣется, опредѣленіе это ни на чемъ иномъ основано быть не можетъ какъ на повинности, которою оплачивалось пользованіе выкупаемымъ участкомъ.

Въ положеніи 19 Февраля 1861 года, это начало выдержано во всей строгости и оттого, въ тѣхъ мѣстностяхъ на которыя распространяется его дѣйствіе, выкупъ, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ не предствлять для крестьянъ особенныхъ выгодъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ ставить ихъ въ необходимость подчиниться условіямъ болѣе для нихъ тягостнымъ чѣмъ тѣ, на которыхъ они держатъ помѣщичью землю въ обязательномъ пользованіи.

Совершенно иное представляется намъ въ Балтійскомъ краѣ. Во исполненіе требованія правительства, дворянство подвернуло ему проэкты положеній не о *выкупѣ* (въ томъ смыслѣ какое это слово имѣетъ вездѣ) а о возможно выгодной для помѣщиковъ *продажѣ* земель состоящихъ въ пользованіи крестьянъ. Сущность этихъ проэктовъ заключалась въ слѣдующемъ. Крестьянину, ни въ какомъ случаѣ, не предоставляется *права* требовать, чтобы ему была продана хотя бы самомалѣйшая часть земли состоящей подъ его усадьбою — продать или ни продавать зависитъ исключительно и безусловно отъ доброй воли помѣщика. Напротивъ, послѣднему предоставлена въ этомъ дѣлѣ полная инициатива. Онъ можетъ, во всякое время, пустить участокъ въ продажу и пріискивать себѣ покупщика, гдѣ ему вздумается, не выжидая запроса со стороны хозяина участка. Рѣшившись на продажу, помѣщикъ назначаетъ цѣну по своему усмотрѣнію — въ этомъ

отношеніи, требованіямъ его не полагается никакихъ границъ. Затѣмъ, если крестьянинъ сидящій на продаваемой землѣ не захочетъ купить ее, или найдетъ цѣну слишкомъ высокою, или признаетъ себя несостоятельнымъ къ ея уплатѣ, то ничто не мѣшаетъ помѣщику, помимо хозяина усадьбы, продать ее стороннему лицу, тому кто дастъ за нее больше, или кого онъ излучитъ, хотя бы даже и не крестьянину (то есть не лицу записанному въ крестьянскій окладъ) а кому бы то ни было, мѣщанину, биргеру, пришедшему изъ Пруссіи колонисту, даже своему брату дворянину, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы покупщикъ причислился къ мѣстному волостному союзу, конечно не теряя при этомъ личныхъ правъ присвоенныхъ его состоянію. Въ такомъ случаѣ, также какъ и при переводѣ на оброкъ или при возвышеніи оброка, прежній хозяинъ, отказавшійся, по неимѣнію средствъ, заплатить за свою усадьбу цѣну дѣйствительно или будтобы предлагаемую другимъ лицемъ, сгоняется со двора и остается безъ земли. Проэкты, на изложенныхъ основаніяхъ выработанные мѣстными Ландтагами, были утверждены правительствомъ безъ всякихъ измѣненій. Въ изданныхъ имъ законоположеніяхъ, вышеописанныя операціи названы: одна — *непринужденнымъ* введеніемъ оброчной системы, другая — *свободнымъ и полюбовнымъ пріобрѣтеніемъ* недвижимой собственности. На словахъ, это выходитъ благовидно, пожалуй даже умилительно; но переведите Балтійскую терминологію на языкъ правды, и передъ вами раскроются осязательные результаты нашей слѣпой довѣрчивости. Личное поземельное право каждаго крестьянина владѣющаго усадьбою теперь окончательно отдано въ жертву произволу землевладѣльца, такъ какъ нежеланіе или неспособность крестьянина подчиниться ничѣмъ не ограниченнымъ требованіямъ помѣщика, какъ при замѣнѣ барщины оброкомъ, или при возвышеніи прежняго оброка, такъ и при

выкупѣ, признаются законными поводами къ удаленію крестьянина изъ его усадьбы. Послѣднее право, которымъ все еще пользовались крестьяне какъ сословіе, именно: право, за исключеніемъ всѣхъ другихъ сословій, владѣть крестьянскою землею, теперь у нихъ отнято, такъ какъ всѣ желающіе, безъ различія званія и происхожденія, допускаются къ пріобрѣтенію въ собственность крестьянскихъ усадьбъ. Наконецъ, помѣщику дана полная возможность, подъ угрозою отобранія усадьбы у владѣющаго ею хозяина, вытянуть изъ него оброкъ или выкупъ несоразмѣрный, не только съ личными его средствами, но и съ цѣнностью самой усадьбы.

На это обыкновенно отвѣчаютъ, что вѣдь въ странѣ экономической свободы крестьянинъ не привинченъ къ своей усадьбѣ; законъ не обязываетъ его, противъ воли, держать помѣщичью землю и отбывать за нее повинность — тамъ вѣдь не то, что въ остальной Россіи: общинное владѣніе и круговая порука не сковываютъ рабочихъ силъ и не парализируютъ личной предпріимчивости; находитъ крестьянинъ, что предлагаемыя ему условія найма или покупки для него выгодны, онъ беретъ землю, а покажутся ему условія тягостными, онъ оставляетъ ее и уходитъ куда хочетъ. На то его воля, которой никто не стѣсняетъ. Какъ же бы могъ помѣщикъ *навязывать* ему оброкъ или выкупъ? . . .

Все это однако не болѣе какъ фикція (если не злая насмѣшка). Всмотритесь серьезно въ хозяйственную обстановку Прибалтійскихъ крестьянъ и вы убѣдитесь, что при заключеніи условій о наймѣ или о покупкѣ земли, равновѣсіе между свободнымъ запросомъ и свободнымъ предложеніемъ нарушается къ ущербу крестьянъ давленіемъ *гнетущей нужды*, силы не всѣмъ знакомой по личному опыту, но всемогущей надъ судьбою милліоновъ подвергающихся ея дѣйствію. Во первыхъ, со времени

упраздненія на бумагѣ личнаго крѣпостнаго права (въ 1816—1819) по настоящее время, число крестьянскихъ дворовъ (я разумѣю дворовъ тяглыхъ — Gesindewirthschaften) не смотря на прибыль сельскаго народонаселенія, въ общей сложности, не увеличилось, если не уменьшилось. На примѣръ, въ Лифляндіи, сельское народонаселеніе составляетъ около 700,000 душъ; — тяглыхъ крестьянскихъ дворовъ, Гупель насчитывалъ въ 1789 году около 40,000, со включеніемъ дворовъ не надѣленныхъ пахатною землею (Loostreiberhütten) 40900; а коммиссія приводившая въ дѣйствіе положеніе 1849 года, нашла уже не болѣе 38,962 крестьянскихъ дворовъ вообще.*) Понятно, что при столь явной несоразмѣрности числа дворовъ съ числомъ душъ, на каждое опроставшееся мѣсто является множество охотниковъ, вслѣдствіе чего, между съемщиками или покупщиками, открывается конкурренція для нихъ убійственная, но очень выгодная для отдатчика, у котораго крестьянскія земли разбираются на расхватъ. Во вторыхъ, сельское народонаселеніе въ Балтійскомъ краѣ частью по неспособности или непривычкѣ, частью благодаря дѣйствію прежнихъ законовъ, не знаетъ почти никакихъ промысловъ, и добываетъ себѣ пропитаніе исключительно земледѣліемъ. Тамошній крестьянинъ можетъ быть только пахаремъ или сельскимъ батракомъ; но прежде чѣмъ хозяинъ разжалуетъ себя въ батраки, онъ полѣзетъ въ петлю. Въ третьихъ, все имущество тяглаго крестьянина, иначе хозяина, заключается въ лошади, рабочемъ скотѣ и земледѣльческихъ орудіяхъ; лишившись неожиданно осѣдлости, съ такого рода движимостью управиться невозможно; она обращается въ тягость и потому остается, поскорѣе, сбыть ее за безцѣнокъ, то есть разориться въ конецъ. Прибавьте къ этому естественную, до страсти

*) Die Intensität der Livländischen Landwirthschaft etc. von C. Hehn. Dorpat. 1858.

доходящую, очень часто неразсчетливую привязанность крестьянина къ насиженному мѣсту, къ дому, который онъ выстроилъ или, по крайней мѣрѣ, чинилъ и поддерживалъ, къ полю, которое онъ удобрилъ, къ кустовой землѣ (Buschland), которую онъ распахалъ, очистилъ, изъ которой онъ создалъ пашню, и вы конечно согласитесь, что вовсе не трудно, пригрозивъ ему удаленіемъ изъ усадьбы, довести его до принятія условій для него нетолько не выгодныхъ, но даже разорительныхъ. Наконецъ, къ указаннымъ побужденіямъ, въ большей или меньшей степени дѣйствующимъ и въ другихъ мѣстностяхъ, присоединяется еще одно, особенное, можетъ быть не всѣмъ читателямъ извѣстное, такъ какъ оно нигдѣ не встрѣчается кромѣ Балтійскихъ губерній.

По дѣйствующимъ въ нихъ законамъ, крестьяне — хозяева (Gesindewirthe) и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ихъ нареченные наслѣдники по хозяйству, не призываются къ рекрутскому жеребью; но лишаясь усадьбы, то есть переставая быть хозяевами, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаются и этой льготы и подпадаютъ подъ общее правило. Итакъ, можно сказать, что казна даритъ каждому Балтійскому помѣщику столько рекрутскихъ квитанцій сколько въ его имѣніи находится тяглыхъ дворовъ; ибо каждый хозяинъ, снимая въ оброчное содержаніе или покупая тяглый участокъ, всякій разъ, сверхъ суммы выражающей доходность или стоимость земли, оплачиваетъ вотчинной конторѣ и стоимость пріобрѣтаемаго имъ изъятія отъ рекрутства. Нельзя конечно оцѣнить въ точности сколько приноситъ помѣщику и во что обходится крестьянину очень понятное желаніе послѣдняго пріобрѣсти или сохранить, во что бы ни стало, эту драгоцѣнную льготу отъ самой тягостной изъ всѣхъ государственныхъ повинностей; но едвали мы ошибемся причисливъ и это желаніе къ причинамъ объясняющимъ баснословно высокіе оброки

и выкупные платежи, принимаемые на себя крестьянами *непринужденно* (какъ гласитъ законъ и какъ говорятъ Балтійскіе дворяне) или выжимаемые изъ нихъ (какъ сказалъ бы всякій, не тамошній дворянинъ и не членъ Остзейскаго комитета).

Такимъ то образомъ завершилась въ Балтійскомъ краѣ крестьянская реформа. Въ концѣ концевъ, вышло далеко не то чего желало правительство — это очевидно; но дѣло ведено было такъ хитро, что мастерская подтасовка понятій, которою дворянство повѣнчало рядъ своихъ посягательствъ на историческія права крестьянъ и своихъ злоупотребленій довѣріемъ къ нему правительства, своевременно разоблачена не была. Ни волненія и экзекуціи, которыми сопровождалось въ Эстляндіи объявленіе „безпримѣрныхъ пожертвованій принесенныхъ дворянствомъ на пользу крестьянъ" (такъ оно само аттестовало свой проэктъ 1856 года), ни правдивое свидѣтельство довѣреннаго лица бывшаго на мѣстѣ и такъ ясно раскрывшаго обманъ, котораго невольными жертвами сдѣлалось сперва высшее правительство утвердившее этотъ проэктъ,*) а

---

*) „Въ основѣ всякаго законоположенія должна лежать *правда* и безъ нея никакой законъ не можетъ имѣть жизни и смысла; никакія формы и хитросплетенія не устоятъ при практическомъ примѣненіи ихъ къ жизни" — такъ выразился, говоря объ Эстляндскомъ положеніи 1856 года, Генер. Адъют Исаковъ; но и это сужденіе слишкомъ еще снисходительно. Дворянство торжественно заявило, что оно понижаетъ барщину на 26% (конечно противъ нормы никогда на практикѣ не существовавшей) и, съ свойственнымъ ему самохвальствомъ, прибавило „что другаго примѣра подобнаго пожертвованія въ пользу крестьянъ, исторія развитія крестьянскаго быта въ другихъ государствахъ нигдѣ не представляетъ." Къ сожалѣнію, великодушныя пожертвованія дворянства представлены были на утвержденіе правительства въ формѣ столь сложной и преднамѣренно запутанной, что правительство не высмотрѣло правды и почти вынуждено было повѣрить дворянству на слово. Между тѣмъ, на дѣлѣ обнаружилось, не говоря уже о другихъ неожиданностяхъ, что дворянство увеличило размѣръ конной барщины на счетъ пѣшей и, при переводѣ Шведской поземельной мѣры на десятины, уменьшило величину поземельной единицы, по которой исчислялась барщина. Положеніе 1856 года, дѣйствительно, не имѣетъ себѣ подобнаго, даже въ Балтійскомъ краѣ, только не въ томъ смыслѣ какъ понимало это дворянство, а какъ идеалъ недобросовѣстности и безстыдства.

потомъ крестьяне не повѣрившіе, въ его подлинность, ни добросовѣстный и превосходный трудъ скромнаго Русскаго скрывшаго свое имя (покойнаго Благовѣщенскаго, бывшаго цензора) объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ въ Эстляндіи,*) ни голосъ Курляндскаго дворянина Рутенберга,**) раздавшійся изъ за границы въ послѣднюю минуту, никого не вразумили и не предостерегли.

Предположите теперь, что какому нибудь иностранцу разсказали бы, въ главныхъ чертахъ, ходъ крестьянской реформы въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ и ходъ ея въ Балтійскомъ краѣ, не называя ему мѣстностей и не опредѣляя времени. Выслушавъ изложеніе, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ бы, что это двѣ системы, не имѣющія между собою ничего общаго, исходящія изъ совершенно различныхъ воззрѣній, ведущія къ цѣлямъ почти противоположнымъ, и, по всей вѣроятности, приводившіяся въ исполненіе въ двухъ различныхъ государствахъ, двумя различными правительствами. И вѣдь дѣло въ томъ, что иностранецъ былъ бы не такъ далекъ отъ истины какъ могло бы показаться на первой взглядъ.***) У насъ, къ составленію проэктовъ объ улучшеніи быта

---

*) Der Esthe und sein Herr etc. etc. Berlin. 1861.

**) Mecklenburg in Kurland и Edelmann und Bauer von Otto von Rutenberg. Leipzig. 1863.

***) Иногда, само правительство, какъ будто сознавая невозможность согласить его дѣйствія по крестьянской реформѣ въ Балтійскомъ краѣ съ дѣйствіями его во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ, находило не лишнимъ принимать мѣры для предупрежденія сравненій однѣхъ съ другими. Едвали не въ этихъ видахъ, положеніе о Лифляндскихъ крестьянахъ 1860 года изданіе коего совпало по времени съ окончаніемъ законодательныхъ работъ по крестьянскому дѣлу у насъ, не было пущено въ продажу. Всѣ печатные экземпляры этого положенія, *до сихъ поръ*, лежатъ заарестованными въ Сенатской книжной лавкѣ.

крестьянъ призывались, не *дворянскія общества*, а губернскіе комитеты состоявшіе *изъ дворянъ*, частью по назначенію отъ правительства, частью по выбору отъ дворянства; эти комитеты работали по заданной имъ программѣ, въ предѣлахъ заранѣе опредѣленныхъ общихъ началъ; въ случаѣ разногласій между членами комитетовъ, до высшаго правительства доводились и, въ послѣдующихъ работахъ, принимались въ соображеніе предположенія и мнѣнія не только большинства, но и меньшинства. Совершенно иначе шло дѣло въ Балтійскомъ краѣ. Тамъ, правительство почти никогда не ограничивало изобрѣтательности составителей проэктовъ какими либо предустановленными началами, а довольствовалось простымъ заявленіемъ своихъ намѣреній или желаній; затѣмъ, предположенія выработанныя приготовительными дворянскими коммиссіями поступали на предварительное разсмотрѣніе *всего дворянства*, собраннаго на ландтагъ. Тамъ, онѣ обыкновенно встрѣчали сильныя возраженія и возбуждали горячіе споры, о которыхъ до правительства едва едва доходили темные и неопредѣленные слухи; предположенія неодобренныя большинствомъ собраній отбрасывались окончательно, слѣдовательно пропадали безслѣдно для дальнѣйшей разработки вопроса, и наконецъ, на утвержденіе высшаго правительства, восходили уже проэкты представляемые отъ лица цѣлыхъ дворянскихъ обществъ и облеченные въ форму сословныхъ постановленій. Я считаю излишнимъ налегать на существенное значеніе указанной мною разницы; пусть самъ читатель сообразитъ какое направленіе могла бы принять у насъ крестьянская реформа, еслибы проэкты губернскихъ комитетовъ, до отсылки ихъ въ Петербургъ, предварительно процѣживались сквозь цензурное рѣшето дворянскихъ собраній?

Далѣе, у насъ, положеніе 19 Февр. 1861 разсматривалось порядкомъ законодательнымъ, сперва въ главномъ

комитетѣ, потомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и приведено было въ дѣйствіе какъ окончательно утвержденный законъ. Иной порядокъ установился на практикѣ для дѣлъ Балтійскаго края. Проэкты дворянскихъ обществъ объ устройствѣ быта тамошнихъ крестьянъ поступали всегда на разсмотрѣніе комитета Остзейскихъ дѣлъ;*) оттуда, почти всегда восходили прямо на Высочайшее утвержденіе и, подъ разными предлогами, по признанной ли недостаточности разработки вопроса, или просто для выиграния времени, немедленно приводились въ дѣйствіе *въ видѣ опыта*, иногда на опредѣленный срокъ, который потомъ обыкновенно растягивался, а иногда безъ опредѣленія срока, *впредь до разсмотрѣнія дѣла законодательнымъ порядкомъ.***) Такимъ образомъ, къ обсужденію самыхъ

---

*) Остзейскій комитетъ состоялъ прежде подъ предсѣдательствомъ покойнаго Графа Палена, а нынѣ собирается подъ предсѣдательствомъ Ген. Гринвальда, иногда Князя Суворова; въ составъ его, для обсужденія крестьянскихъ дѣлъ, въ послѣднее время, часто приглашались депутаты отъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, или тамошніе губернскіе Предводители. Подъ положеніемъ 18 Февраля 1866 года, мы находимъ подписи: Ген. Гринвальда, Князя Суворова, Барона Палена, Графа Шувалова, Мин. В. Д. Валуева, Мин. Г. И. Зеленаго. Подъ положеніемъ 19 Февраля тогожъ года, подписи: Ген Гринвальда, Князя Суворова, Графа Шувалова, Кн. Ливена, Барона Палена, Барона Рекке, Мин. В. Д. Валуева и Мин. Г. И. Зеленаго. Послѣдній приглашался, какъ говорятъ, въ качествѣ депутата отъ Россіи.

**) Утверждены не законодательнымъ порядкомъ, по докладамъ Остзейскаго Комитета, минуя Государственный Совѣтъ, и введены въ дѣйствіе въ видѣ опыта: *Лифляндское крестьянское Уложеніе* 1849 (введено въ видѣ опыта на шесть лѣтъ и просуществовало безъ малаго двѣнадцать, до 1860 года); Эзельское 1865; дополнительныя правила 1859 къ Эстляндскому положенію 1856 (введены въ видѣ опыта на три года, оставлены въ силѣ еще на шесть и, до сихъ поръ, законодательнымъ порядкомъ не разсмотрѣны и не утверждены); другія правила изданныя для той же губерніи въ 1866 (18 Марта и 18 Февраля); Курляндское Положеніе 1863; общее для трехъ Балтійскихъ губерній положеніе объ устройствѣ волостей 1866 и тогожъ года правила о благоустройствѣ въ волостяхъ. Всякій понимаетъ, что этотъ особенный и едвали не безпримѣрный способъ утвержденія и введенія въ дѣйствіе законовъ, установился только потому, что Балтійское дворянство находило для себя выгоднымъ отсрочивать до послѣдней возможности разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ изобрѣтаемыхъ имъ

важныхъ законодательныхъ мѣръ, часто по существу дѣла неисправимыхъ, Государственный Совѣтъ призывался почти всегда много лѣтъ спустя по приведеніи ихъ въ дѣйствіе, когда уже приходилось имѣть дѣло не съ проэктами, а съ совершившимися фактами; главный же комитетъ по дѣламъ крестьянъ, къ обсужденію вопросовъ касавшихся быта поселянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, никогда доселѣ не призывался. Вспомните теперь кто были, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, главными дѣятелями въ крестьянской реформѣ у насъ, потомъ переберите личный составъ комитета Остзейскихъ дѣлъ и тогда, все, что до сихъ поръ могло казаться вамъ загадочнымъ, уяснится само собою. Не знаю можно ли указать хоть на одно существенное измѣненіе къ лучшему, сдѣланное этимъ комитетомъ въ которомъ либо изъ проэктовъ поступавшихъ на его разсмотрѣніе изъ Риги, Ревеля и Митавы.

Впрочемъ, судить о его дѣйствіяхъ я не считаю себя призваннымъ; думаю только, что еслибы предположенія Балтійскаго дворянства по устройству быта крестьянъ восходили на Высочайшее утвержденіе по всестороннемъ ихъ обсужденіи, съ необходимыми къ нимъ комментаріями, безъ которыхъ нѣтъ никакой возможности понять ихъ, наконецъ съ разъясненіемъ всего того, что въ нихъ не прописывалось, но подразумѣвалось на мѣстахъ и читалось посвященными въ дѣло промежъ печатныхъ строкъ, то рука, обезсмертившая себя подписаніемъ положенія 19 Февраля 1861 года, изорвала бы въ клочки Лифляндское положеніе 1860го, Эзельское 1865го, Эстляндскія

мѣръ; правительство же, въ этомъ случаѣ, отступая отъ общаго порядка, оказывало можетъ быть излишнюю уступчивость Балтійскимъ вліяніямъ; а между тѣмъ, тамошніе публицисты, въ награду за это, надъ нимъ же издѣваются „Versuchsweise, nach einer in der Russischen Legislation beliebten Manier“ — говоритъ съ ироніею издатель Лифляндскихъ вкладовъ (Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 105, Lief. II S. 43).

1856го и 1866го и Курляндское 1863го годовъ. Я считаю себя въ правѣ это сказать, ибо воззрѣнія и намѣренія Царя не отвергающаго названія Освободителя ни для кого не могутъ быть тайною. Благословляя Его, Россія въ правѣ знать, и дѣйствительно знаетъ, за что она благословляетъ.

V.

Другая сторона крестьянскаго быта, общественная организація волостей, преобразована была въ послѣднее время, на основаніи особаго положенія (19 Февраля 1866 г.) изданнаго для трехъ Балтійскихъ губерній, также въ видѣ опыта, на шесть лѣтъ, и также минуя Государственный Совѣтъ. Первый законъ по этой части изданъ былъ въ 1804 и, по минованіи 62^{хъ} лѣтъ, послѣ цѣлаго ряда опытовъ, всётаки не оказалось въ запасѣ достаточной опытности для установленія прочнаго и твердаго порядка, который бы положилъ конецъ опытамъ періодически возобновляемымъ надъ anima vili Латышей и Эстовъ. По сознанію самихъ Балтійскихъ дворянъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые сколько нибудь добросовѣстно судили о своей родинѣ, существовавшее въ ней до послѣдняго времени сельское общественное устройство (я разумѣю сходы, старшинъ, выборныхъ и суды) представляло собою не болѣе какъ декорацію, поставленную для замаскированія домашнихъ традицій и неограниченнаго произвола вотчинныхъ конторъ — der Gutsverwaltungen. Отправляя Графа Шувалова въ Ригу, Государю Императору угодно было указать ему на необходимость устроить гражданскій и общественный бытъ тамошнихъ крестьянъ *на самостоятельныхъ и независимыхъ отъ помѣщичьяго вліянія основаніяхъ*. Я не отрицаю, что въ

этомъ отношеніи, положеніе 1866 года, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ вещей, (который, такъ еще недавно, восхвалялся Кн. Суворовымъ какъ идеалъ совершенства и неприкосновенная святыня) есть безъ сомнѣнія шагъ впередъ, но всётаки не могу не сказать, что оно далеко не представляетъ собою точнаго исполненія Высочайшей воли. Кажется даже, что составители сдѣлали все что могли, чтобы предупредить обновленіе общественнаго быта въ селахъ, не возбуждать въ нихъ жизни и не перерывать преданій патримоніальной юридикціи. Вотъ доказательства: во первыхъ, принято какъ *общее* правило, что каждое имѣніе составляетъ волость, слѣдовательно: сохранена *прежняя* единица вотчинной администраціи. Во вторыхъ, вотчинная полиція, не только оставлена въ силѣ и дѣйствіи въ предѣлахъ мызной земли, но сверхъ того, сохранила въ крестьянскомъ общественномъ управленіи участіе болѣе чѣмъ достаточное для увѣковѣченія старыхъ, всѣми затверженныхъ ея пріемовъ. Вотчинной полиціи дано право представлять *начальственному учрежденію**) не только о постановленіяхъ волостнаго схода противныхъ закону или нарушающихъ права помѣщика, но и о тѣхъ постановленіяхъ, которыя она признаетъ

---

*) Die Aufsichtsbehörden — какъ значится въ Нѣмецкомъ переводѣ, или, говоря точнѣе: въ Нѣмецкомъ подлинникѣ, съ котораго Русскій текстъ переведенъ довольно неточно и очень безграмотно. По § 32, старшины и ихъ помощники подчинены, по дѣламъ общественнаго управленія, Приходскимъ судамъ (въ Лифляндіи, Эстляндіи и на остр. Эзелѣ) и Уѣзднымъ судамъ (въ Курляндіи). Всѣ эти инстанціи, по организаціи ихъ и по установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находятся въ рукахъ дворянства. Жалобы на ихъ распоряженія приносятся Губернатору, который, по обычаю, почти всегда назначается правительствомъ изъ мѣстныхъ дворянъ. По дѣламъ полицейскимъ, старшины и ихъ помощники подчинены уѣздной полиціи которой всѣ чины назначаются по выбору дворянства, изъ его среды. За маловажные проступки по должности, старшины, ихъ помощники и пр. могутъ быть подвергаемы штрафу до 5 руб. и аресту до 7ми дней по распоряженію *начальственныхъ учрежденій*, слѣдовательно: нижнихъ судебныхъ инстанцій, уѣздныхъ полицій и Губернаторовъ (§ 34).

вредными для общественнаго благосостоянія. Такъ какъ о томъ что̀ полезно и что̀ вредно можно спорить много и долго, и такъ какъ, въ подобнаго рода диспутахъ, побѣда почти всегда будетъ оставаться за вотчинною полиціею, то понятно, что послѣ двухъ или трехъ такихъ представленій, сходы предпочтутъ подчиниться предупредительному контролю вотчинныхъ конторъ, какъ водилось изстари. Независимо отъ этого, вотчинной полиціи предоставлено общее право наблюденія и надзора за дѣйствіями волостнаго управленія по всѣмъ полицейскимъ дѣламъ и по дѣламъ общественнымъ сопряженнымъ съ интересомъ казны. Не прежняя ли это опека, переименованная въ надзоръ и наблюденіе? Какъ орудіе общей полицейской власти, волостной старшина имѣетъ надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія, задерживаетъ бродягъ и дезертировъ, но не препровождаетъ ихъ прямо отъ себя куда слѣдуетъ, а сдаетъ ихъ вотчинной полиціи, *соблюдавшимся досель порядкомъ*. Въ третьихъ, когда нѣтъ на лицо волостнаго старшины (о помощникахъ его, которые могутъ быть на лицо, въ положеніи не упоминается) всѣ полицейскія права его переходятъ къ вотчинной полиціи; она охраняетъ и возстановляетъ порядокъ и безопасность и, вообще, принимаетъ всѣ необходимыя полицейскія мѣры. Теперь спрашивается: что̀ значитъ *быть на лицо* въ предѣлахъ волости, въ которой должно быть болѣе 200, а можетъ быть и болѣе 3000 душъ, разселенныхъ, большею частью, отдѣльными дворами и на огромномъ пространствѣ? Указанные недостатки не только не были ослаблены, а напротивъ, елико было возможно, усилены инструкціею 1866 года о введеніи въ дѣйствіе новаго общественнаго управленія, составленною подъ руководствомъ Генералъ-губернатора и имъ утвержденною. Всякому понятно, что характеръ и степень самостоятельности новыхъ учрежденій во многомъ зависили отъ ихъ

первыхъ дѣйствій, такъ какъ по нимъ крестьяне, не читавшіе самаго положенія, должны были составить себѣ наглядное представленіе о томъ, что̀ отъ нихъ требовалось, что̀ имъ ввѣрялось и что̀ они пріобрѣтали Между тѣмъ, именно въ первоначальномъ устройствѣ волостей, на первыхъ сходахъ и выборахъ, помѣщику даны были такое участіе и такая инниціатива, которыми не могли не замаскироваться, въ глазахъ крестьянъ, обѣщанныя имъ самостоятельность и независимость.*)

Впрочемъ, дальнѣйшее развитіе Балтійскихъ волостныхъ учрежденій находится въ полной зависимости отъ подготовляемой для этого края судебной реформы и особенно отъ условій и формъ, въ которыхъ установленъ будетъ Мировой институтъ. И у насъ, гдѣ, даже при крѣпостномъ правѣ, крестьяне пользовались гораздо большею общественною самостоятельностью, чѣмъ въ Балтійскихъ губерніяхъ при мнимой свободѣ, и у насъ потому только удалось ввести дѣйствительное самоуправленіе въ селахъ и волостяхъ, что, на первыхъ порахъ, новооткрытыя въ нихъ учрежденія поставлены были подъ охрану и руководство Посредниковъ, на которыхъ сословная ихъ среда не имѣла слишкомъ исключительнаго вліянія и которые, за очень рѣдкими изъятіями, желали, не продолженія традицій помѣщичьяго управленія, а дѣйствительнаго, гражданскаго возрожденія крестьянъ. При строгой корпоративной замкнутости Балтійскаго рыцарства, при существующемъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи способѣ замѣщенія всѣхъ полицейскихъ и судебныхъ должностей, найдетъ ли въ нихъ правительство такое же добросовѣстное содѣйствіе своимъ начинаніямъ, какое у насъ оказало ему помѣстное дворянство въ лицѣ Мировыхъ Посредниковъ

*) Подробный разборъ положенія 19 Февраля 1866 и свѣдѣнія о введеніи его читатели найдутъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

и предсѣдателей Мировыхъ съѣздовъ? Можетъ ли оно даже надѣяться на это?*)

VI.

Общественное устройство и финансовое управленіе городовъ Балтійскаго края вообще, и значительнѣйшаго изъ нихъ, города Риги, въ особенности, нуждались въ коренномъ преобразованіи въ тойже, если не въ большей степени чѣмъ сельскія волости. Это было признано высшимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ исправить вопіющія несообразности, устранить укоренившіеся безпорядки и пресѣчь скандалезныя злоупотребленія частными мѣрами, или предоставленіемъ преобразовательной иниціативы самимъ городскимъ сословіямъ, правительство, въ сороковыхъ годахъ, поручило особой коммиссіи, составленной изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, подробное изслѣдованіе городскаго управленія въ Ригѣ и составленіе проэкта о лучшемъ устройствѣ тамошняго общества. Употребивъ не мало времени и труда на одно приведеніе въ извѣстность существовавшаго и доселѣ существующаго безпорядка вещей,**) эта коммиссія окончила свои работы

*) Издатель Лифляндскихъ вкладовъ отзывается о волостномъ учрежденіи 1866 года очень неодобрительно — что̀ понятно. Онъ пророчитъ, что отъ него произойдетъ много всякаго рода разстройствъ „если, *паче чаянія*, правительство вздумаетъ отнестись къ нему серьезно и потребовать точнаго его исполненія“ — въ чемъ, какъ видно, на мѣстахъ находятъ достаточные поводы сомнѣваться. Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 286.

**) Вслѣдствіе систематическаго сопротивленія всѣхъ городскихъ управленій, ревизія назначенная правительствомъ превратилась какъ бы въ осаду и Графъ П. Д. Киселевъ, въ 1848 году, не безъ основанія спрашивалъ одного изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: „вѣдь это кажется Вы, по порученію Л. А. Перовскаго, ходили подъ Ригу?“ —

къ самому пріѣзду князя Суворова. Но ея многотомные труды по ревизіонной части, въ которыхъ было раскрыто множество злоупотребленій и упущеній требовавшихъ немедленнаго исправленія, остались безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, а составленный ею проэктъ былъ забракованъ, почти безъ разсмотрѣнія, какъ трудъ чиновниковъ, будтобы незнакомыхъ съ мѣстными нуждами и потому относившихся къ дѣлу безъ живаго къ нему участія. Князь Суворовъ объявилъ себя, съ перваго дня, горячимъ сторонникомъ тѣхъ стародавнихъ учрежденій, въ которыхъ находился корень всего неустройства, и захотѣлъ повторить еще разъ опытъ неудававшійся болѣе, пяти разъ къ ряду, то есть: поручить составленіе проэкта общественной организаціи тѣмъ самымъ привилегированнымъ корпораціямъ, которыя многократно уже обнаруживали свое упорное нежеланіе или свою неспособность въ чемъ либо уступить духу времени. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ, то есть крайне медленнымъ, черезъ цѣлый рядъ приготовительныхъ коммиссій, на обсужденіе гильдейскихъ собраній. На сей разъ, и мѣстныя газеты подоспѣли на помощь съ своими совѣтами; набрали кучу матеріаловъ, вывели на справку всевозможныя положенія, Прусскія, Вюртембергскія и Баварскія, не приняли въ соображеніе только Русскихъ. Одинъ лишь изъ членовъ городскаго общества, Русскій купецъ, по какому то частному вопросу, робко и нерѣшительно, позволилъ себѣ указать на Петербургское положеніе, да въ Рижской газетѣ, ктото замолвилъ слово въ его пользу; но эти изолированные голоса не вызвали даже серьёзнаго обсужденія, такъ какъ, не смотря на разномысліе обнаружившіяся въ обществѣ по многимъ вопросамъ, всѣ привилегированныя корпораціи, съ самаго приступа къ дѣлу, были согласны въ одномъ: не только избѣгать всякаго прямаго заимствованія изъ общихъ и частныхъ законоположеній Имперіи,

но даже стараться какъ можно дальше отъ нихъ отклониться. Это стремленіе выдержано было до конца и, какъ плодъ его, явился на свѣтъ проэктъ положенія дѣйствительно оригинальный, въ своемъ родѣ даже единственный и, въ тоже время, до комизма безобразный.*) Графъ Шуваловъ препроводилъ его въ Петербургъ съ нѣсколькими, крайне слабыми замѣчаніями едва касавшимися самыхъ яркихъ его несообразностей, и тамъ, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, законодательный трудъ Рижскаго общества кажется обрѣлъ тихую и безмятежную кончину. Впрочемъ, надобно сказать, что трудно бы было пустить его въ ходъ. Ни объ утвержденіи его, въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ представленъ, ни даже объ исправленіи его не могло быть и рѣчи; оставалось начать все дѣло съизнова, съ того или другаго конца. Вѣроятнѣе всего, что нынѣшній Генералъ-губернаторъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, тоже захочетъ попытать своего счастья, обратившись еще разъ къ законодательнымъ способностямъ Рижскаго общества. По счету, это будетъ, кажется, десятый опытъ къ ряду.

VII.

Вмѣстѣ съ вопросомъ о преобразованіи городовъ, обсуждались, и до сихъ поръ ожидаютъ разрѣшенія, многократно возобновлявшіяся жалобы Рижскихъ гражданъ Русскаго происхожденія на систематическое ихъ устраненіе отъ общественныхъ должностей и отъ городскихъ бенефицій (доходныхъ мѣстъ). Въ просьбахъ своихъ, они домогались предоставленія имъ въ городѣ Ригѣ такихъ

*) Подробный разборъ этого проэкта явится въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ.

же правъ и такого же положенія въ составѣ общества, *какими пользовались Татары въ Казани, и Евреи во всѣхъ городахъ Имперіи, въ которыхъ имъ дозволялось приписываться* (я привожу буквально подлинныя слова). Въ 1847 году, дѣло казалось выясненнымъ и близкимъ къ удовлетворительному разрѣшенію и всё-таки, до сихъ поръ, ни одинъ Русскій не удостоился выбора въ должность и ни одинъ не получилъ бенефиціи. Объясненіе этому странному факту, читатели найдутъ можетъ быть въ слѣдующихъ строкахъ: „о недопущеніи притѣсненій я постоянно заботился и обязанъ присовокупить, что мною не замѣчено, чтобы Русскіе жители края вообще подвергались въ немъ какимъ либо *особымъ, исключительнымъ притѣсненіямъ.**) Вообще, относительно быта Русскихъ въ Балтійскомъ краѣ, едвали не слѣдуетъ принимать въ уваженіе, что они образуютъ въ немъ, не природный слой населенія, а *младшее***) по порядку времени изъ двухъ *колонизированныхъ племенъ.****) Русскіе *выходцы*, водворяясь среди *неуступчивыхъ* формъ Германской средневѣковой гражданственности, *естественно*,†) заняли въ городскихъ об-

*) Надобно сознаться, что требованіе очень скромно.

**) Старшій слой, стало быть, Латыши и Эсты, а соотвѣтствуетъ ли ихъ положеніе этому праву старшинства?

***) Русскіе, *какъ колонисты*, т. е. какъ частныя лица водворявшіеся *на чужой сторонѣ*, безъ всякихъ правъ, и въ ней терпимые, жили въ Ригѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Лифляндіи, по историческимъ свидѣтельствамъ, во времена Царя Алексѣя Михайловича. Послѣ того, случилось одно происшествіе, о которомъ не слѣдовало бы забывать, а именно: Россія отвоевала у Швеціи всю Лифляндію и Эстляндію, которыя сдѣлались частью Русскаго Государства. Считать ли и затѣмъ Русскихъ проживающихъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Перновѣ выходцами или колонистами, обреченными на вѣкъ считаться младшими потому только, что формы Германской гражданственности не уступчивы?

†) Если это естественно, то не крайне ли противоестественно, что жители завоеваннаго края приняты были въ составъ Имперіи, не какъ выходцы или колонисты, а какъ полноправные граждане, и, съ первой минуты, пріобрѣли въ составѣ обществъ всѣ преимущества, которыми пользовались коренные жители, т. е. Русскіе?

ществахъ второстепенное мѣсто и не пріобрѣли всѣхъ преимуществъ присвоенныхъ себѣ Германскими пришельцами, основателями и правителями тѣхъ обществъ.“ — Это писалъ, по крайней мѣрѣ подписывалъ, не какой нибудь Бургомистръ или Эльтерманъ, не стряпчій или агентъ города Риги, а Генералъ-губернаторъ, Князь Суворовъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 8 Декабря 1848 года. Я привожу его слова какъ типическое выраженіе воззрѣнія при немъ сложившагося и переходившаго по традиціи отъ одного главнаго начальника края къ другому. Переведите приведенный отрывокъ на Нѣмецкій или Французскій языкъ, поставьте, вмѣсто Русскихъ, Прусаковъ или Французовъ, вмѣсто Нѣмцевъ — Познанскихъ Поляковъ, Гановерцевъ или Савойцевъ, и постарайтесь представить себѣ чтобы почувствовалъ Графъ Бисмаркъ и весь Берлинъ, или Наполеонъ III и Парижъ, если бы какой нибудь Познанскій Оберъ-президентъ или Префектъ города Ниццы вздумалъ доказывать подобными доводами, что Прусаки или Французы *естественно* должны довольствоваться въ завоеванныхъ ими областяхъ положеніемъ второстепеннымъ, и что довольно съ нихъ и того, что ихъ не подвергаютъ *особеннымъ притѣсненіямъ.* Вся сила дѣйствительно въ томъ, что формы Германской гражданственности, какъ выразился Князь Суворовъ, неуступчивы, а Русскіе Генералъ-губернаторы, и съ ними за одно все Русское высшее общество, въ вопросахъ національнаго достоинства, черезъ чуръ уступчивы.

VIII.

Не знаю къ кому именно Князь Суворовъ мысленно приравнивалъ Русскихъ купцовъ когда онъ заявлялъ, что, по его наблюденіямъ, они не испытывали *особенныхъ*, исклю-

чительныхъ притѣсненій; но если онъ при этомъ имѣлъ въ виду ихъ земляковъ, состоявшихъ на службѣ, то нельзя не признать его наблюденія вѣрнымъ. Купцовъ и мѣщанъ держали конечно въ черномъ тѣлѣ, имъ не давали хода въ общественныхъ дѣлахъ; за то, имъ не мѣшали заниматься своимъ торговымъ дѣломъ пока они жили смирно, то есть молчали. Напротивъ, немногіе Руссьіе занимавшіе должности, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не теряли своего національнаго и вѣроисповѣднаго закала, (а не тѣ, которыхъ держали только для того, чтобъ имѣть возможность сказать при случаѣ: мы де имѣемъ при себѣ и Русскихъ) никогда въ Балтійскомъ краѣ не уживались. Мѣстныя интриги спускали ихъ одного за другимъ, иногда съ скандаломъ, а чаще безъ шума, потихоньку, и всегда притаившись за личностью Генералъ-губернатора, то есть чужими руками, руками самаго правительства. Съ 1842 по 1867 годъ, изъ Балтійскаго края удалены были три Епископа. Преосвященный Иринархъ принесенъ былъ въ жертву Барону Палену и вывезенъ былъ изъ Риги почти какъ арестантъ; съ Преосвященнымъ Филаретомъ не ужился Князь Суворовъ, и еще недавно Ген. Ад. Альбединскій, вѣроятно чтобъ не отставать отъ своихъ предшественниковъ, испросилъ удаленія Преосвященнаго Платона. Въ сороковыхъ годахъ, Генералъ Головинъ собралъ около себя небольшую группу Русскихъ чиновниковъ, трудами которыхъ раскрыта была та незначительная доля правды, которую мы знаемъ о Балтійскомъ поморьѣ; хоть въ этомъ отношеніи, ихъ дѣятельность была не безполезна, не говоря уже о томъ, что они же возстановили въ глазахъ предубѣжденнаго Нѣмецкаго общества нравственное достоинство Русскихъ служилыхъ людей; но, по удаленіи изъ края Генералъ-губернатора Головина, положеніе этой группы стало невыносимо и она скоро разбрелась. Наконецъ, въ самое послѣднее

время, мѣстная интрига, опять таки черезъ Генералъ-губернатора Альбединскаго, добилась въ Петербургѣ удаленія послѣдняго вліятельнаго лица изъ Русскихъ, бывшаго управляющаго Лифляндскою Палатою Государственныхъ Имуществъ С. Н. Шафранова, на котораго вся Русская *колонія* Балтійскаго края смотрѣла какъ на лучшаго своего представителя и ревностнѣйшаго заступника.*) Я не принадлежу къ числу безусловныхъ почитателей системы управленія Преосвященнаго Платона; думаю, что она могла бы, во многихъ отношеніяхъ, подвергнуться справедливой критикѣ и что ею, въ извѣстной степени, было подготовлено почти безвыходное положеніе Православія въ краѣ; соображенія побудившія правительство удалить С. Н. Шафранова мнѣ рѣшительно неизвѣстны, и потому я объ нихъ не сужу; но вотъ что я положительно знаю, что знаютъ всѣ, и что можно легко доказать документальными свидѣтельствами: Преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ навлекли на себя непримиримую ненависть Нѣмцевъ, первый, своими, окружными посланіями, въ которыхъ онъ предостерегалъ свою Православную паству отъ поношеній и клеветъ на Церковь, печатно распространяемыхъ Лютеранскимъ духовенствомъ, своими убѣдительными представленіями (окончательно уваженными высшимъ правительствомъ) по вопросу о повинно-

---

*) Независимо отъ служебной своей дѣятельности, которая будетъ оцѣнена по достоинству только тогда, когда мы захотимъ серьезно узнать всю правду о Балтійскомъ краѣ (то есть, вѣроятно, тогда когда уже нельзя будетъ воротить упущеннаго) С. Н. Шафрановъ оставилъ по себѣ прочную память въ Ригѣ своими неутомимыми стараніями о подъемѣ общественнаго положенія Русскихъ. По общему ихъ свидѣтельству, ему, главнѣйшимъ образомъ, обязаны они основаніемъ Православнаго братства, Русскаго клуба и пріюта для обывателей Московскаго форштата. И все это было взято съ бою, при систематическомъ противодѣйствіи Нѣмецкаго общества, при явномъ недоброжелательствѣ второстепенныхъ, Нѣмецкихъ, въ сущности вліятельнѣйшихъ властей, и при полномъ равнодушіи высшихъ.

стяхъ въ пользу пасторовъ, наконецъ, своимъ противодѣйствіемъ разрѣшенію свободнаго перехода изъ Православія въ Лютеранство; второй — точнымъ и усерднымъ исполненіемъ распоряженій высшаго правительства по водворенію въ казенныхъ имѣніяхъ безземельныхъ крестьянъ, преимущественно Православныхъ. Эта мѣра была позднимъ, конечно крайне скуднымъ и недостаточнымъ вознагражденіемъ ихъ за всѣ испытанныя ими притѣсненія; но она, по крайней мѣрѣ хоть на время, поддерживала въ новообращенныхъ довѣріе къ правительству и угасавшую надежду на его заступничество. Таковы были настоящія, повторяю: всѣмъ извѣстныя причины единодушнаго остервенѣнія, съ которымъ интрига направила свои козни противъ двухъ лицъ мѣшавшихъ осуществленію ея плановъ; но такъ какъ ни одна изъ нихъ не могла конечно подать законнаго повода къ жалобамъ, то пришлось прибѣгнуть къ обыкновенному средству, то есть къ клеветѣ. При этомъ, увѣренность въ успѣхѣ была такъ велика, что мѣстные поставщики лжеобвиненій не захотѣли даже взять на себя труда прикрыть свои побужденія сколько нибудь правдоподобными предлогами и, не думая долго, приписали Преосвященному Платону и С. Н. Шафранову подговоръ крестьянъ къ бунту и *къ поджогамъ* (въ буквальномъ значеніи слова). Это обвиненіе, печатно заявленное за границею,*) разнеслось по всей Германіи и, вслѣдъ за тѣмъ, оба, Преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ, были удалены изъ края. Очень можетъ быть, что не эти нелѣпые доносы пущены были въ ходъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ не въ этой грубой формѣ. Когда Рижскіе руководители Генералъ-губернатора отправляли его туда съ порученіемъ спустить двѣ ненавистныя имъ личности, они конечно снабдили его

*) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 24.

хорошо обдуманною инструкціею и внушили ему что говорить и о чемъ молчать; но я указываю на совпаденіе дерзкой клеветы, распущенной въ краѣ и за границею, съ распоряженіемъ правительства, какъ будто для того именно испрошеннымъ, чтобы придать ей видъ правдоподобія и, такъ сказать, подтвердить ее отъ имени власти. Публикѣ, непосвященной въ тайны переговоровъ происходившихъ между Генералъ-губернаторомъ и лицами стоящими во главѣ государственнаго управленія, но хорошо знавшей, что вся Нѣмецкая партія давно подкапывалась подъ Преосвященнаго Платона и подъ С. Н. Шафранова, оставалось предположить одно изъ двухъ: или, что распущенные про нихъ слухи оправдались (чему, можетъ быть, дѣйствительно повѣрили за границею, но ужъ конечно не въ Ригѣ), или что антирусская интрига всесильна не только въ Ригѣ, но и въ Петербургѣ.*) Таково было нравственное дѣйствіе и общее впечатлѣніе. Немногіе изъ Русскихъ, доселѣ занимающихъ второстепенныя мѣста въ Балтійскомъ краѣ, окончательно упали духомъ и зарубили себѣ на память, что ихъ терпятъ только подъ условіемъ всегдашняго угожденія мѣстному провинціализму и что, при малѣйшей размолвкѣ съ его представителями, они не найдутъ поддержки нигдѣ и ни въ комъ.**)

*) Теперь ужъ и не скрываютъ, что Преосвященный Платонъ и С. Н. Шафрановъ пали жертвами Балтійской интриги; многіе даже хвастаются своимъ въ ней участіемъ (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 72, 111).

**) Кажется, что у насъ вообще, при назначеніяхъ и смѣщеніяхъ, мало заботятся о томъ: какой смыслъ этого рода распоряженія могутъ или должны получить на мѣстахъ, помимо неизвѣстныхъ обществу соображеній, которыми руководствуется власть смѣняющая и назначающая. Есть личности, съ которыми общественное мнѣніе, основательно или неосновательно — это все равно, связываетъ цѣлую систему управленія. Такое значеніе имѣли С. Н. Шафрановъ въ Ригѣ и Ген. Ад. Кауфманъ въ Вильнѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что смѣщеніе послѣдняго отнюдь не было вызвано перемѣною системы (по крайней мѣрѣ, можно сказать это смѣло о Государѣ, если не о всѣхъ Его министрахъ); но именно такое значеніе придавали ему

IX.

Послѣдствія недостатка надежнаго Русскаго элемента въ мѣстной администраціи ни въ чемъ такъ ясно не обнаружились какъ въ поразительной безплодности усилій ввести Русскій языкъ въ училища и въ оффиціальное употребленіе; а между тѣмъ, ни въ чемъ воля правительства не высказывалась такъ рѣшительно и такъ многократно. Вопросъ о Русскомъ языкѣ въ училищахъ и вопросъ о Русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ состоятъ въ очевидной связи, и этою то именно связью, мѣстная интеллигенція очень удачно пользовалась для отклоненія разрѣшенія того и другаго. Когда правительство заявляло желаніе, чтобъ Русскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ не какъ мертвый, чтобъ увеличено было число часовъ посвящаемыхъ его изученію и чтобы нѣкоторые предметы преподавались на немъ, изъ Риги и Дерпта обыкновенно отвѣчали: „помилуйте! къ чему тутъ принудительныя мѣры, когда мы сами очень хорошо сознаемъ необходимость знать по Русски и учимся Русскому языку добровольно, притомъ съ полнымъ успѣхомъ!“ А когда мы настаивали на введеніи дѣлопроизводства на Русскомъ языкѣ, хотябы въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, намъ говорили: „что вы это! да у насъ ни одинъ изъ служащихъ по Русски не смыслитъ; сперва нужно вы-

въ Сѣверозападномъ краѣ рѣшительно всѣ, какъ желавшіе, такъ и опасавшіеся удаленія бывшаго главнаго начальника этого края. Послѣ того, преемникъ Ген. Ад. Кауфмана, кажется почти ежемѣсячно, объявлялъ циркулярно, что онъ будетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и съ одинаковою настойчивостью, и всётаки никто ему не повѣрилъ. Всѣ только улыбались или покачивали головами. Пусть же сообразятъ: все ли равно и одинаково ли легко приводить въ дѣйствіе программу управленія тамъ, гдѣ всѣ убѣждены, что правительство отъ нея не отступится и тамъ, гдѣ всѣ убѣждены, что, не нынче такъ завтра, она будетъ измѣнена?

учиться.“ — Вотъ, на примѣръ, что писалъ Князь Суворовъ, ссылаясь на слова Графа Уварова, въ исходѣ 1848 года: „надлежитъ признать, что въ Дерптскомъ Университетѣ, въ уѣздныхъ и *народныхъ (!)* училищахъ, и даже въ частныхъ пансіонахъ, Русскій языкъ занялъ принадлежащее ему мѣсто и занялъ безъ *насильственныхъ (!)* распоряженій, такъ сказать, по сознанію края, что это орудіе необходимо для него нужно. Въ такомъ положеніи, всякое понудительное распоряженіе казалось бы изъявленіемъ нѣкотораго неудовольствія (?) правительства и недовѣрія къ собственнымъ усиліямъ жителей достигнуть указанной имъ цѣли.“ — А что оказалось двадцать лѣтъ спустя, въ 1867 году — мы увидимъ ниже.

Перечитавъ множество брошюръ, журнальныхъ статей и докладныхъ записокъ Балтійской фабрикаціи, я могу сказать, не боясь опроверженія, что вся Балтійская интеллигенція, безъ исключенія, рѣшительно противится усиленію преподаванія Русскаго языка. Разногласія въ этомъ отношеніи нѣтъ, но въ подкрѣпленіе общаго сопротивленія приводятся разнообразные доводы: „мы встрѣтили бы неустранимый недостатокъ въ учителяхъ, которыми и въ Россіи не могутъ обзавестись въ достаточномъ числѣ; пришлось бы сократить объемъ преподаванія другихъ предметовъ, дѣйствительно полезныхъ, и *несравненно болѣе важныхъ*, какъ на примѣръ языковъ Англійскаго, Французскаго и Итальянскаго, а это непремѣнно разстроило бы всю систему преподаванія и понизило бы уровень мѣстнаго просвѣщенія;*) къ томуже, оффиціальный языкъ управленія

*) Одинъ изъ Балтійскихъ публицистовъ недавно насчитывалъ до 26% своихъ земляковъ занимающихъ видныя мѣста въ Имперіи, на разныхъ поприщахъ государственной службы. Такъ какъ это одно доказываетъ, что всѣ они вполнѣ владѣютъ Русскимъ языкомъ, и такъ какъ знаніе его не можетъ быть пріобрѣтено иначе (по увѣренію Балтійскихъ педагоговъ) какъ въ ущербъ общему образованію, то любопытно бы было знать: дѣйствительно ли

и суда есть и, въ силу неприкосновенныхъ привилегій, долженъ быть Нѣмецкій, а потому мы вовсе не видимъ для себя необходимости знать по Русски; наконецъ, старанія ввести Русскій языкъ въ училища внушили учащейся молодежи *глубочайшую ненависть къ Русскимъ.*"*) Такъ вообще думаютъ, говорятъ и пишутъ ученые, учителя инспекторы, словомъ всѣ тѣ, въ чьихъ рукахъ находится учебная часть. Самъ почтенный попечитель Дерптскаго учебнаго округа, какъ слышно, раздѣляетъ это мнѣніе и, при случаѣ, честно и открыто выражаетъ его.**) Само собою разумѣется, что такое личное его воззрѣніе нисколько не мѣшаетъ ему одинаково честно исполнять распоряженія высшей власти исходящія изъ воззрѣнія прямо противоположнаго; но, признаюсь, я не вполнѣ увѣренъ, чтобы безукоризненное исполненіе служебнаго долга, во всякомъ дѣлѣ, могло восполнить отсутствіе личнаго сочувствія, и чтобы вѣрноподданническое послушаніе было всегда достаточно для обезпеченія успѣха въ любомъ предпріятіи, даже при полномъ несогласіи внутреннихъ убѣжденій исполнителя съ предписаніями начальства. На примѣръ,

Нѣмецкая фаланга нашихъ министровъ, посланниковъ, членовъ совѣта, сенаторовъ, директоровъ, генераловъ и т. д. стоитъ, въ общемъ своемъ образованіи, такъ безконечно ниже Рижскихъ адвокатовъ, Курляндскихъ Гауптмановъ и Ревельскихъ ратсгеровъ?

*) „Введеніе Русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ всѣ считаютъ *варварствомъ* и *тираніею* (ebenso barbarisch wie tyrannisch). — Навязываніе Русскаго языка (der Sprachzwang) наполняетъ сердца учащейся Нѣмецкой молодежи, сознающей свое превосходство надъ Русскими, *глубочайшею къ нимъ ненавистью* (mit dem tiefsten Russenhass)" — что конечно нисколько не помѣшаетъ ей, въ послѣдствіи, занять высшія мѣста на государственной службѣ. (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 3, 259).

**) Издатель Лифляндскихъ вкладовъ прямо ссылается на него въ подтвержденіе своего мнѣнія о Русскомъ языкѣ и прибавляетъ: „назначеніе Графа Кейзерлинга попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, само по себѣ, служитъ уже ручательствомъ въ томъ, что Государь Императоръ охранитъ права Нѣмецкой народности и Нѣмецкаго языка отъ всякаго на нихъ покушенія." Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 32, 68.

хоть въ данномъ случаѣ, по истеченіи десяти или пятнадцати лѣтъ, обрадуетъ ли насъ такой исполнитель извѣстіемъ, что онъ ошибался, что ожиданія его не сбылись, что нашлись и учителя для преподаванія Русскаго языка и время для его изученія, словомъ: что всѣ тѣ мѣры, которыя онъ оспоривалъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, или на оборотъ: услышимъ мы отъ него что все сбылось по его предсказанію, что распоряженія правительства только разстроили систему преподаванія, что Русскія гимназіи влачатъ плачевное существованіе, ни будучи въ состояніи уравняться съ Нѣмецкими, что даже въ послѣднихъ уровень пріобрѣтаемыхъ познаній понизился, и что, не смотря на всѣ старанія, никакими средствами не удалось пріохотить молодежи къ серьезному изученію Русскаго языка?*) Не гораздо ли вѣроятнѣе, что мы услышимъ что нибудь въ родѣ послѣдняго, а не перваго заявленія, потупимъ голову и скажемъ: „да! онъ все предусмотрѣлъ и предсказалъ cet excellent Kayserling! но мы не уважили въ пору мудрыхъ его предостереженій и теперь казнимся за свое упорство!" Подобныхъ случаевъ было уже не мало.**)

*) Въ Лифляндіи разсказываютъ, что какой то острякъ предрекъ Русской, Александровской гимназіи такую будущность: она вѣчно будетъ терпѣть недостатокъ въ двухъ условіяхъ, безъ которыхъ ей будетъ довольно трудно обойтись; въ ней не будетъ учителей и не будетъ учениковъ — Передавая этотъ анекдотъ, издатель Лифляндскихъ вкладовъ прибавляетъ: дай Богъ, чтобъ эта злая сатира оправдалась на дѣлѣ. (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 47) Удивляюсь какъ до сихъ поръ не отъискали этого пророка и не назначили его въ помощники къ Графу Кейзерлингу собственно по части устройства Русскихъ учебныхъ заведеній.

**) Я цѣню какъ нельзя болѣе высокое образованіе нынѣшняго попечителя Дерптскаго учебнаго округа и неутомимую ревность, съ которою онъ оберегаетъ интересы просвѣщенія своей родины, *какъ онъ ихъ понимаетъ.* Какъ Русскій — говорю это не безъ зависти — я былъ бы счастливъ, если бы судьба другихъ нашихъ Университетовъ ввѣрена была рукамъ одинаково искусныхъ, опытнымъ и твердымъ; но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ думать, что тотъ не можетъ быть пригоднѣйшимъ орудіемъ для приведенія въ дѣйствіе какой либо системы, кто внутренно увѣренъ въ ея вредѣ или несостоятельности.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ вопроса. Въ началѣ 1850 года, состоялось Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: 1) Губернскимъ Правленіямъ и всѣмъ короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на Русскомъ языкѣ всю переписку, не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ губерній (это было предписано еще въ 1842 году) но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на Нѣмецкомъ, а на Русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще, находящимися въ тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ. 2) Генералъ-губернатору наблюдать, чтобы впредь члены присутствій коронныхъ мѣстъ и высшіе въ нихъ канцелярскіе чиновники были опредѣляемы *преимущественно* изъ лицъ, имѣющихъ въ Русскомъ языкѣ познанія достаточныя для производства на ономъ дѣлъ. 3) Съ 1 Января 1858 года т. е. по окончаніи полнаго начинающими въ 1850 году высшее образованіе свое учебнаго курса въ гимназіяхъ и университетѣ Дерптскаго учебнаго округа, во всѣ вообще должности, какъ членовъ такъ и канцелярскихъ чиновниковъ, по короннымъ присутственнымъ мѣстамъ Остзейскаго края, опредѣлять *только* лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ и могущихъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ. 4) Когда главное мѣстное начальство признаетъ, что такихъ чиновниковъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣлительнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизводства на одномъ только Русскомъ языкѣ.

Это Высочайшее повелѣніе вошло въ продолженіе къ 1й части свода мѣстн. узак. (примѣч. 2 къ ст. 121)

и, сколько мнѣ извѣстно, не вызвало въ свое время ни протестовъ, ни возраженій. Не мудрено, что тогдашній Генералъ-губернаторъ и всѣ мѣстныя власти предпочли послѣдовать обыкновенной въ Балтійскомъ краѣ системѣ обращенія съ Русскими законами, т. е. не говоря ничего, просто поступать такъ какъ будтобы ихъ вовсе не было. Во всякомъ случаѣ, по той ли по другой ли причинѣ, никто въ продолженіи 17ти лѣтъ не шевельнулъ пальцемъ для исполненія Высочайшей воли, которая, по выраженію Комитета Министровъ, во всѣхъ частяхъ своихъ, осталась мертвою буквою. А что если бы что нибудь подобное обнаружилось въ Московской, Калужской или Саратовской губерніи? Съ какимъ благороднымъ негодованіемъ накинулись бы на нее тѣже самые Ливены, Палены, Эттингены, Кейзерлинги и другіе за столь непростительное пренебреженіе къ священной волѣ обожаемаго Монарха! .... Наконецъ, въ прошломъ году, не знаю въ точности по какому случаю, высшее правительство вспомнило про законъ 1850 года и, не желая ни расшевеливать прошлаго, ни разыскивать виновныхъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ очевидна была стачка всѣхъ мѣстныхъ властей, ограничилось простымъ повтореніемъ и подтвержденіемъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, иначе: оно еще разъ заявило свое право и свое намѣреніе говорить въ Балтійскихъ губерніяхъ на собственномъ своемъ государственномъ языкѣ. И чтоже? Это простое повтореніе (сдѣланное вскорѣ послѣ того какъ правительство, снисходя къ усиленнымъ ходатайствамъ первенствующаго въ томъ краѣ сословія, отмѣнило, одно изъ основныхъ правилъ господствующей Церкви) вызвало бурю. Вся мѣстная интеллигенція ощетинилась; въ иностранныя газеты посыпались язвительнѣйшія жалобы на правительство; Лифляндское дворянство пріосанилось и приготовилось къ рѣшительному отпору. — Сравните теперь 1850 годъ съ 1867, впечат-

лѣніе произведенное изданіемъ *новаго* закона съ дѣйствіемъ произведеннымъ простымъ подтвержденіемъ закона давно изданнаго, и вамъ представится наглядно на сколько въ 17 лѣтъ упалъ авторитетъ власти. Вотъ послѣдствія хваленой системы поблажекъ и потворства въ видахъ снисканія популярности въ одной области, точнѣе: въ тѣсномъ кругу одного или двухъ сословій, и въ явный ущербъ той популярности, которою правительство пользуется во всей остальной Россіи. Но оставимъ въ сторонѣ дворянскую оппозицію и журнальную агитацію; посмотримъ лучше, что сдѣлали мѣстныя власти, на которыхъ лежала обязанность исполнить волю правительства. Онѣ дѣйствительно засуетились и приступили очень усердно только не къ исполненію, а къ собиранію подробнѣйшихъ статистическихъ данныхъ для возраженія. Съ этою цѣлью, присутственныя мѣста потребовали отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ точныхъ свѣденій о степени ихъ познаній въ Русскомъ языкѣ. Къ этому запросу прилагалась акуратно составленная таблица, въ которую каждый обязывался вписать свое имя, въ ту или другую графу. Была графа для вовсе не знающихъ Русскаго языка, другая для понимающихъ, но не способныхъ писать по Русски, третья для владѣющихъ языкомъ вполнѣ; были, кажется, еще подраздѣленія. Которыя изъ этихъ графъ должны были наполняться именами и которымъ предназначалось оставаться пустыми, всѣмъ было извѣстно напередъ; говорили — не знаю правда ли — что самъ начальникъ Лифляндской губерніи вписалъ свое имя во вторую графу.*) Но не всѣ доста-

*) Въ недавно обнародованной корреспонденціи изъ Риги значится, что если бы всѣ мѣстныя власти Лифляндскія, въ вопросѣ о языкѣ, послѣдовали примѣру Гражд. Губ. Эттингена, то все дѣло кануло бы въ воду. (Онъ былъ Губернаторомъ съ 1862 по 1868 годъ и, какъ извѣстно всѣмъ, заправлялъ тремя Генералъ-губернаторами). Livl. Beitr. B. II Lief. I S. 38. Впрочемъ, дѣло и безъ того кануло въ воду. Нынѣ носится слухъ, что Г. Эттингена

вили требуемыя отъ нихъ свѣденія; такъ, одинъ изъ мѣстныхъ, коронныхъ чиновниковъ возвратилъ посланную къ нему таблицу съ отмѣткою „что на подобнаго рода вопросы запрещаетъ ему отвѣчать его совѣсть (auf solche Fragen zu antworten, verbietet mir mein Gewissen). Все это разумѣется была комедія, придуманная умными людьми для выигранія времени, и чтобъ дать возможность начавшейся агитаціи произвести свое дѣйствіе, въ сущности же никто въ краѣ не вѣрилъ въ дѣйствительное исполненіе воли правительства. Всѣ напротивъ были убѣждены, что оно спасуетъ передъ единодушнымъ сопротивленіемъ сословій и передъ тѣми затрудненіями, которыя воздвигали ему его собственные агенты; разсчитывали на вѣрное, что оно дастъ отсрочки, согласится на уступки и что мертворожденная буква не оживетъ. Сбылись ли эти надежды — объ этомъ пусть судятъ читатели по прочтеніи слѣдующаго предложенія Прибалтійскаго Генералъ-губернатора начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній отъ 26 Октября 1867 года.

„Вслѣдствіе отношенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 14 минувшаго Іюня No. 11492 и на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 Января 1850 года и 1 Іюня сего 1867 года положенія Комитета Министровъ, относительно безотлагательнаго введенія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній дѣлопроизводства на Русскомъ языкѣ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, М. Г. принять нынѣ же къ руководству по мѣстамъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ввѣренной вамъ губерніи, нижеслѣдующія правила: 1) въ Губернскомъ Правленіи, по всѣмъ его отдѣленіямъ, и въ

прочатъ въ Министры Удѣловъ. Такъ и слѣдуетъ: за успѣшное противодѣйствіе видамъ высшаго правительства въ Балтійскомъ краѣ нельзя не наградить.

канцеляріи Губернатора производить на Русскомъ языкѣ всю переписку, какъ съ высшими и общими Государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами внѣ Остзейскихъ Губерній,*) такъ равно и съ тѣми, существующими въ сихъ губерніяхъ коронными присутственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на Нѣмецкомъ, а на Русскомъ языкѣ, и которые поименованы въ прилагаемомъ спискѣ, или которые впредь могутъ быть учреждены въ здѣшнихъ губерніяхъ отъ Короны, а также со всѣми вообще мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ.**) 2) Въ вышеупомянутыхъ коронныхъ губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (п. 1) ввести на Русскомъ языкѣ вообще и все дѣлопроизводство, со включеніемъ журнальныхъ постановленій Губернскаго Правленія, резолюцій его членовъ, регистратуры, всякаго наименованія описей, книгъ, алфавитовъ, вѣдомостей, ассигновокъ и т. п., допуская исключенія въ отношеніи тѣхъ лишь журнальныхъ опредѣленій и резолюцій, которыя касаются дѣлъ слѣдственныхъ,***) или въ силу коихъ составляются бумаги обращаемыя въ мѣстныя учрежденія, поименованныя въ ст. 9 части 1^{й} св. мѣстн. узак. (т. е. высшіе суды, суды первой степени въ Уѣздахъ, мѣста и лица принадлежащія къ земской полиціи, городскіе магистраты съ городовыми судами и управленіями) а также въ дворянскія и городскія общественныя учрежденія Прибалтійскихъ губерній и въ духовныя установленія Евангелическаго и Лютеранскаго исповѣданія.†) Такія журнальныя постановленія могутъ

*) Это введено было еще въ 1842 году и подтверждено въ 1845. Св. Мѣст. узак. Част. I. прим. къ ст. 121.

**) Все это есть не болѣе какъ простое повтореніе пункта 1го Высоч. повел. 1850 года.

***) Трудно понять цѣль этого изъятія.

†) Эти два послѣднія изъятія лишаютъ общее правило выраженное въ началѣ статьи всякаго серьезнаго значенія; ибо, конечно, если не по всѣмъ,

быть составлены и на Нѣмецкомъ языкѣ. 3) Въ *смѣшанныхъ* (?) Губернскихъ учрежденіяхъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, какъ то: въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, Губернской Коммиссіи Народнаго Продовольствія, въ Комитетѣ и Особомъ Присутствіи о земскихъ повинностяхъ (въ Курляндіи), въ Губернскомъ Рекрутскомъ Присутсвіи, въ Комитетахъ: Статистическомъ, Еврейскомъ (въ Курляндіи), Попечительномъ о тюрьмахъ, Общественнаго здравія, Оспенномъ, Рекрутскомъ, въ Коммиссіяхъ крестьянскихъ дѣлъ и друг. состоящихъ подъ предсѣдательствомъ начальника Губерніи, изъ членовъ отъ короны и мѣстныхъ сословій, дѣлопроизводство и переписку *оставить на прежнемъ основаніи.**)

то по огромному большинству журнальныхъ постановленій Губернскаго Правленія приходится написать хоть одну бумагу въ одно изъ существующихъ судебныхъ или полицейскихъ мѣстъ или сословныхъ представительствъ. По Русски, будутъ писаться только журналы о выдачѣ жалованья, ордера казначею, постановленія о покупкѣ перьевъ, бумаги и т. п. Предположимъ, что по одному и тому же постановленію, нужно будетъ войти въ сношеніе съ Православнымъ Архіереемъ и съ Лютеранскою Консисторіею (что случается часто); спрашивается: на какомъ языкѣ будетъ составленъ журналъ? По силѣ изъятія выраженнаго въ § 3, онъ напишется по Нѣмецки, ибо переписка съ Лютеранскою Консисторіею производится по Нѣмецки. Вообще, этотъ § есть не исполненіе, а отсрочка на неопредѣленное время исполненія 4 пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

*) Это ужъ даже не отсрочка, а рѣшительная отмѣна Высочайшаго повелѣнія, основанная на совершенно произвольномъ и доселѣ неслыханномъ дѣленіи присутственныхъ мѣстъ на коронныя и какія то *смѣшанныя*, о которыхъ законъ не вѣдаетъ; ибо, если всѣ мѣста причисляемыя Генералъ-губернаторомъ къ категоріи смѣшанныхъ, тѣмъ самымъ, исключаются изъ числа коронныхъ, то ни одинъ изъ пунктовъ Высочайшаго повелѣнія 1850 къ нимъ не относится. Но откуда же взялось это новое понятіе о *смѣшанныхъ* мѣстахъ? Понятіе короннаго мѣста противопоставляется всегда понятію, не смѣшаннаго, а *сословнаго или общественнаго*. Изъ всѣхъ поименованныхъ Генералъ-губернаторомъ мѣстъ и учрежденій, ни одно не отнесено по своду законовъ къ числу образованныхъ на основаніи особыхъ мѣстныхъ узаконеній; Приказъ Общественнаго Призрѣнія прямо даже поименованъ въ числѣ мѣстъ учрежденныхъ въ губ. Остзейскихъ на основаніи постановленій вошедшихъ въ общій сводъ законовъ Имперіи (ст. 7 части 1 св. мѣст. узак.) а по общему своду никогда ни Приказъ Общественнаго Призрѣнія, ни Рекрутское Присутствіе,

4) Уѣзднымъ коронным и *смѣшаннымъ* учрежденіямъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ производить всю переписку съ мѣстами военнаго вѣдомства и съ учрежденіями внѣ Остзейскихъ губерній исключительно на Русскомъ языкѣ,*) съ сохраненіемъ въ своей силѣ нынѣ дѣйствующаго порядка въ отношеніи остальной переписки и всего дѣлопроизводства ихъ.**)

5) Начальникамъ Губерній имѣть *строгое* наблюденіе, чтобы къ занятію открывающихся вакансій по учрежденіямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ допускались впредь *преимущественно* только такія лица, которыя имѣютъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ и могутъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ.***)

6) Считаю однако необходимымъ присовокупить, что изъ доставленныхъ мнѣ Ваш. Прев. свѣденій о степени знанія Русскаго языка чиновниками ввѣреннаго вамъ Губернскаго Правленія,†) я усматриваю, что дѣлопроизводство въ той степени, какъ оно опредѣляется выше въ § 2, при безотлагательномъ примѣненіи во всемъ объемѣ,

---

ни Коммиссія Народ. Продов. не отличались отъ коронныхъ мѣстъ и не считались ни общественными, ни сословными. Если ужъ Генералъ-губернаторъ считалъ себя въ правѣ до такой степени ограничивать силу Высочайшаго повелѣнія 1850 года, то неужели никто не сумѣлъ подсказать ему болѣе благовиднаго предлога?

*) Новая путаница. Если Генералъ-губернаторъ не считаетъ учрежденій Уѣздныхъ *смѣшанныхъ* коронными, то онъ не имѣетъ никакого права требовать отъ нихъ исполненія 1го пункта Высочайшаго повелѣнія 1850 года.

**) Второю половиною статьи 4й отсрочивается на неопредѣленное время исполненіе 4го пункта Высочайшаго повелѣнія во всѣхъ Уѣздныхъ мѣстахъ.

***) Это повтореніе, въ формѣ нѣсколько менѣе точной, пункта 2 Высоч. повелѣн. 1850. Вся разница въ томъ, что по этому пункту обязывался *наблюдать* Генералъ-губернаторъ, который теперь, въ свою очередь, обязываетъ къ тому же Губернаторовъ, прибавляя прилагательное *строгое*, не совсѣмъ гармонирующее съ удержаннымъ въ редакціи словомъ *преимущественно*. Простое (не строгое) наблюденіе Генералъ-губернатора, въ продолженіи 17ти лѣтъ, ни къ чему не повело — это мы видимъ изъ опыта; посмотримъ: къ чему поведетъ строгое наблюденіе Губернаторовъ.

†) Таблички какъ видно пригодились!

можетъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія, вслѣдствіе чего *я предоставляю вамъ право допустить на нѣкоторое еще время* тѣ исключенія изъ означенной мѣры, которыя *вы признаете необходимыми, по собственному усмотрѣнію вашему*, присовокупляя, что я буду смотрѣть на это отступленіе какъ на порядокъ переходный и ненормальный.*)

7) Губернаторамъ имѣть равномѣрно постоянное наблюденіе за точнымъ исполненіемъ со стороны мѣстныхъ Управленій постороннихъ вѣдомствъ всѣхъ мѣръ принятыхъ въ нихъ по настоящему дѣлу вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 6 Іюня 1867 года.“**)

Итакъ, срока для введенія всего производства на Русскомъ языкѣ въ коронныхъ мѣстахъ, всётаки не назначено (пун. 4 Высоч. повел. 1850), а объ опредѣленіи въ должности съ 1го Янв. 1858 года *только* лицъ имѣ-

---

*) Въ самомъ § 2 насчитано было столько исключеній, что правило въ немъ выраженное почти безусловно упразднялось; теперь допускаются еще новыя исключенія, *всякія*, безъ ограниченія какимъ либо срокомъ и по усмотрѣнію Губернатора. По просту: мертворожденное слово остается таковымъ и на будущее время. Что Генералъ-губернаторъ всётаки будетъ *смотрѣть* на это какъ на порядокъ ненормальный — это конечно утѣшительно; но несомнѣнно также, что по прочтеніи его предложенія, мѣстныя власти и сословія взглянутъ на дѣло иначе и еще болѣе укоренятся въ своемъ убѣжденіи, что въ Балтійскихъ Губерніяхъ, неисполненіе Высочайшей воли явленіе совершенно нормальное. Если нужно доказательство, то вотъ оно: въ недавно опубликованной корреспонденціи изъ Лифляндіи, мы читаемъ: „изъ хода дѣла о введеніи Русскаго языка, мѣстное рыцарство увидитъ, что тамъ на верху (въ Петербургѣ) политикою правитъ страхъ (wird Angstpolitik getrieben) также какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ кружкахъ. Это напоминаетъ двухъ людей случайно другъ на друга натолкнувшихся въ потьмахъ. Обоихъ прохватилъ страхъ, но тотъ изъ нихъ, который первый рѣшится окликнуть: кто идетъ! непремѣнно обратитъ другаго въ бѣгство. Итакъ, будемъ продолжать во всю глотку кричать: кто идетъ! въ газетахъ и въ высшихъ слояхъ (an höherer Stelle) и трусливый призракъ исчезнетъ (Livl. Beitr. B. II. Lief. 1 S. 37). Корреспондентъ правъ: мы спасовали передъ крикомъ; но удивительна эта безцеремонная откровенность, съ которою намъ же печатно разсказываютъ какими средствами насъ надуваютъ и стращаютъ.

**) Мнѣ неизвѣстно въ чемъ онѣ состоятъ.

ющихъ основательныя познанія въ Русскомъ языкѣ (п. 3) даже и не упоминается. Наконецъ, Русскимъ проживающимъ въ Балтійскомъ краѣ и въ немъ приписаннымъ, никто и не подумалъ предоставить право, которымъ, по закону, пользуются Русскіе проживающіе во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи; я разумѣю право требовать, чтобъ судебныя мѣста Балтійскаго края принимали отъ нихъ всякаго рода бумаги на Русскомъ языкѣ. По ст. 122 св. мѣстн. узак. Лифляндскій Гофъ-герихтъ обязанъ принять просьбу писанную на Русскомъ языкѣ, если она прислана къ нему по почтѣ изъ Москвы или Оренбурга, тамошнимъ купцомъ или дворяниномъ, и уже самъ Гофъ-герихтъ распоряжается переводомъ ея на языкъ Нѣмецкій; но тотъ же Гофъ-герихтъ не принимаетъ просьбы на Русскомъ языкѣ отъ Рижскаго купца Русскаго происхожденія. Таково положеніе Русской *колоніи* въ краѣ.*)

Издатель Лифляндскихъ вкладовъ, упоминая о распоряженіяхъ сдѣланныхъ разными вѣдомствами по поводу повторенія закона 1850 года о введеніи Русскаго языка, называетъ ихъ рядомъ мѣръ насильственныхъ (eine ganze Reihe von Zwangsmassregeln) и прибавляетъ: „а впрочемъ, если онѣ наткнутся на сопротивленіе, то можетъ быть и не рѣшатся принудить къ исполненію.“**) Онъ угадалъ вѣрно: правительство повторило прежнее свое повелѣніе,

*) Въ Прагѣ всѣ присутственныя мѣста и власти принимаютъ всякаго рода просьбы, объявленія и т. п. на Чешскомъ и на Нѣмецкомъ языкахъ безъ различія и, по общепринятому правилу, выдаютъ резолюціи на томъ языкѣ, на которомъ писана просьба. Таково положеніе государственнаго языка въ Чехіи; Русскій, въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ не получилъ и этого права, а между тѣмъ никто конечно не вздумаетъ приравнивать отношенія Чехіи къ Австріи къ отношенію Балтійскихъ губерній къ Россіи. Чехія издревле составляла отдѣльное королевство; Чехія завоевана не была; корона Чешская перешла къ Габсбургскому дому, но, при этой посредственной, чисто династической связи съ другими владѣніями Габсбурговъ, Чехія всегда состояла, въ составѣ Австрійской Имперіи, на такихъ же правахъ какъ Венгрія.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 27.

встрѣтило оппозицію и отретировалось. Дѣло было обдѣлано въ Петербургѣ и безъ отправки депутатовъ.

X.

Въ заключеніе этого длиннаго перечня нашихъ уступокъ, нашихъ потерь и сдѣланныхъ нами промаховъ, нельзя умолчать о разгромѣ постигшемъ отъ нашихъ же рукъ первую попытку интеллигентныхъ Латышей поставить своихъ земляковъ въ прямыя и непосредственныя отношенія къ Россіи. Русскія газеты нѣсколько разъ уже заговаривали объ этомъ прискорбномъ явленіи, но, къ несчастію, правительство до сихъ поръ еще не усмотрѣло дѣйствительнаго его значенія и не оцѣнило нравственныхъ его послѣдствій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, основана была первая и до сихъ поръ единственная въ своемъ родѣ газета, издававшаяся на Латышскомъ языкѣ, для Латышей, не онѣмечившимися Латышами. Ихъ было немного, человѣкъ пять или шесть, но всѣ они были даровиты, душею преданы своему дѣлу и цѣлое племя смотрѣло на нихъ какъ на лучшихъ своихъ представителей. Латыши-литераты, изъ которыхъ нѣкоторые получили полное Университетское образованіе и, при всемъ томъ, не гнушались своего происхожденія и не измѣняли своимъ землякамъ, а напротивъ посвящали на служеніе имъ свои познанія и способности — это было явленіе совершенно небывалое, недавно еще казавшееся невозможнымъ. Въ новомъ литературномъ органѣ, цѣлое племя, въ первый разъ, пріобрѣтало голосъ для выраженія своихъ потребностей, желаній и стремленій. Направленіе изданія, въ политическомъ отношеніи, было не только безвредно для Россіи, но напротивъ такъ очевидно совпадало съ ея интересами понятыми вѣрно, что во всякой другой землѣ, въ Ирландіи, въ Венгріи, въ Познанскомъ

Герцогствѣ или въ Ганноверѣ, откройся тамъ литературный органъ такого же цвѣта, тамошнее правительство привѣтствовало бы его появленіе какъ самый счастливый симптомъ и приняло бы его подъ свое покровительство. Въ противность сепаратистическимъ стремленіямъ Нѣмецкой Балтійской прессы, эти неожиданные, какъ бы съ неба упавшіе къ намъ союзники проповѣдывали Латышскому племени, что вся его будущность въ возможно полномъ объединеніи его съ Россіею; на адресы рыцарства и на громкія заявленія вѣрности обусловленной неприкосновенностью мѣстныхъ привилегій, граждане того же края Латышскаго происхожденія отвѣчали заявленіемъ преданности безусловной и безоговорочной, не скрывая своего желанія, чтобы правительство даровало ихъ племени такіе же права и законы, такой же просторъ, такую же свободу, какими пользовались его коренные подданные въ другихъ областяхъ. Мы, разумѣется, пропустили все это мимо ушей и не обратили ни малѣйшаго вниманія на скромный голосъ этихъ откудато взявшихся людей, говорившихъ на непонятномъ для насъ языкѣ. Но Балтійское дворянство и Лютеранское духовенство взглянули на дѣло иначе и встревожились не на шутку. Они очень хорошо поняли, что еслибы Латышамъ удалось вступить въ прямыя сношенія, на первый разъ, хотя бы съ Русскою публикою, и проложить себѣ новый путь къ просвѣщенію, котораго они жаждутъ, именно путь изъ Россіи; то вскорѣ и въ правительственной средѣ поколебалась бы та странная, но общепринятая фикція, въ силу которой помѣщики принимаются за представителей и опрашиваются какъ представители интересовъ крестьянъ; что тогда открылся бы пожалуй новый источникъ для повѣрки оффиціальныхъ отзывовъ о благоустройствѣ и благосостояніи края; наконецъ, что изъ рукъ господствующей партіи, ускользнуло бы надежнѣйшее орудіе германизаціи туземцевъ. Всѣ обыкновенные пріемы, клеветы, доносы, застращиваніе, были употреблены въ дѣло, чтобъ отвратить эти бѣды и, разумѣется, съ обыкновеннымъ успѣхомъ. Прежде всего, добились черезъ Генералъ-губернатора (барона Ливена) перевода цензуры Латышской газеты изъ Петербурга въ Ригу, разсудивъ, очень основательно, что имѣя ее подъ рукою, гораздо легче будетъ задушить ее втихомолку; потомъ, испросили у Министра Внутреннихъ Дѣлъ пріостановленія ея на нѣсколько мѣсяцевъ, а за тѣмъ запрещенія. Въ такихъ мелочахъ людямъ заслуженнымъ и пользующимся полною довѣренностью правительства, отказа не бываетъ. Но всего этого было мало; нужно было, рукою самаго правительства, разбить группу людей собравшихся около Латышской газеты, дабы, однимъ ударомъ, пришибить въ цѣломъ племени всякую надежду на заступничество со стороны власти и всякую вѣру въ ея сочувствіе. Въ этихъ видахъ, сложилась цѣлая коалиція, и, благодаря наговорамъ двухъ сословій (дворянства и духовенства,*) благодаря усиленному ходатайству Губернатора и Генералъ-губернатора, благодаря наконецъ предупредительной услужливости III Отдѣленія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, административная кара обрушилась на невинныя головы бывшихъ редакторовъ и главныхъ сотрудниковъ. Подъ самыми вздорными предлогами, начались домашніе обыски и допросы; кого запугали, кого лишили мѣста и разорили, кого административнымъ порядкомъ отправили въ дальнюю ссылку, кого едва было не погубили по суду, если бы не вмѣшался въ дѣло Правительствующій Сенатъ и не остановилъ въ пору юридическаго убійства, къ несказанной досадѣ Лифляндскаго Гофъ-герихта.**) Этимъ гоненіемъ, по своей произ-

*) На это есть печатное свидѣтельство, которое я приведу.

**) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 25, 26.

вольности и жестокости беспримѣрнымъ въ нынѣшнее царствованіе, отвѣтило правительство на первую попытку мирной эмансипаціи Латышей въ области мысли и слова.

Теперь посмотримъ, что̀ сдѣлано было по нашей инииіативѣ въ Балтійскомъ краѣ, въ тотъ же двадцатилѣтній періодъ, дѣйствительно полезнаго.

XI.

Въ Ригѣ, отмѣнено стапельное право, то право, въ силу котораго иногородные Русскіе купцы не могли продавать своихъ товаровъ иностраннымъ торговцамъ, а обязаны были сбывать ихъ гражданамъ города Риги. (30 Окт. 1861.)

XII.

Въ томъ же городѣ, рядъ безконечныхъ усилій, послѣ многихъ отсрочекъ, увѣнчался наконецъ отмѣною обязательной браковки льна и объявленіемъ этой отрасли мѣстной торговли свободною (27 Іюня и 23 Декабря 1864).

XIII.

Наконецъ, во всемъ краѣ, средневѣковое право мѣстныхъ цеховъ на исключительное производство ремеслъ (Gewerbs- und Zunftzwang) отмѣнено и теперь вольно всякому, не рискуя попасть подъ судъ, добывать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Это было выговорено еще при сдачѣ города Риги въ 1710 году*) и было исполнено 156 лѣтъ спустя, въ 1866 году.

Кажется — это все чѣмъ мы можемъ похвалиться, по крайней мѣрѣ все дѣйствительно сдѣланное; но для

*) Договор. стат. города Риги и резолюція Фельд. Шереметева 4 Іюня 1710 (No. 2278) Резолюція на п. 22.

полноты обозрѣнія, нельзя не заглянуть нѣсколько впередъ и не упомянуть о начинаніи первостепенной важности, далеко впрочемъ еще не осуществившемся и котораго осуществленіе подвержено даже многимъ сомнѣніямъ.

XIV.

Я разумѣю судебную реформу. Она дожна возимѣть на всю будущность края послѣдствія громадныя. Какъ повѣдала намъ недавно Сѣверная Почта, правительство имѣетъ въ виду *„особые оттѣнки* при *распространеніи* на Прибалтійскія губерніи *главныхъ началъ судебной реформы*" иными словами: предполагается *приспособить эти главныя начала* къ мѣстнымъ условіямъ. Такъ, повидимому, понимаетъ задачу одинъ изъ оффиціальныхъ органовъ высшаго правительства; я говорю *повидимому*, ибо все это заявляется только для Россіи, а про себя, Министерство Внутреннихъ дѣлъ очень хорошо знаетъ, что на мѣстахъ, въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ, понимаютъ дѣло совершенно иначе и что высшее правительство почти ужъ окончательно уступило мѣстнымъ воззрѣніямъ. Когда тамошнія сословія призваны были къ выбору изъ своей среды депутатовъ въ коммиссію, на которую былъ возложенъ трудъ первоначальной разработки проэкта судебной реформы, Лифляндское дворянство снабдило своего депутата инструкціею, которою оно вмѣнило ему въ непремѣнную обязанность немедленно подать отъ себя протестъ и устраниться отъ всякаго участія въ занятіяхъ коммиссіи при первой попыткѣ заставить ее принять за исходную точку предстоявшихъ работъ восьмой пунктъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 29 Сент. 1862 года,*) иными словами: буде правительство

*) Въ этомъ пунктѣ значилось: сообщить основныя положенія преобразованія судебной части главнымъ начальникамъ Кавказскаго и Закавказскаго

будетъ стоять на томъ, чтобы къ Балтійскимъ губерніямъ были примѣнены *основныя положенія* принятыя для всей Россіи. Затѣмъ, коммиссія, въ полномъ составѣ, 7 Ноября 1866 года, подала тогдашнему Генералъ-губернатору Барону Ливену особую записку, въ которой она единогласно и торжественно опротестовывала напередъ предположеніе „будто бы она можетъ и соглашается считать себя стоящею на почвѣ основнаго положенія (als könnte oder wollte sie für formell auf dem Boden des „Fundamentalreglements" stehend und arbeitend angesehen werden). Баронъ Ливенъ принялъ эту записку безъ всякаго возраженія, слѣдовательно призналъ законность выраженной въ ней оговорки, и, такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ испортилъ все дѣло. Графъ Шуваловъ, вскорѣ послѣ того заступившій мѣсто Барона Ливена, повидимому, не зналъ объ этомъ промахѣ своего предшественника (какъ это ни невѣроятно). По крайней мѣрѣ, онъ нѣсколько разъ пытался возстановить обязательность главныхъ основаній, но дѣлалъ это крайне неловко и неудачно. Вмѣсто того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ антиправительственнымъ воззрѣніемъ представителей мѣстнаго провинціализма, онъ вздумалъ перехитрить ихъ, запутался въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ, уличенъ былъ членами коммиссіи

края, обѣихъ частей Сибири, войска Донскаго *и вообще тѣхъ губерній и областей кои управляются не по общему положенію* и спросить мнѣнія ихъ: какія измѣненія и дополненія въ общихъ для Имперіи основныхъ положеніяхъ необходимо сдѣлать при *примѣненіи* оныхъ къ судебнымъ учрежденіямъ сихъ мѣстностей, и т. д. — Подъ общимъ понятіемъ губерній и областей кои управляются *не* по общему положенію, Балтійскія губерніи подразумѣваемы быть не могутъ — такъ разсуждало дворянство и туже тему подробно развиваютъ теперь въ печатныхъ брошюрахъ тамошніе юристы. — Стало быть, заключаете вы, Балтійскія губерніи принадлежатъ къ числу управляемыхъ по общему положенію? — Опять нѣтъ — отвѣчаютъ вамъ тѣже юристы. — Такъ какъже, спрашиваете вы, относятся онѣ къ Имперіи? — Да такъже! Онѣ находятся *внѣ* всякаго закономъ признаннаго отношенія составныхъ частей государства къ цѣлому государству.

въ противорѣчіяхъ, въ ссылкѣ на какое то Высочайшее повелѣніе, котораго онъ предъявить не могъ, словомъ: потерпѣлъ позорное пораженіе и, послѣ какихъ то успокоительныхъ увѣреній, будто бы полученныхъ представителями дворянства отъ самаго Государя, сознался, въ исходѣ 1865 года, что онъ ошибался и что основныя положенія судебной реформы не имѣютъ для Балтійскаго края никакой обязательной силы.*) Итакъ, дѣло по видимому окончательно нами проиграно; вопросъ поставленъ не о примѣненіи, распространеніи и приспособленіи существующаго у насъ (какъ увѣряетъ Сѣверная Почта), а объ изобрѣтеніи для Балтійскаго края чего то совершенно новаго. Но предположимъ даже (чего я далеко не считаю вѣроятнымъ) что высшее правительство въ пору еще одумается; за тѣмъ, при неоспоримой необходимости принять въ соображеніе мѣстныя особенности, возникнетъ вопросъ: что̀ считать *главными* началами и что̀ оттѣнками; въ какой мѣрѣ, изъ уваженія къ послѣднимъ, будетъ отступлено отъ первыхъ и вообще: восторжествуетъ ли желаніе еще болѣе обособиться, или обратное стремленіе къ объединенію? Кто, на мѣстахъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, будетъ представителемъ объединенія — мы еще не знаемъ, а что горячими сторонниками обособленія будутъ всѣ представители Балтійской интеллигенціи и государственные наши сановники ею вдохновляемые — это не подлежитъ сомнѣнію. Изъ разныхъ брошюръ изданныхъ за границею, изъ журналовъ и газетъ издающихся въ самомъ краѣ, мы знаемъ, что мѣстные юристы отнеслись къ нашимъ судебнымъ уставамъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ; этотъ трудъ (такъ разсуждаютъ они) можетъ быть пригоденъ для Россіи, но *Нѣмецкія*,

---

*) Я заимствую эти подробности изъ Лифляндскихъ вкладовъ (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 7—20). Авторъ очень подробно разсказываетъ весь ходъ дѣла, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе.

Прибалтiйскiя провинцiи, такъ далеко опередившiя ее во всемъ, имѣютъ полное право требовать для себя чего нибудь лучшаго. Мы вычитали также, что дворянство *никогда* не откажется отъ своего сословнаго суда и не уступитъ права замѣщать судебныя должности по выбору изъ своей среды. Впрочемъ, послѣднему заявленiю нельзя придавать слишкомъ большаго значенiя; въ дѣлѣ торговомъ (а всякое преобразованiе предпринимаемое правительствомъ встрѣчается въ томъ краѣ какъ запросъ противной стороны) обыкновенный прiемъ: сперва заломить огромную цѣну, чтобъ было съ чего уступить и послѣ похвалиться оказаннымъ уваженiемъ. Вѣроятно, только это и имѣютъ въ виду Балтiйцы дѣйствительно интеллигентные, хорошо знающiе, что судоустройство основанное на началѣ сословнаго разъединенiя теперь уже немыслимо, и что, какимъ бы порядкомъ ни назначались судьи, Нѣмецкая партiя на столько сильна, что никогда личность ей неугодная, а тѣмъ паче Русскiй, не проскользнетъ черезъ Балтiйскую заставу. Настоящая борьба завяжется на другихъ пунктахъ. Добиться отмѣны основныхъ началъ въ системѣ выбора мировыхъ судей и въ институтѣ присяжныхъ — вотъ, по всей вѣроятности, на что обращены будутъ всѣ усилiя. Тутъ, конечно, приведутъ какъ доказательства и выставятъ ребромъ: отсутствiе и невозможность въ Балтiйскихъ губернiяхъ *всесословныхъ* собранiй, въ родѣ нашихъ земскихъ и городскихъ, которымъ бы могъ быть порученъ выборъ мировыхъ судей, разноплеменность и разноязычiе мѣстнаго населенiя, грубость и необразованность Латышей и Эстовъ, грозящiй впереди демократизмъ, необходимость, въ видахъ предусмотрительнаго консерватизма, сохранить за дворянствомъ прежнее его полновластiе и т. п. Если (что не подлежитъ сомнѣнiю) эти соображенiя встрѣтятъ въ высшихъ учрежденiяхъ сильную поддержку и (что довольно вѣроятно) не возбудятъ рав-

носильнаго противодѣйствiя, тогда, при нѣкоторой ловкости, будетъ весьма не трудно составить для Балтiйскаго края *свой особенный* мировой институтъ и, подъ этимъ новымъ названiемъ, воскресить только что упраздненную правительствомъ вотчинную юридикцiю, иначе: облеченный въ судебныя формы, и потому неприкосновенный, произволъ помѣщичьихъ конторъ. Это одна, ближайшая опасность; но дѣло можетъ принять еще худшiй оборотъ. Мировой судъ, въ томъ видѣ въ какомъ онъ введенъ у насъ и въ какомъ онъ дорогъ Россiи, такъ глубоко антипатиченъ Балтiйскому рыцарству, что если агенты его встрѣтятъ въ Петербургѣ непреодолимое противодѣйствiе введенiю въ своемъ краѣ особаго мироваго института, то очень вѣроятно, что они перемѣнятъ свою диспозицiю и, разумѣется не прямо отъ себя, а черезъ разныхъ преданныхъ имъ государственныхъ мужей, въ стачкѣ съ Поляками и съ какою нибудь „Вѣстью", поведутъ атаку противъ Мироваго суда вообще и постараются натолкнуть правительство на мысль преобразовать его во всей Имперiи по какому нибудь Остзейскому идеалу. Многiе, по видимому ничтожные признаки заставляютъ даже предполагать, что уже теперь, въ влiятельныхъ кругахъ, складывается такого рода замыселъ, который, въ случаѣ малѣйшаго успѣха, нанесъ бы рѣшительный ударъ нашей гражданственности и — говорю это не обинуясь — лишилъ бы верховную власть значительной доли ея популярности. Будемъ надѣяться, что въ рѣшительную минуту, счастливое вдохновенiе, одно изъ тѣхъ вдохновенiй какими такъ часто спасалась Россiя, обратитъ въ ничто зловѣщiя приготовленiя, за которыми она слѣдитъ издали съ недоумѣнiемъ и безпокойствомъ.

Не мудрено также, что институтъ присяжныхъ, послѣ нѣсколькихъ приспособленiй, совершенно утратитъ характеръ суда *общественнаго* и превратится въ судъ *интел-*

лигентнаго меньшинства, то есть Нѣмецкой колоніи, надъ безгласнымъ большинствомъ; что правительство пожертвуетъ своимъ правомъ назначать по своему усмотрѣнію судей и лицъ прокурорскаго надзора, или обяжется выбирать ихъ изъ списка кандидатовъ, которыхъ будутъ представлять ему первенствующія сословія, или, что оно, не принимая на себя формальнаго обязательства, de facto, будетъ замѣщать эти должности исключительно уроженцами Балтійскихъ губерній, устранивъ совершенно Русскихъ, и, такимъ образомъ, ввѣритъ приведеніе въ исполненіе судебной реформы лицамъ наиболѣе ей противодѣйствующимъ и наименѣе сочувствующимъ ея духу — все это было бы совершенно согласно съ установившимися издавна традиціями. Наконецъ, почему бы (также по очень многимъ бывшимъ примѣрамъ) не обойти и въ этомъ вопросѣ Государственнаго Совѣта, и не представить проэкта судоустройства для Балтійскаго края на Высочайшее утвержденіе прямо отъ Остзейскаго Комитета, съ тѣмъ разумѣется, чтобы ввести его *въ видѣ опыта* и отложить обсужденіе его въ порядкѣ законодательномъ до той минуты, когда проэктъ успѣетъ обратиться въ совершившійся фактъ? Если дѣло приметъ такой или похожій на это оборотъ, то отъ главныхъ началъ уцѣлѣетъ не многое, въ сущности, уцѣлѣетъ одно: Лифляндія, Эстляндія и Курляндія, доселѣ не имѣвшія ни одного общаго, центральнаго присутственнаго мѣста, получатъ его въ Судебной Палатѣ — спорить противъ этого никто конечно не будетъ; онѣ сплотятся въ одно цѣлое, въ одинъ Остзейскій округъ (къ которому, безъ сомнѣнія, не причислятъ ни одной Русской губерніи, чтобъ лучше изолировать его) и тогда Балтійскій край, въ судебномъ отношеніи, отвалится окончательно отъ Россіи. Онъ избавится „von der Calamität der Unterordnung unter dem Russisch verhandelnden St. Petersburger Senat (отъ напасти подчиненія С. Петербургскому Сенату производящему дѣла по Русски) и получитъ наконецъ то, чего онъ не переставалъ настойчиво домогаться съ самой минуты его завоеванія, именно *верховный трибуналъ* для себя, и чего не давалъ ему Петръ I, даже въ то время, когда, въ упоеніи побѣды и на радостяхъ, что у него наконецъ завелись и Нѣмецкіе подданные, онъ имъ ни въ чемъ не отказывалъ. Направить судебную реформу въ ту или другую сторону, то есть къ сближенію съ Россіею или къ обособленію отъ нея, призванъ теперь Графъ Паленъ, назначенный Министромъ Юстиціи помимо всѣхъ Русскихъ юристовъ, самимъ правительствомъ подготовленныхъ, и своими трудами по составленію судебныхъ уставовъ, кажется оправдавшихъ возложенныя на нихъ надежды.

Но я не хочу, чтобъ меня упрекнули въ гаданіи и потому, отъ неизвѣстнаго будущаго, обращаюсь назадъ къ прошедшему, къ фактамъ совершившимся.

Сравненіе выведеннаго итога нашихъ жертвъ, потерь, уступокъ и промаховъ съ итогомъ нашихъ пріобрѣтеній и успѣховъ приводитъ къ заключенію, которымъ мы едвали въ правѣ похвалиться. Говоря словами Петра I-го, во авантажѣ остается мѣстный провинціализмъ, а для Россіи балансъ сводится на минусъ. Это такъ очевидно, что, по отношенію къ результатамъ, истекшее двадцатилѣтіе въ Балтійскомъ краѣ, и особенно 14-ти лѣтнее управленіе внука великаго Генералиссимуса (отъ 1848 до 1861 года)*) уподобляется даже не потерянному сраженію, а цѣлой несчастной для насъ кампаніи, въ продолженіи которой государственное знамя постоянно склонялось и отступало

---

*) Не даромъ отъявленный врагъ Россіи, издатель Лифляндскихъ вкладовъ, говоритъ объ управленіи Князя Суворова съ такимъ сочувствіемъ, называя его временемъ отдыха и спокойствія, въ продолженіи котораго край *сообразился*, *одумался* и *собрался съ силами*. (Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 88).

передъ значкомъ провинціализма и наконецъ упало такъ низко, что самая скромная попытка поднять его возбуждаетъ теперь негодованіе какъ неслыханная дерзость.*)

„Скажите имъ, что я Императрица Всероссійская, а не Герцогиня Курляндская“ — отвѣчала съ высоты своего престола Екатерина II на какое то заносчивое домогательство своихъ Балтійскихъ подданныхъ.

„Помните, что мы чтимъ въ своемъ Государѣ не Императора Всероссійскаго, а Лифляндскаго Герцога, свободнаго отъ всякаго односторонно Русскаго давленія (von einseitiger Russischer Pression freien)“ — отвѣчаетъ намъ теперь изъ за границы дѣятельнѣйшій изъ Балтійскихъ

*) Вотъ, на примѣръ, какого рода *печатные* отзывы мы теперь встрѣчаемъ о последнемъ пребываніи Государя Императора въ Ригѣ и о произнесенныхъ имъ въ этомъ городѣ словахъ, въ связи съ недавнею попыткою ввести Русскій языкъ въ оффиціальное употребленіе, окончившеюся, какъ извѣстно, рѣшительнымъ отступленіемъ правительства передъ мѣстною оппозиціею. Издатель Лифляндскихъ вкладовъ видитъ въ этой попыткѣ первый приступъ къ осуществленію какого то давнишняго замысла *подавить* въ Остзейскихъ губерніяхъ *Германизмъ, эту стихію, которой Царствующая династія обязана надежнѣйшими своими опорами* (das Deutschthum — dieses Element im Russischen Reiche, welchem die Kaiserliche Dynastie ihre festesten Stützen zu verdanken hat) и говоритъ: *„для насъ, угнетаемыхъ* (unterdrückten) всего больнѣе и обиднѣе при этомъ то обстоятельство, что распоряженіе правительства (Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ объ оживленіи мертвой буквы закона 1850) заключало въ себѣ разъясненіе загадочныхъ словъ произнесенныхъ Государемъ Императоромъ въ Ригѣ, въ то время какъ его тамъ принимали съ обычнымъ, *честнымъ и довѣрчивымъ гостепріимствомъ* (mit gewohnter loyaler und zutrauensvoller Gastlichkeit); мало того: сопоставленіе чиселъ (пребыванія въ Ригѣ и утвержденія упомянутаго положенія) доказываетъ, что Государь Императоръ, пользуясь этимъ гостепріимствомъ и принимая его, *держалъ про себя* (in petto) свое намѣреніе (настоять на введеніи Русскаго языка).“ — Итакъ, за то, что Государь Императоръ взялъ на себя трудъ лично предупредить Балтійскую публику о своихъ намѣреніяхъ, Его же теперь обвиняютъ въ какой то двуличности, почти въ предательствѣ. Какъ де могъ Онъ помышлять о введеніи Русскаго языка и о тѣснѣйшемъ объединеніи Балтійскаго края съ Россіею, когда Рига встрѣчала его гостепріимно и оказывала ему довѣріе! — Вотъ до чего доводитъ система угождснія, задабриванія, заискиванія и баловства (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. III, IV).

публицистовъ, вице-президентъ Лифляндскаго Гофъ-герихта Г. В. фонъ Боккъ.*) И не онъ одинъ это говоритъ.

Между этими двумя политическими исповѣданіями — почти столѣтіе. Теперь видно въ какую сторону мы шли въ этотъ промежутокъ времени и сколько пройдено нами пути.

Но отчего такой поразительный fiasco, спроситъ вѣроятно читатель? Ужъ не оттого *ли*, что вся энергія правительства растрачивается на обузданіе нашихъ дворянскихъ и земскихъ собраній, да на гигантскую борьбу его съ Московскими газетами, и что, за таковымъ расходомъ, ничего не остается въ запасѣ для нашей Балтійской окраины? — Но хотя бы даже и такъ, всётаки хотѣлось бы разъяснить себѣ: отчего же эта энергія обращается именно туда гдѣ можно бы было безъ нея обойтись, а не туда гдѣ ощущается въ ней дѣйствительная надобность? Причинъ много — я укажу на двѣ.

Управлять Балтійскимъ краемъ очень трудно и въ тоже время очень легко; все зависитъ отъ того: какъ понимать слово *управлять*. Если управлять значитъ быть адвокатомъ первенствующихъ сословій передъ высшимъ правительствомъ, то задача разрѣшается очень просто. Еслижъ управлять значитъ быть дѣятельнымъ представителемъ государственнаго начала и проводникомъ его требованій, то должность Генералъ-губернатора въ Ригѣ одна изъ самыхъ трудныхъ и неблагодарныхъ. Въ Балтійскомъ краѣ борятся законъ съ юридическими традиціями и общее законодательство Имперіи съ провинціальнымъ; борятся два вѣроисповѣданія, изъ коихъ одно считается господствующимъ во всей Имперіи, а другое считаетъ себя

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 297, 300.

господствующимъ въ томъ краѣ (Landeskirche); борятся три народности, господствующая по оффиціальной терминологіи, господствующая на самомъ дѣлѣ, и подавленная; наконецъ: тяжутся городская аристократія съ городскимъ пролетаріатомъ и обезземеленные крестьяне съ землевладѣльцами; въ этихъ борьбахъ и тяжбахъ жизнь всего края. Оттого, самыя обыкновенныя дѣла управленія до крайности усложняются и принимаютъ размѣры вопросовъ политическихъ, церковныхъ, народныхъ или сословныхъ, затрогивающихъ самые щекотливые интересы цѣлыхъ вѣроисповѣданій, корпорацій, даже цѣлыхъ націй. Въ Москвѣ, Петербургѣ или Одессѣ, Генералъ-губернаторъ не встрѣчаетъ ничего подобнаго. Далѣе, по принятому въ краѣ порядку дѣлопроизводства, всѣ возникающіе вопросы, споры и недоразумѣнія немедленно переносятся въ область историческаго права и обростаютъ множествомъ ссылокъ на документы не всегда достовѣрные, часто темные и обыкновенно допускающіе самыя разнообразныя толкованія. Для Русскаго, не спеціалиста по этой части трудно даже усвоить себѣ мѣстную юридическую терминологію, выработанную вѣками для выраженія понятій нигдѣ въ Россіи не встрѣчающихся. Чтобы не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ, необходима юридическая подготовка, которая, къ сожалѣнію, не пріобрѣтается ни командованіемъ гвардейскимъ полкомъ, ни пріемомъ рекрутовъ, ни бѣглыми осмотрами по разнаго рода порученіямъ. Чтобъ сохранить независимость взгляда и воли, не подчиниться одностороннимъ вліяніямъ и не уклониться отъ борьбы съ провинціализмомъ въ его антигосударственныхъ притязаніяхъ, нужно болѣе чѣмъ обыкновенное представительство и умѣніе орудовать властью; нужно въ добавокъ гражданское мужество, въ полномъ значеніи слова. Ибо, какимъ бы личнымъ къ себѣ довѣріемъ верховной власти Балтійскій Генералъ-губернаторъ ни пользовался,

онъ не можетъ не сознавать, что политическая его будущность въ значительной степени зависитъ отъ мнѣнія, которое составится объ немъ въ Ригѣ, оттуда перейдетъ въ Петербургъ и тамъ укоренится въ вліятельныхъ кругахъ; а репутацію администратора популярнаго, умѣющаго привлекать сердца къ правительству, или ненавидимаго и возбуждающаго всеобщее неудовольствіе, составятъ ему конечно не Латыши, не Православное духовенство и не Русскіе купцы, а дворяне и такъ называемая интеллигенція края, то есть тѣже представители мѣстнаго провинціализма. При такихъ условіяхъ, всякій ли рѣшится вступить съ нимъ въ борьбу?

Но эта незаманчивая обстановка главнаго мѣстнаго начальника мгновенно измѣняется какъ только онъ берется за управленіе въ другомъ значеніи этого слова. Трудности исчезаютъ, недоразумѣнія уясняются; оказывается, что все напередъ придумано, разрѣшено и написано (хотя и не совсѣмъ чистымъ Русскимъ языкомъ), а ему, счастливому представителю власти, остается только подписывать. Приходится ли отвѣчать на щекотливый запросъ изъ Петербурга, или ѣхать туда отстаивать какое нибудь произведеніе мѣстныхъ законодателей — ему подвертываютъ кучу искусно подобранныхъ фактовъ и цифръ, цѣлый арсеналъ аргументовъ, заранѣе подготовленныхъ въ отвѣтъ на всѣ возраженія, словомъ: его начиниваютъ, подогрѣваютъ, наставляютъ, и всётаки отпускаютъ въ путь не одного, а приставивъ къ нему надежнаго руководителя, который будетъ выручать его въ случаѣ надобности и въ тоже время будетъ повсюду прославлять его популярность. Чегоже лучше? Обыкновенно бываетъ такъ, что вновь назначенный Генералъ-губернаторъ изъ Русскихъ*)

*) О Генералъ-губернаторахъ изъ мѣстныхъ дворянъ я не говорю. Издатель Лифляндскихъ вкладовъ характеризуетъ одного изъ нихъ слѣдую-

пріѣзжаетъ съ твердымъ намѣреніемъ управлять въ настоящемъ смыслѣ слова и, мало по малу, нечувствительно, переходитъ къ противоположной системѣ управленія, то есть попадаетъ въ колею своихъ предшественниковъ. Это дѣлается какъ то само собою. При первомъ же докладѣ, онъ невольно испытываетъ непріятное ощущеніе человѣка заблудившагося въ лѣсу и обязаннаго указывать дорогу другимъ. Понятно, что чѣмъ онъ добросовѣстнѣе и умнѣе, тѣмъ невыносимѣе для него такое положеніе; онъ оглядывается по сторонамъ ища совѣта, и, съ перваго шага, попадаетъ въ руки какого нибудь мѣстнаго дѣльца, заранѣе подготовленнаго, который предупредительно выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу. Еще нѣсколько мѣсяцевъ — и настоящимъ главнымъ начальникомъ края дѣлается мѣстный Ландмаршалъ, Ландратъ или Губернаторъ изъ Ландратовъ, а Генералъ-губернаторъ превращается въ его чиновника по особымъ порученіямъ, на котораго возлагается обязанность повторять и проводить въ Петербургѣ то, что внушается ему въ Ригѣ. Можно смѣло сказать, что съ 1847 года, государственное начало не имѣло въ Балтійскомъ краѣ ни одного серьезнаго представителя, и вотъ отчего самые ярые противники этого начала такъ дорожатъ должностью Прибалтійскаго Генералъ-губернатора „этимъ столь существеннымъ *палладіумомъ* всѣхъ надеждъ и стремленій направленныхъ *къ укрѣпленію Балтійскаго Германизма*“ (какъ выражается авторъ Лифляндскихъ вкладовъ).*) Повторяю: быть адвокатомъ провинціальныхъ интересовъ и трубою провинціальныхъ воз-

щими словами: der wackere, echt deutsch und protestantisch gesinnte Gener.-Gouv. Baron Wilhelm Lieven (бойкій, по истинѣ въ Нѣмецкомъ и Протестантскомъ духѣ настроенный Баронъ Ливенъ). — Туже характеристику можно примѣнить къ Барону Паленy и къ другимъ ихъ землякамъ. (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 263 .

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 72.

зрѣній легко и пріятно; но разъ принявъ эту роль, надобно держаться ея послѣдовательно, какъ дѣлалъ Князь Суворовъ, и уже не позволять себѣ никогда порывовъ самостоятельности; иначе, можно легко нажить горькія непріятности и надѣлать промаховъ, какъ это случилось съ Графомъ Шуваловымъ, когда онъ захотѣлъ было поддержать требованія правительства въ дѣлѣ судебной реформы, и какъ случилось недавно съ Ген.-Ад. Альбединскимъ, неожиданно вздумавшимъ заговорить по Русски.

Дѣло происходило такимъ образомъ. Генералъ-губернаторъ, на сей разъ вѣроятно не испросившій благословенія ни у Г. Эттингена, ни у Графа Кейзерлинга, послалъ въ Ревельскій Магистратъ какіе то акты по частному, долговому взысканію, при предложеніи отъ себя писаннымъ по Русски. Съ какою цѣлью это было сдѣлано — непонятно. Магистратъ отвѣчалъ ему по *нѣмецки* слѣдующее (я перевожу буквально).*)

„Ваше Превосходительство, при предложеніи отъ 29 М. за № 2139 препроводили въ Ревельскій Магистратъ бумаги относящіяся къ дѣлу о передачѣ оффиціальнымъ путемъ проживающему въ Пестѣ Рудолфу .. .. остатка отъ вексельнаго долга Германа Ергелета. Сколь неважно это предложеніе по своему содержанію, столь, на оборотъ, многозначительно оно по своей формѣ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи, оно имѣетъ даже историческую важность. Болѣе полутораста лѣтъ, городъ Ревель пользуется высокимъ счастіемъ находиться подъ скипетромъ славноправящихъ Государей Русскихъ, и, за весь этотъ періодъ времени, въ первый разъ получаетъ Ревельскій Магистратъ отъ Генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній бумагу писанную по Русски.“

„Еслибы Магистратъ упустилъ откровенно высказать

*) Текстъ напечатанъ въ Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 74.

Вашему Превосходительству какую важность онъ находитъ себя вынужденнымъ придать этому дѣлу (состоящему въ теснѣйшей связи съ правомъ специально обезпеченнымъ городу Ревелю) то онъ, Магистратъ, тѣмъ самымъ измѣнилъ бы своему долгу и призванію быть оберегателемъ и стражникомъ особенныхъ правъ города. Въ пунктѣ 25 капитуляціи 29 Сент. 1710 года, заключенной при подчиненіи города Ревеля скипетру Его Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Петра 1го значится:

„Чтобъ въ семъ городѣ и землѣ Нѣмецкаго языка искусный правитель или губернаторъ учрежденъ былъ, и всѣбъ указы на Нѣмецкомъ языкѣ изданы были, и никакогобъ языка кромѣ Нѣмецкаго въ губернской и городской канцеляріяхъ, такожде въ судахъ, не употреблять *(и городъ гербовою бумагою не отягощать).*“ *)

„Этотъ пунктъ, тогдаже, представителемъ Его Величества признанъ былъ вполнѣ справедливымъ и имѣющимъ основаніе въ несомнѣннѣйшихъ фактахъ; сверхъ того, этотъ пунктъ въ п. 33 тойже капитуляціи, объявленъ утвержденнымъ; затѣмъ, онъ же, вмѣстѣ съ другими пунктами капитуляціи, обезпеченъ въ настоящемъ и на будущія времена генеральною конфирмаціею привилегій г. Ревеля Его Величествомъ славной памяти Государемъ и Императоромъ Петромъ I 13 Марта 1712 года; наконецъ, этотъ же пунктъ, въ силу ст. 9 Ништатскаго мира 30го Августа 1721 года *получилъ значеніе обязательства между-народнаго* (eine internationale Bedeutung).“**)

*) Послѣднихъ, курсивомъ напечатанныхъ словъ, въ скобкахъ, Магистратъ не привелъ, конечно потому, что онѣ къ дѣлу не относились, а можетъ быть еще и потому, что qui prouve trop ne prouve rien, ибо, на основаніи капитуляціи, городъ имѣетъ *совершенно одинаковые* поводы отказываться отъ платежа гербовыхъ пошлинъ и возвращать Генералъ-губернатору бумаги писанныя по Русски.

**) Вотъ что значится въ этомъ пунктѣ: Его Царское Величество объ-

„Позднѣйшая, болѣе чѣмъ полуторостолѣтняя практика и обычай служатъ монументальнымъ истолкованіемъ этого обезпеченія по капитуляціи, изъ чего обнаруживается, что предложеніе Вашего Превосходительства превращаетъ въ вопросъ старое, документально закрѣпленное право г. Ревеля, притомъ право формально признанное и въ новѣйшее время, въ области законодательной. Ибо второе примѣчаніе къ ст. 121 перваго продолж. къ 1 част. мѣстнаго свода для губер. Остзейскихъ основано на ясно высказанномъ предположеніи, что переписка всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ и властей въ Остзейскихъ губерніяхъ съ управленіями и судами производящими дѣла свои на Нѣмецкомъ языкѣ, должна также производиться на этомъ языкѣ.“

„Ревельскій Магистратъ имѣетъ полное основаніе, съ самодовольствіемъ и даже съ гордостью, указывать на лѣтописи города за все продолжительное и счастливое время прожитое имъ *въ соединеніе* съ Россійскою Имперію (замѣтьте: не *въ составѣ* Россіи).“

„Въ вѣрности и послушаніи, въ радости и въ горѣ, стоялъ городъ къ Императору и государству, считая за славу принадлежать имъ. А это послушаніе и эта вѣрность (въ соблюденіи коихъ на всѣ времена городъ и высшее городское управленіе будутъ полагать свою славу и свою гордость) покоятся на несокрушимомъ упованіи, что права*) и интересы города Ревеля, всегда и во вся-

щаетъ при томъ, что всѣ жители провинцій *Лифляндской*, Эстляндской, такожде и острова Эзеля, шляхетные и нешляхетные, и въ тѣхъ провинціяхъ обрѣтающіеся города, магистраты, цехи и цунфты при ихъ подъ Свейскимъ правленіемъ имѣвшихъ привилегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

*) Въ томъ числѣ, конечно, и право не платить гербовыхъ пошлинъ, *которыя однако взыскиваются*, и право не позволять незаписаннымъ въ цехи трудами рукъ своихъ добывать себѣ кусокъ хлѣба, *которое недавно отмѣнено правительствомъ*

комъ случаѣ, могутъ разсчитывать на защиту и благоволеніе верховныхъ владыкъ края и ихъ высокихъ представителей; въ этомъ упованіи заключается самое твердое основаніе вѣрности и послушанія. Нынѣ, обращаясь къ Вашему Превосходительству съ почтительнѣйшею и вмѣстѣ рѣшительно высказываемою просьбою (ebenso ehrfurchtsvoller als bestimmter Bitte) на будущее время облекать Ваше предложенія въ ту форму, которая одна только и соотвѣтствуетъ выведенному выше праву Магистрата въ дѣлѣ оффиціальной переписки, Магистратъ надѣется, что Ваше Превосходительство благоволите признать эту просьбу не за что иное, какъ за выраженіе тогоже невозмутимаго и несокрушимаго упованія." Ревель Сент. 1867 года. Слѣдуютъ подписи первоприсутствующаго и 12^{ти} бургомистровъ.

Что оставалось дѣлать бѣдному Генералъ-губернатору по полученіи этой нотаціи? Можно было перенести вопросъ съ почвы международныхъ обязательствъ на почву свода законовъ и разъяснить, за одинъ разъ, всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ что̀ есть трактатъ, что̀ привилегія и что̀ законъ. Случай былъ очень удобенъ, но чтобъ рѣшиться поднять такой вопросъ и быть въ состояніи сообразить впередъ дальнѣйшій ходъ его, нужна именно та научная подготовка, о которой было говорено выше, и которой не даютъ обыкновенныя занятія большей части лицъ призываемыхъ у насъ къ административнымъ должностямъ. Представлялся и другой путь: можно было, уклонившись отъ дерзкаго вызова Ревельскаго Магистрата, обратиться къ Шведскому Консулу и попросить его навести справку: позволитъ ли Стокгольмское правительство Рижскому Генералъ-губернатору говорить и писать по Русски? Можетъ быть мы къ этому и придемъ, когда насъ окончательно убѣдятъ, что Ништатскій миръ связалъ насъ по рукамъ и по ногамъ и что мы должны управлять Балтійскимъ краемъ не на основаніи общаго и мѣстнаго свода законовъ, а на основаніи Шведскаго кодекса XVII вѣка; но всёже, въ настоящую минуту, и особенно Генералъ-губернатору вновь назначенному, трудно было рѣшиться на такой шагъ. Затѣмъ, оставалось только одно: смириться. И Генералъ-губернаторъ смирился.

Я готовъ допустить, что съ его стороны это было благоразумно; но представьте себѣ рядъ такихъ случаевъ (а ихъ можно бы насчитать не мало) и вы поймете отчего авторитетъ власти ежедневно падаетъ, отчего не удается судебная реформа и отчего введеніе въ оффиціальное употребленіе государственнаго языка пошло попятнымъ ходомъ. Лучше бы, кажется, и не предпринимать ничего подобнаго, чѣмъ всякій разъ обращаться вспять съ нахлабучкою.

Это одна причина. Другая, и самая существенная, заключается въ томъ, что высшее правительство, по видимому, не совсѣмъ ясно понимаетъ свое призваніе въ Балтійскомъ краѣ, именно въ настоящую минуту, а недостатокъ яснаго пониманія происходитъ въ свою очередь оттого, что господствующее представленіе объ этомъ краѣ устарѣло и отстало отъ дѣйствительности болѣе чѣмъ на цѣлое двадцатилѣтіе. Мы все еще продолжаемъ смотрѣть на него какъ на законченный продуктъ прошедшаго, когда то нами признанный и этимъ какъ будто увѣковѣченный; мы воображаемъ себѣ, что сложившійся въ немъ порядокъ вещей только упирается и обороняется отъ покушеній на него извнѣ; мы бережемъ его какъ старую, почтенную развалину, и это суевѣрное къ нему уваженіе сдерживаетъ преобразовательную инціативу къ которой мы призваны; а между тѣмъ, эта развалина разбирается заботливыми руками, и въ тихомолку, безъ нашего участія и вѣдома, перестраивается въ крѣпость обращенную противъ Россіи. Не замѣчаемъ же мы этого потому, что

вся работа укрывается отъ насъ за средневѣковымъ фасадомъ, къ которому мы пригладѣлись, и который искуственно поддерживается на прежнемъ мѣстѣ именно для того, чтобъ замаскировать на время производящуюся за нимъ перестройку. Такимъ образомъ, иниціатива, отъ которой мы добровольно отказываемся изъ уваженія къ старинѣ, переходитъ въ другія руки, трудящіяся усердно, но только не для Россіи. Значеніе и цѣль этой внутренней, ускользающей отъ нашего наблюденія работы, можно выразить въ немногихъ словахъ: *средневѣковыя перегородки, которыми взаимно разобщались сословія и корпораціи, постепенно падаютъ, а изъ разрозненныхъ нѣкогда частей стараго общества сплачивается новый организмъ — политическая національность.*

Повѣрятъ ли читатели, что Князь Суворовъ, первый, хотя и въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, намекнулъ на это явленіе, заявивъ тутъже, что онъ отнюдь не намѣренъ ему противодѣйствовать? Вотъ что онъ писалъ въ 1848 году, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ: „въ послѣдніе годы часто упоминаемо было о сопротивленіи Германской народности и о враждѣ Германскаго населенія края противъ Россіи. Я же постоянно руководствовался мыслію, *что съ точки правительства,**) Германская народность въ Балтійскихъ губерніяхъ *окончательно заключена***) *въ предѣлахъ домашняго быта* и что стародавнія *Германскія* учрежденія и должностное употребленіе *Нѣмецкаго* языка, историческое наслѣдство края, съ присоединеніемъ его къ Россіи, должно было утратить***) народно*стное* (sic) значеніе. Какими бы побужденіями ни руководствовалось въ томъ или другомъ данномъ случаѣ мѣстное Нѣмецкое населеніе, я считаю

*) Это конечно значитъ: *въ интересахъ* правительства

**) Разумѣть слѣдуетъ: *должна бы быть* заключена.

***) То есть: должно *бы* было утратить.

удобнѣйшимъ (!) оставлять встрѣчаемыя противодѣйствія оффиціально *на уровнѣ* (sic) сословныхъ или частныхъ явленій. Напротивъ того, оффиціальное признаніе ихъ народно*стными* придало бы имъ, сколько мнѣ кажется, значеніе и единство, котораго онѣ нынѣ не имѣютъ.“

Чтобъ понять эту выписку, надобно знать, что на языкѣ, который въ канцеляріи Балтійскаго Генералъ-губернатора слылъ за Русскій „*народностный*“ значило заявляемый отъ имени народности, а „*оставлять на уровнѣ*“ значило: принимать за. Итакъ, смыслъ приведенной выписки слѣдующій: въ оффиціальной моей дѣятельности, я встрѣчаю, со стороны лицъ и цѣлыхъ сословій, правда еще не успѣвшихъ сложиться въ плотную организацію, противодѣйствіе во имя Нѣмецкой народности; но я притворяюсь будто бы не замѣчаю этого и продолжаю повторять, что Нѣмецкая народность окончательно заключена въ предѣлахъ домашняго быта. Я знаю, что это неправда; знаю, что оффиціальный языкъ есть всётаки Нѣмецкій, что на всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и законахъ лежитъ Нѣмецкое клеймо, тщательно подновляемое, чтобъ оно не стёрлось; но я всё это игнорирую, находя болѣе удобнымъ довольствоваться словами, чѣмъ имѣть дѣло съ дѣйствительностью.*)

Чье именно удобство имѣлось при этомъ въ виду — не объяснено; но очевидно, что для тѣхъ, которые руководили начинавшимся въ то время національнымъ движеніемъ, ничто конечно не могло быть удобнѣе этого

*) И вѣдь Князь Суворовъ, въ самомъ дѣлѣ, руководствовался этимъ правиломъ. Въ 1848 году, Курляндское дворянство представило ему для поднесенія Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ значилось „что вѣрность дворянства истекаетъ изъ чувства признательности къ справедливому Монарху охраняющему вѣру, *національность* и унаслѣдованныя отъ предковъ учрежденія Курляндіи.“ Князь Суворовъ уговорилъ вычеркнуть слово *національность* и отправилъ адресъ по принадлежности, какъ правдивое выраженіе политическаго образа мыслей дворянства

преднамѣреннаго игнорированія со стороны мѣстнаго представителя государственныхъ интересовъ. Прямаго отъ него содѣйствія, нельзя же было требовать, довольно было и того, что онъ имъ не мѣшалъ и какъ будто ихъ не замѣчалъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ объединенію съ родною Германіею (mit dem Stammlande) подъ однимъ народнымъ знаменемъ, было прирожденно *ея Балтійской колоніи*, какъ она сама себя называетъ; но оно долго сдерживалось противоположнымъ ему началомъ сословнаго обособленія и стало брать верхъ надъ нимъ не ранѣе какъ послѣ и вслѣдствіе событій 1845 года. Въ это время, дворянство, Лютеранское духовенство и среднее сословіе, если не въ массѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, многому научились. Они выразумѣли чего имъ не доставало, чѣмъ они были слабы, и съ той поры, нѣкогда безотчетное національное стремленіе стало постепенно возвышаться до сознательной системы. Теперь окончательно выработалась цѣлая программа дѣйствій обнимающая три задачи.

Прежде всего, Лютеранское духовенство, глубоко пристыженное скоростью и легкостью отпаденія своей паствы, частью въ Гернгутерство, частью въ Православіе, не могло не усмотрѣть, что Протестантское вѣроисповѣданіе не имѣло въ краѣ никакихъ корней. Это была казнь за вѣковое нерадѣніе и за высокомѣрное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ. Помѣстное дворянтво не менѣе живо почувствовало непрочность своего господства и убѣдилось, что ему нельзя и мечтать о какой бы то ни было политической роли, пока все крестьянство, массою, стояло противъ него, тянуло къ Россіи всѣми своими надеждами, и, тѣмъ самымъ, вызывало постоянное вмѣшательство со стороны правительства. Надоумились оба сословія, дворянство и духовенство, и принялись серьезно *за Германизацію Латышей и Эстовъ*. Но такъ какъ совладать съ цѣлою массою, перевоспитать ее, побѣдить въ ней недовѣрчивость вошедшую въ ея плоть и кровь, наконецъ: вырвать изъ ея сердца и помысловъ инстинктивныя чаянія заставлявшія ее обращаться къ Россіи, было бы невозможно, то естественно пришлось ограничить задачу. Она теперь опредѣлилась такимъ образомъ: отвлечь отъ массы простонародья и притянуть къ себѣ верхній слой крестьянства; онѣмечить его насквозь посредствомъ первоначальнаго, школьнаго образованія, и подкрѣпить Нѣмецкое общество этими свѣжими силами взятыми изъ народа; сосредоточить въ рукахъ онѣмеченныхъ, или, вообще, тѣмъ или другимъ способомъ оторванныхъ отъ массы туземцевъ, крестьянскую поземельную собственность и, такимъ образомъ, единствомъ поземельныхъ интересовъ, связать съ дворянствомъ эту своего рода мелкую шляхту, diese bäuerliche kleine Elite, какъ говорятъ Балтійцы;*) наконецъ: лишивъ массу сельскаго народонаселенія, не только всякаго участія въ землевладѣніи, но и всякой надежды когда либо пріобрѣсти прочную осѣдлость, осадить ее какъ можно глубже и обречь на вѣчное батрачество крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Эта программа, въ настоящую минуту, приводится въ исполненіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ, благодаря не только бездѣйствію, но, во многихъ отношеніяхъ, прямому, хотя конечно безсознательному, содѣйствію правительства. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ Балтійскомъ краѣ, господствовало убѣжденіе, что учить и просвѣщать Латышей противно интересамъ высшихъ сословій; сами же Латыши, въ этомъ отношеніи, вовсе о себѣ не заботились. Теперь не то; школъ для народа открыто много и, съ каждымъ днемъ, открываются новыя; Нѣмецкій языкъ постепенно входитъ въ кругъ предметовъ преподаванія;

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 274.

крестьяне учатся съ жадностью. — Такому успѣху нельзя не радоваться; а что, вмѣстѣ съ образованіемъ, вливается въ массы мѣстный Германизмъ, то есть самая ѣдкая непріязнь къ Россіи и къ Православной вѣрѣ — это конечно никого не удивитъ. Намъ вѣдь ужъ объявлено печатно, что Балтійская интеллигенція опознала въ *Русской* вѣрѣ грубѣйшее проявленіе Цезаропапизма и прямое отрицаніе *западнаго Христіанства*, а въ *Москалѣ* (dem Moskowiter) заклятаго и непримиримаго своего врага.*) Все это, пожалуй, выходитъ довольно карикатурно въ политическихъ брошюрахъ предназначаемыхъ для образованной публики; но получаетъ совершенно иное значеніе и дѣйствуетъ совершенно иначе, въ какой нибудь сельской школѣ, гдѣ каждое слово наставника принимается съ жадностью двѣнадцатилѣтними Латышами, уставившими въ него глаза и настрочившими уши. Къ несчастью, мы мало объ этомъ думаемъ. Вопросъ о сельскихъ школахъ въ Балтійскомъ краѣ недавно занималъ правительство и рѣшенъ тѣмъ, что школы раздѣлены на Православныя и Лютеранскія; первыя отданы въ исключительное завѣдываніе Православнаго духовенства, а вторыя, тѣмъ самымъ, сохранили (или, точнѣе: получили) строго Лютеранскій, вѣроисповѣдной характеръ. Это былъ одинъ изъ капитальныхъ промаховъ сдѣланныхъ въ послѣднее время; ибо, во первыхъ, не трудно было предвидѣть, что Православныя школы, при скудныхъ ихъ средствахъ, будучи лишены поддержки и покровительства со стороны первенствующихъ въ краѣ сословій, непремѣнно далеко отстанутъ отъ Лютеранскихъ; во вторыхъ, если гдѣ позволительно желать строгаго отдѣленія обученія предметамъ вѣры отъ преподаванія другихъ предметовъ, то конечно тамъ, гдѣ мѣстное вѣроисповѣданіе составляетъ нераздѣльную принадлежность

*) Livl. Beitr. B. II Lief. I S. 1.

и какъ бы подбивку чуждой народности, находящейся въ прямой оппозиціи къ господствующей. А что таково именно отношеніе Протестантства къ Германизму въ Балтійскомъ краѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ авторъ Лифляндскихъ вкладовъ. Вотъ его слова: „кто сколько нибудь способенъ понимать кризисъ нынѣ переживаемый Германизмомъ въ Нѣмецкихъ, Остзейскихъ провинціяхъ Россіи, тотъ не усомнится признать, что въ сущности и на практикѣ, онъ сводится окончательно къ вопросу: останется ли направленіе народной сельской школы въ рукахъ мѣстнаго рыцарства, или перейдетъ къ *такъ называемому* Министерству Народнаго Просвѣщенія. . . . Доктору Ульману,*) болѣе чѣмъ кому либо, обязаны мы тѣмъ, что проведена была черта строгаго разграниченія по вѣроисповѣданіямъ между сельскими, народными школами Лютеранскими и Греко-Россійскими; благодаря этому, самое острое орудіе изъ всѣхъ служащихъ въ настоящее время *доброму дѣлу Протестантства и, косвеннымъ образомъ, Германизма*, осталось въ нашихъ рукахъ не притупленнымъ . . . ибо, въ Балтійскомъ краѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, судьба Протестантства, въ принятой имъ формѣ областной Лютеранской церкви, тождественна съ судьбами Германизма . . . съ нею онъ стоитъ и съ нею бы вмѣстѣ упалъ“**) — Спрашивается: кто, въ этомъ случаѣ, лучше понималъ дѣло: наше правительство, создавшее на Балтійской нашей окраинѣ систему Протестантско-германскаго народнаго образованія, или заклятый нашъ врагъ, считающій это правительственное распоряженіе величайшею побѣдою своей партіи? Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что народное воспитаніе, это могучее орудіе, посредствомъ котораго, не только направляется въ ту или другую сторону,

*) Нынѣ вицепрезиденту Генеральной Лютеранской Консисторіи.
**) Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 103, 131, 135. Lief. I S. 5.

но создается духъ народный, въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, находится исключительно въ рукахъ Лютеранскаго духовенства и Лютеранскаго дворянства, дѣйствующихъ разумѣется за одно, и внѣ всякаго серьезнаго контроля со стороны правительства, такъ часто и такъ не кстати поговаривающаго о необходимости зорко слѣдить за первоначальными школами во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ *)

Я нисколько отъ себя не скрываю, что при нашихъ административныхъ средствахъ и обыкновенныхъ пріемахъ, отъ контроля за преподаваніемъ многаго ожидать нельзя; но, кромѣ наблюденія, есть и другія средства. Такъ, на примѣръ, правительство могло оказать очень дѣйствительное и при томъ ни для кого не обидное противодѣйствіе германизаціи Латышей, вступивъ въ свободную конкурренцію съ дворянствомъ и Лютеранскимъ духовенствомъ, поднявъ и усиливъ народныя школы въ Православныхъ приходахъ, открывъ на своей счетъ такія же школы въ казенныхъ имѣніяхъ и введя въ тѣхъ и другихъ преподаваніе Русскаго языка — чего сами Латыши недавно домогались, какъ заявилъ печатно тамошвій уроженецъ и ревностный германизаторъ. Къ сожалѣнію, слѣдуя системѣ Князя Суворова, мы находили *болѣе удобнымъ* ничего не дѣлать, такъ что теперь остается лишь заявить отрицательные результаты нашей беззаботности и неумѣстной бережливости. Какъ это ни тяжело, а нельзя не сознаться, что Графъ Бобринскій, въ своемъ очеркѣ Православныхъ народныхъ школъ въ Лифляндіи, отнесся къ нимъ скорѣе снисходительно чѣмъ строго; что

*) „*Къ счастью*, Лютеранскія сельскія школы въ Балтійскомъ краѣ, до сихъ поръ, были избавлены отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія и подлежатъ исключительному завѣдыванію мѣстныхъ земскихъ учрежденій" — это говоритъ авторъ Лифл. вкладовъ. Livländ. Beitr. B. I Lief. III S. 262.)

Г. Георгъ Сиверсъ говоритъ сущую правду, утверждая, что уровень преподаванія въ этихъ школахъ гораздо ниже чѣмъ въ Лютеранскихъ; что нельзя не согласиться и съ Г. фонъ Боккомъ, увѣряющимъ, что Православныя школы, *благодаря усиліямъ того же доктора Ульмана* (который, какъ видно, усердно объ этомъ старался) потерпѣли постыднѣйшее fiasco, и что не даромъ народная поговорка ходящая по Лифляндіи гласитъ, что Православная молодежъ ростетъ какъ безсловесное животное (wie das liebe Vieh). По первоначально составленнымъ печатнымъ правиламъ для Православныхъ школъ въ Лифляндіи, обученіе Русскому языку и живое упражненіе въ разговорахъ на немъ введены были въ кругъ предметовъ обязательнаго преподаванія, какъ въ приходскихъ такъ и въ вспомогательныхъ школахъ; но эти правила остались мертвою буквою. Недавно признали нужнымъ составить новыя и нынѣшній Генералъ-губернаторъ Прибалтійскихъ губерній заявилъ при этомъ „что преподаваніе главнѣйшихъ правилъ Русской, Латышской или Эстской грамматикъ, при совершенной неразработанности этихъ предметовъ, и за неимѣніемъ хорошихъ учебниковъ, *можетъ быть слишкомъ обременительно для малолѣтнихъ, безъ особенной для нихъ пользы.*" Въ самомъ дѣлѣ! Стоитъ ли обременять бѣдныхъ малютокъ, а главное — самихъ себя, пріисканіемъ учителей и составленіемъ учебниковъ? Пусть нѣмечатся на здоровье! . . . Къ чему насъ приведетъ такая дальновидность нашей администраціи и такая настойчивость въ борьбѣ съ встрѣчаемыми затрудненіями, въ то время какъ Нѣмецко-Протестантская пропаганда съ каждымъ днемъ усиливается — угадать не трудно.*)

*) Что народныя школы въ Балтійскимъ краѣ употребляются именно съ цѣлью германизировать Латышей, то есть поворотить ихъ лицемъ въ ту сторону, откуда тамошняя интеллигенція ожидаетъ избавленія отъ Вавилонскаго плѣна — я могъ бы доказать множествомъ свидѣтельствъ. На примѣръ:

Кромѣ сельской школы, германизація владѣетъ и другимъ орудіемъ, еще сильнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и по ближайшимъ результатамъ, которые имъ достигаются. Мы недавно убѣдились въ западномъ краѣ, что наше въ немъ владычество тогда лишь упрочится когда недвижимая собственность перейдетъ въ Русскія руки; мы объявили объ этомъ съ барабаннымъ боемъ, возбудили въ Европѣ скандалъ, но мало извлекаемъ пользы изъ собственной своей смѣлости, подвигаясь къ цѣли какъ то вяло, нерѣшительно и какъ будто нехотя. Въ Балтійскомъ краѣ, дѣлается тоже самое, въ такихъ же политическихъ видахъ, но гораздо толковѣе, то есть безъ огласки, незамѣтно и живо. Тутъ правительство положи-

„чтобы придать народной школѣ въ *Лифляндіи* подобающій ей темпераментъ и влить въ ея жилы жизненный огнь, на это нужна была пережитая нами буря 1841—1845 годовъ" . . . . „Правда, онѣмеченіе поселянъ Латышскаго и Эстскаго племени *все еще не доведено* до конца (noch nicht durchgeführt) . . . но между ними есть уже такъ называемые *полу-нѣмцы*, т. е. переживающіе процессъ онѣмеченія (welche erst in der Germanisation begriffen sind) . . „Латыши охотно принимаютъ отъ Нѣмцевъ образованіе и, еслибъ можно было добиться, чтобъ Русскіе, хотя бы въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, не подстрекали ихъ, и не расшевеливали бы безпрестанно крестьянскихъ учрежденій, тогда, начавшееся развитіе, при нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пошло бы наилучшимъ, быстрымъ, здоровымъ *Нѣмецкимъ ходомъ* (deutschen Fortgang)" — это сужденіе опытнаго сельскаго пастора (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 129. Lief. III S. 245, 267, 269). А еще недавно, другой *Лифляндецъ*, фонъ Сиверсъ, говорилъ о *выходкахъ* Русской прессы, по поводу *мнимыхъ* поползновеній Балтійскихъ провинціаловъ германизировать край (die angeblichen Germanisirungs-Gelüste)! Неужели онъ такъ плохо зналъ что̀ творилось на его родинѣ, передъ его глазами? (Appell an die Oeffentlichkeit S. 1).

Австрія, въ послѣднюю войну, была побѣждена не Прусскими генералами, а Прусскими школьмейстерами — эта фраза теперь повторяется во всей Германіи и сдѣлалась общимъ мѣстомъ. У насъ, въ Балтійскомъ краѣ, дѣло конечно до генераловъ не дойдетъ, но, если оно будетъ идти какъ идетъ теперь, то тамошніе школьмейстеры побѣдятъ насъ въ томъ отношеніи, что окончательно отвоюютъ у насъ народъ. Вся разница въ томъ, что Австрійцевъ одолѣли школьмейстеры всѐтаки чужіе, ей не подвластные, а нашъ авторитетъ и нашу нравственную силу подтачиваютъ теперь Россійскіе подданные, свои люди.

тельно помогло, не простымъ бездѣйствіемъ, а содѣйствіемъ. Во первыхъ, оно ничего не сдѣлало для предупрежденія систематическаго обезземеленія крестьянъ принявшихъ Православіе, хотя фактъ этотъ, заявленный во множествѣ поступавшихъ отъ нихъ жалобъ, былъ оффиціально признанъ.*) Во вторыхъ, какъ было подробно объяснено выше (въ статьѣ о крестьянахъ IV), допустивъ, по ходатайству дворянства, отобраніе усадьбъ у владѣющихъ ими хозяевъ подъ предлогомъ отмѣны барщины и продажи участковъ, правительство окончательно потрясло личныя, поземельныя права крестьянъ и предоставило помѣщикамъ полную возможность, ничѣмъ не стѣсняясь, переводить крестьянскіе участки изъ рукъ въ руки, жаловать правомъ поземельной собственности кого имъ вздумается, даже сбывать вовсе Латышей и Эстовъ и разсаживать, въ отобранныхъ у нихъ усадьбахъ, колонистовъ и мѣщанъ Нѣмецкаго происхожденія. Что мѣстное дворянство, при общемъ, открыто заявленномъ его стремленіи „*консолидировать*" въ краѣ Германизмъ, пользуется своими правами именно въ этихъ видахъ, то есть для сосредоточенія крестьянской недвижимой собственности въ рукахъ людей насквозь онѣмеченныхъ и для Россіи окончательно потерянныхъ — въ этомъ, я думаю, никто и не сомнѣвается. Наконецъ, нельзя не прибавить, что правительство не только никогда не заботилось объ удержаніи за собою довѣрія и сочувствія Латышей и Эстовъ, а совершенно на оборотъ, какъ будто старалось о томъ, чтобъ они объ немъ позабыли. Всѣмъ извѣстно, что ему принадлежала иниціатива всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія крестьянскаго быта, и что дворянство систематически, и до послѣдней минуты, противодѣйствовало намѣреніямъ власти; тѣмъ не менѣе, при объ-

*) Даже Князь Суворовъ не отрицалъ его, а только находилъ невозможнымъ противодѣйствовать ему. Отзывъ его по этому вопросу будетъ приведенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ.

явленіи законоположеній дѣйствительно благопріятно дѣйствовавшихъ на судьбу крестьянъ (н. п. о возстановленіи высшаго размѣра барщины, объ упраздненіи вотчинной расправы и т. подоб.) правительство умышленно маскировалось въ глазахъ народа, давая передъ собою шагъ дворянству и уступая ему всю честь почина. Иногда, оно даже принимало мѣры для предупрежденія огласки лучшихъ и благодѣтельнѣйшихъ своихъ начинаній (н. п. распоряженія о надѣленіи батраковъ землею въ казенныхъ имѣніяхъ). Къ чему это? — и не странно ли, что до сихъ поръ, Латыши и Эсты ни разу не слыхали слова Монарха, непосредственно къ нимъ обращеннаго, тогда какъ это могучее слово, какъ давно ожидаемый благовѣстъ, разносилось по всѣмъ деревнямъ Россіи и Польши, сливая въ одинъ электрическій токъ горячей признательности сдержанные вздохи, неопредѣленныя чаянія, и долго безотвѣтные порывы? Приписать ли это скромности или пренебреженію къ черни — я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, едва ли разумно жертвовать популярностью не только правительства, но и Россіи, въ дѣлѣ столь близко касающемся ея политическихъ интересовъ на одной изъ самыхъ для нея важныхъ окраинъ Имперіи. Все какъ будто нарочно въ тѣхъ видахъ придумывалось, дѣлалось или упускалось, чтобъ отвлечь отъ насъ сочувствіе массъ, по крайней мѣрѣ не возбуждать его, а предоставить Германизму полную свободу раскидываться во всѣ стороны, овладѣвать умами и водворять въ нихъ вѣру въ свое всемогущество. Этого ему и хочется; а когда онъ этого достигнетъ, когда простой народъ (*который уже теперь, по отзыву Г. фонъ Бокка, сочувственнѣе относится къ Нѣмцамъ чѣмъ къ Русскимъ и быстро дозрѣваетъ до Германизма*)*) окончательно онѣмечится (dem vollen Deutsch-

*) Das mehr unrussische als undeutsche, dem Deutschthume rasch entgegenreifende Volk. Livl. Beitr B. I Lief. II S. 4.

thum zugeführt wird) *) тогда — Балтійское наше поморіе дѣйствительно перестанетъ быть *нашимъ*, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ народно-бытовомъ; тогда — и государственное наше владычество въ этомъ краѣ потеряетъ самую прочную, ничѣмъ незамѣнимую свою основу, и, при первой обще-Европейской компликаціи, сдѣлается вопросомъ; тогда — мы будемъ разомъ отброшены къ началу XVIII вѣка; но тогда же — какъ бы не проснулись негодующія тѣни Петра I и Екатерины II и не потребовали отчета въ ихъ легкомысленно растраченномъ наслѣдіи.

Итакъ — германизировать Латышей и Эстовъ — это первая задача нынѣшней Балтійской политики.

А вотъ вторая: покончить скорѣе, домашнимъ порядкомъ, всѣ тѣ междоусобныя тяжбы и распри, которыя могли бы подать поводъ законодательной власти вмѣшаться во взаимныя отношенія первенствующихъ въ краѣ сословій, и, для достиженія этой цѣли, принести добровольно въ жертву все, что въ существующихъ правахъ и учрежденіяхъ мѣшаетъ внутреннему объединенію Нѣмецкаго общества; но, измѣняя въ этихъ видахъ историческую старину, въ тоже время, упорнѣе чѣмъ когдалибо отстаивать ее какъ святыню противу всѣхъ начинаній идущихъ отъ правительства и отбиваться отъ преобразованій даже очевидно полезныхъ, буде они влекутъ за собою, въ какомъ бы то ни было отношеніи, объединеніе съ Россіею или хотя бы только сближеніе съ нею. — Первая часть этой задачи ужь болѣе чѣмъ на половину исполнена по иниціативѣ дворянскихъ сословій.

Матрикулированное рыцарство всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерній добровольно отреклось отъ своихъ не совсѣмъ благопріобрѣтенныхъ привилегій, которыми прочія

*) Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. S. 22.

сословія лишались вовсе права владѣть недвижимою дворянскою собственностью въ уѣздахъ, или подвергались праву перекупа; въ тоже время, участіе землевладѣльцевъ нематрикулированныхъ въ обсужденіи земскихъ, хозяйственныхъ дѣлъ (на ландтагахъ) нѣсколько расширено и, вѣроятно, будетъ расширено еще болѣе; поговариваютъ о допущеніи ученыхъ и литератовъ къ занятію нѣкоторыхъ должностей замѣщаемыхъ по выбору дворянства; даже проскакиваютъ иногда намёки на возможность предоставить, со временемъ, лучшимъ изъ крестьянъ, цвѣту сельскаго сословія (der Elite des Bauernstandes) т. е. крестьянамъ насквозь онѣмеченнымъ, право голоса въ выборѣ членовъ общихъ судебныхъ инстанцій.*) Все это называется *округленіемъ угловъ и выравниваніемъ шероховатостей обращенныхъ внутрь* (т. е. разобщающихъ мѣстныя сословія между собою).**) Между тѣмъ, очень еще недавно, суровая исключительность землевладѣльческихъ правъ рыцарства защищалась представителями мѣстнаго дворянства и ихъ патронами въ высшемъ правительствѣ какъ краеугольный камень, на которомъ будто бы держалось такъ называемое благоустройство края. Теперь, этотъ камень изъ подъ него выхваченъ; обобщеніе правъ, котораго такъ давно домогались цѣлыя сословія и общества (н. п. Рижскіе граждане по вопросу о пріобрѣтеніи недвижимой собственности) частью совершилось, частью довершается; но никто, разумѣется, и не думаетъ сказать за это спасибо правительству, такъ какъ оно дѣйствительно ничего отъ себя не сдѣлало, а ограничилось лишь утвержденіемъ постановленій дворянства. Мало того, оно даже осталось въ накладѣ въ томъ отношеніи, что приносимыя дворянствомъ жертвы предназначались служить и дѣйствительно

*) Appell an die Europ. Oeffentlichkeit.

**) Какъ выражался какой то Лифляндскій патріотъ въ 1859 году. Livl. Beitr. B. I. Lief. III S. 40, 63.

послужили политической цѣли совершенно противоположной нашимъ государственнымъ интересамъ, т. е. объединенію Нѣмецкаго общества въ видахъ единодушнаго отпора *наѣздному* владычеству (der Fremdherrschaft).*)

Съ другой стороны, противодѣйствіе во имя неприкосновенной старины законодательнымъ предположеніямъ правительства, въ послѣднее время, усилилось и приняло особенный характеръ. Намъ долго твердили, и многіе до сихъ поръ убѣждены, что населеніе Балтійскаго края Нѣмецкаго происхожденія чуждается Россіи потому, что для него безконечно дороги его законы, учрежденія и обычаи, уцѣлѣвшіе, какъ бы подъ колпакомъ, отъ среднихъ вѣковъ. Это и справедливо по отношенію къ прошедшему. Было дѣйствительно время, когда рыцарство и биргеры чистосердечно вѣрили въ возможность заключиться на всегда въ историческихъ рамкахъ XV вѣка и совершенно добросовѣстно считали всякое къ нимъ прикосновеніе преступнымъ посягательствомъ. Все это теперь измѣнилось. Тѣже сословія, по крайней мѣрѣ сословныя интеллигенціи, думаютъ иначе; да и нельзя было не одуматься. Въ родной Германіи, гдѣ историческое развитіе общенѣмецкой гражданственности совершалось на свободѣ, при условіи полной политической независимости, замкнутыя корпораціи раскрывались, стушевывались и исчезали въ новыхъ общественныхъ группахъ, слагавшихся на основаніи единства экономическихъ или національныхъ интересовъ; поземельныя отношенія упрощались, торговля и промыслы выбивались на просторъ; личная свобода и гражданская равноправность отвоевывали одну за другою привилегированныя позиціи укрѣпленныя по средневѣковой системѣ; пути и поприща открытые для личной предпріимчивости расширялись. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ началось преобразованіе ея

*) Livl. Beitr. B. II Lief. I S. 5.

внутренняго устройства, совершалось явленіе аналогическое; при этомъ, въ общественной организаціи данной нашимъ селамъ, волостямъ, приходамъ и городамъ, въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и управахъ, въ нашемъ мировомъ институтѣ, въ нашемъ новѣйшемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, обнаруживалось гораздо болѣе сходства съ типами однородныхъ учрежденій выработанными новѣйшею Европейскою цивилизаціею, чѣмъ съ средневѣковыми учрежденіями Балтійскаго края. Итакъ, становилось очевиднымъ, во первыхъ, что эти послѣднія учрежденія, отживъ болѣе чѣмъ законный свой вѣкъ, должны были преобразиться въ непродолжительномъ времени; во вторыхъ, что всякое въ нихъ улучшеніе непремѣнно должно было сблизить ихъ съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Имперіи и что, такимъ образомъ, самый естественный историческій прогрессъ велъ неминуемо къ постепенному упраздненію тѣхъ „временемъ освященныхъ особенностей“ за которыми, какъ за брустверомъ, Балтійскій Германизмъ держалъ себя въ разобщеніи съ Россіею. По мѣрѣ того какъ это убѣжденіе проникало въ умы, измѣнялось и прежнее воззрѣніе на привилегіи. Что прежде было само себѣ цѣлью, теперь сдѣлалось средствомъ для цѣли внѣшней и, въ извѣстномъ смыслѣ, высшей. Прежде, Нѣмецкое населеніе дичилось Россіи и сторонилось отъ нея, чтобъ сохранить въ неприкосновенности свои права и обычаи; теперь оно отстаиваетъ ихъ, несмотря на дознанную ихъ обветшалость, чтобъ имѣть законный предлогъ держать себя особнякомъ отъ Россіи. Если хотите въ этомъ убѣдиться, то прочтите что печатаютъ Балтійскіе публицисты за границею, для родной Германіи; тамъ, на свободѣ, безъ цензуры, и ободряемые сочувственною имъ Нѣмецкою публикою, они высказываются всегда гораздо откровеннѣе чѣмъ у насъ. Одинъ изъ нихъ, нечуждый нѣкотораго либеральнаго оттѣнка, разсуждая о земскихъ

учрежденіяхъ, говоритъ, что и Балтійцы были бы вовсе не прочь, со временемъ, допустить у себя всесословныя представительства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ инициатива въ этомъ дѣлѣ оставалась за ними; иными словами: чтобъ выждать пока часть крестьянства будетъ окончательно онѣмечена и сдѣлать все по своему, безъ вмѣшательства правительства, и не соображаясь съ порядкомъ вещей введеннымъ въ Россіи.*) Другой горько упрекаетъ своихъ земляковъ за то что они не рѣшаются, изъ какого то ложнаго стыда, прямо и откровенно признать необходимость, именно въ Балтійскомъ краѣ, крѣпко держаться за такія учрежденія, которыми конечно можно бы было пожертвовать не задумываясь, при бо́льшей свободѣ и при другичъ, менѣе щекотливыхъ условіяхъ (unter unbefangenen und freien Verhältnissen) т. е. еслибы пожертвованіе не было равносильно шагу впередъ на пути къ Россіи. Онъ же, подавая робкимъ примѣръ мужества, заявляетъ какъ *несомнѣнную истину, что всѣ выгоды идущей отъ Россіи реформы Балтійской юстиціи не могли бъ вознаградить за бѣдствіе, которое постигло бъ Остзейскія провинціи, еслибъ онѣ добровольно подчинились Русскимъ, общимъ, законамъ Имперіи.***) Онъ же, въ статьѣ писанной спеціально

*) Appell an die Europäische Oeffentlichkeit gegen die Russischen Zeitungen von einem Deutschen, der, als geborener Livländer, Russischer Staatsangehöriger ist. (Воззваніе къ Европейской публикѣ въ защиту отъ Русскихъ газетъ. Писано *Нѣмцемъ*, который, будучи Лифляндскимъ уроженцемъ, принадлежитъ къ *Русскому Государству*; стр. 19 и 20). Эта не разъ уже мною цитованная брошюра, въ трояко́мъ отношеніи, принадлежитъ къ числу отрадныхъ исключеній въ массѣ новѣйшихъ произведеній Балтійской интеллигенціи. Во первыхъ, авторъ ея, Г. Егоръ Сиверсъ, выставилъ на ней свое имя полными буквами; во вторыхъ, въ ней слышно честное прямодушіе и, въ самой запальчивости тона, болѣе негодованія (конечно очень неразумнаго) чѣмъ желчнаго старческаго озлобленія; въ третьихъ, на цѣлыхъ 24 страничкахъ, ни одного доноса!

**) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 3. Lief. III S. 7. „Dass alle Vortheile einer von Russland kommenden Reform der Baltischen Justiz das Unheil nicht wettzumachen vermöchten, welches über die Ostseeprovinzen durch willige Anerkennung der

для Пруссіи, защищаетъ противъ общественнаго мнѣнія либеральной Германіи, такъ называемыя привилегіи своей родины, впрочемъ отнюдь не ради ихъ внутренняго достоинства, а только ради ихъ значенія, какъ оборонительнаго орудія противъ Россіи (die in ihrer defensiven Wehrkraft verkannten Institutionen) и, обращаясь къ своей публикѣ, предлагаетъ ей сообразить: что лучше и выгоднѣе для Нѣмецкой націи: чтобъ цѣлая, значительная по своему протяженію область вовсе пропала для Германизма, или чтобъ она, хотя бы и въ формахъ строго аристократическаго быта, сберегалась *для него, въ чаяніи лучшихъ временъ?**) А если кто либо изъ читателей захочетъ составить себѣ болѣе ясное и точное понятіе объ этихъ чаемыхъ, лучшихъ временахъ, то мы предложимъ ему обратиться къ довольно распространенному въ Германіи обозрѣнію Вестермана „Наше время“ (Unsere Tage) части 16ой, пріискать въ ней рядъ статей подъ заглавіемъ „Призваніе Пруссіи на востокѣ“ (Preussens Beruf im Osten) и прочесть главу подъ № VII *„о будущности Нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій подъ владычествомъ Пруссіи* (Zukunft der deutschen Ostseeprovinzen unter Preussens Herrschaft). Послѣ такого ряда печатныхъ заявленій, *отъ которыхъ никто не отрекся*, не знаю рѣшится ли кто нибудь (кромѣ развѣ редакціи Сѣверной Почты) упорствовать въ предна-

---

Unterstellung unter das Russische Reichsrecht heraufbeschwören würde.“ — Это пишетъ вицепрезидентъ Лифляндскаго Гофгерихта, который самъ принималъ участіе въ занятіяхъ Балтійской Коммиссіи, обсуждавшей вопросъ о судебной реформѣ. А мы добродушно воображаемъ себѣ, что тамъ заботятся о наилучшемъ устройствѣ юстиціи!

*) Sollte es nicht im wohlverstandenen Interesse der deutschen Nation liegen, dass ein so anselmliches Gebiet dem Deutschthume doch lieber in ritterschaftlichen und patricischen Lebensformen für bessere Tage herübergerettet worden ist, als gar nicht. (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 246, 290). А Сѣверная Почта недавно увѣряла Россію, что Московская журналистика клевещетъ на Балтійскую интеллигенцію, приписывая ей сепаратистическія стремленія! Что это: наивность или дерзость?

мѣренномъ игнорированіи правды. Наконецъ, я приведу еще одинъ отзывъ, какого то патріота скрывшаго свое имя, замѣчательный какъ полное изложеніе теоріи систематическаго противодѣйствія Балтійскихъ сословій всѣмъ безъ изъятія законодательнымъ проэктамъ правительства: „оставляя въ сторонѣ сферу промышленности“ — говоритъ авторъ — „я полагаю, что въ настоящее время, мы должны добровольно ограничить себя охраненіемъ учрежденій и бытовыхъ формъ перешедшихъ къ намъ по наслѣдству отъ нашихъ отцевъ, какъ бы сильно онѣ ни отзывались средними вѣками и періодомъ позднѣйшей чопорности (des Zopfes). Въ этомъ, покуда наше призваніе. Конечно, мы должны также постоянно заботиться объ округленіи угловъ и сглаживаніи шероховатостей *обращенныхъ внутрь и ощущаемыхъ внутри*, избѣгая въ тоже время всякаго повода къ соблазну для внѣшнихъ (на сколько это возможно безъ нарушенія нашей чести) и я совершенно раздѣляю мнѣніе, что на этомъ поприщѣ, дворянство не только можетъ, но обязано взять иниціативу въ устройствѣ своихъ отношеній къ прочимъ *Нѣмецкимъ* сословіямъ. Тѣ, которымъ такое призваніе могло бы показаться мелочнымъ и слишкомъ скромнымъ, въ сравненіи съ происходящею подлѣ насъ (въ Россіи) шумливою вознею, пусть вспомнятъ, что домашнія дѣла всегда кажутся ничтожными поверхностному наблюдателю; но что однако устройство скромнаго домашняго порядка, по своимъ плодотворнымъ, далеко простирающимся послѣдствіямъ, важнѣе всего на свѣтѣ. Прибавлю, что благоразумные домочадцы всегда терпѣливо переносятъ неудобства роднаго жилья, когда дѣло идетъ не о томъ какъ бы устроить себѣ наиудобнѣйшія палаты, а о томъ, какъ бы, взаимною другъ къ другу снисходительностью и единодушіемъ, предупредить раззореніе роднаго крова и отводъ дароваго помѣщенія въ казармѣ

или фаланстерѣ.*) Чтоже касается до обывателей *Нѣмецкаго* (Балтійскаго) *блокгауза* въ особенности, то они не только охотно перенесутъ его неудобства, но еще найдутъ ободреніе въ убѣжденіи, что все то, что̀ изъ ихъ старыхъ твореній и изъ ихъ учрежденій, образовавшихся путемъ мѣстной автономіи, будетъ убережено отъ покушеній благотворительной славянщины, все это, даже ничтожнѣйшее, худшее и наиболѣе устарѣлое, всётаки чистое золото въ сравненіи съ прошедшими и вѣроятно даже съ будущими продуктами нескончаемыхъ опытовъ нашихъ сосѣдей (Русскихъ) въ области домашняго, сословнаго и политическаго быта, религіи и художествъ. Кстати привести въ заключеніе слово Александра фонъ Рейца: нужно защищать свое, хоть и негодное, ради того что оно свое."**)

---

*) Едвали нужно объяснять, что казарма значитъ Россія, а фаланстеръ устройство прочнаго крестьянскаго землевладѣнія.

**) Abgesehen von der rein industriellen Sphäre . . . . sehe ich unsere Aufgabe in einstweiligem resignirtem Conserviren unserer von den Vätern überlieferten Institutionen und Lebensformen, und ständen sie auch noch so sehr im Geruch der Mittelalterlichkeit und des Zopfs. Freilich werden wir dabei fort und fort bedacht sein müssen, ihre Ecken und Härten, soweit sie sich nach innen fühlbar machen, zu glätten und zu mildern, indem wir zugleich allen mit Ehren vermeindbaren Anstoss nach Aussen zu vermeiden suchen, und hier bin ich gewiss der Erste, der Ihnen zugiebt, dass dem Adel, zumal in seinen Beziehungen zu den anderen deutschen Ständen, die Initiative nicht sowohl zusteht, als obliegt. Wem diese Aufgabe, gegenüber dem vollmauligen „jenseitigen" Treiben, klein und allzubescheiden dünken sollte, der möge bedenken, dass häusliche Angelegenheiten dem oberflächlichen Beobachter allezeit geringfügig erscheinen, dass aber doch die grössten und nachhaltigsten Wirkungen von der stillen Ordnung des Hauses ausgehen, und dass ferner die Genossen desselben seine Unbequemlichkeiten u. s. w. gern ertragen werden, wenn sie sich vergegenwärtigen, dass es sich für sie nicht darum handelt, den möglichst bequemen Palast herzustellen, sondern, durch gegenseitige Duldung und Einigkeit, zu verhindern, dass ihnen das väterliche Dach über dem Kopfe abgerissen und ihnen freie Wohnung angewiesen werde, sei es in der Kaserne, sei es im Phalanstere. Doch nicht nur gern ertragen werden die Genossen des deutschen Blockhauses seine Unbequemlichkeiten, sondern gehoben werden sie sich fühlen von dem Bewusstsein, dass das Geringste, Schlechteste und Veralteste, was ihnen von den alten autonomen Schöpfungen und Bildungen vor Slavischer Weltbeglückung zu retten gelingt, immer noch Goldes werth bleibt, verglichen mit Allem, was bis hiezu „jenseits" auf irgend einem Gebiete des häuslichen, ständischen, politischen, religiösen und künstlerischen Lebens jemals herausexperimentirt worden und, aller Wahrscheinlichkeit nach, jemals herausexperimentirt werden dürfte. Ich schliesse mit dem Wahlspruch unseres Alexander v. Reitz: admodum tuenda sunt nostra nec non vitiosa, sed tamen propria." Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 63, 64.

Откиньте Нѣмецкое самохвальство и вы получите слѣдующую, совершенно выработанную, политическую программу: прежде всего нужно уберечь край для Германіи, въ ожиданіи лучшихъ временъ, а чтобъ этого достигнуть, необходимо держать его въ полномъ разобщеніи съ окружающею его Русскою средою, какъ бы подъ колпакомъ его средневѣковыхъ учрежденій. Нельзя конечно оспоривать, что подъ этимъ колпакомъ душно, что эти учрежденія неудобны, тѣсны и дряхлы — все это мы знаемъ и ощущаемъ, и всётаки мы не примемъ отъ Россіи ни воздуха, ни простора. Положеніе дѣйствительно трагическое! Сближаться съ Россіею они рѣшительно не хотятъ, а между тѣмъ, та почва, на которой они то сихъ поръ держались въ разобщеніи съ нею, проваливается подъ ихъ ногами. Какъ же быть? — Этотъ естественно возникающій и неизбѣжный вопросъ служитъ какъ бы переходомъ къ новой задачѣ и, такъ сказать, наводитъ на нее.

Первая и вторая — онѣмеченіе Латышей и Эстовъ и внутреннее объединеніе Нѣмецкаго общества — дѣло домашнее. Оно всѣмъ сподручно и по плечу; имъ орудуютъ на мѣстахъ помѣщики, пасторы, школьные учителя, каждый въ мѣру своего умѣнія и усердія.

Третья задача гораздо труднѣе и деликатнѣе; она касается внѣшнихъ отношеній края, какъ области, къ Россіи какъ государству и потому ею завѣдуютъ преимущественно передовые люди, политики и публицисты высшаго полёта, подвизающіеся на такъ называемомъ *сословно-дипломатическомъ* поприщѣ — auf ständisch-diplo-

matischem Wege.*) Заключается она въ томъ, чтобы, такъ сказать, перелить провинціальный Германизмъ изъ старыхъ, сильно поврежденныхъ сосудовъ сословныхъ привилегій, въ сосудъ новый, изъ другаго, болѣе прочнаго вещества, который бы въ состояніи былъ выдержать ожидаемыя впереди столкновенія; иными словами: довести правительство, незамѣтнымъ для него путемъ, до признанія Балтійскаго Германизма за политическую національность.

Я постараюсь доказать, что это вовсе не сумасбродная мечта какихъ нибудь случайно разгорячившихся головъ, а гораздо болѣе. Для Балтійской интеллигенціи, это совершенно правильный и неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ ея политическихъ воззрѣній намъ уже отчасти извѣстныхъ; для насъ — это почти неизбѣжное, хотя на первый взглядъ и невѣроятное завершеніе цѣлаго періода бездѣйствія или криводѣйствія.

Какъ ни презрительно отзывается Балтійская интеллигенція о такъ называемой Старорусской партіи и о Московскихъ ея органахъ, какъ ни твердо уповаетъ она на специальное, никогда ей не измѣнявшее покровительство главнаго управленія по дѣламъ печати, тѣмъ не менѣе не могла же она не признать какъ фактъ, что въ послѣднее время, въ Россіи, сталъ раздаваться какой то новый, до тѣхъ поръ неслыханный голосъ. Прежде, она имѣла дѣло только съ правительствомъ и потому приспособила свои политическіе пріемы къ оффиціальнымъ сношеніямъ и къ придворнымъ интригамъ. Теперь, волею неволею, приходится еще имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, котораго нельзя ни усыпить лестью, ни подкупить напыщенными выраженіями условной вѣрности; изъ всѣхъ доселѣ служившихъ средствъ, остается одно: клевета и

---

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 65.

доносъ; но и это орудіе, такъ часто и такъ неразборчиво употребляется, что и оно скоро притупится".*)

А между тѣмъ, неугомонная Русская пресса *непрестанно обращается* къ дѣламъ Балтійскаго края (какъ заявляетъ съ неудовольствіемъ Сѣверная Почта) и, повидимому, намѣревается не отставать отъ нихъ до тѣхъ

---

*) Политическій доносъ употребляется въ дѣло не только противъ лицъ, но и противъ цѣлаго общества, противъ всей Россіи. Замѣчательные образцы въ этомъ родѣ можно найти въ произведеніяхъ Г. фонъ Бокка. Я приведу два или три, взятые на удачу, для примѣра: „шипами усѣянъ путь къ любимому Монарху, окруженному, осажденному и лишенному всякой свободы дѣйствій враждебными силами, все болѣе и болѣе разоблачающейся Русской революціи" (Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 102). — Или: „пора пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи Европы союзника Монарху, желающему добра, для подкрѣпленія его въ очевидно трудной и утомительной борьбѣ Его съ темными силами мѣшающими осуществленію Его благихъ желаній . . . . Каждый честный Лифляндецъ все еще признаетъ самодержавную власть за принадлежность своего Государя, а не темной силы и страстной оппозиціи Москвичей; иными словами: онъ чтитъ не *поліарха* а *Монарха*, который *самъ* хорошо знаетъ какъ ему властвовать, съ одной стороны, надъ Камчадалами, Самоѣдами и Москалями, съ другой: надъ Финляндцами и Остзейцами . . . . Стрѣльцы! Вотъ та загадочная власть, отъ которой терпятъ честный Германизмъ и честное Протестантство Остзейскихъ губерній, и которая, какъ кажется, посягаетъ и на авторитетъ Всероссійскаго Самодержца. . . Стрѣльцы! тѣ самые, которые, недавно, на этнографической выставкѣ, самодовольно любовались собою, роятся теперь подъ землею и подползываютъ во мракѣ, съ намѣреніемъ, выждавъ благопріятной минуты, выскочить изъ засады и вырвать изъ рукъ законнаго Государя бразды правленія. (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 29, 31, 33, 34) . . . . „Какую стремительную силу въ послѣднее время пріобрѣли требованія Московской политики видно между прочимъ изъ того, что добрѣйшій Государь *вынужденъ* былъ отказать своему вѣрному Лифляндскому рыцарству въ просьбѣ выслать къ Нему депутатовъ *для* объясненія ему крайности, до которой они доведены жестокими испытаніями (т. е. подтвержденіемъ указа о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Русскаго языка) (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 6). Или еще: „покойный Императоръ Николай I, во время своего пребыванія въ Палермѣ, далъ волю *своимъ попамъ* начать въ Лифляндіи Православную пропаганду и, тѣмъ самымъ, вдохнулъ новую жизнь въ Протестантство; преемникъ его, видя это, можетъ быть преднамѣренно дозволилъ Русской партіи сдѣлать покушеніе на Нѣмецкій языкъ, въ надеждѣ вызвать со стороны мѣстнаго Германизма противодѣйствіе, и такимъ образомъ, въ подкрѣпленіе самому себѣ, оживить тѣ силы, безъ помощи которыхъ ему бы не устоять противъ напора ростущей волны Русской революціи." (Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 130)

поръ, пока не добьется категорическаго разрѣшенія кореннаго вопроса о томъ: въ какихъ отношеніяхъ состоитъ и долженъ состоять этотъ край къ Россіи?

Страннымъ можетъ показаться, что это все еще вопросъ, открытая тема для спора, котораго мы не успѣли порѣшить въ полторасто лѣтъ. Странно! но чтоже дѣлать — это фактъ. У Балтійцевъ по этому предмету своя теорія, у Россіи — своя. Обѣ стороны давно знаютъ и чувствуютъ, что между ними стоитъ не простое недоразумѣніе, а коренное противорѣчіе, и обѣ, какъ будто по обоюдному соглашенію, обходятъ его и тщательно избѣгаютъ откровеннаго объясненія, какъ будто изъ опасенія договориться. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ агитацій, интригъ и столкновеній, нерѣдко смущающихъ правительство въ Петербургѣ и постоянно подрывающихъ авторитетъ его въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ.

По Балтійской теоріи, двѣ равноправныя, одна отъ другой независимыя и ничѣмъ въ своей свободѣ неограниченныя стороны, Балтійскія сословія и Русское правителство, въ началѣ XVIII вѣка, заключили между собою договоръ (einen Vertrag) въ формѣ *капитуляцій* — таково историческое начало и таково, понынѣ, законное основаніе взаимныхъ ихъ отношеній. Съ перваго же слова, читатель видитъ, что Балтійскіе юристы, такъ твердо знающіе свою старину, благоразумно забываютъ, что заключенію этого такъ называемаго договора предшествовала Сѣверная война и что Россія отвоевала свое Балтійское поморіе у Швеціи, а не у Лифляндскихъ Ландратовъ и не у Ревельскихъ Бургомистровъ. А впрочемъ, можетъ быть, въ мѣстныхъ дворянскихъ и городскихъ архивахъ хранятся какіе нибудь неизвѣстные намъ документы, доказывающіе, что Россія, цѣною неимовѣрныхъ усилій, выучилась наконецъ побѣждать Шведовъ только для того, чтобъ, очистивъ отъ нихъ Лифляндію и Эст-

ляндію, потомъ ударить отбой, сложить руки и выслушать отъ тамошнихъ сословій какимъ образомъ угодно имъ будетъ распорядиться собою: не пожелаютъ ли они образовать изъ себя отдѣльное государство, или пристать опять къ Германской Имперіи, или какъ нибудь иначе устроить свою судьбу?

Какъ бы то ни было, по излагаемой теоріи, капитуляціи положили, въ основаніе отношеній Балтійскаго края къ Россіи, систему обоюдныхъ обязательствъ и правъ; затѣмъ, при заключеніи трактатовъ Ништатскаго (1721) и Абовскаго (1743),*) Россія, еще разъ, обязалась передъ Швеціею соблюдать на вѣчныя времена тѣ условія, которыми она предварительно связала себя въ отношеніи къ Лифляндіи и Эстляндіи. Такимъ образомъ, политическія права этихъ провинцій, выговоренныя въ капитуляціяхъ, пріобрѣли новую гарантію и стали подъ защиту международнаго права — ein völkerrechtlich garantirtes bilateral-stipulirtes Landesrecht.**) Сущность установившихся на этомъ двойственномъ основаніи взаимныхъ обязательствъ между Россіею и Балтійскимъ краемъ заключалась въ слѣдующемъ: одна сторона — Россія, пріобрѣла право государственнаго владычества надъ Лифляндіею и Эстляндіею и право на политическую вѣрность тамошнихъ чиновъ; въ тоже время, Россія обязалась соблюдать и охранять неприкосновенность ихъ стародавнихъ учреж-

---

*) Само собою разумѣется, что Балтійскіе чины, въ то время состоявшіе въ подданствѣ Россіи, не принимали ни малѣйшаго участія въ заключеніи этихъ договоровъ.

**) Die aus anerkannter und acceptirter Rechtsübung hervorgegangenen Kapitulationen dienten dem Czaren zur Grundlage der ständischen Erbhuldigungen; diese hinwiederum zur Grundlage des erst elf Jahre später zu Stande gekommenen Nystädter Friedens (1721) gediehen, welcher, wie sein Nachfolger, der Aboer Friede (1743) jene Sonderrechte der Landeskirche und des Landesstaates in Liv- und Esthland auch unter völkerrechtlichen Schutz stellt (Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 254 Anmerk.).

деній, правъ и обычаевъ — короче: ихъ *привилегій*, притомъ: не которыхъ либо изъ нихъ, а *всѣхъ* безъ изъятія и безъ ближайшаго ихъ обозначенія (слѣдовательно, въ томъ числѣ, и стапельнаго права и браковки льна и цеховыхъ шрагъ, и замѣщенія полицейскихъ и судебныхъ должностей изъ среды матрикулированнаго дворянства, по его выбору, и наконецъ даже крѣпостнаго права со всѣми его прелестями). Другая сторона — мѣстныя сословія и общества, пріобрѣли на вѣчныя времена это широкое обезпеченіе неприкосновенности и неизмѣнности своей старины, и, подъ этимъ условіемъ, приняли на себя политическія обязанности подданства. Итакъ, Балтійскіе подданные Россійскаго Императора, присягая ему на вѣрность, предполагаютъ, что и онъ, съ своей стороны, будетъ вѣренъ своимъ обязательствамъ*). „Die Treue der Monarchen — это нѣсколько странное выраженіе, встрѣчающееся у Балтійскихъ публицистовъ, по ихъ теоріи, имѣетъ, какъ видно, совершенно ясный и точно опредѣленный смыслъ. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что никакая мѣстная привилегія не можетъ быть *законнымъ* образомъ не только отмѣнена, но даже въ чемъ либо измѣнена, безъ вѣдома, участія и согласія пользующейся ею стороны; иными словами: въ Балтійскихъ губерніяхъ, законодательная власть принадлежитъ не одному высшему правительству, а правительству въ совокупности съ представителями мѣстныхъ чиновъ — вотъ что̀ значитъ это право *законодательной иниціативы* сословій, какъ называютъ его нѣкоторые, или право участія въ законодательствѣ, какъ называютъ его гораздо точнѣе другіе, право будто бы заключающееся въ привилегіяхъ и въ формулѣ ихъ утвержденія, но очень недавно въ нихъ

*) Das bilaterale facio ut facias — какъ выражается издатель Лифлянд: вкладовъ B. I. Lief. II. S. 8.

открытое, и на которое Балтійскіе публицисты стали такъ сильно налегать въ послѣднее время.*) Во вторыхъ, слѣдуетъ, что позволивъ себѣ, собственною своею властью, что либо отмѣнить или измѣнить въ утвержденномъ ею порядкѣ вещей (а это случалось очень часто и теперь еще случается**) верховная власть нарушила бы коренное условіе заключеннаго ею съ мѣстными чинами договора и сама потрясла бы свое право на ихъ политическую вѣрность. Тѣмъ самымъ, другая сторона пріобрѣла бы право располагать собою, не стѣсняясь условіями нарушенной сдѣлки, то есть, могла бы, по чистой (конечно Балтійской) совѣсти, сложить съ себя обязанности подданства, могла бы также, отказавшись добровольно отъ этого права и оставшись къ правительству въ прежнихъ отношеніяхъ, выставить это обстоятельство какъ подвигъ своего необязательнаго долготерпѣнія, дающій ей право на особенную признательность со стороны власти. — „Die sehr geduldigen Liefländer“ говоритъ авторъ Лифляндскихъ вкладовъ о своихъ землякахъ настоящаго времени, а другой землякъ его, перечисляя прежнія заслуги Эстляндцевъ, ставитъ правительству на видъ, между прочимъ и то обстоятельство, что они покорились указу Екатерины II о введеніи въ Балтійскихъ губерніяхъ общихъ учрежденій о намѣстничествахъ и терпѣливо вынесли это беззаконное насиліе.***)

Въ третьихъ, слѣдуетъ, что всякое нарушеніе пра-

*) Das Recht der Mitberathung; иначе: das Recht, dass über Livland nichts ohne der Livländer Vorwissen (nihil insciis Livonis) statirt werde. На практикѣ, выраженіе insciis (безъ вѣдома) толкуется въ смыслѣ безъ согласія, или соизволенія. Livl. Beitr. B. I Lief. II S. 16, 18.

**) Не говоря уже о коренныхъ преобразованіяхъ Екатерины II, Александра I и Николая I, почти всѣ законы изданные правительствомъ для Балтійскаго края, съ первой четверти прошлаго вѣка, содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе рѣшительныя нарушенія стародавнихъ порядковъ.

***) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 34. Lief. II S. 184.

вительствомъ мѣстныхъ привилегій можетъ послужить вполнѣ основательнымъ поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству Швеціи и побудить ее къ заступничеству за обиженную сторону. Правда, сама Швеція, по видимому, не признавала за собою такого права ни во времена Екатерины II, ни при покойномъ Императорѣ Николаѣ I; по крайней мѣрѣ, она имъ не пользовалась; но это не доказываетъ, чтобъ она не могла воспользоваться имъ въ послѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ когда наступятъ тѣ такъ называемыя *лучшія времена*, о которыхъ Балтійскіе публицисты перекидываются теперь намёками съ своею Германскою братьею. Что сегодня кажется невѣроятнымъ и несбыточнымъ, завтра можетъ сдѣлаться дѣйствительностью. Кто бы, на примѣръ, повѣрилъ лѣтъ двадцать тому назадъ, что наступитъ минута когда намъ придется выслушивать отъ Турціи наставленія о томъ какъ привлекать къ себѣ сердца покорённыхъ племенъ? Наши дальновидные Балтійскіе политики помнятъ это и потому находятъ не лишнимъ, на всякій случай, какъ можно чаще твердить о правѣ Швеціи и, кстати и не кстати, напоминать Европѣ о Ништатскомъ трактатѣ. Кто знаетъ: въ будущихъ чаемыхъ компликаціяхъ, ему предназначено можетъ быть разыграть такую же роль, какую игралъ еще такъ недавно Вѣнскій трактатъ въ вопросѣ Польскомъ?

Теорія условной преданности, въ вѣрноподданническихъ адресахъ и вообще въ оффиціальныхъ заявленіяхъ, обыкновенно нѣсколько замаскировывается формулою: „мы были и будемъ непоколебимо вѣрны престолу *изъ* чувства признательности *за* охраненіе нашихъ стародавнихъ учрежденій и правъ“ но въ прозведеніяхъ Балтійской интеллигенціи издающихся за границею, таже въ сущности мысль выражается опредѣлительнѣе: не *за* охраненіе, а *въ той мѣрѣ* и *пока* охраняются. Такъ какъ я излагаю не свои

догадки, а только свожу чужія свидѣтельства, то считаю не лишнимъ привести нѣсколько печатныхъ заявленій. Развивая политическія воззрѣнія своихъ земляковъ, издатель Лифляндскихъ вкладовъ говоритъ: „Балтійскія провинціи преданы Императору (sind gut kaiserlich) преданы и Россіи, но *съ оговоркою* (mit Vorbehalt); преданы же онѣ Императору собственно потому, что въ Императорѣ Всероссійскомъ онѣ видятъ лице обязанное, по договору, оберегать ихъ такъ называемыя привилегіи (den vertragsmässigen Schutzherrn ihrer sogen. Privilegien), которыхъ главное достоинство заключается именно въ томъ, что онѣ ограждаютъ край отъ гражданской и церковной Руссификаціи.“*) Далѣе, выясняя ту же мысль, авторъ продолжаетъ: „счастливъ Императоръ Всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи чтутъ въ немъ *своего Герцога*, иными словами: могучаго, законнаго и свободнаго *отъ всякаго односторонно Русскаго давленія* (von einseitig russischer Pression freien) оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данною ему властью.“**) Это сказано какъ бы въ отвѣтъ на слова произнесенныя Государемъ Императоромъ въ послѣдній проѣздъ Его черезъ Ригу. Государь говорилъ представителямъ тамошнихъ сословій: вы конечно поймете, оцѣните и примите какъ слѣдуетъ то, что я долженъ буду предпринять въ краѣ въ общихъ интересахъ Россіи,***) слѣдовательно, по Балтійской терминологіи: то, что я сдѣлаю какъ Императоръ, а не какъ Герцогъ. — „Ваше Величество кажется забываете — отвѣчаетъ на это Балтійскій голосъ изъ за границы — что Вы нашъ Государь совсѣмъ

---

*) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 245, 246

**) Livl. Beitr. B. I Lief. III S. 297, 300.

***) Не имѣя подъ рукою подлиннаго текста, я привожу слова Государя Императора на память, но ручаюсь за вѣрную передачу смысла.

не потому, что Вы Всероссійскій Императоръ, а потому, что Вы Герцогъ Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій.

Въ другомъ мѣстѣ, теорія отношеній Балтійскаго края къ Россіи выражена еще отчетливѣе. Въ какой то запискѣ пущенной въ ходъ въ 1866 году, доказывалось, что положеніе 1832 года о Лютеранской Генеральной Консисторіи, какъ общій законъ, не могло отмѣнить ни мѣстной привилегіи, ни Именнаго указа. Подхвативъ эти слова, издатель Лифляндскихъ вкладовъ идетъ далѣе и говоритъ: „мало того, никакой указъ, никакое одностороннее выраженіе воли высшаго правительства не можетъ отмѣнить обоюдуобязательнаго, государственнаго или международнаго договора (staatsrechtliche oder völkerrechtliche bilaterale Stipulationen) каковы капитуляціи 1710 и Ништатскій и Абовскій трактаты 1721 и 1743 годовъ. По существу этихъ договоровъ, принадлежащихъ къ области публичнаго и международнаго права, они, также какъ и гражданскіе, частные договоры, могли бы быть отмѣнены или измѣнены не иначе какъ по обоюдному, добровольному соглашенію между Императоромъ съ одной стороны, рыцарствами и городами Балтійскаго края съ другой, и между Императорскимъ Всероссійскимъ и Королевско-Шведскимъ правительствами. Ничто инымъ путемъ совершаемое не можетъ имѣть законной, нравственно обязательной силы и не выходитъ изъ области чисто фактическихъ проявленій физическаго закона (т. е. силы). Но, какъ говоритъ Руссо: force ne fait pas droit (сила не создаетъ еще права.“*) — Кажется, дѣло ясно и нельзя требовать болѣе радикальнаго отрицанія законодательнаго права верховной власти. Остается напомнить, что почти весь существующій нынѣ въ Балтійскихъ губерніяхъ поря-

*) Livl. Beitr. B. I Lief. I S. 139.

докъ вещей, по увѣренію тамошнихъ публицистовъ, основанъ на насиліи. Недопущеніе перехода изъ Православія въ Лютеранство и подчиненіе мѣстныхъ Лютеранскихъ консисторій Генеральной — насиліе; подчиненіе мѣстныхъ судебныхъ инстанцій Сенату и Дерптскаго университета Министерству Народнаго Просвѣщенія — насиліе; введеніе въ оффиціальное употребленіе Русскаго языка — насиліе, статья третья введенія въ 1ю часть свода мѣстныхъ узаконеній — насиліе и т. д. Какъ же послѣ этого не желать *„лучшихъ временъ!“*

Такого рода отношеніе какое предполагаютъ Балтійскіе публицисты между своею родиною и Россіею, когда оно установляется между подданными одного государства и царствующею династіею, или между одною областью и государствомъ (какъ на примѣръ между Финляндіею и Россіею) называется конституціоннымъ; но если предположить его между государствомъ съ одной стороны и отдѣльными сословіями и обществами съ другой (ибо капитуляціи заключались не съ Балтійскимъ краемъ, даже не съ Лифляндіею и не съ Эстландіею, а съ тамошними рыцарствами, съ Ревелемъ, съ Ригою и т. д. порознь) то спрашивается: гдѣ тогда отечество? На этотъ вопросъ мы уже слышали отвѣтъ; остается только припомнить его: *отечество* наше (говорятъ Балтійскіе публицисты) въ высшемъ и широкомъ значеніи слова — Германія; это стволъ, котораго мы вѣтвь — unser Stammland; *родина* наша: это Лифляндія, или Эстляндія, или Курляндія; а Россія — это государство, къ которому мы теперь приписаны. Мы состоимъ не *въ немъ*, а *подъ нимъ*, какъ состояли нѣкогда подъ Польшею и Швеціею — unter polnischer, unter schwedischer, unter russischer Herrschaft. И вотъ, подхватывая эту мысль, Прусскіе публицисты, которымъ Балтійская теорія приходится какъ нельзя болѣе по сердцу, проэктируютъ теперь новый, будущій

періодъ исторіи Балтійскаго края: die Ostseeprovinzen unter preussischer Herrschaft. На такое безцеремонное обращеніе съ Русскою областью, конечно можно бы было коёчто возразить, даже съ точки зрѣнія законности, права и международныхъ трактатовъ; но кто сколько нибудь знакомъ съ пріемами Рижскихъ политиковъ и ихъ заграничныхъ друзей, тотъ не можетъ не знать, что всё это строго обязательно только для Россіи; а когда доходитъ дѣло до Пруссіи, тогда вводятся въ аргументацію совершенно иного рода соображенія, какъ на примѣръ: „тяга Германіи на востокъ (der Drang, der grosse deutsche Zug nach Osten), ея историческое призваніе (der historische Beruf) и тому подобное. Надобно сознаться, что никто не выразилъ политической доктрины Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ такъ кратко и отчетливо какъ Г. Егоръ Сиверсъ, въ придуманной имъ для самого себя квалификаціи: „*Нѣмецъ* (по національности), *Лифляндецъ* (по рожденію) и, какъ таковой, *приписной къ Русскому государству* (ein Deutscher, der als geborener Livländer russischer Staatsangehöriger ist). Понятно, что еслибъ когда нибудь наступилъ тотъ четвертый періодъ, который теперь исподоволь подготовляется въ Пруссіи, то конечно это троичное и, чтобы ни говорили, всётаки нѣсколько сложное и мудреное отношеніе, измѣнилось бы къ лучшему; по крайней мѣрѣ, оно упростилось бы въ значительной степени, ибо тогда можно бы было, по національности и по государственной приискѣ, тянуть къ одному центру, не дробя своихъ сочувствій на двое. Тотъ же Балтійскій публицистъ объясняетъ намъ свою формулу историческимъ примѣромъ; по поводу гдѣ то и кѣмъ то будто бы заявленнаго въ Русской прессѣ обвиненія Балтійцевъ въ наклонности къ Полякамъ и Шведамъ, онъ говоритъ: „исторія Рейнгольда фонъ Паткуля, этого мученика пострадавшаго за конституціонное право Лифляндіи (verfassungsmässige Recht) доказываетъ и

ставитъ выше всякаго сомнѣнія, что мы покончили съ Швеціею, какъ прежде покончили съ Польшею. Если бы Польша умѣла сдержать данныя ею обѣщанія, она бы не утратила Лифляндіи, какъ не утратила бы ея въ послѣдствіи Швеція.*) Мы, Балтійцы, *никогда не забываемъ испытываемыхъ нами преслѣдованій и нарушеній нашей конституціи* (Verfassungsbrüche)**) и потому никогда не вернемся ни къ Польшѣ, ни къ Швеціи.“***) — Рейнгольдъ фонъ Паткуль былъ конечно человѣкъ одаренный замѣчательными политическими способностями и желѣзною волею; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которыхъ всегда пріятнѣе видѣть въ рядахъ непріятеля чѣмъ въ своихъ, и потому лучше бы было не тревожить такъ часто его праха. Въ *сочувствіи* къ Полякамъ, никогда никто не обвинялъ Балтійцевъ; но говорили, и съ полнымъ основаніемъ говорятъ, о стачкѣ Балтійской интеллигенціи съ Польскою, для совокупной агитаціи въ заграничной прессѣ; о сочувствіи къ Швеціи, кажется, также не было рѣчи; да и Г. Егоръ Сиверсъ очевидно указываетъ на нее только въ предостереженіе другой державѣ; а чтобъ эта держава знала что это за права, нарушеніе которыхъ оправдываетъ государственную измѣну, онъ беретъ на себя трудъ перечислить ихъ и приводитъ между прочимъ: самоуправленіе посредствомъ чиновниковъ *нами* избираемыхъ; право *избирать* себѣ судей, и употребленіе *Нѣмецкаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ.*

---

*) Авторъ рѣшительно игнорируетъ участіе въ историческихъ событіяхъ армій, международныхъ войнъ и дипломатическихъ трактатовъ; единственные историческіе дѣятели, по его мнѣнію, это кажется Лифляндскіе Ландраты и Рижскіе Бургомистры.

**) Однако, недавно еще Эстляндскій публицистъ хвалился великодушіемъ, съ которымъ его земляки простили учрежденіе Намѣстничествъ при Екатеринѣ II и перенесли допущеніе перехода Латышей въ Православіе, при покойномъ Императорѣ.

***) Appell an die Oeffentlichkeit etc. etc. S. VII, 16.

Итакъ, намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ и Англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи Русскаго языка въ оффиціальное употребленіе, если оно захочетъ, чтобы судьи назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ какъ и въ остальной Россіи, если, въ послѣдствіи, оно потребуетъ, чтобы полиція, въ этомъ краѣ какъ и въ Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства; тогда пробьетъ послѣдній часъ его *законнаго* владычества и вѣрноподданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодыя поколѣнія.

Это одна теорія; а вотъ наша, основанная на историческомъ фактѣ, на смыслѣ и буквѣ капитуляцій, наконецъ на сводѣ законовъ. Хотя Князь Суворовъ и утверждалъ, что мы, Русскіе, не болѣе какъ младшіе колонисты Балтійскаго поморія, но намъ все еще помнится, что наши предки отвоевали его у Швеціи, сперва на поляхъ Полтавы, а послѣ, въ довершеніе, подъ Ревелемъ и Ригою. Это относится до Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то хотя она сама отложилась отъ Польши, но подчинилась Россіи безоговорочно и безусловно (Императрица Екатерина II не понимала международныхъ, дипломатическихъ отношеній между цѣлымъ государствомъ и сословіями). Далѣе, мы вычитали въ полномъ собраніи законовъ, что во всѣхъ трехъ Балтійскихъ губерніяхъ, верховная власть дѣйствительно признала и затѣмъ разновременно утверждала особенныя учрежденія, права и обычаи тамошнихъ сословій и обществъ, но утверждала ихъ условно, оговаривая права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно, подчиняя силу и обязательность частнаго и мѣстнаго, интересамъ

общаго и цѣлаго. Этимъ оговоркамъ мы позволяемъ себѣ придавать серьезное значеніе, никакъ не считая ихъ ни за риторическія украшенія, ни за канцелярскія продѣлки, и потому думаемъ, что соглашеніе мѣстныхъ учрежденій, правъ и обычаевъ съ государственными интересами и установленіями составляло задачу *внутренняго* законодательства, къ разрѣшенію которой призвана была верховная власть въ силу своего законодательнаго права, отъ котораго она никогда въ пользу Балтійскихъ сословій не отступалась и которымъ никогда съ ними не дѣлилась.

Наконецъ, развертывая сводъ законовъ, мы въ немъ читаемъ что Балтійскій край управляется на основаніи частью общихъ, частью особенныхъ для него изданныхъ узаконеній, но что тѣ и другіе *заимствуютъ силу свою* (не отъ договоровъ и международныхъ обязательствъ), *а отъ единой власти самодержавной.**) Чтобы ни говорили Балтійскіе публицисты, мы не считаемъ этихъ словъ за мертвую букву.

Противоположность двухъ изложенныхъ теорій такъ очевидна, что на первый взглядъ трудно даже понять, какъ она можетъ такъ долго держаться. Дѣло въ томъ, что если мы поставимъ странный, невѣроятный и всётаки неминуемый вопросъ: кто въ этомъ случаѣ правъ и кто ошибается, Балтійская интеллигенція или Русское общество вѣрующее слову закона, и если захотимъ обратиться за разрѣшеніемъ къ правительственной практикѣ, то мы найдемъ въ ней факты, повидимому, подтверждающіе и то и другое воззрѣніе.

Такъ, въ 1712 году, Лифляндское шляхетство, ссылаясь на извѣстную (сомнительной подлинности) привилегію Сигизмунда Августа, представило на Высочайшее имя меморіалъ, которымъ просило о допущеніи уполномоченныхъ

*) Св. мѣст. узак. для губ. Остзейск. Часть. 1. введ. ст. 3.

Ландратовъ *къ обсужденію* въ мѣстныя коммиссіи и *въ Правленіе* (Kaiserliche Regierung) въ то время, по широкимъ правамъ предоставленнымъ главному начальнику края, вѣдавшее и дѣла чисто законодательнаго свойства. На это ходатайство, Князь Менщиковъ, за отсутствіемъ Петра I и по уполномочію отъ него, отвѣчалъ: „когда земскія будутъ случаться дѣла, тогда имѣютъ всегда Ландраты противъ ихъ привилегій къ тому допущены быть, равно какъ въ Шведскія времена въ обыкновеніи было, *а чтобъ онымъ судить и опредѣленіе въ дѣлахъ чинить, того имъ позволить не можно.**)

Изъ этихъ словъ можно заключить, что К. Менщиковъ, дававшій резолюціи именемъ Государя, какъ видно, имѣлъ о значеніи привилегій, о законодательномъ правѣ дворянства и о границахъ самоуправленія, не такое понятіе какое теперь проводятъ Балтійскіе публицисты.

Позднѣе, однако все еще въ такое время, когда обстоятельства присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи были у всѣхъ въ живой памяти, Императрица Ека-

---

*) Пол. Соб. зак. 1710. Марта 1 No. 2496. Въ 1865 году, въ Дерптѣ, вышло новое изданіе Лифляндскихъ капитуляцій съ подтвердительными грамотами, выписками изъ привилегій и разнаго рода приложеніями, въ томъ числѣ и Нѣмецкимъ переводомъ вышеприведенной резолюціи Кн. Менщикова, выписанной буквально изъ полнаго собранія Законовъ. Вотъ она въ переводѣ: soll so oft ins Künftige etwas von denen Landsfairen wird vorgenommen werden, allezeit denen Landräthen, zufolge der Privilegien, die Admittirung erlaubt sein, gleich bei Schwedischen Zeiten geschehen; was sie aber ferner suchen, diese Admittirung auch bei der Kaiserlichen Regierung zu haben, solches kann nicht verstattet werden. Вѣрность перевода засвидѣтельствована Секретаремъ Абрамомъ Веселовскимъ. Очевидно, что смыслъ текста резолюціи искаженъ въ переводѣ преднамѣренно, пропускомъ самаго существеннаго, именно того, что̀ конечно было очень не по сердцу Лифляндскому дворянству. Какъ это случилось? — мы не знаемъ; но чтобы стоило Г. Ширрену, которому открытъ доступъ въ Архивъ дворянства, поискать въ немъ: не найдетъ ли онъ въ секретныхъ актахъ объясненія этого страннаго lapsus calami? Порывшись хорошенько, онъ бы можетъ быть отыскалъ даже свѣденія о цѣнѣ, въ которую обошелся дворянству *вольный* переводъ резолюціи Кн. Менщикова.

терина II преобразовала въ самомъ основаніи все тамошнее устройство администраціи, судовъ и сословій, ввела въ дѣйствіе общія учрежденія изданныя для всей Россіи, и нисколько не сочла этого ни превышеніемъ власти съ своей стороны, ни нарушеніемъ договора, которое могло бы лишить ее права на вѣрность ея Балтійскихъ подданныхъ. Шведское правительство также не опротестовало ея преобразованій.

По видимому, вопросъ рѣшенъ былъ окончательно и, еслибы насажденія великой Императрицы успѣли пустить корень, конечно новѣйшая теорія нами теперь изучаемая, никогда бы не увидала свѣта. Но ея преемникъ поспѣшилъ ввести вновь упраздненный ею старый порядокъ вещей, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, придавъ этому дѣйствію характеръ возстановленія нарушеннаго права. Въ томъ же разумѣется смыслѣ, было оно принято Балтійскими сословіями, не замедлившими объяснить ему, что этимъ только и могъ онъ приковать ихъ опять къ своему престолу, то есть пріобрѣсти вновь право на ихъ вѣрность, утраченное его предшественницею. Въ послѣдствіи, дворянство и города неоднократно повергали къ подножію престола изъявленія своей *условной* преданности, а правительство, какъ будто не замѣчая болѣе или менѣе замаскированной оговорки, благодарило ихъ за рыцарское ихъ великодушіе. Когда возникали законодательные вопросы, почти всегда по инціативѣ правительства, оно нерѣдко заявляло свои требованія въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, не допускавшихъ ни отговорокъ, ни возраженій; но затѣмъ, хотя въ большей части случаевъ нерасположеніе мѣстныхъ сословій къ перемѣнамъ, которыхъ оно требовало, ни для кого не могло быть тайною, оно ввѣряло имъ же законодательную работу составленія проэктовъ. Потомъ, когда проэкты оказывались рѣшительно негодными (что̀ случалось очень не рѣдко) правительство

всётаки не брало дѣла въ свои руки, а поручало переработку тѣмъ же сословіямъ; это повторялось иногда по нѣскольку разъ и придавало дѣлу такой видъ, будто бы законодательная власть, сомнѣваясь въ своемъ правѣ, признавала необходимымъ склонить мѣстныя сословія къ предъявленію отъ себя ходатайствъ о тѣхъ мѣрахъ которыхъ, въ сущности, требовало отъ нихъ правительство. Затѣмъ, проэкты приведенные въ окончательный видъ, разсматривались почти всегда только для формы, сперва въ особомъ Остзейскомъ комитетѣ, потомъ уже, по приведеніи ихъ въ исполненіе, въ Государственномъ Совѣтѣ, но и въ Петербургѣ, также какъ въ Ригѣ, самыя дѣльныя возраженія почти всегда разбивались о всемогущее veto депутатовъ отъ мѣстнаго дворянства. Этотъ особенный порядокъ, установившійся исключительно для дѣлъ Балтійскаго края, преимущественно для дѣлъ сопряженныхъ съ интересомъ тамошняго дворянства, и столь непохожій на порядокъ, которымъ разрѣшаются законодательные вопросы первой величины для всей Имперіи (н. п. упраздненіе крѣпостнаго права, преобразованіе полиціи, судебная реформа) дѣйствительно какъ будто оправдывалъ предположеніе, что въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, правительство не пользуется полнотою законодательной власти. Сторонники этого толкованія находили также нѣкоторое ему оправданіе въ обычной выдачѣ подтвердительныхъ грамотъ при вступленіи на престолъ, и, хотя при этомъ всегда оговаривалась свобода законодательной власти, но нельзя не признать, что по крайней мѣрѣ послѣ изданія свода мѣстныхъ узаконеній, самый актъ утвержденія особенныхъ правъ и обычаевъ одной области казался, по крайней мѣрѣ, излишнимъ и не вполнѣ согласовался съ основными положеніями, такъ ясно высказанными въ начальныхъ статьяхъ этого мѣстнаго свода; ибо, если Балтійскія губерніи дѣйствительно „управляются на основаніи законовъ общихъ

и частныхъ“ и если тѣ и другіе „исходятъ изъ полноты самодержавной власти“ то къ чему утверждать частные и мѣстные законы, когда не признается надобности утверждать общіе? Если, при вступленіи на престолъ, Государь не утверждаетъ общаго свода законовъ для всей Имперіи, къ чему утверждать сводъ мѣстныхъ узаконеній для губерній Остзейскихъ, составляющій *дополненіе* къ общему?

Вотъ чѣмъ, если не оправдывается, то по крайней мѣрѣ извиняется политическая теорія Балтійскихъ чиновъ. Въ томъ, что она могла сложиться и что приходится опровергать ее, виноваты не они, а мы.

Всему однако долженъ быть конецъ, даже недоразумѣніямъ питаемымъ Рижскою интеллигенціею. Кажется, что теперь и онѣ клонятся къ разрѣшенію. Съ одной стороны, Россія, видя передъ собою Нѣмецкое національное знамя такъ смѣло выкинутое тамошнею провинціальною оппозиціею, и слыша раздающіеся оттуда зовы къ Германіи еще не отрезвившейся отъ недавнихъ своихъ побѣдъ, естественно недоумѣваетъ и спрашиваетъ: да точно ли мы обязаны благоговѣйно склоняться передъ учрежденіями устарѣлыми и негодными, которыхъ единственное достоинство, по увѣренію ихъ почитателей, заключается въ томъ, что подъ ними наше Балтійское поморіе *сберегается для Германіи въ чаяніи какихъ то лучшихъ временъ?* Правда ли, какъ увѣряютъ Балтійскіе политики, что международные трактаты и государственное право ставятъ насъ въ необходимость, на вѣчныя времена, охранять и ремонтировать, въ завоеванной нашими предками пограничной области, *передовое укрѣпленіе Германизма?* Наконецъ, хорошо ли мы дѣлаемъ, содержа въ немъ гарнизонъ людей, одѣтыхъ въ Русскіе мундиры и печатно заявляющихъ Германіи, что они полагаютъ свое призваніе въ *разбавленіи нашихъ народныхъ соковъ какою то своею Нѣмецкою подливкою?* . . . Все это такъ важно для полити

ческой будущности Россіи, что любопытство кажется позволительно.

Съ другой стороны, и дальновиднѣйшіе изъ вожаковъ Балтійской фаланги уже не довольствуются игнорированіемъ, со стороны правительства, ихъ политическихъ теорій и тоже подвигаются, хотя осторожно, къ разрѣшенію вышеизложенныхъ противорѣчій. У нихъ на это есть особенныя причины.

Прислушиваясь къ неумолкающему шопоту въ самыхъ высшихъ слояхъ правительственныхъ и придворныхъ, они давно успѣли свыкнуться съ мыслью, что рано или поздно (и вѣроятно ранѣе чѣмъ бы слѣдовало) сама верховная власть призоветъ землю на совѣтъ и, въ той или другой формѣ, дастъ ей голосъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. Къ этой торжественной минутѣ они теперь исподоволь готовятся; но съ какимъ намѣреніемъ? Съ тѣмъ ли, чтобы воспользоваться случаемъ для прекращенія старыхъ счетовъ и споровъ? Чтобы побрататься съ Россіею, чистосердечно и безусловно, на горе и радость, per fas et nefas? Чтобы сложить у порога будущаго собранія Всероссійскаго земства свои политическія мечты, и встрѣтить новую эру какъ встрѣтятъ ее представители другихъ областей, съ безоговорочною готовностью подчинить свои частные интересы, мѣстныя права и племенныя предубѣжденія благу общей отчизны? — Или съ тѣмъ, чтобы, по слѣдамъ своихъ дѣдовъ засѣдавшихъ въ законодательной коммиссіи Екатерины II, и вдохновившись недавнимъ примѣромъ Венгріи, заявить во всеуслышаніе о нежеланіи своемъ объединиться съ Россіею и опротестовать заранѣе всякое прикосновеніе къ ихъ провинціяльнымъ особенностямъ? Къ несчастію, настроеніе общественнаго мнѣнія въ Балтійскомъ краѣ, выражаемое лучшими тамошними публицистами и представителями мѣстныхъ сословій, таково, что этотъ вопросъ можно считать для нихъ разрѣшеннымъ

окончательно, именно во второмъ смыслѣ. Сомнѣваться въ этомъ нельзя, а умышленно игнорировать было бы непростительно. Они снаряжаются на послѣднюю, рѣшительную битву. Но для борьбы съ новымъ противникомъ, нужно запастись и оружіемъ новымъ; старое не годится, оно отслужило. Отстаивать передъ лицемъ государственнаго представительства теорію условной, политической вѣрности было бы смѣшно — она бы лопнула какъ пузырь. Всѣ это знаютъ. Знаютъ также, что заслониться такъ называемыми привилегіями и поставить подъ защиту ихъ мнимой неприкосновенности притязаніе цѣлаго края на политическое обособленіе, было бы крайне не выгодно. На этой почвѣ, не было бы даже мѣста для серьезнаго состязанія; ибо, во первыхъ, привилегіи даны не Балтійскому краю, а дворянскимъ сословіямъ и городамъ; съ ними же заключены и капитуляціи; какъ юридическая личность, которая могла бы договариваться и обѣщать, Балтійскій край въ XVIII вѣкѣ не существовалъ и понынѣ не существуетъ. Во вторыхъ, послѣ присоединенія его къ Россіи, все сельское народонаселеніе, считавшееся прежде дворянскою собственностью, пріобрѣло гражданскія права, и потому, прежде чѣмъ приковывать на вѣчныя времена будущее его развитіе къ результатамъ историческаго прошедшаго, въ которомъ оно не участвовало, справедливость потребовала бы опросить его и удостовѣриться въ его согласіи. Въ третьихъ, съ точки зрѣнія формально юридической, оговорки сопровождавшія утвержденіе привилегій отнимаютъ всякую возможность отстаивать ихъ безусловную неприкосновенность, а что касается до ихъ содержанія, то можно смѣло сказать и доказать, что оно уже упразднено и отмѣнено болѣе чѣмъ на половину. Во всемъ мірѣ, столбовая дорога историческаго прогресса усѣяна обломками привилегій и, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключеніе даже и Балтійскій край. Повторяю

тамошніе политически развитые агитаторы знаютъ все это лучше чѣмъ мы, и вотъ почему, даже теперь, они избѣгаютъ самаго слова *привилегіи* и, мало по малу, вытѣсняютъ его другимъ, лучше гармонирующимъ съ понятіями и потребностями настоящей минуты, словомъ: Verfassung или Landesverfassung — земская конституція. Но земской конституціи, иначе: системы правъ и учрежденій общихъ всѣмъ сословіямъ и ограничивающихъ права верховной власти, въ наличности не имѣется; ее надобно *сочинить*, выработать изъ историческаго матерьяла, вывести путемъ отвлеченія и обобщенія изъ массы частныхъ, сословныхъ и общественныхъ правъ. Абрисъ ея, этой будущей конституціи, теперь только что намѣчивается Балтійскими публицистами, но читатель можетъ уже, до нѣкоторой степени, угадать ея будущія черты сквозь очень неопредѣленныя выраженія, далеко не все то высказывающія, что подъ ними подразумѣвается: свобода совѣсти,*) устройство мѣстной Лютеранской церкви совершенно самостоятельное и независимое отъ общаго для всей Имперіи управленія Протестантскою церковью, полное самоуправленіе, замѣщеніе, по выбору, судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ должностей, сословный судъ, замкнутое, корпоративное устройство дворянства (geschlossene Matrikel), Нѣмецкій языкъ, какъ языкъ оффиціальный и языкъ преподаванія, самостоятельное завѣдываніе всѣми учебными

---

*) Когда въ брошюрахъ Балтійскихъ публицистовъ, или въ проэктахъ тамошнихъ законодателей, вамъ попадается такъ часто употребляемое ими слово *свобода*, будьте осторожны и глядите себѣ подъ ноги; это вѣрный признакъ ловушки. Такъ, на примѣръ, свобода труда и передвиженія значитъ утрата права на землю и запрещеніе переходить за границу губерніи; свобода взаимнаго соглашенія значитъ необходимость подчиняться произволу помѣщика въ опредѣленіи размѣра повинностей, свобода перехода недвижимой собственности изъ рукъ въ руки значитъ право сгонять крестьянъ съ усадебъ, свобода совѣсти значитъ стѣсненіе Православной совѣсти (*я это докажу при разборѣ вопроса о смѣшанныхъ бракахъ*). Словомъ, въ Балтійскомъ краѣ, идѣже угнетеніе и стѣсненіе, ту свобода.

заведеніями, участіе въ законодательствѣ, право голоса по всѣмъ дѣламъ касающимся края и т. д.

Дѣло ясно: чтобъ отстоять свое изолированное положеніе передъ лицемъ народнаго представительства, нужно, до ожидаемой съ нимъ встрѣчи, заблаговременно заручиться такимъ выраженіемъ Высочайшей воли, которымъ бы верховная власть *дѣйствительно* себя связала, и черезъ которое призванная на совѣтъ Россія усомнилась бы перешагнуть; иными словами: нужно выманить у правительства признанія политическихъ правъ Нѣмецкой народности, нынѣ, на нашемъ Балтійскомъ поморіѣ, постепенно сплачивающейся въ цѣльный организмъ.

Къ этому теперь все направляется; это главная цѣль передовыхъ дѣльцевъ. Судя по расположенію крупныхъ свѣтилъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и прислушиваясь къ голосу „Вѣсти" недавно возвѣщавшей „что обстоятельства рѣшительно благопріятствуютъ дальнѣйшему развитію тѣхъ идей, которыя составляютъ основу этого изданія," они знаютъ, что настоящая минута представляетъ для нихъ совокупность особенно счастливыхъ условій, и потому вѣроятно не захотятъ долго медлить.*) Само собою разумѣется, что слово *конституція* произнесено не будетъ — къ чему пугать словами? Напротивъ, придумаютъ формулу самую не затѣйливую и скромную, предлогъ самый благовидный, хоть бы на примѣръ: словомъ благоволеніе и милости съ высоты престола упадающимъ, вознаградить вѣрный край за распускаемыя про него клеветы; заблаговременно подготовятъ всѣ пути, распредѣлятъ роли, разставятъ всѣхъ по мѣстамъ; при первомъ удобномъ случаѣ, пустятъ заведенную машину въ ходъ, и, въ одно прекрасное утро, проснувшаяся Россія, увидитъ

---

*) Чуть ли даже они не опоздали нѣсколькими мѣсяцами.

на мѣстѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, колыбель народившейся за ночь новой *Остзейской Финляндіи*.

Я не утверждаю, что это непремѣнно случится, но къ этому исходу, неотразимою силою логики и обстоятельствъ, ведутъ и должны вести какъ политическая теорія господствующая въ интеллигентныхъ слояхъ Балтійскаго общества, такъ и тамошняя правительственная практика, по этой теоріи сложившаяся. Затѣмъ, я еще позволю себѣ спросить: точно ли этотъ исходъ такъ несбыточенъ какъ съ перваго взгляда кажется, и наконецъ, еслибъ онъ даже былъ дѣйствительно и безусловно невозможенъ, даже при внѣшнихъ, для Россіи неблагопріятныхъ политическихъ компликаціяхъ, позволительно ли успокоиваться однимъ сознаніемъ такой невозможности, и не пора ли наконецъ понять, что самое стремленіе интеллигенціи цѣлаго края къ такому невозможному исходу, повторяю опять: стремленіе логически обусловленное существующимъ въ немъ порядкомъ вещей, есть уже само по себѣ явленіе болѣзненное, опасное и требующее скораго, радикальнаго врачеванія?

Вотъ въ какомъ отношеніи важна настоящая минута и почему необходимо, чтобъ именно теперь, Россія не спускала глазъ съ своей Балтійской окраины. Время, кажется мнѣ, такъ дорого, что я рѣшился, съ перваго же слова, высказать въ какомъ видѣ представляется мнѣ положеніе дѣлъ, хотя я нисколько отъ себя не скрываю, что, для меня лично, было бы гораздо выгоднѣе уклониться на первыхъ порахъ отъ столкновенія съ укоренившимися у насъ понятіями и предпослать общимъ выводамъ простое изложеніе фактовъ. Но, навлекая на себя добровольно упрекъ въ произвольности сужденій, я надѣюсь, въ непродолжительномъ времени, отъ него очиститься. За фактическими доказательствами дѣло не станетъ и читатели найдутъ ихъ въ изобиліи въ послѣдующихъ, уже подготовленныхъ выпускахъ. Въ этомъ отношеніи, я прошу не довѣрія къ себѣ, а нѣкотораго только терпѣнія.

Мнѣ остается, въ заключеніе, сказать еще слово. На предшествующихъ страницахъ, я указалъ, между прочимъ, въ чемъ сходство и въ чемъ разница между вопросомъ Польскимъ и вопросомъ Балтійскимъ (котораго, при всемъ моемъ нежеланіи, я всетаки къ стыду нашему, не могу не признать) но одной, очень существенной разницы я не коснулся.

Въ вопросѣ Польскомъ, наше общество и наше правительство долго находились подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, ошибались за одно, вмѣстѣ, въ одно время, и оттого, какъ ни тяжелы, какъ ни обидны были послѣдствія ошибокъ, сознаніе общей и нераздѣльной за нихъ отвѣтственности не только не ослабило нравственнаго авторитета правительства, а напротивъ, въ минуту прозрѣнія, заставило общество еще тѣснѣе примкнуть къ нему.

Нельзя будетъ сказать тогоже о вопросѣ Балтійскомъ, когда мы наконецъ перестанемъ его игнорировать.

Въ своевременныхъ предостереженіяхъ недостатка не было. Сами политическіе враги наши раскрыли передъ нами свои виды, замыслы и надежды, всю систему своихъ дѣйствій, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, такъ что мнѣ осталось только сгруппировать ихъ признанія и подвести имъ итогъ.

Лейпцигъ,
въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig,
Druck von Bär & Hermann.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

ВЫПУСКЪ II

Изданіе Ю. САМАРИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG (E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN
1869.

ЗАПИСКИ

ПРАВОСЛАВНАГО ЛАТЫША

ИНДРИКА СТРАУМИТА.

(1840—1845.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Имя выставленное въ заголовкѣ этихъ записокъ — Индрикъ Страумитъ — есть псевдонимъ; но авторъ дѣйствительно природный Латышъ изъ Лифляндскихъ крестьянъ, и записки подлинны.

Само собою разумѣется, что издавая ихъ, я не принимаю на себя безусловнаго ручательства за фактическую достовѣрность каждаго разсказаннаго въ нихъ происшествія въ частности. Могу только сказать, что, по прочтеніи рукописи, я не нашелъ въ ней ничего нетолько невозможнаго, но даже неправдоподобнаго, хотя я напередъ знаю, что многое покажется невѣроятнымъ тѣмъ изъ читателей, которые сами не живали въ Балтійскомъ краѣ, а составили себѣ объ немъ представленіе по наслышкѣ отъ тамошнихъ уроженцевъ Нѣмецкаго происхожденія. Бытъ Лифляндскихъ крестьянъ въ сороковыхъ годахъ, тогдашнія ихъ отношенія къ помѣщикамъ и пасторамъ, общее настроеніе Латышей и Эстовъ, мысли, чувства и надежды, бродившія въ народной массѣ, незамѣтныя для поверхностнаго наблюденія, коренныя *причины* и *случайные* поводы обращеній изъ Лютеранства въ Православіе, характеръ противодѣйствія встрѣченнаго этимъ движеніемъ со стороны Лютеранскаго духовенства, Лютеранскихъ помѣщиковъ и Лютеранскаго чиновничества — все это, въ главныхъ чертахъ, совершенно согласовалось съ моими собственными воспоминаніями о тогдашней Лифляндіи. Не полагаясь однако на свою память и на свои впечатлѣнія, я провѣрилъ разсказы автора записокъ всѣми мнѣ доступными способами, частью справками, частью распросами. Люди, подолгу живавшіе въ Лифляндскихъ деревняхъ, крестьянскою жизнью, засвидѣтельствовали мнѣ, какъ очевидцы, многіе факты; о нѣкоторыхъ отозвались незнаніемъ, но привели мнѣ

изъ своихъ собственныхъ воспоминанiй случаи совершенно однородные съ тѣми, которые разсказаны въ запискахъ, и не менѣе поразительные; наконецъ, всѣ безъ исключенiя лица, которыхъ я опрашивалъ, подтвердили мнѣ, что картина вообще вѣрна, и что все разсказанное авторомъ записокъ, если и не случалось въ ихъ глазахъ, то, безъ сомнѣнiя, могло происходить въ Лифляндiи сороковыхъ годовъ и притомъ, не какъ рѣдкое исключенiе, а въ обычномъ порядкѣ вещей.

Кажется, далѣе этого едвали можетъ простираться отвѣтственность издателя чужихъ записокъ за фактическую достовѣрность ихъ содержанiя.

Что касается до изложенiя, до колорита и тона, то читатель съ первыхъже строкъ увидитъ, что это не бѣглыя замѣтки туриста, смотрящаго на дѣло со стороны, не докладная записка чиновника-слѣдователя и не зрѣло обдуманный трудъ ученаго, а скорѣе жалобный стонъ глубоко уязвленной души. Все что здѣсь повѣствуется выстрадано самимъ повѣствователемъ и передается въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вылилось изъ подъ его наболѣвшаго сердца. Я даже не пытался (хотя имѣлъ на то право) сгладить или смягчить слѣды замѣтнаго раздраженiя, свидѣтельствующiе о личномъ, близкомъ отношенiи автора къ предметамъ его разсказовъ. Мнѣ казалось, что самое это настроенiе его, какъ естественное и неизбѣжное послѣдствiе всей его жизненной обстановки, составляло какъ бы дополненiе, и очень существенное, къ изображенiю описанной имъ среды. Это тоже своего рода фактъ, конечно не вещественный, а психическiй, котораго нельзя не принимать въ соображенiе, при обсужденiи тогдашнихъ Лифляндскихъ событiй.

Мое участiе, какъ издателя, ограничилось выпускомъ нѣкоторыхъ цитатъ и слишкомъ частыхъ повторенiй, сокращенiемъ слишкомъ растянутыхъ разсужденiй, замѣной нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженiй, несовсѣмъ понятныхъ для Русской публики, другими болѣе употребительными, и, наконецъ, немногими подстрочными примѣчанiями.

ПРАГА, Апрѣль 1868.

Ю. САМАРИНЪ.

I.

Болѣзнь и первыя судороги Лифляндскаго разслабленнаго.

Въ Вятскихъ Епархiальныхъ вѣдомостахъ за 1864 г. № 23, въ статьѣ: „о Православiи между Латышами и Эстами въ Прибалтiйскихъ Губернiяхъ“ стр. 701ой, поставленъ между прочимъ слѣдующiй вопросъ: „какъ объяснить это необыкновенное явленiе въ XIX в. (т. е. присоединенiе Латышей и Эстовъ въ 1845 году) посреди иновѣрцевъ хвалящихся своимъ умомъ и образованностью?“

Далѣе, самъ авторъ, какъ нельзя лучше, разрѣшаетъ этотъ вопросъ указанiемъ на общiе, мiровые законы предопредѣляющiе ходъ Христiанскаго просвѣщенiя. Въ этомъ отношенiи, онъ сказалъ все что нужно было сказать для людей способныхъ опознавать пути Промысла. Съ своей стороны, какъ очевидецъ этого необыкновеннаго явленiя и какъ участникъ въ немъ, испытавшiй лично на себѣ всѣ обстоятельства, которыми оно было подготовлено, я могу лишь подтвердить и дополнить слова автора моими собственными воспоминанiями. Считаю себя даже обязаннымъ сдѣлать это въ особенности потому, что я уроженецъ той мѣстности, гдѣ зародилось стремленiе къ истинной вѣрѣ, той самой мѣстности, откуда явились первые сѣятели Православiя въ Лифляндiи, и что съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ тѣснѣйшею дружбою.

Обыкновенно, родамъ предшествуютъ мучительныя боли — такъ было и здѣсь. Боль началась давно; въ 1841 году, она произвела судороги, а четыре года спустя, въ 1845 году, послѣдовалъ кризисъ.

Въ Лифляндіи, какъ извѣстно, съ давнихъ временъ борятся двѣ народности: сильное меньшинство съ слабымъ большинствомъ. Извѣстно также, что хотя Лифляндія болѣе ста лѣтъ принадлежитъ Россійской Имперіи; но Россія всегда (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется) смотрѣла на этотъ край какъ на чужой. Не такъ смотримъ на Россію мы — Латыши и Эсты. Извѣстноли это Россіи? Знаетъли она, что одна надежда на нее, только одна эта надежда и подкрѣпляетъ насъ въ нашей горькой долѣ; что мы всѣ одного просимъ, одного желаемъ, къ одному стремимся — слиться съ нею, съ Русскимъ народомъ, имѣть съ нимъ одну вѣру, одинъ законъ, одинъ языкъ, какъ имѣемъ уже теперь одного Царя? — Можетъ быть и знаетъ, но кажется не хочетъ знать.

До сихъ поръ, она или вовсе не обращала на насъ вниманія, или, если и обращала, то какъ будто нехотя, урывками, и лишь въ тѣ минуты когда наши докучливые вопли до того становились громки, что тревожили ея покой. Но вслѣдъ за тѣмъ, прислушавшись, она тотчасъ же отварачивалась и нашимъ же недругамъ, отъ которыхъ мы просили у нея защиты, поручала унять и успокоить насъ. Мы знаемъ, что значитъ *спокойствіе* на ихъ языкѣ!

Мало того: Россія карала тѣхъ изъ своихъ дѣтей, Лифляндскихъ туземцевъ, которые, получивъ образованіе не хотѣли бросать своихъ отверженныхъ земляковъ и рѣшались поднимать за нихъ скромный и скорбный голосъ.*)

*) Намёкъ на преслѣдованія, *ничѣмъ рѣшительно незаслуженныя*, которымъ, по проискамъ Нѣмцевъ, подвергались Латыши: Безбардисъ, братья

Точно несчастная наша родина подарена Нѣмцамъ, а мы пошли въ придачу какъ рабочій инвентарь. Мы до того разобщены съ Россіею, что Русскій Царь для насъ какъ будтобы не существуетъ; даже милости его скорѣе проникнутъ въ Сибирь, въ тюрьмы, въ рудники, на каторгу, чѣмъ къ намъ, Латышамъ и Эстамъ. Онѣ какъто улетучиваются на пути къ намъ, или попадаютъ не въ тѣ руки, въ которыя предназначаются. Такъ на примѣръ, ходитъ въ народѣ слухъ, и слухъ достовѣрный, что нынѣ царствующій Императоръ, при восшествіи на престолъ, сложилъ намъ нѣсколько процентовъ съ долга на насъ лежащаго за хлѣбъ розданный въ ссуду въ голодный 1845 годъ. Но намъ это не объявлено, не разъяснено, и Царскою милостью пользуются не тѣ, которыхъ Царь хотѣлъ облагодѣтельствовать. Это дѣло страшно запутано и запутали его нарочно, для прикрытія злоупотребленій.*)

Вообще, мы слышимъ и намъ говорятъ о Русскихъ только худое; слышимъ, на примѣръ, что Русскіе угнетаютъ народъ; при каждомъ возвышеніи аренды за землю, слышимъ отъ помѣщиковъ такія слова: „что дѣлать! И мы обременены налогами на Царя, и насъ притѣсняетъ казна!" — Намъ даже никогда не говорятъ: „Нашъ Царь" а все: „Русскій Царь" — и все въ образѣ грозы, а не милости. Подари Нѣмецъ желѣзнаго пѣтуха на кирку — объ этомъ прогремятъ по всей Лифляндіи, а милость Царя подъ спудомъ.**)

Петерсоны и другіе за написаніе просьбъ и адресовъ, за изданіе Латышской газеты и т. п. Объ этихъ преслѣдованіяхъ и проискахъ я сообщу подробныя свѣдѣнія въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ. Пр. Издателя.

*) Объ этомъ дѣлѣ говорится яснѣе въ другомъ мѣстѣ этихъ записокъ. Пр. изд.

**) На примѣръ, когда Правительство рѣшилось наконецъ отводить въ казенныхъ имѣніяхъ участки земли крестьянамъ, которыхъ помѣщики выгнали изъ своихъ имѣній за переходъ въ Православіе, это дѣлалось по секрету и намѣренія Правительства тщательно скрывались, точно какъ будтобы

Лыки да вѣники — не богата была дань Русскимъ князьямъ отъ нашихъ предковъ, и этой дани Нѣмцы, кажется, не увеличили, чуть ли даже не уменьшили. По за то, сами разжились на славу. Не только всѣ доходныя мѣста и должности были ими заняты, даже всѣ промыслы и кормленія были въ ихъ рукахъ, такъ что Латышу къ нимъ и приступа не было, не потому, чтобъ онъ не хотѣлъ или былъ неспособенъ, а по закону и обычаю; еслижъ и дѣлались исключенія, то въ пользу тѣхъ Латышей, которые окончательно отрывались отъ своихъ земляковъ и дѣлались орудіями ихъ угнетенія въ Нѣмецкихъ рукахъ. А до тѣхъ поръ, имъ не позволяли ни пироговъ печь, ни сапоговъ шить.

„Lops“ — любимое Нѣмцами названіе, которымъ они величали простаго Латыша на каждомъ шагу. Они употребляли всѣ силы, чтобъ это роковое слово, такъ сказать, пристало къ нему, чтобъ онъ самъ себѣ усвоилъ его, какъ свое имя. Lops (быдло), рабочая сила, иначе: человѣкъ, въ которомъ уже не осталось человѣка. Пусть онъ даже забудетъ Творца и Промыслителя, лишьбы ихъ, Нѣмцевъ, считалъ за обладателей неба и земли. Помѣщики изнуряли плоть Латыша, духовенство изнуряло плоть его и кормилось его душею.

И однако, этотъ угнетенный, измученный, изувѣченный народъ, при всей дѣйствительной немощи его плоти, всётаки не умиралъ, а жилъ надеждою, какъ расслабленный Евангелія.

Въ 1841 году, Латыши и Эсты попробовали приподнять голову; но она была опять придавлена. Чтоже заставило ихъ зашевелиться? Отвѣтъ на это простой: имъ хотѣлось жить. Лифляндскаго разслабленнаго привелъ въ

оно стыдилось своего дѣла. Понятно, въ чьихъ интересахъ оно облекалось тайною. Пр. издат.

движеніе *голодъ* — да голодъ, и не только плотской, какъ увѣряютъ, но и *душевный голодъ.*

Въ то время, т. е. около 1810 года, я былъ еще малъ, но всётаки въ тѣхъ лѣтахъ, что уже могъ присматриваться, прислушиваться и понимать. Я уже „пасохъ стадо отца моего,“ и ясно видѣлъ, да и теперь помню всё что дѣлалось въ нашемъ домѣ.

Я видѣлъ какъ мой отецъ, который былъ крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, работалъ какъ волъ, и ѣлъ, также какъ волъ — мякину. Зналъ и видѣлъ, что работники непремѣнно должны были по воскреснымъ днямъ являться къ 8^мъ^ часамъ вечера для наряда на барщину. Тогда, управляющій, или sub — или sub — sub — управляющій давалъ приказъ кому, куда выходить на какую работу; при этомъ, онъ, хоть и такойже мужикъ какъ и всѣ, но уже не простой, а съ хворостиной въ рукѣ, всегда браковалъ орудія. Зналъ я, что этотъ глазастый магнатъ ломалъ сохи за то, что насошники коротки, и рубилъ бороны за то, что легки и малы; зналъ, что онъ безошибочно узнавалъ работника и лошадь волостнаго засѣдателя, форминдера,*) хозяина первой стати**), — этихъ онъ обходилъ и не замѣчалъ каковы у нихъ орудія; имъ и работа назначалась не тяжелая: пахать гдѣ по легче, или слоняться на мызѣ, перетаскивая всякую мелочь. Совсѣмъ иное бывало съ работниками, которыхъ высылали хозаева второй и третьей стати; этихъ хворостина никогда не

*) Форминдерами (Vormünder) называютъ въ Лифляндіи низшихъ церковнослужителей, избираемыхъ изъ крестьянъ въ помощь пастору. Они извѣщаютъ пастора обо всемъ происходящемъ въ приходѣ, приглашаютъ его для исполненія требъ, побуждаютъ прихожанъ къ отбыванію повинностей въ пользу пастора, *прослушиваютъ* (экзаменуютъ) дѣтей и сами совершаютъ крещеніе надъ новорожденными, *по нуждѣ* — что впрочемъ въ Лифляндіи случается довольно часто, когда пасторъ въ отлучкѣ, или когда ему нѣкогда заниматься простыми крестьянами. Пр. изд.

**) Т. е. богатый, первостатейный хозяинъ. Пр. изд.

миновала при ревизіи орудій и за работою. Нечего дѣлать — поѣзжай домой за новыми орудіями. Справишь новыя — смотришь: на бороны еще приказываютъ навалить дерна (глыбы). Послѣ работы, къ субботѣ, лошаденки едва, сдва ноги волочатъ, такъ что работники тащатъ ихъ домой за поводъ и проходятъ съ ними въ часъ не болѣе версты, да еще съ долгими роздыхами. Случалось, что и работниковъ браковали, особенно малорослыхъ; а такихъ, въ то время, являлось множество; даже можно было опасаться, что во всемъ краѣ народонаселеніе выродится и наплодятся карлики. Такихъ обыкновенно гоняли назадъ свиней пасти, разумѣется — хлыстнувъ ихъ предварительно по спинѣ, хотя они со слезами завѣряли, что они высланы на работу хозяевами, такъ какъ они не дѣти и уже были на конфирмаціи.

Слышалъ я какъ работники, отправляясь на барщину выпрашивали у матерей своихъ другой рубашки и получивъ, надѣвали ее, приговаривая чутьли не съ улыбкою: „ну, теперь не такъ больно будетъ, не такъ скоро пройметъ палка!" Видѣлъ, какъ работники плакали, отправляясь въ праздники на винокурни, отбывать дневную и ночную работу, безъ хлѣба, съ однимъ картофелемъ. Они выпрашивали себѣ ради Бога браги; но имъ очень резонно отвѣчали: „а чѣмъ же мы будемъ быковъ и свиней поить? . . ." Господи! какъ глубоко прочувствовали мы слова Твои: и желаша насытити чрево свое отъ рожецъ, яже ядяху свиніи, и никтоже даяше (Луки 15, 16). Положительно, иной разъ приходило въ голову, что лучшебы родиться безсловеснымъ.

Видѣлъ я какъ и работницы, дѣвушки, плакали, отправляясь на мызу таскать огромные ушаты браги изъ винокурни въ хлѣва, и жаловались, что страшно трудно и тяжело. Видѣлъ, какъ по приходѣ домой, онѣ смазывали свои плечи, испещренныя ссадинами и гнойными ранами.

Видѣлъ и слышалъ, какъ дѣвушекъ таскала за косу и какъ отпускала имъ полновѣсныя оплеухи какая нибудь коровница. Впрочемъ, иногда сама барыня или дочь ея до того снисходила, что удостоивала собственноручно отщелкать по щекамъ или вытаскать за косу провинившуюся, а потомъ еще нажаловаться на нее мужу или папинькѣ, за что бѣдная получала еще прибавку звонкими оплеухами или *березовою* кашею. Слышалъ я какъ дѣвушки, иногда по цѣлымъ ночамъ, выли въ лѣсу какъ волчицы, выкликая оттуда, по приказу, какую нибудь заблудившуюся корову или телёнка.

Видѣлъ, какъ въ тёмные осенніе и зимніе вечера, въ слякоть, въ мятель, женщины плелись на мызу молотить, съ грудныкъ ребенкомъ на рукахъ, съ мѣшечкомъ картофеля на спинѣ, съ цѣпомъ черезъ плечо. Придетъ въ мызный овинъ, не успѣетъ отдохнуть, перевить ребенка, сжевать крошку черстваго хлѣба или закусить мерзлымъ картофелемъ — „берись за работу! семеро одного не ждутъ." Начиналась молотьба и продолжалась всю ночь. Не смѣй выходить изъ ряда!

Ребенокъ плачетъ, а мать ходитъ по барскому хлѣбу и какъ будто не слышитъ голоса дитяти! Она гуляетъ съ цѣпомъ въ рукахъ, захлёбываясь слезами . . . О, какъ горько, какъ тошно отзывается на душѣ это сдержанное всхлипываніе! Вамъ вѣроятно не случалось плакать такъ, чтобы другой не слышалъ? Нѣтъ! такъ вы никогда не плакали настоящими слезами и не знаете пользы и благодатной силы слёзъ. — Эти тайныя слёзы спасительны; онѣ однѣ предохраняютъ человѣка отъ отчаянія, а напротивъ ведутъ его къ покаянію . . . Попробуйте, и вы удивитесь сами, что будете плакать, зная явнаго виновника вашихъ слёзъ, а между тѣмъ, въ сердцѣ вашемъ не будетъ мѣста для гнѣва; вы совсѣмъ про него забудете и погрузитесь въ бесѣду съ Богомъ, то есть въ самоосужденіе.

Видѣлъ: какъ почти цѣлое лѣто, всѣ, кромѣ какой

нибудь дряхлой старухи, проживали на мызѣ, на барскихъ поляхъ. Тамъ обработывалась пашня, убиралось сѣно, воздвигались зданія, вырубались лѣса, выжигались сѣчи (лиды), расчищались и выравнивались новые поля и луга, расширялись старые. Работамъ не было ни начала, ни конца; онѣ шли колесомъ, безостановочно. Дома, на себя, крестьяне работали лишь въ продолженіи краткихъ паузъ мызныхъ работъ. Понятно, что поля крестьянъ не могли обработываться своевременно и какъбы слѣдовало. Часто крестьянскіе дворы пустѣли и тогда эти участки обработывалъ помѣщикъ на себя, но, разумѣется, не своими средствами; онъ подраздѣлялъ эту добавочную работу между наличными хозяевами, а всѣ плоды и доходы поступали въ мызные амбары. А когдаже удавалось мужику поработать на себя? — Право не знаю, но знаю, что не въ надлежащую пору.

Сѣно частенько косили весною. Подобно тому какъ раны на тѣлѣ, заживая постепенно умаляются и сжимаются, такъ точно поля у крестьянъ заростали съ краевъ, травою, а луга покрывались кустарникомъ. Ихъ убогія хаты кривились, перекашивались, боченились, прислапивались одна къ другой своими обнаженными рёбрами и наконецъ разваливались. Такъ и казалось, что пока хозяинъ съ работниками и работницами отбывалъ барщину, всё хозяйство его страшно самовольничало и не слушалось дряхлой старухи. Бывало: хозяинъ придетъ домой на пару дней, и видитъ съ грустью: сѣно не скошено, рожь уже сыплется, яровое поспѣваетъ, овинъ стоитъ безъ крыши, полъ въ избѣ, фундаментъ, изрыты свиньями, облизаны и обгложены коровами, овцами и козами; печь заняла свинья съ поросятами; и тошно станетъ хозяину глядѣть на такой безпорядокъ. Что дѣлать? Малодушный на все махнетъ рукой и скажетъ: а ну! пусть ихъ гуляютъ! пойду и я гулять — въ корчму!

Въ хлѣбѣ, мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною *путрою*, изъ негодной, ржаной или ячменной муки или крупы, съ приправой: зимою — ложки мерзкихъ, прогорькшихъ сыворотокъ, а лѣтомъ: съ подливкою козьяго молока, и тоже не безъ сыворотокъ. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да впрочемъ, это была не ѣда а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижь, которую выливаетъ на дворъ Русскій мужикъ, когда выполаскиваетъ квасную кадку. Такова была наша незабвенная *Путра*, которая пріобрѣла такую громкую славу, и намъ — Латышамъ, пошла въ придачу къ фамиліи! А неугодно ли еще отвѣдать нашей насущной похлёбки? Хоть одинъ пальчикъ обмокните въ эти выполоски и лизните языкомъ; не бойтесь, она же безъ соли. А! вамъ противно! А какъ же работники, отправляясь на барщину съ однимъ сухимъ хлѣбомъ, завидовали этому кушанью, которымъ лакомились сидѣвшіе дома? Правда впрочемъ и то, что послѣдніе завидовали хлѣбу работниковъ. Взгляните кстати и на хлѣбъ нашъ. Право, это хлѣбъ, не обманъ! Конечно, на видъ и на вкусъ, онъ походилъ не столько на хлѣбъ сколько на торфяную кочку. — Такъ и хрустѣлъ на зубахъ; я ѣдалъ его, хотя и недосыта, не давали, вотъ бѣда! Зимою, всё говорили: пусть остается хлѣбъ на сѣнокосную пору; а лѣтомъ была своя отговорка. А какъ любили мы этотъ хлѣбъ, какъ дорожили имъ! Бывало: если хоть крошка упадетъ на землю, то непремѣнно отъищешь, дунешь и съѣшь; если и грудной ребёнокъ, въ капризахъ, броситъ корку хлѣба, то это и ему никогда не прощалось.

Когда батракъ или батрачка, съ барщины, приходили домой, мы дѣти, бросались къ нимъ на встрѣчу, хватали мѣшекъ, развязывали, выгребали крохи, открывали лубошку и тамъ почти всегда находили завѣтную корку хлѣба, а иногда и крошки конопли. И батракъ или ба-

трачка, съ флегматическою улыбкой, всегда бывало надѣлить насъ всѣхъ, соразмѣряя доли съ возрастомъ, старшему по больше, младшему меньше, по нисходящей линіи. И съ какою алчностью мы съѣдали и сосали эти крохи. Тѣ изъ насъ, которые были по старше, прятались по угламъ отъ младшихъ, зная напередъ, что послѣдніе раньше всѣхъ покончатъ съ своими порціями, а потомъ станутъ просить и отнимать у старшихъ. Мы точно походили на голодныхъ котятъ.

Взглянулибы вы еще на супъ изъ нечищеннаго картофеля или на печеный картофель; но, чуръ! не лупить, а только слегка повалять въ ладоняхъ, обдуть золу и песокъ, а потомъ глотать какъ есть, съ мундиромъ! А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Лифляндіи не было хлѣба. Хлѣба было достаточно, только, по милости владѣльцевъ, почти весь хлѣбъ шелъ не на пищу, а на питье. Хлѣба у насъ не было, а водкой — хоть пару поддавай.

Водка, въ то время и даже до недавняго времени, стоила въ Лифляндіи: на мызахъ — когда брали цѣлую бочку — 5. к. сер. штофка, когда полъ бочки или четверть — $7^1/_2$ к. сер. а въ корчмахъ 15 к. сер. Разсчитывайте сами, мои добрые читатели, сколько штофовъ водки можно выгнать изъ пуда муки? — и дайте сами себѣ отвѣтъ на вопросъ: былъ ли, или могъ ли быть голодъ въ этомъ краю, въ этомъ пресловутомъ раю*) въ сороковыхъ годахъ?

Водка гналась въ такомъже количествѣ какъ и прежде; хлѣба изводилось столькоже: столькоже откармливалось брагой быковъ и свиней; по тойже цѣнѣ продавалась водка, столькоже отправлялось ея въ Ригу, а былъ голодъ. Хлѣбъ стоилъ тогда почти два рубля серебромъ пудъ.

---

*) Намёкъ на извѣстную, старинную поговорку: *Лифляндія для дворянъ — рай; для купцевъ — золотое дно; для крестьянъ — адъ.* Пр. Издат.

Неужели изъ фунта ржаной муки можно выгнать штофъ въ 65 градусовъ?

Отправка водки, почти всегда, выпадала (не знаю почему) тоже во время крестьянскихъ посѣвовъ, покосовъ или уборки хлѣба, а чаще всего весною, во время пасхи и разлива рѣкъ, въ самое безхлѣбье, когда лошаденки смотрѣли пугалами. На всё это, господа, арендаторы, управляющіе не смотрѣли. Имъ что за дѣло, что у мужика нѣтъ хлѣба, а у лошадей уши въ горизонтальномъ положеніи. Они радѣли объ общей пользѣ и удовольствіи, ставили жирное и дешевое мясо и дешевую водку. Извѣстно, что городъ Рига ведетъ огромную торговлю. Кораблей, ежегодно, приходитъ около 2000, до 1000 струговъ; плотамъ и лодкамъ счету нѣтъ. Сколько тутъ народу? Всѣ, разумѣется, разсчитывали на нашу дешевку. Всѣ спѣшили, всѣ торопились, перебивали дугъ другу дорогу. Лифляндское, Курляндское и Эстляндское дворянство въ каретахъ; за ними — стада жирныхъ быковъ, за быками — тучныя свиньи, за свиньями — возы съ кормомъ, постилкой, мётлами для барскихъ лошадей и быковъ, а позади всѣхъ: по всѣмъ дорогамъ, спѣшили Латышъ, Литвинъ, Курляндецъ, Эстъ — тоже туда куда и всѣ, на своей кляченкѣ, безъ хлѣба, а съ красной бочкой, въ скрыпучей телѣгѣ, мѣсить грязь и глину, снѣгъ и песокъ. Махнатая лошаденка работаетъ всѣмъ своимъ существомъ: ногами, грудью, машетъ головой, то въ одну, то въ другую сторону, тычетъ мордой въ землю, карапкается, полѣетъ впереди барской бочки, и, кажется, чѣмъ то занята очень интереснымъ. Шагили считаетъ, или показываетъ свою прыть и силу и шутитъ надъ своимъ хозяиномъ, что „я молъ немного дюжѣе тебя.“ Но только, взбираясь на гору, постоянно останавливается и озирается по сторонамъ, очень вопросительно. Зная, что въ трудныя минуты, хозяинъ всегда является къ ней на помощь, вѣрно

и тутъ она его высматриваетъ и думаетъ про себя: да гдѣжъ хозяинъ — то? чтожъ онъ нейдетъ помогать? Тутъ, хозяинъ заткнетъ трубку, засунетъ ее въ штаны и впряжется въ пристяжку. Уцѣпится самъ за деревянную постромку, и работаютъ оба усердно, душею и тѣломъ; кажется, и гора то какъ будто немного сдвинулась съ мѣста; лошаденка такъ вытянулась, что и въ оглобляхъ нѣтъ мѣста, а ужъ заднія ноги подъ передкомъ, и на колѣни станетъ — а бочка нейдетъ вверхъ. Тогда, уцѣпятся всѣ извощики за одну бочку; кто за постромку, за гужи, кто за конецъ оси, кто сзади, напираютъ и руками и головой; кто, ухватившись за деревянныя, грязныя спицы колёсъ, усерднѣйшимъ образомъ вертитъ колесо; того и гляди: весь шаръ земной повернется въ другую сторону или совсѣмъ опрокинется! — За эти труды, полуголодные извощики, въ награду себѣ просверливали бочки, выпускали водку, продавали ее, сами упивались до смерти. Затѣмъ, бочка дополнялась водою, но при сдачѣ, это воровство обнаруживалось и даромъ не обходилось, по правиламъ строгаго правосудія. Впрочемъ, наказанія мало помогали: только и было утѣшенія что водка.

Она хороша была тѣмъ, что не нужно было далеко за нею идти; она сама стерегла и ловила Латыша на всѣхъ перекресткахъ и, такъ сказать, навязывалась ему, и притомъ не одна, а со всѣмъ своимъ скарбомъ, со всѣми своими неразлучными спутниками: лѣнью, воровствомъ, развратомъ. Да, многихъ моихъ братьевъ сгубила ты, дешевка!

И откуда, какими судьбами и путями могла ты пробраться въ нашъ бѣдный, безхлѣбный край? О дешевка! ты, для насъ, была слишкомъ дорога! Ты высасывала всё доброе изъ зерна, намъ и шелухи не оставляла, а лишь одну мякину; тоже самое ты дѣлала и съ людьми.

Гибни же и ты теперь! Пусть могила твоя поростетъ терніемъ и крапивою, и пусть оплакиваютъ тебя тѣ, для которыхъ ты была полезна и выгодна. Пусть ставятъ тебѣ памятники, хоть изъ бочекъ, трубъ, чановъ и котловъ, разваливающихся и гніющихъ теперь безъ употребленія, на упраздненныхъ винокурняхъ! Мы же радуемся твоей кончинѣ; по крайней мѣрѣ, ты уже не въ состояніи причинять намъ теперь и десятой доли прежняго зла.

Представьте же себѣ какія чувства могъ питать Латышъ къ дворянству, которое лишало его хлѣба и опаивало водкою. Я помню, какъ мой отецъ всё чаще и чаще плакалъ. Сидѣлъ онъ задумчивый и грустный; часто бормоталъ про себя: нѣтъ болѣе житья! что дѣлать? Ничего не придумаешь! Работаешь день и ночь, лѣто и зиму: а спроси: изъ — за чего? Изъ за дурной мякины, какъ блудный сынъ! Иное дѣло, еслибы Господь наказывалъ неурожаями, градомъ, мокротой или засухой; но этого нельзя сказать, даже и подумать грѣшно! А всётаки долженъ умирать съ голоду. Живешь — хуже скота! Коптишься какъ окорокъ въ овинѣ; бьютъ тебя какъ собаку, безъ суда и расправы; да еще смѣются и говорятъ: „иди жаловаться!“ Конечно! попробуй; еще получишь .. Ну, просто, хоть живой ложись въ гробъ!

Писаннаго контракта съ помѣщикомъ не было. Тогда они не были въ модѣ и не употреблялись — также и законы. Можетъ быть, они и существовали; но хранились гдѣ нибудь очень далеко, а во всѣхъ случаяхъ руководствовались лишь преданіями и устными изрѣченіями der Gutsverwaltung. Деревянная бирка — вотъ твой контрактъ.

Взялъ полѣно и сострагалъ контрактъ; помѣщикъ одобритъ, возметъ себѣ половину, другую отдастъ тебѣ.

Нарѣжутъ крестиковъ столько, что ты и счетъ по-

теряешь.*) Когда, наконецъ, сводились счеты и оказывались лишніе, переработанные дни, попросишь у помѣщика или у его управляющаго вознагражденія, а онъ отвѣтитъ: „пусть они лучше зачтутся въ будущемъ году или полугодьѣ, или пусть остаются въ пользу будущаго хозяина, а ты иди внизъ — тамъ староста дастъ тебѣ шнапсу“ — это уже была милость на милость. А если бывало разсердится, то или посадитъ къ тебѣ на выгонъ новаго хозяина, или выгонитъ изъ дому. Что вздумаетъ то и сдѣлаетъ. Къ кому пойдешь жаловаться и съ чѣмъ пойдешь? Контракта нѣтъ; что предъявишь, когда судья (другой помѣщикъ) закричитъ на тебя: покажи контрактъ? Суды! Да мы и дороги не знали въ суды высшіе, а если когда и бывали тамъ, то ходили не по волѣ, а связанные и подъ конвоемъ. Идти въ судъ значилобы тоже самое, что самому помѣщику жаловаться на помѣщика. Ужъ лучше ложись тутъ же, на мѣстѣ. Получилъ пятнадцать (палокъ), заплатилъ пятнадцать коп. серебромъ,**) поцѣловалъ руку и дѣло съ концемъ, впередъ будешь умнѣе, не станешь грубить.. Вотъ тебѣ и всѣ суды со всѣми законами!

Ктожъ утѣшитъ, кто заступится? Пе пастырьли духовный? Нѣтъ: „воронъ ворону глазъ не клюётъ“ гласитъ пословица.

А впрочемъ, посмотримъ, что дѣлали и что подѣлываютъ наши отцы духовные — пасторы. Далеко намъ до нихъ, такъ они умны, учены и набожны; посмотрите

*) А какъ это все хорошо выходило въ печатномъ Положеніи и какъ этимъ любовались въ Петербургѣ: контрактъ, полюбовная сдѣлка, свободныя отношенія! Пр. издат.

**) Въ Лифляндіи, еще недавно, существовалъ обычай съ высѣченнаго взыскивать деньги за розги. Утѣшительно вспомнить, что онъ отмѣненъ въ 1845 году, Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ (нынѣ Императоромъ Александромъ II) во время отсутствія покойнаго Императора за границею. (Отношеніе Министра Внутр. Дѣлъ Гр. Перовскаго къ Генер. Губ. Головину 8 Дек. 1845 г. № 3569.

какъ высоко они устроили себѣ каѳедры, надъ самымъ престоломъ, подъ самымъ потолкомъ. Оттуда громятъ они свою паству грозными обличеніями. Но не въ этомъ дѣло; не громкія слова намъ нужны, а добрыя дѣла, безъ которыхъ и вѣра мертва. Взглянемъже на дѣла. Но съ чегобы начать? А хотьбы вотъ съ чего:

Въ нашей волости N., проживалъ нищій по имени Петръ; былъ онъ не то чтобы совсѣмъ безъ ума, а такъ себѣ, съ очень небольшимъ притязаніемъ на человѣческій умъ. Бывало: дадутъ ему въ руки ложку, онъ хлебалъ ложкой; не дадутъ: пилъ и такъ путру — ртомъ, какъ телёнокъ. Которую изъ лаптей надѣвать на правую ногу и которую на лѣвую — этого онъ узнать никогда не могъ. Пальцамъ своимъ счета не зналъ; платье надѣвалъ какъ попало; на изнанкули, такълй какъ слѣдуетъ, было для него всё одно. Спать ложился когда вздумаетъ, вставалъ когда выспится, требовалъ кушанья когда захочется, иногда среди ночи. — Ухаживать за нимъ нужно было внимательнѣе чѣмъ за малымъ ребенкомъ. Въ кирку онъ не ходилъ, да и не пустили бы, на конфирмаціи не былъ, къ Причастію не допускался. Онъ содержался поочередно каждымъ хозяиномъ одну недѣлю. По истеченіи недѣли, въ субботу, его отправляли въ другой домъ. — Такъ онъ прожилъ 19 лѣтъ. Вотъ человѣкъ! Не человѣкъ, а скорѣе загадка: родился — не крестился, умеръ — не покаялся.

Въ 1840 или 1841 году, хорошенько не припомню — былъ Рекрутскій наборъ. Жребій съ №. 1 выпалъ работнику волостнаго. Парень былъ хорошій, по имени Иванъ. Волостной присовѣтовалъ ему подпоить полоумнаго Петра и нанять его вмѣсто себя. А дальше, что будетъ нужно, то ужъ дѣло мое. Сказано, сдѣлано. Вѣрный служитель алтаря и Царя выдалъ метрическое свидѣтельство; коммиссія, съ удовольствіемъ, приняла на

Царскую службу безумнаго Петра, а умный Иванъ остался на службѣ у волостнаго. И какъ еще пасторъ радовался счастью Ивана и волостнаго, какъ убѣждалъ не только Ивана, но и всю волость лобызать ноги у волостнаго!

И все это съ каѳедры! — Слава Богу! наша волость освободилась отъ пугала! Въ день ухода этого пугала, его родная сестра, Мадде, горько рыдала провожая его не только на Царскую службу, но и въ неминуемую могилу, проклиная волостнаго, помѣщика, а болѣе всѣхъ Пастора. Но ктоже слышалъ вой бѣдной дѣвки? Миръ праху твоему, Петръ: Не ты первый, не ты послѣдній, и не только изъ нашего прихода, но и изъ другихъ.

Вспомнивъ объ этомъ жалкомъ юродивомъ, я не могу кстати не упомянуть о тѣхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, которыя совершались повсемѣстно въ Лифляндіи по рекрутскимъ дѣламъ. По закону, то есть на бумагѣ, эта повинность отбывалась по жеребьевой системѣ, а на дѣлѣ, все зависило отъ вотчиннаго или мызнаго управленія (Gutsverwaltung), то есть отъ помѣщичьяго произвола, которому законъже предоставлялъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ неограниченную власть, и которому такъ называемыя *общественныя* учрежденія, волостные старшины, волостные суды и т. п. служили безгласными и покорными орудіями. Этотъ произволъ, узаконенный въ лицѣ помѣщика и всякаго кому онъ передасалъ свои права (арендатора и управляющаго) былъ тѣмъ ужаснѣе, что именно въ рекрутскихъ дѣлахъ, онъ не только служилъ интересамъ, прихотямъ и страстямъ самаго помѣщика, но сверхъ того, безпрестанно возбуждался и приводился въ дѣйствіе домогательствами самихъ крестьянъ. Помѣщикъ освобождалъ отъ рекрутства тѣхъ, которые были ему нужны по его хозяйству и, владѣя правомъ увольненія, располагалъ самымъ надежнымъ средствомъ закабаливать себѣ лучшихъ работниковъ въ услуженіе почти безвоз-

мездное; при случаѣ, такъ какъ все отъ него зависило, онъ могъ также, сдачею въ рекруты, сбыть кого хотѣлъ изъ своей вотчины и этимъ средствомъ держалъ ее въ страхѣ. Съ своей стороны, крестьяне, всегда готовые на всякія жертвы для избавленія своихъ дѣтей и ближнихъ отъ военной службы, естественно обращались съ просьбами къ томуже всемогущему помѣщику, и конечно, въ подобныхъ случаяхъ, льготы и изъятія всегда доставались зажиточнымъ, исправнымъ хозяевамъ и должностнымъ крестьянамъ: волостнымъ старшинамъ, засѣдателямъ, сотскимъ, отличавшимся покорностью и умѣвшимъ угождать вотчинному правленію. Такимъ образомъ, въ средѣ волостныхъ обществъ, образовались цѣлые привилегированные классы, а вся тяжесть рекрутской повинности пала на бѣдняковъ, сиротъ, бобылей, вообще на тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ, въ которыхъ никто не нуждался, словомъ: на *быдло* — Iops.

Вотъ, между прочимъ, какъ это дѣлалось.

Вопервыхъ, помѣщикъ, или заступавшій его мѣсто, имѣлъ право выбирать изъ своей волости себѣ въ услуженіе: кучеровъ, конюховъ, садовниковъ, лѣсничихъ, къ нимъ помощниковъ, работниковъ для корчмарей и т. д. Онъ набиралъ ихъ изъ молодыхъ людей, недостигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, и, этимъ самымъ, они освобождались отъ жеребья. Во вторыхъ, крестьяне отбывавшіе должности по волости, форминдеры, зажиточные хозяева, имѣли право, съ согласія помѣщика, брать себѣ въ помощники по своему хозяйству одного изъ сыновей своихъ. Разумѣется, они выбирали того, который первый достигалъ двадцатилѣтняго возраста, и, по лѣтамъ, подлежалъ призыву. Эти помощники назывались *намѣстниками* хозяина, но они хозяйничали только для вида, а контрактъ или бирка (для учета повинностей) оставались у отца. Вся сила была въ томъ, чтобы попасть въ на-

мѣстники, потому что съ этимъ сопряжено было увольненіе отъ жеребья. Въ третьихъ, и бездѣтные хозяева могли также выпрашивать себѣ помощниковъ, для тойже цѣли, и выбирать ихъ въ любомъ домѣ. Случалось даже, хотя очень рѣдко, что выборъ падалъ на сына простаго работника, простой бобыльки, или на круглаго сироту, если онъ, съ ранняго дѣтства до девятнадцати лѣтъ, оставался въ услуженіи у хозяина, безъ жалованья, изъ одной одёжи, предварительно выношенной хозяиномъ, изъ какихъ нибудь штановъ сшитыхъ изъ старой юбки или дырявыхъ мѣшковъ. Я сказалъ, что подобные случаи бывали рѣдки; притомъ, они могли имѣть мѣсто только въ домахъ совершенно бездѣтныхъ хозяевъ. Но если у хозяина была хоть дочь, то ему ни за что бы не позволили взять въ помощники сына работника или бобыля; онъ долженъ былъ непремѣнно выбрать его изъ числа сыновей волостныхъ начальниковъ, форминдеровъ или хозяевъ первостатейныхъ. Это отъ того, что помощникъ предназначался въ преемники избравшему его хозяину, по смерти послѣдняго, или при жизни его, когда онъ по дряхлости сдѣлается неспособнымъ; при этомъ, принимая хозяйство, помощникъ получалъ и хозяйку, то есть онъ долженъ былъ непремѣнно жениться на дочери своего патрона — хозяина, а сдѣлаться мужемъ хозяйской дочери — объ этомъ сынъ бобыля, или работника, не посмѣлъ бы и подумать. Это было бы противно заведенному Нѣмцами *порядку*, несовмѣстно съ ихъ понятіями о *благоустройствѣ*, оскорбительно, почти безнравственно, какъ совокупленіе паршиваго волка съ овцою, какъ смѣшеніе *дня съ ночью, свѣта съ тьмою* (сами Нѣмцы взяли на себя трудъ намъ это разъяснить;*) да и пасторъ не

*) Смот. Газет. Эсти Постимесъ и Латыш. Газ. Mahjas Weesis за 1867 г. Пр. автора

повѣнчалъ бы такого брака. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, огласить; *работника и хозяйскую* дочь? Не даромъ въ народѣ поется пѣснь: „Кто ворону меду дастъ? Кто работнику хозяйскую дочь? Клюй вороненокъ болотный мохъ, бери работникъ дочь работницы!" — То что я описываю относится къ временамъ до 1845 года. Въ этомъ году, всѣ нѣмецкіе *добрые порядки* пошатнулись. Движеніе крестьянъ въ православіе вынудило правительство внимательнѣе и пристальнѣе всмотрѣться въ ихъ положеніе; обнаружилось много безгласныхъ, дотолѣ невѣдомыхъ злоупотребленій и, въ томъ числѣ, ограничены были поводы къ изъятію отъ призыва къ жеребью.

Что дѣлать? Нужда изощряетъ изобрѣтательность, и придумали вотъ что. У хозяина сынъ двадцати лѣтъ; по старой привычкѣ, отецъ идетъ къ помѣщику или къ управляющему: нельзяли, молъ, какъ нибудь, освободить сына отъ рекрутчины? — „Можно, говоритъ мызное управленіе, но вотъ на какихъ условіяхъ: контрактъ на твою усадьбу я переведу, законнымъ порядкомъ, въ приходскомъ судѣ, на имя твоего сына; въ глазахъ начальства и на бумагѣ, онъ будетъ хозяиномъ, на дѣлѣ же, заправлять всѣмъ, по прежнему, будешь ты, а сынъ товй пусть прослужитъ у меня на мызѣ. Я буду держать его якобы для того, чтобъ испытать: способенъли онъ быть хозяиномъ или нѣтъ, а тѣмъ временемъ, онъ по лѣтамъ уйдетъ отъ рекрутчины. Потомъ, если удастся, можно будетъ поступить также и съ другимъ твоимъ сыномъ." — Недолго однако продержалась эта продѣлка. Народъ, Богъ знаетъ какъ, пронюхалъ, что помѣщикъ не имѣетъ права увольнять отъ жеребья мызныхъ работниковъ и зароптала. Возникло дѣло, и мызныя управленія вынуждены были распустить подставныхъ хозяевъ по тѣмъ домамъ, на которые они имѣли контракты въ своихъ карманахъ. Но и къ этому придралось непривилегиро-

ванное быдло. „Какіе это, въ самомъ дѣлѣ, хозяева ни въ чемъ не похожіе на настоящихъ? Своего, кромѣ контрактовъ, у нихъ нѣтъ ничего: ни орудій, ни скотины, а получаютъ, какъ и мы, жалованье, отъ старшаго въ домѣ, отца или брата?" — Пришлось и тутъ уступить ропоту. Теперь отцы или старшіе (вышедшіе изъ лѣтъ) братья-хозяева, вмѣстѣ съ контрактами, стали дѣйствительно, а не фиктивно, сдавать хозяйства молодымъ, девятнадцатилѣтнимъ повѣсамъ. При этомъ, разумѣется, все-таки выговаривается тайное условіе (извѣстное впрочемъ волостному суду, помѣщику и приходскому суду), что новый хозяинъ не станетъ самовольничать и будетъ во всемъ слушаться старшаго. Но такая семейная сдѣлка рѣдко остается въ силѣ долѣе какъ до первой, домашней ссоры; обыкновенно, парнишка, неожиданно попавшій въ хозяева, скоро начинаетъ выживать старшихъ. На увѣщанія, онъ отвѣчаетъ ссылкою на контрактъ и, такъ какъ право на его сторонѣ, то онъ выигрываетъ дѣло, женится на дочери волостнаго старшины или форминдера и пріобрѣтаетъ приданое и сильныхъ покровителей. Передъ судомъ, онъ заявляетъ готовность отвести на своей усадьбѣ уголокъ престарѣлому своему отцу, если послѣдній согласится жить смирно, скромно, ни во что не вступаясь; а не то — милости просимъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, многіе старики, легкомысленно сдавшіе свои усадьбы сыновьямъ или братьямъ, лишились роднаго крова и пошли скитаться по міру. Есть еще лазейка. Если у родителей хозяевъ одна дочь и нѣтъ другихъ дѣтей, то эта единственная дочь, выбравъ себѣ жениха, тѣмъ самымъ освобождаетъ его отъ рекрутства. Понятно, что такая рѣдкая невѣста, съ такимъ приданымъ, у всѣхъ на примѣтѣ и что молодые люди за нею гонятся какъ борзыя за зайцемъ. Она же, зная себѣ цѣну, долго прихотничаетъ, бракуетъ и ломается;

наконецъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, рѣшается осчастливить какого нибудь молодаго поклонника, который дѣлается на всю жизнь ея крѣпостнымъ рабомъ. Да и какъ не важничать! Право, котораго лишился помѣщикъ — увольнять отъ рекрутчины, въ ея рукахъ. Такихъ невѣстъ, сыновья старшинъ и богатыхъ хозяевъ отыскиваютъ по всей губерніи. Скажутъ: не можетъ же домъ оставаться безъ хозяина? Единственная дочь не въ состояніи съ нимъ управиться, и, чтобъ хозяйство не пришло въ упадокъ, чтобъ было кому призрѣть стариковъ-родителей, необходимо, чтобъ тотъ, кто женится на дочери, оставался навсегда при нихъ. — Понятно — хотя впрочемъ, на практикѣ, часто случается, что проживъ нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ и приживъ дѣтей, зять выталкиваетъ старуху тещу или тестя, или обоихъ вмѣстѣ. Но вотъ что для меня рѣшительно непонятно: я знаю солдатскую жену; она правда еще молода, у нея трое дѣтей, мужъ отданъ въ службу. Ихъ было два сына; еще при жизни отца, старшаго И. отдали въ солдаты, а младшій Д. оставленъ въ домѣ, при престарѣлыхъ своихъ родителяхъ. Чтобъ было кому управиться въ домѣ, обшить и обмыть, этотъ Д. женился. Вскорѣ послѣ того, одинъ за другимъ, умерли его родители; овдовѣла его сестра и онъ назначенъ былъ опекуномъ къ ея дѣтямъ; самъ прижилъ троихъ дѣтей. Объявили наборъ: обыкновеннаго матерьяла, изъ котораго ставятся рекруты, то есть работниковъ и сиротъ, въ то время не хватило, и волостные начали подбирать недостающихъ, конечно не изъ своихъ сыновей, не изъ богатыхъ домовъ, а изъ безотвѣтныхъ, хотябы женатыхъ и семейныхъ. Въ числѣ другихъ, притянули и Д.: жребій выпалъ ему и его сдали. Никто не подумалъ, что жена съ тремя малютками остается одна безъ мужа, дѣти — безъ отца, племянники — безъ опекуна. Гдѣ же равноправность? Не помогло и то, что на этотъ разъ засту-

нался помѣщикъ и выговаривалъ волостнымъ. Вотъ до чего мы теперь доведены. Произволу, воспитавшему насъ и испортившему народную жизнь, удалось и въ среду угнетенныхъ крестьянскихъ обществъ внести раздвоеніе, раздоръ, вражду, взаимное ожесточеніе и зависть. Завелись и между нами привилегированные бара, и они теперь, къ неописанной радости нашихъ недруговъ, губятъ и грызутъ своихъ. Да неужелижъ мы, подданные одного Государя, никогда не доживемъ до той минуты, когда каждый, помѣщикъ и крестьянинъ, хозяинъ и бобыль, будетъ чувствовать надъ собою не палку, не капризъ, не произволъ, а одинъ общій, для всѣхъ обязательный законъ? Всѣ работники, бобыли, сироты ждутъ и просятъ одного: чтобъ былъ введенъ у насъ тотъ самый порядокъ отбыванія рекрутчины, какой существуетъ въ Россіи, или какъ они выражаются: чтобъ брали рекрутъ *и изъ фамилій*, по числу душъ, не обходя никого. Усадьбы въ Лифляндіи довольно велики. Я знаю напримѣръ вотчину, или волость, въ 500 душъ мужскаго пола; въ ней не болѣе 25ти крестьянскихъ усадьбъ; слѣдовательно, столько же привилегированныхъ семействъ, и это вовсе не исключеніе. Теперь, отсчитайте хозяйскихъ дѣтей, родню живущую съ ними подъ однимъ кровомъ, и сообразите сколько остается затѣмъ батраковъ, несущихъ на своихъ плечахъ всю тягость рекрутской повинности. Говорятъ, что законъ изданъ, и что мы и такъ живемъ подъ закономъ. Изданъ! Да не въ томъ дѣло. Неужели Россія до сихъ поръ не знаетъ, что Лифляндіею правитъ не законъ а обычай? И какая намъ польза отъ закона, котораго не исполняютъ и котораго никто изъ насъ не знаетъ? Да! не знаетъ, потому что не можетъ узнать, а не можетъ потому, что его скрываютъ отъ насъ, что намъ не объявляютъ, не истолковываютъ его; мало того: нерѣдко намѣренно измѣняютъ и искажаютъ его въ переводахъ

на мѣстный, народный, языкъ. Обратите вниманіе на переводы русскихъ законовъ и не довѣряйте этого важнаго дѣла людямъ, сознательно и преднамѣренно старающимся разобщить насъ съ Россіею*)

---

*) Не зная латышскаго языка, я, разумѣется, не могу лично засвидѣтельствовать справедливости, впрочемъ не разъ доходившихъ до меня слуховъ, о невѣрности переводовъ русскихъ законовъ на мѣстные языки. Не могу и отвергнуть этого слуха, зная по опыту въ какого рода переводахъ на руській или *quasi-руській* языкъ поступаютъ изъ канцеляріи генераль-губернатора Балтійскаго поморія, на разсмотрѣніе и утвержденіе высшаго правительства, нѣмецкіе проэкты тамошнихъ сословій. Многое, конечно, въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что, по господствующимъ въ томъ краѣ понятіямъ, право незнать русскаго языка и безцеремонно коверкать его составляетъ одну изъ привилегій мѣстныхъ чиновниковъ, служащихъ правительству, и одну изъ неприкосновенныхъ кондицій, которыми обусловливается ихъ вѣрность престолу. Но попадаются нерѣдко такія странныя неточности, для объясненія которыхъ предположеніе самой крайней небрежности или почти невѣроятнаго невѣжества оказывается недостаточнымъ. Для назиданія читателей, я приведу одинъ примѣръ, на удачу. Въ исходѣ 1849 года, вышло Высочайше утвержденное лифляндское крестьянское поземельное Уложеніе, разработанное на ландтагѣ 1847 года. Это Уложеніе составляетъ третій моментъ въ поучительной исторіи постепеннаго *ухудшенія* быта тамошнихъ крестьянъ. Въ русскомъ переводѣ (который разсматривался въ особомъ, остзейскомъ комитетѣ, въ департаментѣ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, утвержденъ покойнымъ Государемъ и, слѣдовательно, получилъ значеніе подлиннаго текста) мы читаемъ между прочимъ такого рода статьи: „пространства въ предѣлахъ повинностной земли лежащія, но, по вакенбуху не вошедшія *въ анымаы*, не принадлежатъ къ повинностнымъ дачамъ, если они, на планѣ помѣстья, именно не причислены къ выгонамъ.“ По русски это значитъ: участки, лежащіе въ чертѣ крестьянскаго надѣла, но по вакенбуху не принятые въ разсчетъ, не считаются составною частью крестьянскаго надѣла, если на планѣ дачи не причислены къ выгону (§ 14). Или: для поощренія земледѣлія, для обезпеченія денежныхъ *оброчекъ* и для удобнѣйшаго обращенія таковыхъ *оброчекъ въ недвижимое владѣніе* крестьянъ, дворянство учреждаетъ банкъ.“ На томъ языкѣ, который въ канцеляріи генералъ — губернатора слыветъ за русскій, *оброчка* значитъ оброкъ, *недвижимое владѣніе* значитъ недвижимая собственность; и выходитъ, что оброкъ можетъ *обратиться* въ поземельный участокъ, плата за квартиру — въ домъ. Все это значитъ: учреждается банкъ, для облегченія крестьянамъ платящимъ поземельный денежный оброкъ, возможности пріобрѣтать участки, которыми они пользуются, въ собственность (§ 23. п. 1). Или: „Каждый *оброчный участокъ имѣетъ право продать* часть своего поземельнаго *дохода* (банку)“. — Легколи догадаться, что это значитъ: каждому хозяину, платящему съ участка, состоящаго въ его пользо-

О созданіи въ волостныхъ обществахъ своего рода крестьянской шляхты и о проведеніи между нею и *быдломъ* возможно рѣзкой черты, пасторы хлопотали еще усерднѣе чѣмъ помѣщики. У первыхъ были при этомъ свои разсчеты. Хозяева ими возвеличенные и, при ихъ содѣйствіи, выдѣлившіеся изъ круга своихъ собратьевъ, разумѣется, должны были щедрѣе расплачиваться за требы. Случалось, что какой нибудь парень, попавшій на даровую службу къ помѣщику, управителю или пастору, таскался по кабакамъ, повѣсничалъ, развратничалъ, и, отслуживъ свой срокъ, выходилъ отъявленнымъ негодяемъ.

ванія, поземельный оброкъ, предоставляется право перевести часть этой повинности на банкъ. Все это конечно отъ безграмотности; но чѣмъ объяснить слѣдующее. Во многихъ статьяхъ Положенія, въ нѣмецкомъ текстѣ, говорится о правахъ der Gutsverwaltung (вотчиннаго или мызнаго управленія, по просту: помѣщичьей конторы), а въ русскомъ текстѣ, терминъ этотъ передается не однимъ, а *двумя* различными терминами, употребляемыми въ перемежку: *волостное* управленіе и *вотчинное* управленіе. (См §§ 334, 335, 336, 343, 347, 371 и др.) Такую шаткость терминологіи *въ законѣ* трудно объяснить; но вотъ къ чему она приводитъ. Изъ §§. 354 и 371, читатель узнаетъ, что старшины, предсѣдатели мірскаго суда избираются мірскимъ обществомъ и утверждаются *волостнымъ правленіемъ*; и такъ какъ волость соотвѣтствуетъ нѣмецкому Gemeinde и есть единица *общественная*, такъ какъ волостной старшина, волостной писарь, волостной судъ, волостной магазинъ, суть чины, учрежденія и заведенія *общественныя*, то читатель естественно приходитъ къ заключенію, что всѣ вышеупомянутыя должностныя лица, избираемыя обществомъ, *общественнымъ* (т. е. волостнымъ) правленіемъ и утверждаются. Такъ, вѣроятно, поняли эту статью графъ Киселевъ и графъ Перовскій, читавшіе Положеніе на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ, утверждаются они *помѣщикомъ* или его повѣреннымъ, и въ нѣмецкомъ текстѣ стоитъ не Gemeinde-Verwaltung, а Guts-Verwaltung. Случайно ли произошла эта ошибка, дающая совершенно превратное понятіе о сущности дѣла, или нужно было, именно въ эту капитальную статью, подпустить тумана и залѣпить глаза правительству? — Какъбы то ни было, проэктъ ландтага, въ этомъ переводѣ отрекомендованный княземъ Суворовымъ какъ идеалъ совершенства и благонамѣреннаго либерализма, удостоился утвержденія почти безъ измѣненій, *и дѣло объ устройствѣ быта крестьянъ Высочайше повелѣно зачислить рѣшеннымъ.* Однако, черезъ 11 лѣтъ, пришлось рѣшать его вновь; въ 1860 году, оказалось нужнымъ издать новое положеніе; и если когда нибудь правительство *серьезно* захочетъ положить дѣлу конецъ, то нельзя будетъ миновать новаго пересмотра, съ самаго начала. (Пр. Издат.)

Затѣмъ, онъ обыкновенно подбиралъ себѣ невѣсту изъ *такихъже*, то есть изъ числа прогулявшихъ всякій стыдъ съ разными „Gutsverwaltung'ами“ и тогда новая чета получала какую нибудь лачужку въ лѣсу, куда укрывала свой позоръ. А какъ бывало праздновались этого рода свадьбы! Что за пиры, что за проводы въ кирку и оттуда! Пасторъ оглашалъ точно не людей, а ангеловъ, приписывая имъ добродѣтели, которыхъ они и во снѣ не видали. Стыдно было слушать какими прилагательными онъ ихъ чествовалъ; да и самъ пасторъ, въ такихъ случаяхъ, жмурилъ глаза, не знаю отъ стыда ли, но не краснѣлъ. На мѣсто выбывшихъ, поступали во временную кабалу другіе и шли тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ народъ хорошій портился и становился никуда негоднымъ, а въ рекруты поступалъ отсѣдъ мѣстнаго народонаселенія.

Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ была исключительно посвящена интересамъ земнымъ. Они были ни болѣе ни менѣе какъ трубою дворянства. На каѳедрѣ — мѣдь звенящая, да еще дурно звенящая, и все на одинъ ладъ, да еще не въ тонъ. Задача ихъ жизни: какъ бы только сократить расходы и увеличить доходы; къ этому были устремлены всѣ помыслы и усилія: — какъбы накопить побольше, какими бы то ни было средствами, и оставить по себѣ столько, чтобъ сынъ могъ купить себѣ мызу. Поэтому, семейные пасторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ восресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва, едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой, и ладонью, и щелчками, и щипками, разумѣется — чисто по отечески.

Главнымъ ихъ развлеченіемъ было ходить на охоту

съ помѣщиками, и гонять звѣря стаями собакъ всѣхъ породъ и мастей. Это дѣлалось конечно для потѣхи, а не для какой либо корысти. На этихъ охотахъ бывало шумно, весело и задорно: умные, образованные, степенные люди разсказывали всякія небылицы, хвастались, врали, спорили и отпускали другъ другу колкости. Тѣмъ временемъ, разношерстная стая псовъ усердно работала и ногами и горломъ, гоняясь въ разсыпную за зайчикомъ, бѣленькимъ какъ комокъ снѣга, за этимъ хищнымъ лифляндскимъ звѣремъ*) Это я слышалъ и видѣлъ, а вотъ что я самъ испыталъ.

За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, къ исправленію ихъ должности, сгонялись Латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ, — то и дѣло устраивались облавы, или такъ называемыя: „*Клапперъ-яхты*.“ Въ воскресенье, въ мызной корчмѣ, отдавался приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ засвѣтло, въ такой-то деревнѣ, непремѣнно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ заговщиковъ на два дня кряду. Нечего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна — мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ, иди самъ хозяинъ, съ работницей или дѣвченкой. Слишкомъ малыхъ не принимали, потому что эти охоты устраивались все таки подъ предлогомъ истребленія волковъ, — дѣла серьезнаго и не безопаснаго.

Но мужики очень хорошо знали въ чемъ дѣло и тутъже, въ корчмѣ, потихоньку между собою пересмѣивались, говоря: „ну, развѣ что помѣщикъ или пасторъ, бѣгая за гончими, какъ нибудь изорвалъ свою старую волчью-шубенку; можетъ быть какой нибудь ласкутикъ

*) Крестьяне *обязаны* были, по наряду, выходить на облаву, *для* истребленія *хищныхъ* звѣрей; подъ этимъ предлогомъ, въ Лифляндіи какъ и въ Польщѣ, ихъ заставляли безвозмездно гонять зайцевъ. (Пр. изд.)

ея и остался на сучкѣ, а теперь хочетъ выгнать цѣлаго волка изъ лѣсу! дудки, мы знаемъ, что подъ волкомъ разумѣй зайцевъ.“

Къ назначенному часу начинали сбираться люди всякаго разбора: охотники на коняхъ, охотники пѣшіе, а кто въ санкахъ, въ телѣгахъ, въ дрожкахъ и всѣ съ ружьями. А мы, гончія, всѣ пѣшкомъ, но также не безъ орудій. Ну какъ въ самомъ дѣлѣ попадется волкъ! Поэтому, какимъ кто творилъ себѣ волка въ своемъ воображеніи, такое на скорую руку припасалъ и орудіе. Разъ, я захватилъ свиной пузырь и думалъ про себя: „попадись только волкъ, я его тресну такъ, что онъ махнетъ на дерево.“ И какихъ не было тутъ орудій? У кого колотушка изъ старой лопаты лифляндскаго произведенія; у кого кусокъ, неизвѣстно откуда добытый, ржавой жести; у кого высушенный пузырь съ нѣсколькими въ немъ горошинками; у инаго трещетка, у другого пучекъ лучинъ, а у иныхъ просто палки, которыми ударяли въ лѣсу по каждому дереву.

Нарядовъ не стану описывать; ихъ можетъ видѣть читатель на нищихъ, на деревенскихъ ярмаркахъ и церковныхъ папертяхъ. У меня бывали разныя одёжи: иной разъ отцовскій камзолъ, или полукафтанъ, такой длинный, широкій, съ нѣсколькими хвостами, и такими длинными, что въ лѣсу иной разъ оторопѣешь и оглянешься, точно чтото ползетъ за тобою. Дырамъ и прорѣхамъ не было ни счету, ни мѣры.

И поведетъ бывало лѣсничій эту мохнатую, полуголодную, двуногую стаю всѣхъ возрастовъ и половъ, а въ томъ числѣ и такихъ, о которыхъ на видъ трудно было сказать: что это, мальчикъ или дѣвочка? да и сами они едвали знали; — поведетъ къ лѣсу, разставитъ въ рядъ, на разстояніи отъ ста и болѣе шаговъ, какъ лѣсъ великъ, отдастъ приказъ: шумѣть какъ можно больше и громче, не забѣгать впередъ, не сходиться въ кучку, не отставать,

домой не бѣгать и т. д. Но эта инструкція не всегда соблюдалась, грѣшили противъ нея всѣ, и малые и большіе. Лѣсничій подастъ штурмовой сигналъ. Вотъ бы вамъ послушать, а описать я не берусь потому что самъ бывалъ въ этомъ дѣлѣ участникомъ а не слушателемъ. Это такая сумотоха, что и разобрать нельзя: крикъ, вой, лай, звонъ, дребезжаніе пузыря, ауканье, стукъ по деревьямъ. Подъ часъ мнѣ становилось такъ страшно, что волоса становились дыбомъ. Пузырь развяжешь и выпустишь воздухъ: слышалъ, что волки мясо любятъ; наконецъ разорвешь его, выберешь горошинки и съѣшь, а пузырь бросишь, чтобъ и духу мяснаго не было. Иной мальчуганъ такъ навостритъ лыжи со страху, что выбѣжитъ на охотниковъ прежде перваго зайца; охотникъ, съ досады, схватитъ его за макушку, выдеретъ за волосы и прогонитъ въ лѣсъ. Смотришь: бѣжитъ назадъ мальчуганъ, плачетъ и кричитъ, что шапку потерялъ, и проситъ вернуться поискать ее. Куда тутъ! До шапки-ли? Мимо идетъ большой и говоритъ: „иди впередъ, мы выгонимъ шапку изъ лѣсу!" И дѣйствительно, выйдутъ къ охотникамъ, и тутъ отдаетъ шапку тотъ самый охотникъ, на котораго налетѣлъ загонщикъ, и который оттаскалъ его за чубъ; а мальчикъ въ страхѣ и не замѣтилъ, что шапка осталась въ его рукахъ и твердо вѣритъ, что ее выгнали изъ лѣсу.

По опушкѣ стояли охотники, притаившись, какъ коты завидѣвшіе мышенка; тутъ и помѣщикъ, и пасторъ, корчмарь, докторъ, управляющій, кистеръ, аптекарь, староста, мужикъ сотскій, сынъ помѣщика, старшина, сынъ пастора, лакей и т. д. Имъ хорошо было, потому что у всѣхъ была съ собою закуска и фляжка съ теплеродомъ. А спроситека: намъ, голоднымъ шакаламъ, каково было бѣжать со страхомъ и трепетомъ, падая, озираясь, увязая, засоряя глаза, царапая лицо, путаясь въ сучьяхъ сосенъ

и ѣльника, перелѣзая черезъ повалившееся дерево, съ огромными сучьями, за которые иной разъ уцѣпишься и повиснешь на воздухѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Сгоряча не расчитаешь, что вѣдь цѣлый день или два нужно выдержать. Тутъ и гончая, четырехногая собака обратится въ коромысло, а тѣмъ болѣе двуногая. Перевалитъ за обѣдъ: тутъ вспомнишь, что всунулъ за подкладку стараго отцовскаго камзола корку хлѣба. Хвать, въ одну, въ другую: — нѣтъ корки. Еще пройдешь, еще и еще объищешь, нѣтъ какъ нѣтъ! Тутъ, къ ужасу, найдешь предательницу дыру въ длинномъ камзолѣ; вотъ куда улизнула моя корка! А какъ бы ты мнѣ теперь пригодилась! Смотришь: и народу то собачьяго какъ будто по меньше стало, особенно большихъ что то маловато! А! и они вѣрно въ дыру провалились и сидятъ теперь по домамъ, около печей, и грѣются. — До этого времени было жарко. Рубашенка взмокла отъ поту и сыплющагося съ ѣловыхъ сучьевъ снѣга. Грубые, портяные штанишки тоже мокры и лѣзутъ все ниже и ниже; ноги тоже, лапти отказываются служить; ужъ видна красная пятка. Самъ голоденъ; въ ляшкахъ сперва зудъ, а потомъ боль, и все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, становится невыносимо. Отцовскій камзолъ отказывается грѣть и даже показываетъ явное намѣреніе сползти съ плечь долой и какъ будто повторяетъ часто слышанное: охъ ты, мерзлякъ сопливый! Ты ужъ никакъ не на шутку готовишься плакать! Вотъ тебѣ впередъ наука! не пори горячку! На горячихъ, нетолько воду возятъ, но и слезы тоже!

Спустишь и засученные рукава, такъ что руки кажутся длиннѣе всего туловища; нужно согрѣться, но нѣтъ! Холодно! невыносимо холодно, весь окочепѣлъ! Голосъ отнялся, силъ тоже нѣтъ, и начинаетъ ужъ клонить ко сну. Кончилась наконецъ охота. Иди домой! а домъ то далеко, и точно нарочно уходитъ всё дальше и дальше

въ тьму ночную. Темно! страшно! Что дѣлать? Разумѣется что: затянуть ту пѣснь, съ которою родился на Божій свѣтъ, въ нѣсколько измѣненномъ тонѣ. Она начинается съ буквы „ы“, тянется долго, но больше вы ничего не услышите. Гончая обратилась въ теленка! А чрезъ недѣлю этотъ же теленокъ опять превращается въ гончую, бодрую и задорную. Встрѣчается съ товарищемъ отъ одного смычка и говоритъ ему: „мнѣ сегодня ѣсть не захочется“ и въ доказательство приставляетъ большой палецъ къ животу, по ниже сердечной ямочки и повыше пупка, колышетъ свой широкій животъ и говоритъ: послушай ка, Онджа! какъ нутра то играетъ; славно налакомился! Точно у добраго коня селезенка бьется: гукъ, гукъ, гукъ! Я и хлѣба то не взялъ, чтобъ рѣзвѣе бѣжать“ — Но смотришь, къ вечеру, этотъ хвастунъ опять дрожитъ и мычитъ.

Помню какъ теперь: въ послѣдній разъ я былъ на облавѣ въ ноябрѣ 1846 года. Въ этотъ разъ, я былъ не такъ ретивъ въ началѣ охоты и не такъ плаксивъ въ концѣ. Но какая то невыносимая тоска сопровождала меня туда и обратно. Не знаю: какая тому была причина? То ли, что хозяинъ погналъ меня вмѣсто своего работника, должно быть на томъ основаніи, что мы у него занимали квартиру великолѣпную, при самомъ овинѣ, безъ фундамента, безъ дверей, съ прогнившею, соломенною покрышей? То ли, что мать моя была больна послѣ двукратнаго, тюремнаго ея заключенія въ Ригѣ,*) больна при смерти и некому было подать ей напиться? То ли, что я уже былъ въ то время не сынъ хозяина, а сынъ горемычной, обиженной до глубины души, ограбленной самымъ наглымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, истерзанной, измученной, больной —

*) О причинѣ хожденія матери автора въ Ригу, будетъ говорено ниже. (Пр. изд.)

бобыльки? Жалость ли по добромъ отцѣ, который лежалъ въ сырой, дальней, чужой землѣ, и оставилъ насъ, не сказавъ намъ послѣдняго „прости“, не благословивъ насъ послѣднимъ, видимымъ благословеніемъ отца? То ли, что въ то время я уже былъ православный, и что всѣ надо мною смѣялись? А поводомъ къ насмѣшкамъ послужилъ святой крестъ, довольно большаго размѣра, который предательски высунулся изъ моихъ лохмотьевъ. Его замѣтилъ управляющій и указалъ другимъ, проговоривъ громко, внятно и ядовито: „вотъ и эта собака пришла со всѣмъ своимъ Кламберомъ“. — То ли, что этотъ самый управляющій былъ однимъ изъ первыхъ виновниковъ постигшихъ насъ бѣдствій? Что тутъ были на лицѣ всѣ злоумышленники и лжесвидѣтели, сгубившіе моего отца, и нагло радовались своему торжеству? То ли, что мы собрались въ той самой деревнѣ, гдѣ мы такъ недавно радовались и рѣзвились, а послѣ отпраздновали похороны отца? То ли, что на дверяхъ бывшаго нашего двора видны еще были трещины и дыры отъ дѣйствія лома и насошниковъ, которыми взломали двери среди бѣлаго дня, чтобъ вынести наше имущество и продать его съ аукціона? То ли наконецъ, что я долженъ былъ гонять зайцевъ въ тѣхъ самыхъ болотахъ и тундрахъ, гдѣ я еще такъ недавно пасъ стадо моего отца, рѣзвился, зябъ, голодалъ, насыщался, радовался, словомъ жилъ какъ малый лѣстной звѣрокъ, не вредя никому, кромѣ самаго себя, когда бывало слетишь съ березки на землю? — право не знаю . . . Но я невольно забѣжалъ впередъ и разговорился самъ съ собою припоминая былое время. Пора вернуться къ предмету.

Пасторы и сами содержали и содержатъ собственныя псарни, не пренебрегая и ружейною охотою. Иные изъ нихъ стрѣляли зря и во все: въ птицу ли, въ звѣря ли, попадая подъ часъ и въ своего прихожанина, сидящаго

около печки въ хатѣ, или въ женщину съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Бывали такіе случаи, и все сходило даромъ, все было ни по чемъ. Но, все это и многое другое, какъ говорится, моталось на усъ, хотя Латышъ и не носитъ усовъ — Когда нибудь можетъ и онъ ихъ отпуститъ; но все это впереди, далеко впереди.

Своимъ духовнымъ дѣломъ, пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а Латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ свои обязанности они сдавали своимъ помощникамъ, такъ называемымъ форминдерамъ, которыхъ наставили множество во всѣхъ деревняхъ. Эти форминдеры за нихъ крестили, принимали женщинъ съ сороковою молитвою, хоронили, совершали всякаго рода требы, кромѣ однако браковъ, и все это безвозмездно. Навѣщать больныхъ, ѣздить къ нимъ и напутствовать ихъ Св. Таинствомъ — это и теперь дѣлается рѣдко, а въ тѣ времена, пасторы даже какъ будто и не знали, что это ихъ непремѣнная обязанность. Они считали, и считаютъ, что попеченіе о больныхъ исключительное дѣло доктора, а докторъ былъ того мнѣнія, что это по части пастора. Пока они между собою спорили и сбирались размежеваться обязанностями, много поколѣній, много Латышей и Латышекъ, умерло, не встрѣтивъ помощи ни отъ того, ни отъ другаго. Ни тотъ ни другой въ хату Латыша не заглядывалъ. По части медицины обходились и должны были обходиться домашнимъ образомъ; требы исполняли форминдеры, слѣдовательно: къ пастору незачѣмъ было и ходить. Доктора съ аптекой замѣнялъ проныра — жидъ. У него были всѣ лѣкарства: перецъ и лавровыя ягоды противъ поноса; имбирь противъ зубной боли, и т. д. слѣдовательно, и къ доктору не зачѣмъ было ходить, да и не ходили; только разъ, мать приносила къ нему ребенка оспу привить. У насъ господствовали двѣ болѣзни: поносъ, отъ слишкомъ дурной и однообразной пищи, и горловая, отъ

слишкомъ дурныхъ помѣщеній. Помѣщики, пасторы и доктора, единодушно, признали перцовку и настойку на лавровыхъ ягодахъ, за единственное средство противъ поноса; поэтому и не давали ровно ничего отъ этой болѣзни, и мы должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ корчмарю и жиду. Противъ второй болѣзни, помѣщикъ отпускалъ намъ щедрою рукою, изъ своей аптеки — виноватъ — изъ своего амбара, безъ счета и мѣры, хоть цѣлый возъ: крысинаго помёта.*) Его нужно было мѣшать съ мёдомъ и ѣсть; но только мёду не давали, а помёта сколько угодно, хоть весь амбаръ выметн. И вѣдь дѣйствительно помогало! Мой отецъ лечился, я лечился, всѣ лечились, и взрослые и дѣти. — Добрый читатель! Вы посмѣетесь; васъ стошнитъ отъ одного чтенія; и господа наши тоже смѣялись, я думаю, и разсказывали какъ забавный анекдотъ про свое остроумное медицинское изобрѣтеніе, про это наглое свое глумленіе надъ простодушіемъ презрѣннаго Латыша. И чего не видѣлъ, чего не испыталъ я въ этомъ родѣ? Мы гибли какъ мухи, да и по правдѣ сказать, много ли мы были лучше мухъ въ глазахъ и понятіяхъ помѣщика, пастора и доктора?

Мы сами даже не дерзали звать пастора къ больнымъ. Бывало, только услышитъ слово „fiims“ больной — такъ и начнетъ барахтаться и отмахиваться, чтобъ поскорѣе убирались изъ его хоромъ. Иной разъ, болѣзнь самая обыкновенная, мужицкая, такая что никакъ не можетъ пристать къ благородному, къ пастору; напримѣръ: мужикъ раздробилъ себѣ ногу топоромъ и умираетъ безъ медицинской помощи, но желаетъ пріобщиться Св. Таинъ, а пасторъ всётаки кричитъ во всю глотку, что болѣзнь заразительна. Поэтому, онъ и не зналъ гдѣ и какъ жи-

*) Это не выдумка, не шутка, а дѣйствительный фактъ бывшій со мною и съ моимъ отцемъ. (Прим автора записокъ.)

ветъ и какъ умираетъ его прихожанинъ. Часто не зналъ къ нему и дороги, если не заходилъ въ ту сторону на охотѣ.

Попросятъ у него молитвы о больномъ или о домашнемъ хозяйствѣ; если проситъ хозяинъ и заплатитъ положенную цѣну, то пасторъ помянетъ съ каѳедры: волость, усадьбу, имя и прозвище хозяина, даже и жены его; если проситъ мужикъ первостатейный, то въ добавокъ нанижетъ столько похвальныхъ прилагательныхъ, сколько ихъ имѣется въ Латышскомъ діалектѣ, даже во всѣхъ степеняхъ.

А работникъ или бобыль и не приходи! Да и о чемъбы онъ сталъ молиться? Добродѣтелей свойственныхъ какому нибудь засѣдателю или хозяину первой руки, онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Животныхъ тоже никакихъ не имѣетъ, кромѣ развѣ самаго себя, да и то негоднаго. Затѣмъ, нѣтъ и не будетъ ни мелкаго, ни крупнаго скота, ни даже птицы. У хозяина всётаки есть хоть какое нибудь четвероногое и курица съ цыплятами; поэтому, послѣ похвальныхъ прилагательныхъ, можно помолиться: „о мелкихъ животныхъ, о лошадиной силѣ и обо всёмъ домашнемъ скарбѣ.“ *)

Школъ для крестьянъ тогда не было вовсе. Да и не было въ нихъ надобности — такъ разсуждали пасторы. „Латышъ — мужикъ (баурисъ) такъ глупъ и безтолковъ, что нѣтъ возможности чему либо научить его“ или: „да стоитъ ли каждаго баура учить? Еще вздумаетъ умничать.“

Эти отзывы я слышалъ много лѣтъ, слишкомъ 18 лѣтъ, въ разныхъ мѣстахъ Лифляндіи, и всё отъ стариковъ и старухъ. Всѣ говорили и говорятъ одинаково, безъ всякихъ прибавленій или варіантовъ, слово въ слово.

*) Буквальный переводъ молитвенной формулы на Латышскомъ языкѣ. (Пр. издат.)

Какимъ образомъ, отъ кого сами крестьяне это узнали, мнѣ неизвѣстно; но несомнѣнно, что они повторяли повсемѣстно эти объ нихъ сужденія и повторяли съ негодованіемъ, особенно на пасторовъ. Итакъ, школъ у насъ не было. Доказательствомъ тому можетъ служить и статистика барона Гершау, въ которой этотъ баронъ перевелъ между прочимъ на Русскій языкъ Лифляндскіе законы, съ маленькими прикрасами. Онъ начинаетъ статью о школахъ въ Лифляндіи, не съ 1819 года, когда Лифляндія, по оффиціальнымъ бумагамъ, избавилась отъ крѣпостнаго права, а съ 1848 года. Почему? Потому, что не захотѣли сказать всей правды. Позвольте сдѣлать маленькое отступленіе и исправить статистику барона Гершау, разумѣется — не всю, на это бы не достало времени! Почему началъ онъ именно съ 1848 года? А потому, что Православіе тогда уже имѣло три года отъ роду въ Лифляндіи, и, съ перваго же шагу устроило, втиснуло въ тѣсныя квартиры причтовъ, при всѣхъ церквахъ, приходскія школы. А въ самомъ городѣ Ригѣ, существовалъ уже однолѣтній младенецъ подлѣ самаго Верманскаго Сада. Имя этому младенцу дали такое: „Рижское Православное Духовное Училище“, съ переводомъ на Латышскій языкъ подъ Русскою надписью.

Это было любимое насажденіе дорогаго намъ всѣмъ Латышамъ и Эстамъ, незабвеннаго Филарета, епископа Рижскаго. Туда вписалъ онъ и меня, по смерти моего отца, едвали не первымъ въ число учениковъ, за два года до открытія заведенія, именно въ 1845 году, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, и далъ слово моей матери, что одинъ изъ ея сыновей будетъ принятъ въ училище, а если будетъ угодно Богу, то будетъ и священникомъ. И это слово свое онъ сдержалъ.

Это-то училище, помѣщавшееся въ одной изъ лучшихъ частей города Риги, да еще съ Латышскою надписью

золотыми буквами на голубомъ полѣ, сильно кололо Нѣмцамъ глаза, какъ молчаливый упрекъ и обличеніе ихъ безучастія къ намъ. И не мудреная кажется надпись: „Рижское, Православное, духовное Училище" но промежъ строкъ читалось вотъ что: по православному Русскому обычаю, помолившись усердно Богу, мы принимаемся за дѣло трудное и новое; мы попробуемъ, дѣйствительно ли Латышъ и Эстъ — бауръ грубѣе и глупѣе лѣснаго звѣря и неспособенъ ничего воспринять? Мы попробуемъ, нельзя ли изъ нихъ, изъ этихъ отверженцевъ, воспитать и приготовить священниковъ, а тамъ и наставниковъ? — Понятно, что это многимъ не нравилось.

Я долженъ однако оговориться, чтобъ устранить возраженіе: бывали конечно примѣры, что и Нѣмцы учили Латышей; но образованіе предлагалось имъ подъ непремѣннымъ условіемъ забыть свой родной языкъ и даже усвоить себѣ Нѣмецкій выговоръ, выучиться картавить какъ Нѣмцы и передъ каждымъ Латышскимъ словамъ, нѣсколько разъ повторять беззвучную, Нѣмецкую букву; ö, ö, ö.

Эта часто, передъ каждымъ словомъ повторяемая буква, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что говорящій уже не Латышъ, а выработанный изъ Латыша Нѣмецъ. Онъ какъ будто сбирается плюнуть на свой родной языкъ, и знайте — на вѣрное: вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ старается забыть о своемъ присхожденіи, онъ гнушается его и обижается, когда ему напоминаютъ, что онъ всётаки Латышъ, хотя и выучившійся ломать свой языкъ.

Рѣдко, очень рѣдко, выходилъ изъ училища какой нибудь *выродокъ* — по Нѣмецкимъ понятіямъ, а по нашимъ: здоровый и зрѣлый плодъ привитаго къ Латышскому корню образованія. Изъ тѣхъ, которые, научившись чему нибудь, отдавали себя на службу Нѣмцамъ, изъ за куска хлѣба, мало по малу слагался какъбы особый классъ

отступниковъ отъ своей народности, нѣчто въ родѣ лифляндской мелкой „шляхты." А тѣ, которые учились для того чтобы принести пользу своимъ братьямъ, дѣйствительно нуждающимся въ руководителяхъ, и оставались вѣрны своему призванію — тѣ заранѣе обрекали себя самой жалкой участи и неутомимымъ, разнообразнымъ преслѣдованіямъ, какія только могла придумать изобрѣтательная злоба Нѣмцевъ.*)

Система пасторовъ сводилась къ слѣдующему правилу: если Латышъ получилъ образованіе, то онъ долженъ окончательно отступиться отъ своихъ единоплеменниковъ и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Нѣмца. А не то, для Латыша достаточно и того образованія, какое онъ получаетъ отъ матери за прялкой, при свѣтѣ березовой лучины, и отъ пастора на конфирмаціи.

О конфирмаціяхъ нужно поговорить обстоятельнѣе; дѣло этого стоитъ.

Для пасторовъ, конфирмаціи были очень выгодны. Какихъ нибудь 200 или 300 молодыхъ людей согнанныхъ вмѣстѣ работали въ его пользу и на его удовольствіе: чистили дворъ, дорожки въ саду, возили, навозъ, за недостаткомъ вилъ, руками собирали помётъ и валили въ телѣгу; дѣвушки стирали бѣлье, щипали перья и т. п.

Вечеромъ, приходилъ пасторъ и спрашивалъ по одиночкѣ каждаго и каждую: „какая у тебя вѣра?" Но это продолжалось недолго; ему становилось скучно и онъ уходилъ, сказавъ намъ на прощанье жалобнымъ голосомъ: „милыя дѣти! я больше не могу говорить, у меня болитъ голова." Правда, иногда, для разнообразія, онъ приносилъ магнитъ и показывалъ какъ бѣгаетъ за нимъ стальная иголка.

---

*) Стоитъ только напомнить имена Безбардиса и обоихъ Петерсоновъ. Пр. издат.)

На конфирмацію собирали парней отъ 18 до 25 и дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Ночевать ходили всѣ вмѣстѣ въ корчму и спали въ одной залѣ. Шумъ, крикъ, щипаніе, визгъ, смѣхъ, плачь, ругательства, брань и драки! Чистѣйшій Содомъ и Гоморръ! Парни выбирали невѣстъ; дѣвушки высматривали жениховъ. Тутъ ревновали, сплетничали, ссорились, плакали, смѣялись, торжествовали, выкидывали разныя шутки, разумѣется, самаго неприличнаго свойства. Много было между наличными и такихъ, которыя уже успѣли вкусить запрещеннаго плода; всѣмъ хотѣлось вкусить его поскорѣе. „Ну чтобы“ — думала иная — „этому молодцу взять меня ночевать съ собою; я бы, и ламаться не стала, а то просто смерть, привязался этотъ сопливый табачникъ! Я же хозяйская дочь и онъ хозяйскій сынъ!“ — Надобно знать, что до 1846 года, за величайшій грѣхъ и преступленіе считали: дочь хозяина просватать за работника (батрака) или сыну хозяина взять за себя дочь работника или бобыля. — Это тоже былъ плодъ ученія г. г. пасторовъ. Парни сильно дрались изъ за невѣстъ, дѣвушки злобно ругались изъ за жениховъ. Приходили и изъ сосѣднихъ деревень парни уже бывшіе на конфирмаціи спать къ дѣвушкамъ конфирмаціонкамъ. Съ конфирмаціи только позволялось и позволяется парню и дѣвушкѣ спать вмѣстѣ, а до конфирмаціи, это преступленіе строго наказывалось.

За то, послѣ конфирмаціи, давалась полная воля.

Этотъ обычай древній, очень древній, можетъ быть идущій отъ временъ язычества, какъ будто признанъ христіанствомъ и освященъ конфирмаціями. Въ этомъ находили свои выгоды пасторъ и помѣщикъ. На барщину, гдѣ только производились работы обоими полами вмѣстѣ, парни и дѣвушки сами охотно напрашивались; по тойже причинѣ рвались и на конфирмаціи. Такое ужъ было заведеніе, что нужно непремѣнно поспать вмѣстѣ нѣсколько

ночей, а иногда и нѣсколько лѣтъ, и затѣмъ уже можно свататься, а безъ этого нельзя.

Вотъ что значили эти конфирмаціи. Онѣ то послужили поводомъ, прикрытіемъ и оправданіемъ той безнравственности, которая до того достигла у Латышей, что отцы и матери не стыдятся уступать свою кровать дочери и повѣсу съ нею связавшемуся, если онъ попотчивалъ ихъ шнапсомъ, а сами ложатся на сырую землю. О! пастыри душъ — развратители, а не пастыри! Вы все это знали и видѣли, все покрывали, всему творили поблажку Какой то отвѣтъ вы дадите за насъ?

Загляните лѣтомъ въ Лифляндію и особенно, въ Курляндію: дѣвушка, дочь хозяина, бывшая уже на конфирмаціи, съ ранней весны до поздней осени, ночуетъ въ клѣти. Въ субботу вечеромъ, она украшаетъ эту свою спальню цвѣтами и вѣтвями, посыпаетъ полъ листьями и пескомъ, стѣлетъ бѣлую простыню, ставитъ столикъ и сальный огарокъ; мать готовитъ блюдечко свѣжаго масла, грѣтаго творогу, сыру, сладкаго молока, ложки по числу ожидаемыхъ повѣсъ. Затѣмъ ложатся и ждутъ прибытія домовыхъ. Для пущей важности, запрутся изнутри и пропустятъ въ засовъ небольшую лучину. Это для того, чтобъ гость не могъ отворить ее сразу, а долженъ былъ стучаться, проситься, отпускать прибаутки и ласки, отъ которыхъ уши краснѣютъ. Тутъ онъ бывало прикинется и купцемъ, и жидомъ съ перцомъ, лавровыми ягодами, свинымъ табакомъ,*) и коноваломъ и нищимъ и даже мясникомъ. Впрочемъ, послѣднее слово считалось обидою; какъ разъ щелкнетъ замокъ и уже непопадешь въ клѣть а услышишь извнутри такого рода отвѣтъ: „иди въ хлѣва, здѣсь коровъ яловыхъ нѣтъ.“ — Это значило: иди къ батрачкамъ, которыя ночевали въ соломенномъ сараѣ,

*) Какоето растеніе, употребляемое для леченія свиней. (Пр. изд.)

около хлѣвовъ или въ самомъ хлѣву. Сорвавшееся съ языка слово „мясникъ“ нужно было искупать долгими мольбами, стоя у дверей, во тьмѣ кромешной. Затѣмъ, умилостивленная красавица потихоньку подойдетъ, отопретъ дверь и начнетъ осмѣивать гостя разными колкостями, наконецъ назоветъ его безсильнымъ; тогда онъ упрется въ дверь, лучинка переломится и повѣса растянется на полъ, при громкомъ хохотѣ. Сядутъ, наѣдятся и лягутъ, каждый къ своей безстыдницѣ. Пріѣзжаютъ всегда верхомъ, иногда изъ далекой стороны, особенно къ дочерямъ какого нибудь волостнаго засѣдателя, форминдера или хозяина первостатейнаго; лошадей оставляютъ за воротами, на свободѣ; пусть себѣ идутъ, куда глаза глядятъ, и покормятся. Эти лошади, иной разъ надѣлаютъ столько убытка, что бывало досадно до слезъ смотрѣть на истоптанныя, вытравленныя поля и разбросанныя копны. Иной повѣса таскался такимъ образомъ до сѣдыхъ волосъ и не одну оставлялъ съ плодомъ незаконной любви, не у одного хозяина травилъ скирды хлѣба. А отецъ хозяинъ не смѣлъ обижаться. Много вреда, грѣховъ, преступленій, даже убійствъ понадѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать этотъ нехристіанскій, языческій обычай. Надобно было видѣть, какъ грызлись эти псы, когда бывало ихъ соберется много, и каждый хочетъ быть обладателемъ одной красавицы. Послѣдствій не стану описывать: гдѣ любовь растрачивается, тамъ не можетъ быть и нѣтъ супружескаго счастія.

И все это такъ въѣлось въ нравы, что столѣтія не изгладятъ поскудныхъ дѣлъ и обычаевъ моихъ братьевъ!

Время на конфирмаціяхъ проводилось такъ весело, что возвращаясь оттуда, парни ревѣли, а дѣвки пищали. Причина ихъ горя пастору была извѣстна лучше чѣмъ кому либо; но онъ почемуто считалъ нужнымъ притворяться незнающимъ и напутствовать насъ трогательными

рѣчами: „вижу, милыя дѣти — говаривалъ онъ — что вамъ жаль со мною разстаться! Вѣкъ бы жили у меня, подъ моимъ надзоромъ, какъ цыплята подъ крыльями; вѣкъ бы слушали мои поученія! Все это я знаю! объ этомъ свидѣтельствуютъ ваши слезы! ... Но, увы! Наступила минута разлуки. Вы знаете, что она неизбѣжна. Берегите и храните все то, чему вы отъ меня научились, не забывайте меня. Я всѣ свои силы, всё свое знаніе, весь умъ, открылъ вамъ. Не оставляйте меня, посѣщайте храмъ Божій. Вы теперь и между собою сдружились, а потому, если кого постигнетъ печаль, тотъ приходи сюда и здѣсь онъ встрѣтитъ знакомыхъ и любимыхъ братьевъ и сестеръ!“ — Иногда пастору удавалось самаго себя довести до слезъ; плакали и слушатели, только не о пасторскихъ куриныхъ перьяхъ не о навозѣ, даже не о его магнитѣ, а совсѣмъ о другомъ. Эти минуты бывали забавнѣе моихъ облавъ.

Собирали и собираютъ на конфирмаціи всегда весною, за двѣ недѣли до Вербнаго воскресенія, гдѣ Латыши позажиточнѣе, а гдѣ господствовали положительная бѣдность и постоянный голодъ, тамъ собирали и собираютъ осенью. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ, пасторы довольствовались за свои труды цыплятами, гречневою крупою, свининою, бараниною и разнымъ хлѣбомъ. Эти господа берутъ все, конечно изъ снисхожденія къ Латышу.

Каждый долженъ самъ привести своего сына или дочь и представить лично пастору, разумѣется, не безъ „того.“ Кто былъ обученъ, тотъ приносилъ изъ честолюбія, зная, что пасторъ публично похвалитъ, что и дѣлалось. А кто ничему обученъ не былъ, тотъ тоже приносилъ, изъ боязни быть публично осмѣяннымъ. Впрочемъ, вообще, лучше телѣгу мазать, пока она еще не скрыпитъ; а заскрыпитъ, такъ нужно смазывать вдвое. Пасторъ зналъ гдѣ раки зимуютъ. Кто изъ необученыхъ

ничего не принесётъ, или принесётъ, но не въ соразмѣрности съ своимъ невѣжествомъ, того онъ тягалъ на конфирмаціи по 3 и по 4 года, словомъ, до тѣхъ поръ, пока сумма приношеній сравнятся съ степенью невѣжества и тогда только допускалъ къ причастію. Дѣти засѣдателей волостныхъ судовъ и хозяевъ первостатейныхъ пользовались особенными поблажками. Иной не въ состояніи былъ и „Отче нашъ," прочитать, поведенія былъ самаго дурнаго, во всѣхъ проказахъ былъ коноводомъ, а кончалъ курсъ магистромъ, дѣлался потомъ хозяиномъ и засѣдателемъ и всётаки не умѣлъ отличить ни одной буквы. И этого то разбора люди оглашали законы, циркуляры, чинили судъ и расправу, писали, или подписывали протоколы до незавидной своей кончины, гдѣ нибудь въ корчмѣ, подъ столомъ, или въ придорожной канавѣ. Таково было во всей Лифляндіи большинство должностныхъ крестьянъ. На нѣмецкомъ діалектѣ, крестьяне этого разбора назывались *„толковыми мужиками.* И дѣйствительно, какъ не назвать толковымъ того, кто бывало съ перваго слова пойметъ и сейчасъ исполнитъ все, что скажетъ помѣщикъ, управляющій, арендаторъ, писарь и проч. Иной разъ, не успѣютъ и договорить, а ужъ онъ поддакиваетъ, и одобряетъ головой и голосомъ: „да, да, да! такъ, такъ, милостивый, великій господинъ!" На оборотъ, что толку въ тѣхъ, которые подъ часъ говаривали: „нѣтъ!" „такъ нельзя!" „это несправедливо!" „Въ законѣ — вотъ что сказано." Послушали, посмотрѣлибы вы, что слѣдовало за такими рѣчами!

„Я законъ!" — И схватитъ бывало милостивый господинъ волостнаго за грудь и трясетъ его, а затѣмъ кирхшпильсрихтеръ (приходскій судья) лишитъ его голоса на волостномъ судѣ. Это бывало за частую.

До ухода съ конфирмаціи, въ субботу (въ пятницу отпускались домой, въ баню сходить) всѣ должны были

еще разъ явиться лично къ пастору, съ платой: за свѣчи, или за своюже лучину, за труды, за проторы и убытки Дѣвушка должна была поднести пару новыхъ, шерстяныхъ перчатокъ или рукавицъ, или носковъ, или 15 коп. сер. деньгами, за неимѣніемъ перчатокъ; парни: сынъ хозяина — деньги, въ непремѣнномъ количествѣ 30 к. сер., а затѣмъ, далѣе, позволялось жертвовать и 50 к. и рубль, и два, и три, чѣмъ больше тѣмъ веселѣе пасторъ. Сынъ работника, бобыля, круглый сирота давалъ 15 к. сер. непремѣнно, и выше; съ неучами, былъ другой счетъ. Невѣжеству, порокамъ и недостаткамъ таксы не было. Сдачи не давали, мелкихъ денегъ никогда не водилось. „Что съ возу упало, то пропало!" А развѣ иной разъ окажетъ милость и скажетъ: „иди на кухню, поваръ дастъ тебѣ путры похлебать." Довольно бы кажется и побывать на кухнѣ, и то ужъ много.

А безъ платы и не думай приходить; кто осмѣливался, подвергался эпитимьѣ: не допускался къ причастію, подъ предлогомъ незнанія грамоты, или шалости, или другихъ причинъ, разумѣется: всегда *уважительныхъ*, законныхъ (мало ли ихъ!) и долженъ былъ приходить еще, еще и еще! Когда мой отецъ былъ на конфирмаціи, нѣкій прихожанинъ два уже года къ ряду не допускавшійся къ причастію и вновь устраненный, явился къ пастору и публично сказалъ ему слѣдующую рѣчь: „почтенный батюшка, отдайте мнѣ мой полъ талера (30 к. сер.) и полъ барана; я пойду домой и умру со всѣми моими грѣхами!"

Такъ какъ лютеранскіе приходы очень велики — отъ 7000 до 15000 обоего пола душъ, то конфирмаціантовъ бывало ежегодно отъ 300 до 500 обоего пола и больше, такъ что одной этой статьи получался порядочный доходъ. Столькоже, приблизительно, совершалось и браковъ. За каждый бракъ взималось не менѣе 50 к. серебр. и то еще бывало пасторъ посмотритъ косо —

нужно больше. За запись умершаго младенца $10\frac{1}{2}$ к. сер. за взрослаго 21 к. сер.; за запись при крещенiи младенца — 30 к. сер. и ужъ никакъ не меньше 15 к. сер.; за запись къ причастiю 3 к. сер. съ души. Были назначенные дни, пятница или суббота, когда можно было и мужику приходить съ визитомъ къ пастору; но эти дни не были опредѣлены закономъ и частехонько случалось, что въ два, три, и болѣе мѣсяцевъ не увидишь пастора. Записалъ онъ или нѣтъ — неизвѣстно, лишь бы получилъ свои 3 к., а тамъ, хоть и не приходи къ причастiю; но если вздумаешь придти не заплативъ, тогда — держись! Такого нагоняя получалъ, что Боже упаси, и съ каѳедры и въ волостномъ судѣ.

Вообще, какъ пасторы такъ и землевладѣльцы отъ положеннаго не отпускали и не уступали ни гроша. Въ акуратности, Нѣмецъ первый и послѣднiй; у него — дружба братская, а разсчетъ жидовскiй.

Да! пасторы получали и получаютъ такiя деньги и столько хлѣба, они такъ надежно обезпечены, что рѣдкому помѣщику, за расходомъ, очищается такой доходъ. Они до того избаловались и возгордились, что и доступу къ нимъ не было. Сами крестили только въ киркѣ, а хоронить покойниковъ, особенно работниковъ и бобылей, отказывались на отрѣзъ; объ этомъ даже не смѣли ихъ и просить. Сейчасъ спроситъ: отъ какой болѣзни померъ? А самъ стоитъ въ другой или третьей комнатѣ, и непремѣнно закричитъ: иди скорѣе, скорѣе вонъ изъ моего дома; эта болѣзнь заразительна и прилипчива. Довольно и того, что онъ вычеркнулъ покойника изъ приходскаго списка, я думаю — тоже не безъ страху какъбы не заразиться. Впрочемъ, иногда, пасторы являли и самоотверженiе, пренебрегали заразою, за 3 или за 5 руб. и хоронили какого нибудь опившагося волостнаго начальника.

Когда въ одинъ день приходилось хоронить нѣсколько

покойниковъ, пасторъ обыкновенно поступалъ какъ покупатель въ лавкѣ. Одну вещь купитъ, а прочiя оставитъ другимъ. Работники и бобыли, по отдаленности отъ кирки и за неимѣнiемъ лошадей, крестили своихъ дѣтей дома, тутъ же, въ банѣ. Крестилъ форминдеръ, а отецъ дитяти долженъ былъ за это его угостить и поднести пару рукавицъ за труды. Хоть роди, а подавай! Этого требовалъ устный законъ.

Извѣстно что каждый пасторъ для своей приходской черни, держитъ при себѣ помощниковъ изъ крестьянъ болѣе грамотныхъ, такъ называемыхъ „форминдеровъ" отъ одного до трехъ въ каждой волости, смотря по ея величинѣ. Крестили и крестятъ и сами хозяева своихъ дѣтей, особенно въ зимнее время. Но такъ какъ у хозяевъ водятся лошади, то большею частью они крестили въ киркѣ; это даже требовалось отъ хозяина. Крестилъ обыкновенно самъ пасторъ, предварительно объявивъ съ каѳедры, что у такого то „благочестивѣйшаго" и его супруги родилось дитя, и чтобы еще болѣе отличить его отъ плебея, записывалъ какъ можно больше кумовьевъ. Впрочемъ, тутъ былъ и другой разсчетъ, ибо каждый изъ кумовьевъ долженъ былъ положить свою лепту на перилы алтаря, пастору за труды. Это обычай Нѣмецкiй; но у Нѣмцевъ онъ находится въ связи съ другимъ обычаемъ: давать ребенку при крещенiи нѣсколько именъ; онъ и Генрихъ, и Адольфъ, и Георгъ, и Карлъ и Фридрихъ. Если кому придетъ охота назвать Нѣмца по Русскому обычаю, то есть по имени и отчеству, то стоитъ только знать нѣсколько Нѣмецкихъ именъ, и сказать на удачу „здравствуйте Эдуардъ Карловичъ!" и непремѣнно будетъ въ попадъ; а у Латышей нѣтъ такого обычая и они смѣются, когда слышатъ, что у одного человѣка нѣсколько именъ.

Публичныя вымогательства пасторовъ часто доходили

до наглости. Когда меня крестили, по окончаніи обряда, пасторъ внимательно посматривалъ: кто сколько клалъ ему за то, что онъ потрудился снять перчатку съ правой руки и обмочить кончики пальцевъ въ воду, да еще въ самое жаркое время года, именно въ Іюлѣ. Моя родная тётка, Эдда — ее можно и по имени назвать — положила мѣдный грошъ. Этотъ несчастный грошъ, хотя былъ и большой, но достоинство имѣлъ тоже самое, какое и теперешній малый. Насторъ взялъ его, вставилъ ребромъ между указательнымъ и среднимъ большимъ пальцами правой руки, поднялъ вверхъ, и, передъ всѣмъ народомъ, сказалъ громогласно: „милый приходъ! Этимъ *талеромъ* можно поквитаться съ пасторомъ, школьмейстеромъ, звонаремъ и купить новое блюдо для крещенія!"

Эту остроту я записалъ, чтобъ наконецъ отъ нея отдѣлаться такъ она мнѣ надоѣла. Поминая ее, вся родня смѣялась надо мною и теперь смѣется.

Допустите ли вы, что все это наконецъ могло надоѣсть Латышу и что этому неучу могло придти въ его тупую голову поискать другихъ пастырей, другой вѣры? .. Къ несчастью, и Русскіе придерживались, да и теперь крѣпко держатся нашей поговорки, что „за ученаго двухъ неученыхъ даютъ." Мало того, въ придачу къ этимъ двумъ, даютъ за каждаго ученаго Нѣмца по нѣскольку тысячь Латышей и Эстовъ; отдаютъ ихъ всѣхъ, безъ счета, отдаютъ даже много своихъ, Русскихъ. Смотрите: кончится тѣмъ, что и Русскихъ не хватитъ; пожалуй придется накинуть и Поляковъ и вы останетесь ни причемъ, не заслуживъ даже искренняго спасибо.

При такихъ огромныхъ приходахъ, каковы Лифляндскіе, изъ трехъ или четырехъ Православныхъ священниковъ, едвалибы одинъ, въ теченіи 10 лѣтъ, могъ отлучиться безъ вреда для своей паствы хотябы на 28 дней; но малосемейные пасторы находили время почти ежегодно

уѣзжать на цѣлое лѣто. Правда, въ ихъ отсутствіе, навѣщали сосѣдніе пасторы; но если и свой былъ наемникъ, то каковъже былъ наемникъ наемника? Гдѣ одному человѣку удовлетворить духовнымъ потребностямъ 20000 душъ? Ихъ тянуло за границу, на родину, въ отечество; у насъ имъ было скучно и душно. У насъ они были на заработкахъ, правда вѣрныхъ, выгодныхъ и легкихъ, но всёже непріятныхъ.

По возвращеніи изъ за границы съ пустымъ кошелькомъ, они долго толковали съ каѳедры про свое путешествіе и про свое отечество. Это давало темы для многихъ и многихъ такъ называемыхъ проповѣдей Какъ тамъ хорошо, тепло, отрадно и мило, жаль только, что дорого все, до малѣйшей подробности, отъ минеральнаго источника до послѣдняго, запыленнаго кустика. По части религіознаго назиданія, мы узнавали только, что благочестивый паломникъ побывалъ въ томъ домикѣ, гдѣ Мартинъ Лютеръ переводилъ библію; побывалъ и въ той комнатѣ, гдѣ Лютера искушалъ діаволъ; видѣлъ и знаменитое чернильное пятно на стѣнѣ.

Туть же показывались разныя рѣдкости: колосья, камушки, разныя шишки*) а наконецъ, иногда, и собственные свои кулаки. И по дѣломъ, ибо слушая занимательныя проповѣди, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ богомольцевъ дремали и даже похрапывали. Былъ при мнѣ такой случай: пока пасторъ водилъ своихъ слушателей по Европѣ, одному изъ нихъ пригрезился волкъ, должно быть страшный и назойливый. Съ перепугу, во снѣ, несчастный закричалъ какъ на облавѣ: у-у-у-ра!

*) У должнишныхъ Лютеранскихъ проповѣдниковъ, такъ называемое духовное поученіе очень часто принимаетъ характеръ болтовни о житейскихъ предметахъ. Въ 1847 году, одинъ, въ присутствіи члена бывшей ревизіонной коммиссіи, говорилъ съ каѳедры о томъ, изъ какой матеріи выгоднѣе шить кафтаны. (Пр. издат.)

Пасторъ примолкъ, повелъ глазами, прислушался и приказалъ дознать кто кричитъ. Въ эту минуту, волкъ, вѣроятно испугавшійся, отвязался, и крестьянинъ, все еще спавшій, притихъ. Пасторъ опять принялся за прерванный свой разсказъ и благополучно добрался до послѣдняго города своей родины, какойто Мемельской Дрекъштрасъ — Фельзъ, какъ вдругъ показался опять тотъже неотвязчивый волкъ и раздался новый крикъ. На этотъ разъ, проснулись и сосѣди и выдали спящаго.

Форминдеръ выпроводилъ бѣднаго изъ кирки, а раздраженный пасторъ осыпалъ толпу картечью своего краснорѣчія. По правдѣ сказать, проспавшій проповѣдь все-таки былъ въ выигрышѣ противъ прослушавшихъ ее. Первый, по крайней мѣрѣ, могъ разсказать, что волкъ тянулъ его за кафтанъ изъ кирки, а что могли разсказать послѣдніе? — Ничего. Всѣ говорили: „пасторъ сказки да басни разсказываетъ! Лѣнится написать проповѣдь. Мы не за тѣмъ ходимъ въ кирку и не на то храмы Божіи!"

Разъ, одинъ проповѣдникъ — объ этомъ было даже напечатано и въ Латышскихъ газетахъ — видя, что всѣ спятъ и никто не слушаетъ, на минуту примолкъ и вдругъ закричалъ неистовымъ голосомъ: „Uggnns! uggnns!" (огонь! огонь!) Всѣ встрепенулись: „Kur? Kur?" (гдѣ? гдѣ?) — „Ellê, — ellê!" (въ аду, въ аду) отвѣчалъ проповѣдникъ. Это оригинальное средство, къ которому пасторы часто прибѣгали, дѣйствительно производило на слушателей желанное дѣйствіе.

Наконецъ, однако, Латыши начали серьёзно опасаться, какъбы и въ самомъ дѣлѣ Господь не покаралъ ихъ. Но какъ уйти отъ его гнѣва и гдѣ искать спасенія? Надъ этимъ вопросомъ стоило призадуматься и не Латышу. Какъбы, въ самомъ дѣлѣ, достигнуть того, чтобъ сонъ не смыкалъ глазъ въ киркѣ, чтобъ сердце не оставалось безучастно и холодно? Проповѣдь пастора его не грѣетъ, даже

не затрогиваетъ — это ужъ изведано, а проповѣди печатныя, изданныя для того, чтобъ ихъ читали дома, когда пастору нѣкогда идти въ кирку, всѣми уже заучены наизусть. Скучно, безотрадно и пусто на душѣ; но еще разъ, куда, къ кому обратиться? Самая мысль куда нибудь обратиться, такъ, безъ спросу, отъ себя, невольно наводила страхъ. Вникните въ наше положеніе и вы поймете это чувство.

Представьте себѣ вѣсы съ двумя громадными и неподвижными чашками. На одной, высоко поднявшейся къ верху, нагромождены: покорность, безотвѣтность, безгласность, безсмысліе, нужда, суевѣріе, невѣжество, голодъ, плотской и духовный — предметы все лёгкіе, а на другой, опустившейся до земли, даже отъ тяжести ушедшей въ землю, красуется Лифляндскій рай, тотъ рай, въ который не допускаются Русскіе и котораго тайны только намъ дано созерцать лицемъ къ лицу. И чего въ немъ нѣтъ? Какихъ драгоцѣнностей? Есть и германскія, рыцарскія, польскія, шведскія, русскія, и все старинныя, испытанныя и прочныя. Какъ полна эта чаша и какъ обильна! Вы тутъ не встрѣтите ничего легкаго и хрупкаго, а только предметы увѣсистые, цѣнные и устойчивые; это все свое, завоеванное, купленное, выпрошенное, отнятое и отбитое: сила, свобода, своевластіе, законность безъ закона, правда безъ правды; а надъ всею этою вѣками накоплявшеюся благодатью величаво развѣвается знамя привилегій, съ грозною надписью: не тронь меня.

Но, по какому то мановенію свыше, эти вѣсы зашевелились. Пасторы говорили и говорятъ, что это было по внушенію злаго духа. Не думаю, злой духъ не сталъ бы имъ вредить.

Какъбы то ни было, Латышъ проснулся; разслабленный зашевелился; юродивому откудато дался голосъ; онъ заговорилъ разумною, грозною рѣчью, и все Лифляндское

духовенство какъ будто сдвинулось съ своего пьедестала, съ крѣпкой своей позиціи. Сперва говорили про себя, потомъ заговорили между собою, но тихо и осторожно, потомъ все громче и громче, не только за глаза, но и въ глаза пасторамъ. Говорили конечно не всѣ, а сколько нибудь начитанные и глубже другихъ прохваченные духовною жаждою, но эти немногіе говорили за всѣхъ и то что чувствовалось всѣми. Говорили они вотъ что:

„Да! дѣйствительно, насъ одолѣлъ сонъ какъ и учениковъ Спасителя въ саду Гефсиманскомъ; но онъ пройдетъ когда и мы узримъ своего Спасителя. Теперь, Онъ еще не окончилъ своей молитвы! Но Онъ придетъ, тогда и мы встанемъ, и, пожалуй, иной вооружится мечемъ апостола Петра.

„Пора бы впрочемъ и вамъ проснуться отъ духовнаго усыпленія. Мы этого ждемъ давно, ждемъ и не дождемся. Мы видимъ въ васъ не друзей, не учителей, а эконома „иже ковчежецъ имяше.“

„Вы насъ предаете, вы гнушаетесь насъ, вы браните и поносите насъ, не обличенія и исправленія нашего ради, а въ оправданіе вашего безчувственнаго къ намъ презрѣнія. Пьянство и пьянство! Все одинъ упрекъ — Правда, мы одурѣли отъ пьянства, но чтобы вамъ подумать и о причинѣ. Вникнитеже наконецъ въ наше положеніе; взгляните хоть на хлѣбъ нашъ — къ концу недѣли его не проглотишь не смочивъ горла. Посмотрите гдѣ живутъ работники, не сходящіе съ барщины, гдѣ они должны ночевать? Въ корчмахъ, или въ такой лачугѣ у самой кóрчмы, гдѣ только волковъ морозятъ. Съ ранняго утра до поздней ночи, они на поляхъ, или въ лѣсу на морозѣ; выходя изъ этого волчьяго гнѣзда, рано утромъ, не смѣютъ затопить печи и оставить за собою огня, иначе и въ Сибири мѣста не найти. Вернулись вечеромъ: прозябли, продрогли; согрѣться надо, а негдѣ; затопятъ печь, не

печь, а чтото въ родѣ пещеры; избенка отъ полу до потолка наполнится дымомъ; нельзя дышать. Кудажъ идти? Въ корчму! Она всегда къ услугамъ, всегда близка, тепла, освѣщена лучиной и тянетъ къ себѣ неотразимымъ соблазномъ дешевой водки. Вы бы, г. г. пасторы, чѣмъ насъ поносить, поговорили бы объ этомъ съ помѣщиками. Корчма! Да развѣ вы забыли, что мы должны, волей неволей, непремѣнно спѣшить туда за 10 и болѣе верстъ каждый воскресный и праздничный день! Не тамъли объявляется намъ нарядъ на работы? Не вы ли сами сбираете въ корчмы нашихъ дѣтей для прослушанія (экзамена)? Не въ корчмахъ ли вы записывали и къ причастію? Не корчмы за нами гонятся, а вы, вы насъ и нашихъ дѣтей туда загоняете. Вездѣ корчмы, куда не посмотришь, въ деревнѣ, въ полѣ, даже въ лѣсу. Въ самые храмы Божіи лѣзутъ корчмы*) и ужъ успѣло сложиться повѣріе, что кирки нельзя построить не поставивъ прежде рядомъ корчмы.

„А еще вы говорите, что это для нашей же пользы, чтобъ было гдѣ лошадей поставить. Отъ васъ ли мы это слышимъ? Не уже ли бы мы не могли выстроить двора и содержать его всегда готовымъ, къ нашимъ услугамъ, но только — безъ продажи вина? Нѣтъ! вы пожалуй готовы бы были дозволить и въ самой киркѣ продавать водку, если бы только того пожелали помѣщики!“

„Вы насъ развращаете и спаиваете. Посмотрите: пьяны всѣ, отъ сѣдаго старика до груднаго младенца, и тотъ пьянъ! Пьянъ! Мать его напоила, подливъ водки въ пиво или молоко, которое взяла съ собою, Мать! На толи ты родила его на свѣтъ Божій? А чтоже помѣщики и

———

*) Помѣщикъ, на землѣ котораго стоитъ кирка, имѣлъ право поставить корчму на такомъ близкомъ отъ нея разстояніи, что едва оставалось мѣсто для позорнаго столба. Пр. автора

пасторы? Тѣмъ временемъ они играютъ въ карты и приговариваютъ съ улыбкою: хотятъ увѣрить, что въ Лифляндіи народъ бѣдствуетъ; а вотъ же, пусть бы взглянули, какъ весело живутъ Латыши! Да — весело!

„Кто уничтожилъ утреннее богослуженіе? Кто упразднилъ многіе праздники? Кто переводилъ новозавѣтные изъ одного времени года въ другое, до тѣхъ поръ пока праздники затерялись и даже память объ нихъ изгладилась? Кто чаще посѣщаетъ кирку? Мы ли, которымъ часто приходится пройти пѣшкомъ туда и назадъ двадцать и тридцать верстъ, или вы, выѣзжающіе на четверкѣ? Сколько разъ въ теченіи года пріѣдете вы въ церковь, въ воскресный или праздничный день только для того, чтобы сказать намъ: „я болѣнъ“, или „мнѣ нѣкогда?“ Гдѣ вамъ радѣть объ насъ, когда у инаго изъ васъ нервы до того нѣжны, что не выносятъ тяжелаго воздуха въ наполненной народомъ киркѣ!*)

„Посмотрите еще: стоитъ огромная, великолѣпная кирка и противъ парадныхъ дверей или алтаря — *позорный столбъ!* Высокій, черный, съ двумя поставленными крестъ на крестъ пучками розогъ на кругловатой, головообразной верхушкѣ; большія кольца, цѣпи и двѣ диры. Ну здѣсь ли ему мѣсто? Не оттого ли вамъ понадобилось имѣть его подъ рукою, что вы привыкли въ своихъ проповѣдяхъ указывать намъ на него чаще чѣмъ на священное писаніе? ...“**)

---

*) Это фактъ. Когда пастору, приводившему это обстоятельство въ оправданіе своего нерадѣнія, замѣтили, что православные священники служатъ въ церквахъ несравненно болѣе тѣсныхъ и душныхъ чѣмъ кирки, онъ отвѣтилъ: „да! русскіе попы нюхаютъ табакъ и обкуриваютъ церкви отъ зловонія напускаемаго Латышами; оттого и выдерживаютъ“ — Я это слышалъ самъ, слышалъ и Д. Баллодъ, указывавшій на это какъ на одну изъ причинъ своего отвращенія къ пасторамъ. (Пр. автора.)

**) Многіе еще помнятъ эти столбы, теперь уже убранные. Въ воскресные и праздничные дни, пасторъ объявлялъ съ каѳедры, кто въ чемъ

Памятенъ и мнѣ этотъ столбъ, особенно по одной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ и въ вѣкъ не забуду. На мызѣ Р. въ приходѣ Л—В. усадьбѣ С. былъ крестьянинъ Янъ Кальнинъ. Въ 1841 году, онъ захотѣлъ перейти въ Православіе, но за это хотѣніе (въ то время оно называлось бунтомъ) ему выбрили голову и отправили въ Беверсгофъ.*) Тамъ, его три раза прогоняли сквозь строй, но на поселеніе не сослали. Въ 1845 году, онъ однако поставилъ на своемъ, то есть присоединился къ церкви и сказалъ другимъ, что теперь можно всѣмъ присоединяться, что теперь *приказано***) священникамъ присоединять всѣхъ, и въ доказательство показалъ свой наперстный крестъ. За это (съ тѣмъ, что къ этому прибавили Нѣмцы) его посадили въ тюрьму, въ Ригѣ. Потомъ, разнеслась вѣсть, что въ такойто день и въ такомъ то мѣстѣ, Яна Кальнина будутъ наказывать у позорнаго столба. Его привели, въ дырявомъ полушубкѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, подъ сильнымъ конвоемъ, за недѣлю до экзекуціи. Всѣ могли ходить смотрѣть на него, но строго запрещено было подавать ему милостыню деньгами или съѣстнымъ. Семь дней держали несчастнаго подъ стражею въ кирочной корчмѣ стоящей на Московской столбовой дорогѣ. Къ воскресному дню назначенному для исполненія приговора, сошлось и съѣхалось множество народу, даже изъ дальнихъ концевъ Лифляндіи и

провинился, и за что, и какъ будетъ наказанъ. Исполненіе слѣдовало непосредственно за церковною службою. Приговореннаго подводили къ столбу; ему пропускали руки въ двѣ продѣланныя въ немъ диры; затѣмъ, отсчитывалось опредѣленное число ударовъ. Иногда, наказываемаго придерживали форминдеры — помощники пастора въ исполненіи требъ. (Прим. автора.) — Подтверждено и дополнено свидѣтельствомъ старой Латышки (Пр. издателя.)

*) О Беверсгофской экзекуціи будетъ говорено ниже. (Пр. издат.)

**) Во второй части этихъ записокъ авторъ объясняетъ, какое значеніе въ устахъ Латышей имѣли слова *запрещено*, *приказано* и *позволено*. (Пр. издат.)

Курляндіи; кирка, корчма, даже площадь у кирки были полны. День былъ холодный, морозный и ясный (въ исходѣ 1845 или въ началѣ 1846 г.) Пасторовъ также съѣхалось много и произнесено было нѣсколько проповѣдей. „Смотрите и научайтесь какъ мы заградимъ путь въ Русскую вѣру“ этими и подобными словами оканчивались всѣ проповѣди. Когда отошла служба и начали *вызванивать*, въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ: ведутъ, ведутъ! Дѣйствительно, подвели Кальнина къ столбу; какойто господинъ прочиталъ приговоръ, котораго никто не разслышалъ и не понялъ — слышали только, что за что-то Кальнинъ получитъ сейчасъ 90 ударовъ и на 7 лѣтъ сошлется. Изъ Риги приведенъ былъ палачъ; на немъ была красная рубашка; это былъ рослый и плотный мущина съ звѣрскимъ лицемъ. Латыши ломали передъ нимъ шапки, бабы цѣловали у него руку. Можжевеловыя палки тоже были привезены изъ Риги. По прочтеніи приговора, осужденнаго раздѣли; въ однѣхъ штанахъ подвели къ столбу, на обѣ руки надѣли петли и подтянули . . . Описывать того, что было дальше — я не стану; мы всѣ плакали и не могли смотрѣть, а бывшіе при этомъ господа смотрѣли. Послѣ наказанія, несчастнаго опять увели въ Ригу, оттуда погнали въ ссылку и черезъ 7 лѣтъ вернули назадъ въ туже мызу, гдѣ онъ умеръ въ 1865 году; жена его осталась въ Рижской тюрьмѣ и тамъ умерла. Точноли заслужилъ Кальнинъ такое наказаніе — я не берусь рѣшить; не знаю также: можетъ быть въ Остзейскихъ законахъ естъ статья повелѣвающая именно при киркахъ имѣть каторжные столбы и чинить наказаніе вслѣдъ за богослуженіемъ; если не окажется въ законахъ гражданскихъ, можетъ быть найдется такая статья въ церковныхъ. Все это можетъ быть, но я и не разсматриваю дѣла со стороны законности, а передаю только впечатлѣнія оставшіяся во мнѣ отъ моего дѣтства.

Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ Лифляндіи, началось чтото новое, для пасторовъ совершенно неожиданное, никогда не приходившее имъ на умъ. Въ толпѣ возникъ какойто ропотъ, стали ходить странныя рѣчи — отрывки изъ нихъ сохранившіеся въ моей памяти я привелъ какъ образчики. У Латышей, вскормленныхъ и вспоенныхъ всякаго рода униженіями, откудато взялась способность *чувствовать* наносимыя имъ оскорбленія; мало того, чувство боли начало имъ самимъ выясняться и облекаться въ форму сужденій, даже осужденій.

Около тогоже времени, Латыши стали болѣе чѣмъ прежде сближаться съ Русскими, интересоваться ихъ бытомъ, всматриваться въ ихъ вѣру, стали сравнивать, повѣрять и сличать. Тѣсный кругъ понятій, въ которомъ проходила жизнь крестьянъ, видимо расширялся. Изъ доходившихъ до меня толковъ, я замѣчалъ, что вообще Латышей какъ будто пугала „*неисполнимость*“ требованій Православія; они находили „Русскую“ вѣру *строгою*, но говорили о ней съ почтеніемъ, какъ о вѣрѣ *старой и святой*, въ которой видимо, по ихъ понятіямъ „обитала благодать Божія.“ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, издавна существовалъ между Латышами обычай ходить въ ближайшія къ нимъ Православныя церкви служить молебны, а также и въ католическіе костелы служить какіе то *проклинательные* молебны противъ лицъ наносившихъ имъ обиды, оскорбленія и побои. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, особенно славился и оказывалъ Латышамъ большія услуги Шембергскій костелъ въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Шембергъ. Оно было хорошо извѣстно почти всѣмъ Латышамъ. Иной не зналъ дороги къ мызамъ своего прихода, а въ Шембергъ ходилъ среди ночи и не сбивался съ пути.

Я былъ еще ребенкомъ, но очень помню, что въ день Богоявленія отправлялись Латыши за св. водою, украдкою отъ домашнихъ, въ ближайшіе города. Пасторы

объ этомъ знали давно и не обращали вниманія. Но въ концѣ 40^{хъ} годовъ стали уже опасаться и взыскивать. Посыпались проклятія изъ устъ пасторовъ, съ каѳедръ, а потомъ и въ печати, на Латышей, но, преимущественно, на Русскихъ и на всё Русское. Священниковъ Русскихъ называли, впрочемъ и теперь называютъ: обманщиками, волками въ овечьихъ кожахъ, людьми, которыхъ неприлично и слушать. Затѣмъ, когда услышали, что Латыши до того дошли, что несутъ освящать яблоки и сѣмена въ православныя церкви, стали печатно отвращать ихъ оттуда такими рѣчами: „вы идете въ чуждыя намъ церкви, несете туда сѣмена и плоды освящать чуждою намъ молитвою; думаете и вѣрите, что къ этимъ предметамъ можетъ пристать благодать Божія также легко какъ синька (синяя краска) къ шерсти и пряжѣ.*)

О Русскихъ, пасторы, дворяне, вообще Нѣмцы и онѣмечившіеся Латыши (такъ называемыя *„обезьяны“*) говорили всегда какъ о пьяницахъ, ворахъ, идолопоклонникахъ, поганыхъ, и печатно увѣряли, что за *всѣ эти добродѣтели, священники гладятъ ихъ по головкѣ, и что тамъ (у Русскихъ)* каждый *можетъ вѣровать, во что ему вздумается.***)

О землѣ Русской печатали: „если чертъ когда нибудь станетъ искать себѣ пристанища на сушѣ, то ей Богу нельзя отрекомендовать ему мѣста болѣе приличнаго и удобнаго какъ Русскую землю.***)

Нѣмцы, а за ними и ихъ приверженцы изъ Латышей, иначе не называли и не называютъ Русскаго и въ особенности солдата, какъ „Kreews“ *поганый* (это слово считается величайшею обидою) но огромное большинство Латышей, на оборотъ, смотрѣло и смотритъ на Русскую вѣру и на Русскій народъ съ благоговѣніемъ и сочувствіемъ. Я, на примѣръ, часто слышалъ такого рода отзывы: случится ли ѣхать въ городъ за Русскими извощиками — просто благодать. Случится ли какое несчастіе на дорогѣ, свалится ли возъ, всѣ остановятся и идутъ на помощь, чего Латышъ для Латыша незнакомаго, даже и знакомаго, но изъ другой артели, почти никогда не сдѣлаетъ. Сознаніе превосходства Русскихъ и уваженіе къ нимъ принимаетъ даже суевѣрный характеръ. Есть повѣріе, что если что нибудь украдешь у Русскаго, стянешь съ воза, то ни за что не сойдешь съ мѣста. Отсюда поговорка: „Привязался какъ къ Русскому возу.“

*) Выписано буквально изъ лютеранскаго духовнаго журнала: „Latweeschu Draugs“ — *Другъ Латышей*, издающагося по Латышски. (Пр. автора.)

**) Изъ тогоже изданія 1841 г. стр. 44. и 1842 г. листъ 7, стр. 27. (Пр. автора.)

***) Оттудаже; стр. 24. (Пр. автора.)

Вообще, про Русскихъ много было говору у Латышей въ сороковыхъ годахъ; многіе даже пробовали говорить по Русски, и, въ этомъ отношеніи, мы дѣти, подражали взрослымъ; но все это было робко, нерѣшительно, такъ что, когда приходилось говорить съ Русскимъ, то обыкновенно отнѣкивались и отговаривались незнаніемъ.

Трудно и перечислить всѣ тогдашніе толки, свидѣтельствовавшіе о какомъто необыкновенномъ, тревожномъ состояніи умовъ. Народное воображеніе разигралось. Увѣряли, что мертвые стали воскресать, пророчили, что будетъ большое смятеніе и голодъ, что уже близко второе пришествіе, что скоро придетъ *вѣра*, та вѣра, о которой наши дѣды говорили, вѣра: *старая, крѣпкая, святая, и придетъ отъ сѣвера — такъ и пророками предсказано;* что явятся святые люди и уже явились, тамъ то и тамъ то, а тамошніе говорили, что они явились у насъ. Воскресали женщины проповѣдывавшія, что всѣ тѣ, которые носятъ крашеную синюю одежду, будутъ горѣть въ аду. И теперь говорятъ, что являлись такія, что ихъ видѣли сами и разговаривали съ ними и вы ничѣмъ не разувѣрите.

Изъ этого броженія, изъ этой тоски, изъ этихъ неудовлетворенныхъ потребностей цѣлаго племени, метавшагося туда и сюда въ исканіи чего то, должно было наконецъ выдти что нибудь. Но нельзя было ожидать единодушія и единомыслія въ стремленіяхъ. Нѣмцамъ давно уже удалось провести и въ народную массу начало сословнаго разъединенія, разбить ее на части, на степени, и разобщить ихъ между собою, даже противопоставить одну другой.

Между проснувшимися Латышами обозначились двѣ группы.

У каждой, была своя задача и своя цѣль.

Одна рѣшилась оставить свою родину и свою вѣру; другая: остаться на мѣстѣ, но преобразовать и очистить свою вѣру, перевоспитать своихъ Пасторовъ, наставить ихъ на истинный путь, или вовсе обойтись безъ нихъ. Это была своего рода реформація, зачинавшаяся въ темной, народной массѣ.

Впрочемъ, обѣ группы, хотя и расходились въ путяхъ своихъ, сознавали единство двигавшихъ ими побужденій и были крѣпко между собою связаны.

Вторая напрягала всѣ свои силы, чтобъ избавиться отъ томившей ее *духовной* жажды. Первая искала утоленія отъ жажды духовной и отъ плотскаго голода.

Второй группѣ предстояло менѣе опасностей чѣмъ первой. Вторая должна была бороться исключительно съ іезуитствомъ, фарисействомъ, нерадѣніемъ, распущенностью и корыстолюбіемъ пасторовъ. Первой предстояла борьба и съ духовенствомъ и съ дворянствомъ.

Вторая группа извѣстна подъ названіемъ „Гернгутеровъ", самаже себя называетъ „братствомъ". Члены этого братства собирались на сходки, разсуждали, предлагали совѣты и вопросы и постановляли рѣшенія. Они составили себѣ правила, которыя держались въ большемъ

секретѣ, а исполнялись строго, съ буквальною точностью. Новыхъ членовъ принимали не иначе какъ по строгомъ и тщательномъ испытаніи, подъ условіемъ полнаго послушанія законамъ и уставамъ братства. Допускались и мущины и женщины; но не у всѣхъ были одинаковыя права. Немногіе, пользовавшіеся правомъ голоса, составляли высшую степень; затѣмъ, были члены второ — и третьестепенные, или такъ называемые оглашенные, которыхъ просили выходить изъ молитвенныхъ собраній, послѣ извѣстной молитвы, а если не выходили, то выводили вонъ.

Послѣ долгихъ совѣщаній, братство рѣшило: строить молитвенные дома, проповѣдывать и учить; проповѣдниковъ назначать по выбору, изъ своей среды, по тщательномъ испытаніи поведенія, познаній и ревности.

На постройку молитвенныхъ домовъ, стали собирать деньги; гдѣ было больше братчиковъ, тамъ молитвенные дома появились раньше, подлѣ кирокъ; гдѣ меньше, тамъ собирались у того изъ крестьянъ — хозяевъ, у котораго изба была просторнѣе и удобнѣе для собраній, и тудаже сзывали членовъ и слушателей. Обыкновенно избирали избу на дорогѣ въ кирку, или на такъ называемой прямой дорогѣ туда, черезъ лѣса и болота.

Усердіе и ревность членовъ братства въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить туда до 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угощалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраній и обществъ. При этомъ, часто повторяли: мы глупы, необразованы, темны, мы не въ состояніи поучать словамъ; но въ замѣнъ, Господь далъ намъ другой

даръ, это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли и нашихъ собраній.

Дворянство не только не препятсвовало Гернгутерамъ, но даже покровительствовало. Иные помѣщики, безвозмездно, отпускали матеріалы для постройки молитвенныхъ домовъ. Другіе, хотя ничего не давали, однако, по крайней мѣрѣ, не мѣшали и оставались нейтральными, даже защищали и прямо говорили пасторамъ: по всему видно, что вы ужъ окончательно излѣнились и опустились; иначе: на чтобы имъ принимать на себя такіе труды и заботы? — Вопли и мольбы пасторовъ помѣщиками пропускались мимо ушей. Послѣдніе видѣли, что хозяева Гернгутеры самые исправные и добропорядочные, а батраки самые добросовѣстные, трезвые и работящіе. Поэтому, Гернгутерство быстро росло и развивалось. Оно проникало нетолько во всѣ Лифляндскія усадьбы, но и во всѣ мызы и въ города; съ нимъ, рука объ руку, распространялась грамотность успѣшно и быстро, религіозное вдохновеніе какъ будто развязало языки и, въ самое короткое время, явились между Латышами истинно даровитые проповѣдники. Укажу на замѣчательнѣйшаго изъ нихъ, и вмѣстѣ поэта: Венденскаго уѣзда, мызы Зербенъ, усадьбы Яунитесъ — Анджа Курмиса.

Я много слышалъ объ этомъ даровитомъ крестьянинѣ и теперь охотно вѣрю разсказамъ о немъ потому, что имѣю передъ собою его пѣсенникъ, въ которомъ отразилась свѣтлая его душа. Особенно часто вспоминалъ о Курмисѣ Давидъ Баллодъ, нѣкогда тоже одинъ изъ главныхъ членовъ Гернгутерства, а потомъ священникъ Православной церкви. Приведу здѣсь одинъ изъ его разсказовъ. У помѣщика N. N. умерла любимая дочь; при

погребеніи ея, говорили проповѣди и рѣчи, разумѣется предварительно написанныя и затверженныя, всѣ пасторы приглашенные на отпѣваніе. Когда они кончили, отецъ покойницы обратился къ Курмису, который тутъже присутствовалъ съ слѣдующими словами: „слышь, Курмисъ! ты меня любишь, ты любилъ и дочь мою, и она тебя любила; ты знаешь, какъ я ее любилъ — скажи что нибудь и ты мнѣ въ утѣшеніе!“ И этотъ крестьянинъ, тутъ же, безъ всякаго приготовленія, произнесъ такую чудную рѣчь, что вызвалъ слезы умиленія не только у отца, но и у постороннихъ. Глубоко тронутый помѣщикъ поцѣловалъ его въ лобъ и поблагодарилъ его сказавъ: „спасибо тебѣ! Ты одинъ меня утѣшилъ и успокоилъ мое сердце“. И этотъ помѣщикъ публично и не разъ стыдилъ пасторовъ, доказывая имъ, что простыя слова необразованнаго мужика проникали душу, тогда какъ ихъ холодная проповѣдь никогда до нея не доходила. Изъ благодарности къ Курмису, онъ сталъ еще больше прежняго помогать и покровительствовать Гернгутерамъ.*)

Но эти успѣхи не обходились имъ даромъ.

Пасторы не могли внутренно не сознавать, что самый фактъ распространенія Гернгутерства заключалъ въ себѣ неопровержимое обличеніе ихъ духовной неключимости и этимъ объясняется свирѣпое ожесточеніе, съ которымъ они опрокинулись на Гернгутеровъ. Крестьяне приходившіе въ церковь, вмѣсто проповѣдей и поученій, должны были выслушивать возмутительнѣйшія клеветы, грубѣйшее поношеніе и площадную брань на Гернгутеровъ, точь въ точь какъ въ послѣдствіи и теперь на Православныхъ. Такъ, на примѣръ, толкуя о томъ правилѣ духовнаго

*) Встрѣчаются и теперь въ Лифляндіи, между Православными Латышами, личности подобныя Курмису. Я могъбы даже назвать одного такого пропагандиста по призванію, но этобы значило выдать его. (Пр. издат.)

братства, въ силу котораго, послѣ извѣстной молитвы, непринятыхъ въ члены братства выводили вонъ, пасторы увѣряли, что тогда остававшіеся подражали Содомлянамъ. Всѣ знали, что это была грубая клевета и, разумѣется, такими неразборчивыми средствами, Лютеранское духовенство не могло ни убить Гернгутерства, ни поднять себя въ мнѣніи массъ; ему удалось только вдохнуть въ слѣпыхъ своихъ послѣдователей свое озлобленіе противъ ихъ невинныхъ братьевъ.

Другая группа сочувствовала Гернгутерамъ, помогала имъ своими средствами, ходила въ ихъ собранія, даже вступала въ ихъ братства, но не удовлетворялась ихъ ученіемъ, чувствуя въ немъ какойто недостатокъ.

Не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, она смутно понимала несостоятельность искуственной, самодѣльной вѣры, сложившейся подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ; она искала вѣры *старой*, къ которой бы можно было *пристать* съ полною увѣренностью. Многіе, присутствуя при богослуженіи въ Православныхъ церквахъ, какъ будто ощущали присутствіе той вѣры, которой они искали и чувствовали внутреннее къ ней влеченіе. Но тутъ нужно было побѣдить много предубѣжденій. Надобно знать, что Нѣмцы издавна и преднамѣренно успѣли распространить между Латышами самыя превратныя и невыгодныя понятія о Русской вѣрѣ и о Русскихъ. Нельзя сказать, чтобъ Латыши рѣшительно усвоили себѣ эти понятія, но они сомнѣвались и колебались; имъ захотѣлось узнать правду и они стали очень подробно и обстоятельно обо всемъ расспрашивать Русскихъ, которыхъ въ Лифляндіи было довольно много, особенно кирпичниковъ и пильщиковъ. Послѣдніе, видя къ себѣ такое вниманіе, сдѣлались невольно пропагандистами и мнѣ часто случалось слышать отъ нихъ такого рода рѣчи:

„Такъ какъже? По вашему, мы значитъ разбойники?

Когоже изъ вашихъ мы убили? Кажется и не приколотили ни одного изъ васъ. А вонъ вашъ Нѣмецъ, среди бѣлаго дня дерется, да такъ, что мужикъ, вашъ братъ, на полѣ и растянется. Ужъ если онъ днемъ такъ шибко дерется, такъ чего добраго, онъ пожалуй и на дорогу съ ножемъ выйдетъ. Когда слыхано, чтобъ Русскій извощикъ тронулъ въ дорогѣ Латыша? Можетъ не случится помочь, а ужъ ни за что не обидитъ. Въ городѣ васъ тоже Нѣмецъ толкаетъ въ шею изъ лавки или шинка, а Русскій самъ зоветъ. Здѣсь и пять вёрстъ пройти страшно, а въ Россіи и пять сотъ пройдешь, никто тебя не обидитъ. Вы вѣрите Нѣмцу! Эхма! что они знаютъ про Россію? Вишь ихъ задоръ беретъ, что Русскія бабы ихъ щами обваривали, когда они съ Французомъ приходили Москву раззорять. У насъ Царь самъ христосуется на Святой съ мужикомъ, а не то чтобы выгонялъ изъ церкви, а вашъ Нѣмецъ и въ кирку войти не хочетъ, когда вашего брата понаберется; а взойдетъ, такъ вашъ братъ не смѣетъ и къ дверямъ подойти! Они васъ хуже собакъ держатъ . . . У насъ Царь батюшка и Николай чудотворецъ! Вы и Богу-то молиться не умѣете! Живете какъ свиньи! Вашей нутры наша свинья ѣсть не станетъ. А лошади какія? Да у насъ больше бываетъ жеребенокъ когда родится, чѣмъ ваша въ 4 года. Смотри вонъ: подъ какогото барина съ краснымъ воротникомъ впрягаютъ, такъ никакъ не подберутъ подъ каретное дышло. Которую ни подведутъ все ниже дышла, а о длинѣ и не говори, хоть тройку запрягай гусемъ! Вона! запрягли никакъ десятерикъ, а дышлото, дышло, такъ и ходитъ надъ головами, ушей не задѣваетъ. Хорошо что дорога гладка, а чуть ямочка, такъ пожалуй и прихлопнетъ. Нѣтъ, у насъ не то; у насъ ваши господа лошадей покупаютъ у мужиковъ!“

Но съ особеннымъ услажденіемъ и благоговѣніемъ слушали Латыши, когда постоялецъ изъ Русскихъ разсказывалъ

про своихъ Святыхъ и про ихъ чудеса. — „Чтожъ это, подумали наконецъ Латыши, съ чегоже Нѣмцы то распускали слухи, что Русскіе купцы убили такого-то мужика изъ такой-то далекой мызы, что будтобы нашли его въ подвалѣ или въ погребѣ и т. п.?“ Увѣряли также (намѣренно), что во всѣхъ Русскихъ лавкахъ понадѣланы западни съ кольцами; что какъ только Латышъ войдетъ одинъ въ лавку, такъ хозяинъ ногой надавитъ кольцо и Латышъ провалится; что тамъ его убьютъ и что въ погребахъ, у Русскихъ, всегда находятъ много убитыхъ Латышей. И Латыши этому вѣрили долго, а всётаки ходили въ Русскія лавки, ходили и побаивались, и потому принимали мѣры предосторожности, именно: входили всегда самътретей или самъ четвертъ. Русскіе купцы, разумѣется, были этому рады. Распущенныя въ народѣ нѣмецкіе бредни объ нихъ имъже обратились въ пользу. Глядя на собиравшіяся къ нимъ артели, они только посмѣивались, приговаривая: „мое ко мнѣ всегда придетъ“ и становились еще ласковѣе и привѣтливѣе къ Латышамъ. Русскіе солдаты ворчали на Лифляндію и этимъ, вовсе того не подозрѣвая, также внушали высокое понятіе о Россіи. Они говорили: „что за проклятая страна! Просто — каторга, ничего не найдешь! Ни вару, ни кожи лоскутика, хоть лыкомъ чини сапоги. Латышъ и не знаетъ что такое варъ и дратва.... Ни одного не увидишь въ сапогахъ. А всё, въ какія-то плетёнки съ ушками обуты, да въ пасталы изъ сырой, коровьей или лошадиной кожи, со всею шерстью; да добробы внутрь шерстью надѣвалъ, такъ нѣтъ же! наружу носитъ! Да и скверно живетъ, словно скотина. Содралъ шкуру у околѣвшей коровы, притащилъ сырую, растопырилъ на землѣ, посередь избы, прибилъ по всѣмъ угламъ деревянными спицами, посыпалъ золой, и лежитъ это безобразіе въ избѣ пока понадобится рѣзать на пасталы. Всё на что ни посмотришь, какъ то не по людскому!“

Наконецъ, уставъ разсказывать про Россію или ворчать на Лифляндію, импровизированный пропагандистъ, бывало, самодовольно оглянетъ благоговѣйно внимающую толпу, ухватитъ какого нибудь Латыша за шею, обниметъ и запоетъ: „пойдемъ братцы въ Русскую землю! Въ Русской землѣ житье!“

Таковъ былъ характеръ Русской пропаганды, таковы были тѣ эмиссары революціи, тѣ тайные, неуловимые агенты, которыхъ выслѣживала Лифляндская полиція, таковы были тѣ страшные слухи, распускаемые *неблагонамѣренными* людьми и которыхъ люди благонамѣренные никакъ не могли заглушить. Собственно говоря, были двѣ пропаганды: одна дѣйствительно злонамѣренная, и совершенно сознательная, началась очень давно и продолжается съ полнымъ успѣхомъ теперь. Она имѣла цѣлью вселить въ Латышей боязнь и отвращеніе къ Россіи. Эта пропаганда производилась съ каѳедръ, въ проповѣдяхъ, на мызныхъ дворахъ, въ газетахъ, особенно Латышскихъ. Другая, вызванная первою, производилась всѣми Русскими людьми (разумѣется простыми, не чиновными).

Можно сказать, что вся Россія, невольно, пропагандировала за себя и такъ сказать, всею своею массою вдвигалась въ сознаніе Латышей. Точно ли отъ этого готовилась бѣда *для Россіи* и имѣетъ ли она причины радоваться, что благонамѣренные люди въ пору пресѣкли это *зло?* — Говорятъ!

Какъбы то ни было, Латыши, слыша отъ многихъ одно и тоже, стали дѣйствительно толковать о переселеніи въ Россію.

На эту тему сложилась даже пѣсня. Ее можно было слышать тогда вездѣ, на каждомъ шагу, ее пѣли даже малыя дѣти: *„Пойдемъ братцы Русской землю; Русской земли добра жива.“* Эту пѣсню я зналъ тогда еще, когда бѣгалъ босикомъ и безъ штановъ; зналъ ее и маленькій

братъ мой; и онъ, бывало, наѣвшись и накормивъ кошку, выгребалъ остатокъ мучицы изъ шайки надѣвалъ се на голову, и весь облитый путрой, вставалъ на ноги и пѣлъ про Русскую землю.

Нѣмецкіе крики и брошюры не только не смущали Латышей, а напротивъ производили на нихъ обратное дѣйствіе. Они стали даже знакомиться съ Русскимъ языкомъ.* Съ солдатами, которые ставятся къ намъ на квартиры, мы теперь говоримъ уже по Русски, по крайней мѣрѣ мы ихъ понимаемъ, и они насъ, даже хвалятъ, что мы *„хорошо говоримъ по русски.“* Трудно уловить и передать народную молву. Но вотъ какого рода рѣчи я припоминаю:

„Русскій народъ хорошій! Они вовсе не Поляки, какъ мы ихъ называли. Пасторы, помѣщики, всѣ Нѣмцы зовутъ ихъ Поляками, но это вздоръ. У Поляковъ нѣтъ бороды а только усы, и всѣ они черные, а у Русскихъ борода, и всѣ русые; смотри какъ они сердятся, когда ихъ зовутъ Поляками: „я тебѣ такого Поляка дамъ, что и своихъ не узнаешь!“ Не нужно ихъ ругать Поляками! У нихъ и вѣра не Польская, а Русская, та самая, какая и у Царя. Значитъ ихъ вѣра Царская и въ эту вѣру можно перекреститься когда угодно, а изъ ихъ вѣры въ нашу нельзя. Это мы знаемъ изъ нашего катихизиса, чтобъ мы, особенно кто поступаетъ въ солдаты, остерегались и не принимали бы причастія отъ Русскихъ священниковъ и не давали бы имъ дѣтей крестить.**)

„Въ Ригѣ, мы всё покупаемъ у Русскихъ. Они всё держатъ такой товаръ, въ какомъ мы нуждаемся: листо-

*) Не мѣшаетъ напомнить, что авторъ разсказываетъ о *своей* мѣстности (Пр. изд.)

**) Латыши, помнящіе *старый* свой катихизисъ подтвердили мнѣ это. (Прим. издат.)

вой табакъ, селёдки, желѣзо трубки, кремень, соль сырыя кожи, шапки и пр. Продаемъ тоже больше всё Русскимъ и останавливаемся на Русскихъ постоялыхъ дворахъ; тамъ хозяинъ хоть сѣно не крадетъ для своихъ коровъ. У Русскаго купца не нужно руки цѣловать, какъ у Нѣмца, и шапки не нужно ломать. Хоть въ Русской лавкѣ стоитъ икона и всегда горитъ передъ нею огонь, однако хозяинъ самъ зоветъ и проситъ, а Нѣмецъ не хочетъ и въ лавку пустить. Русскій купецъ пересчитываетъ всѣ предметы, не нужно ли того, да того. — Если и забудешь что либо, онъ непремѣнно напомнитъ десять разъ.

„А Нѣмецъ не скажетъ ни за что, что̀ есть, спроси хоть драдцать разъ. Онъ и не слышитъ, потомучто разговариваетъ съ товарищемъ. Стоитъ вѣчно въ самыхъ дверяхъ лавки, руки въ бока упёрши, или въ штаны засунувъ и щупаетъ ляжки; не обращаетъ и вниманія, что Латышъ стоитъ около лавки и хочетъ пролѣзть, да боится — пожалуй прибьетъ. Стой хоть цѣлый день передъ нимъ, не спроситъ: что надо?

„Мало того: случается частенько, что прикащикъ Нѣмецъ вытолкаетъ въ шею, или выведетъ за волосы Латыша за то, что тотъ осмѣлился стоять передъ нимъ въ шапкѣ, или вздумалъ поторговаться. Выведетъ на тротуаръ, дастъ колѣномъ по изсѣченной части, крикнетъ заученную съ колыбели фразу: „heraus, du dummer bauer!“ и шапку швырнетъ ногой на улицу въ грязь, или схватитъ и броситъ ему въ затылокъ.

„А тотъ, бѣдный, и радъ, что дешево обошлось. Пойдетъ оттуда къ Русскому — объ немъ жалѣютъ и говорятъ: зачѣмъ туда идешь, куда не просятъ? Вишь, какъ Нѣмецъ отщипалъ виски и затылокъ то намозолилъ!

Слово „bauer“ или, какъ произносятъ Латыши „бауръ“ самое для нихъ обидное и оскорбительное. Этого слова

Латышъ терпѣть не можетъ. Не знаю почему именно. Потому ли, что Нѣмецкое и было первымъ и послѣднимъ собственнымъ прозвищемъ Латыша, которое онъ слышалъ отъ всѣхъ и оттого принималъ за однозначущее съ словомъ „lohps“ скотина; или потому, что слово „бауеръ“ созвучно Латышскому глаголу „baurot,“ рычать, и что Латышъ приписывалъ слову „бауеръ“ смыслъ своего глагола? Какъбы ни было, слово бауеръ было для него обиднѣе слова „lohps.“

Понятно, что Латышъ любилъ больше и Русскаго купца, и Русскую торговку чѣмъ Нѣмца и торгашку Латышку, показывающую себя передъ Латышемъ Нѣмкою.

Въ Русской лавкѣ, онъ могъ копаться цѣлый день, перерыть, торговаться сколько угодно, сулить одну копѣйку за рублевый котелъ — купецъ нисколько не обидится, а только сострitъ: „деньги хорошія, да малонато“ и не обидится, не выгонитъ изъ лавки. Работы надѣлаетъ на рубль, а купитъ на копѣйку. Обманывали, это правда! но за то личной обиды не наносили. Латышъ иногда и пожалуется ему на негоже самаго, что обвѣсилъ, или обмѣрилъ, или далъ не ту вещь, которую выбралъ: купецъ въ карманъ за оправданіемъ не полѣзетъ. Скажетъ, что ошибкаили нечаянно случилось прибавитъ: да вѣдь, ты любезный обѣднѣлъ то не оттого, что я тебя надулъ на копѣйку; поди: баринъ то деретъ и шкуру съ плечь и корову за рога тащитъ изъ хлѣва. Латышъ подумаетъ: „резонно говоритъ купецъ“ — однако, возразитъ еще: „да зачѣмъже въ шерсти изорванные листы табаку и отмётки?“ — „Тебѣже не убытокъ: табакъ вѣдь ты куришь, и кожи лоскутьевъ, поди — дѣти еще чай не видали. Пусть поиграютъ, и самому пригодятся.“ — „Что правда, то правда! А теперь не обманешь?‘ — „Ни, ни, и не обманывалъ. Такъ случилось. Ты не обѣднѣлъ я не разбогатѣлъ.“ — Латышъ совершенно убѣждался

въ невинности Русскаго купца, и опять у него покупалъ. Онъ продастъ дешевле Нѣмца, въ придачу подчуетъ шнапсомъ, дастъ листовъ пять табаку, извѣстковую трубку, самъ еще засунетъ за ленточку шапки; если при тебѣ сынъ, или кто либо изъ малыхъ, и того не забудетъ, крендель или пряникъ грошевой подаритъ; при прощаніи, руку подастъ, спроситъ, изъ какой мызы, усадьбы, какъ имя, фамилія, служба, званіе. Пріѣдешь въ другой разъ въ городъ, а ужъ онъ тебя издали опознаетъ, зоветъ по имени! Лестно! Еще въ шутку назоветъ гордецомъ. Ну, взойдешь: чего нужно? Спроситъ: здорова ли жена, дѣти? Хоть онъ и знать не знаетъ, водятся ли у него жена и дѣти. До здоровья ихъ, тоже дѣла мало, а всётаки, въ случаѣ, укажетъ и лѣкарство: нужно, молъ, выпариться или чайку напиться. „А есть у васъ чай?“ — „Есть‘ — „Почемъ? Грошей на пять можно?“ — „Можно“ — Купецъ отпуститъ цыдулку трехгрошевую вмѣсто пятигрошевой, но во время вѣшанья и упоковки непремѣнно спроситъ: давноли въ Ригу пріѣхалъ, каковъ урожай, умолотъ, посѣвъ озимаго, что привезъ, кому, за сколько продалъ, пожалѣетъ, что дешево продалъ, онъ молъ больше бы далъ. Взойдетъ другой крестьянинъ — купецъ бросаетъ расспросы на полсловѣ, а Латышъ все тянетъ свой разсказъ, котораго купецъ не слушаетъ и даже не имѣлъ намѣренія слушать; онъ ужъ торгуется съ другимъ, зоветъ третьяго. Кончилъ Латышъ разсказъ, расплатился; тутъ лавочникъ еще ласковѣе проведетъ, поблагодаритъ за разсказъ, котораго не слушалъ, похвалитъ умъ, котораго тотъ не выказалъ; спроситъ еще: не волостной ли онъ? Мужикъ начинаетъ новую повѣсть про волостныхъ, ихъ глупость, несправедливости . . . а вотъ кабы я былъ, вотъ бы я! — Да, да! Ваша правда, скажетъ лавочникъ, кабы вы были волостнымъ, и намъ бы лучше было, а то просто бѣда; я удивляюсь, почему вы

не волостной, такой право умный!“ — Всё это для мужика Латыша, много и очень много значило.

И вотъ какъ сложилось наконецъ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ народа лучше Русскаго, нѣтъ хуже, гордѣе, наглѣе, драчливѣе, несправедливѣе Нѣмца. — „Русскій народъ добрый, и вѣра ихъ святая, самая старая — это мы знаемъ. Наша вѣра самая младшая, слабая, хоть и легкая, а та трудная.

„Правда, у нихъ постъ, да вѣдь и мы постимся круглую зиму, по нуждѣ. Этимъ насъ не испугаешь. Мы давно весь мясоѣдъ оставили господамъ.

„Русскій мужикъ, даромъ что крѣпко держитъ постъ, однимъ блюдомъ не доволенъ; подавай другое, а мы Латыши двухъ то не умѣемъ и ѣсть. Русскій поѣстъ хорошаго, полновѣснаго хлѣба, запьетъ квасомъ, чего нибудь еще потребуетъ, за то и не зябнетъ; идетъ зимою: грудь вольная, шея вольная и голая, а самъ красный, какъ будто изъ бани вышелъ, паръ такъ и валитъ, какъ съ добраго коня. А мы, кутаемся въ своихъ лохмотьяхъ, такъ, что и повернуться нельзя, а всё зябнемъ. Надѣнешь камзолъ, кафтанъ, шубу изъ разныхъ шкурокъ околѣвшей овцы, козла, телёнка: козлиная и телячія на спину и въ рукава, да сверхъ этой шубы еще шинель, а всё зябнешь, все продуваетъ вѣтеръ, да и какъ не зябнуть! Столько одёжи напялилъ, а все голъ гдѣ нибудь сквозитъ.“

Таково было общее настроеніе, когда пришла въ Ригу вѣсть *о теплой землѣ*, объ *Эйскѣ*, близъ Чернаго моря.

Не знаю, да и никто не знаетъ откуда, отъ кого, какими путями, пришла къ Латышамъ эта вѣсть; знаю только, что изъ Риги. Чего нибудь подобнаго, какого нибудь названія для бродившихъ въ народѣ надеждъ, всё ждали давно. Наконецъ, оно упало въ массу, какъ

будто съ неба, и вся Лифляндія заколыхалась, даже Петербургъ засуетился.

Только и было толковъ что о „теплой землѣ;“ но и они бы, можетъ быть, утихли сами собою, еслибы помѣщики и особенно пасторы, не заговорили о ней и о Россіи слишкомъ невоздержно и ядовито, и тѣмъ не обнаружили слишкомъ явно своего страха и озлобленія. Этимъ, они не уняли, а распалили народное воображеніе. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, кто не успѣлъ прежде заслужить довѣрія массъ, кто, долговременнымъ пренебреженіемъ, навсегда утратилъ право на ихъ сочувствіе, кого онѣ считаютъ заклятымъ врагомъ своимъ — тотъ лучше молчи; отъ него не примутъ и правды. Въ такія минуты и крикъ и угрозы, откудабы они ни шли, тоже не достигаютъ цѣли.

Разгоряченному и ослѣпленному внезапно блеснувшею передъ нимъ надеждою, говорить гнѣвныя рѣчи и стращать его — все равно что подливать масло въ огонь.

Не это нужно! Нужно внимательно и терпѣливо выслушать мужицкія, глупыя рѣчи; нужно умѣть вызвать крестьянъ на объясненіе ихъ жалобъ, надеждъ, желаній и плановъ, какъбы они ни были и противозаконны и нелѣпы; нужно еще умѣть понимать мужиковъ, знать заранѣе, что, по неумѣнію обращаться съ фактами, понятіями и словами, мужикъ часто переступаетъ мѣру говоритъ больше или меньше чѣмъ сколько есть, и оказывается неспособнымъ оправдать самую несомнѣнную правду; нужно помнить, что подобныя, повидимому совершенно безотчетныя колебанія въ массахъ никогда не бываютъ безъ общихъ, часто не съ разу видныхъ причинъ; нужно умѣть различать причины отъ поводовъ; сверхъ того — и это главное — нужно имѣть искренное желаніе и непоколебимое мужество добраться до самаго корня и выр-

вать его; нужно доискаться его непремѣнно и не останавливаться на полудорогѣ въ ту минуту, когда, не найдя его въ крестьянской избѣ приходится идти за нимъ въ дворянскій замокъ, въ тотъ самый, гдѣ мы стоимъ, гдѣ насъ ласкаютъ, гдѣ намъ такъ хорошо и пріятно въ кругу своихъ. Не тамъ ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ спрятанъ, этотъ вѣчно ускользающій вѣчно подрѣзываемый, и вѣчно проростающій корень всѣхъ Лифляндскихъ волненій?

Да! этого рода дѣла трудны и крайне непріятны для слѣдователей, но надобноже когда нибудь положить имъ конецъ. Вспомните: въ теченіи пятидесяти лѣтъ, сколько потрачено заботливости объ улучшеніи быта Лифляндскихъ крестьянъ? Сколько издано для нихъ положеній? Сколько принесено было дворянствомъ такъ называемыхъ *жертвъ*, которыхъ однако народъ не замѣчалъ; сколько объявлено дворянству благодарностей и благоволеній? И неужели вопросъ еще не рѣшенъ? Зная близко народный бытъ, я отвѣчаю смѣло: нѣтъ, не рѣшенъ. Корень волненій не вырванъ, они были, они есть теперь, они будутъ, можетъ быть въ формѣ новой и худшей.

Но чегоже, наконецъ, хотятъ Латыши? Что имъ нужно? Имъ нужно то, что̀ имѣетъ Россія, что ей дано: живая вѣра, одинъ Царь, не тысячи царьковъ, свобода обезпеченнаго быта и ощущеніе надъ собою закона, а не переодѣтаго въ законъ произвола; имъ нужно: сліяніе съ Россіею полное, во всѣхъ отношеніяхъ.

Они говорили: „мы хотимъ бѣжать въ Россію“ но это былъ неразумный вопль отчаянія. Это значило: „перенесите сюда Россію, вдвиньте ее въ Лифляндію. Къ несчастію, этого не поняли.

Движеніе 1841 года охватило почти весь *Остзейскій* край. Одна Курляндія (мнѣ кажется) осталась въ покоѣ, но не осталась въ долгу. Она тоже ясно заявила, хотя

гораздо позднѣе, свое желаніе переселиться въ Россію, получить то, что получилъ Русскій крестьянинъ и свое недовольство Лютеранствомъ; но народъ въ Курляндіи слишкомъ предубѣжденъ противъ Православія, и оттого неудовлетворенная религіозная потребность проложила себѣ тамъ другое русло — въ Анабаптизмъ *)

Латыши и Эсты повалили со всѣхъ сторонъ въ Ригу *записываться въ Православіе и въ Ѣйскій край.*

Ихъ пороли на мызахъ, въ Ригѣ, нетолько въ Ордиунгсъ-герихтѣ и въ полиціи, но и на городскихъ улицахъ. Сами пасторы теперь проговариваются и сознаются, что только розгами и палками и удалось удержать Латышей въ Лютеранствѣ.**)

И всѣтаки Латыши и Эсты не унимались такъ что наконецъ вздрогнула вся губернія, всѣ власти. Тутъ, раздалась зловѣщая вѣсть: въ Беверсгофѣ бунтъ, въ Эстляндіи, въ трехъ мѣстахъ, тоже бунтуютъ.

Какъ только удалось закрѣпить за народнымъ движеніемъ это страшное названіе — *бунтъ*, такъ все какъ будто прояснилось. Пора тревожнаго недоумѣнія прошла. Бунтъ — дѣло понятное и, какъ дѣйствовать противъ бунта — извѣстно всѣмъ властямъ. На это есть инструкціи и традиціи.

А всѣтаки я скажу, что этотъ Беверсгофскій бунтъ*)

*) Авторъ не совсѣмъ правъ, или, можетъ быть, эти строки были писаны до послѣднихъ происшествій въ Курляндіи и особенно на Ковенской ея границѣ. Дѣйствительно, тамъ свирѣпствуетъ, съ сильнымъ озлобленіемъ противъ Лютеранскаго духовенства, секта Анабаптистовъ, но именно въ послѣднее время тамъже обнаруживались явные признаки и стремленія къ Православію, разумѣется, всѣми мѣрами подавляемые сверху. (Пр. изд.)

**) Въ слѣдующемъ выпускѣ, я представлю въ доказательство печатныя свидѣтельства. (Пр. издат.)

*) Мѣстное дворянство и тогдашній Генер. Губ Баронъ Паленъ давно искали по всей Лифляндіи бунта. Наконецъ, имъ удалось найти или сочинить его на мызѣ Ней-Беверсгофъ Рижскаго Уѣзда. Туда были посланы рота Шлиссельбургскаго полка, 4 роты Ладожскаго и 50 Козаковъ. *Распо-*

въ 1841 году, правильнѣе было бы назвать не бунтомъ, а развѣ болѣзнью передъ родами; я назову его первымъ кризисомъ Лифляндскаго разслабленнаго.

ряжение этимъ отрядомъ было вѣрено депутату дворянства фонъ Нуммерсу. Вотъ именно чего хотѣлось дворянству показать Латышамъ, что Русская военная сила отдана въ услуженіе помѣщикамъ, и повести дѣло такъ, чтобъ эта сила надолго оставила по себѣ слѣдъ въ памяти крестьянъ кровавою экзекуціею. И была произведена экзекуція страшная, о которой и въ 1846 году всѣ еще говорили съ ужасомъ. Это дѣло, когда обстоятельства его дошли до свѣдѣнія покойнаго Государя, было одною изъ причинъ заставившихъ его потерять всякое довѣріе къ Барону Палену. (Пр. издат.)

II.

Второй кризисъ.

Первый кризисъ прошелъ. Виновники бунта, отчасти и подозрѣваемые въ участіи въ немъ, даже нѣкоторые крестьяне изъ другихъ мызъ, которые только желали оставить свою вѣру и свою родину, получили достойную мзду. Многіе нашли въ Беверсгофѣ конецъ своему жалкому существованію. И лучше: двухъ смертей не видать, а одной не миновать. Многіе потеряли совершенно свои внутренности; многимъ перепортили только животы, но впрочемъ такъ, что они уже болѣе не годились для переваривания мякины; нѣкоторые, нечаянно, уронили въ этой суматохѣ свои рёбра, спѣша сквозь строй, или вставая съ мѣста, чтобъ уступить другому солому и лужу крови, чтобъ могъ и онъ подлить въ нее своей. Долго надъ полями Беверсгофскими кружились вороны и сороки и долго, я думаю, эти поля, не требуя удобренія, давали хорошіе урожаи. Эту катастрофу нѣсколько разъ принимался разсказывать мой отецъ — онъ тоже былъ командированъ туда изъ нашей волости, смотрѣть это кровавое зрѣлище, для острастки, такъ какъ онъ былъ человѣкъ правдивый, характера прямаго и потому состоялъ на счету неблагонадежныхъ и опасныхъ — но онъ ни разу не могъ досказать всего; онъ захлебывался слезами.

У него, дѣйствительно, былъ престранный нравъ, а душа была бабья. Гдѣ только могъ помочь ближнему, помогалъ, не откладывая до другаго разу. Попросятъ у него чего нибудь, если онъ имѣлъ — отдавалъ; а не могъ помочь, бывало заплачетъ. Хозяинъ онъ былъ исправный, имѣлъ много скота, рогатаго и свиней и овецъ, и почтеннаго козла, мою верховую лошадь, и пару большихъ псовъ, моихъ друзей и товарищей; правда, онъ оставилъ по себѣ и должокъ: 5 пуръ т. е. 11 пудовъ казенной муки. Съ этимъ долгомъ мы бы и по сю пору не справились, еслибы не помогли — спасибо имъ — волостной старшина, помѣщикъ и кирхшпильсъ-герихтъ. Пришли они на подмогу съ топоромъ и ломомъ, разломили клѣти, отбили замки, и продали все что нашли съ публичнаго торгу; затѣмъ, насъ взяли подъ опеку, то есть выбросили безъ куска хлѣба на большую дорогу, и очутились мы на новой, великолѣпной квартирѣ: безъ крыши, дверей, фундамента и оконъ, въ помѣщеніи, гдѣ прежде хранилась мякина. Да это еще не всё: взялись серьезно хлопотать о нашемъ долгѣ, потащили мать мою въ городъ и посадили ее въ тюрьму; словомъ: измучились изъ за насъ сердечные и наконецъ таки выплатили долгъ, да такъ, что и всѣмъ заботамъ конецъ — ничего не осталось: ни долгу, ни денегъ. Какъ это они такъ устроили, вѣдаетъ Богъ. Вотъ что значитъ *разумный* старшина (ein verständiger Vorsteher . . .*)

Но я уклонился въ сторону и невольно забѣжалъ впередъ. Я сказалъ, что отецъ мой не могъ обстоятельно описать всего Беверсгофскаго побоища; однако, все отъ него слышанное глубоко врѣзалось въ мою память. „Это было — говаривалъ онъ — не наказаніе людей, это была бойня. Людей такими жердинками не наказываютъ. Да и

*) Лифлянд. Крест. Уложеніе 1860 года. § 359.

счетомъ многовато, несообразно ни съ лѣтами ни съ поломъ. Мальчишку лѣтъ 12 или 13ти сѣкли такъ, что и взрослому не вытерпѣть. Какой нибудь дряхлой старухѣ, изсохшей и растрѣскавшейся какъ древесный грибъ, отсчитывали до 100 палокъ.

„Или, старика, съ виду похожаго на ѣловую шишку, гоняли два раза сквозь строй; а онъ и разу путемъ не прошелъ. Положатъ его на колёса и везутъ солдаты мертваго, колотятъ какъ по мѣшку, палками, а начальникъ идетъ позади фронта, съ мѣлкомъ въ рукѣ, и ставитъ на спинѣ крестъ тому, кто не ударитъ или ударитъ мягко. Этихъ несчастныхъ тутъже раскладывали и страшно сѣкли. Но были и герои, въ полномъ смыслѣ этого слова. Нѣсколько молодыхъ парней прошли сквозь строй и не крикнули. Одинъ, ужъ пожилой мужикъ — имени его не запомню, но прозвище знаю, не забуду никогда — онъ былъ должностной по волости, стараго покроя мужикъ, носилъ еще заплетенную позади косу. Мужикъ былъ дѣйствительно толковый и горевалъ, что другіе его не понимали и портили всё дѣло. Фамилія этого героя — Апша. Тотъ, кажется, прошелъ сквозь строй три раза: его, и нѣсколькихъ другихъ, наказывали строже всѣхъ. И этотъ Апша не издалъ ни одного звука, ни одного стона, только вздрагивалъ при каждомъ ударѣ; шелъ бодро, прямо, мѣрно, на концахъ поворачивалъ скоро и круто. Только въ третій разъ, началъ то блѣднѣть, то темнѣть. Прошелъ и сталъ; ему принесли рубашку и солдаты хотѣли надѣть на него; но онъ самъ взялъ ее; пока докторъ смазывалъ чѣмъто его избитую до костей спину, онъ обрывалъ самъ свою кожу, которая болталась на немъ какъ тряпье. Выпилъ шайку воды, широко перекрестился и надѣлъ рубашку, благословивъ и ее крестнымъ знаменіемъ.“

— Вотъ вамъ и Лифляндскій Остапъ! По окончаніи этой кровавой сцены, какойто страшный господинъ, съ возвы-

шеннаго мѣста, съ котораго читались приговоры каждому изъ осужденныхъ, объявилъ всѣмъ согнаннымъ зрителямъ: „такъ будетъ наказанъ всякій кто пожелаетъ идти въ теплую землю, кто вздумаетъ принять Русскую вѣру, кто осмѣлится не слушаться помѣщиковъ и пасторовъ, а будетъ вѣрить обманщикамъ — возмутителямъ.“ Все это выстоялъ и выслушалъ мой отецъ, и всётаки не послушался. Ровно черезъ 4 года, онъ присоединился къ Русской, Православной вѣрѣ. За тоже и Нѣмцы сдержали слово, и уморили его въ тюрьмѣ. По объ этомъ рѣчь впереди.

Видя такой исходъ задуманнаго ею дѣла, первая группа (т. е та часть Латышей), которая искала не преобразованія Лютеранства, а новой вѣры и новой земли, понурила голову какъ апостолъ Петръ, когда онъ отсѣкъ ухо архіерейскому слугѣ Малху, и когда Спаситель сказалъ ему: „вложи мечь твой въ ножны.“ Не тожели было сказано и Латышу въ Беверсгофѣ? Наступила какаято мертвая, гробовая тишина, перерываемая только проклятіями пасторовъ и мелкими экзекуціями на мызныхъ дворахъ. Пригорюнилась первая группа, призадумалась и, наконецъ, почти вся цѣликомъ, пристала ко второй группѣ, т. е. къ Гернгутерамъ и съ ними слилась.

Гернгутеры, тѣмъ временемъ, работали неутомимо, даже не оглядываясь на поношенія и насмѣшки сыпавшіяся на ихъ головы.

Ихъ молитвенные дома умножались, не только въ селахъ, но и въ городахъ; на мѣсто душныхъ избъ, стали появляться новыя, нарочно выстроенныя помѣщенія, часто близь самыхъ кирокъ. Братства росли не по днямъ, а по часамъ. Клеветамъ, доносамъ, ругательствамъ со стороны пасторовъ сознававшихъ свое безсиліе не было конца.

Но всё это переносилось съ неподражаемымъ терпѣніемъ. Посудите сами: человѣкъ отправляется каждый

воскресный и праздничный день въ кирку; и при этомъ навѣрное знаетъ, что онъ не услышитъ ровно ничего такого, чтобы утѣшило, ободрило или вразумило его, а услышитъ всё старое, давно избитое: сплетни, брань и клеветы.

И всётаки, онъ идетъ, встаетъ рано утромъ, иногда не давъ себѣ времени отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, спѣшитъ сперва на утреннюю молитву въ молитвенный домъ, потомъ къ службѣ — въ кирку, потомъ опять въ молитвенный домъ, слушать бесѣды своегоже брата крестьянина. Говорили больше люди начитанные и опытные, по очереди, одинъ за другимъ. Говорившій садился за особый столикъ, на первое мѣсто; говорили всё на память, и разумѣется, безъ приготовленія. Выраженія, тонъ, мысли и слова — всё библейское.

При этомъ, особенно замѣчательно, что въ этихъ бесѣдахъ совершенно перестали обличать пасторовъ и отвѣчать на ихъ клеветы и ругательства, такъ глубоко братчики приняли къ сердцу свое коренное правило: доказывать свою вѣру не словами, а дѣлами.

Нѣкоторые изъ этихъ самородныхъ проповѣдниковъ, правда, слишкомъ громко, вскрикивали, размахивали руками и горячились, но они не имѣли успѣха. Слушатели предпочитали тихую, спокойную рѣчь, проникнутую сдержаннымъ чувствомъ. Бывали между ними истинно даровитые, которыхъ слово лилось изъ глубины души и приводило въ умиленіе. Посѣщая молитвенные дома, я самъ слышалъ такихъ и, между прочими, замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ — Давида Баллода. У него такъ называемое „возбужденіе чувства“ являлось не въ концѣ только проповѣди, а проникало ее всю, отъ начала до конца. Въ скорбяхъ, въ болѣзняхъ, несчастіяхъ, я не встрѣчалъ подобнаго отцу Давиду утѣшителя. Объ немъ еще будетъ говорено ниже.

Однако, терпѣніе и покорность Латышей не обезоружили ихъ гонителей.

Казалось, что расплата за Беверсгофскій бунтъ никогда не кончится. Объ немъ безпрестанно напоминали и мстили за него по мелочамъ, всѣмъ попадавшимся подъ руку, мущинамъ и женщинамъ. Истязанія на поляхъ и мызахъ стали учащаться, палки, какъ будто, стали толще. Смотрите: управляющій приказываетъ старостѣ взять мужика за ноги, пропустить ихъ себѣ подъ мышки и держать крѣпко, а самъ дубинкой работаетъ по заду сколько душѣ угодно — я это видѣлъ самъ. Разскажу еще одну, послѣднюю этого рода сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того, я поступилъ въ школу. Собирали на мызѣ кортофель, впрягли нѣсколько четверокъ въ бороны, и раздѣлились собиратели; за хорошими боронильщиками пошли хорошіе собиратели, а за плохими — плохіе. За послѣдними (плебеями) пошелъ и управляющій. Мужикъ (знаю имя и фамилію и прозвище) былъ неврачный, также какъ и мы, вѣроисповѣданія православнаго. Управляющій хлыстнулъ его по спинѣ: разъ, другой, третій . . . насъ пронялъ страхъ; у боронильщика выступили слезы, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „вскачь я не могу гнать!“ Это было все тоже, что спичку поднести къ огню. Тутъ пошла такая тростниковая дробь, что я и счетъ потерялъ; съ перепугу, какъ слѣпая курица, хваталъ комки земли и камни, и клалъ ихъ вмѣсто картофеля въ ведро; наложилъ полное ведро, сталъ сыпать. Смотрю: мужикъ не выдержалъ, вырвалъ камышевую трость съ желѣзнымъ набалдашникомъ изъ рукъ управляющаго и хотѣлъ переломить, но не осилилъ ее, только перегнулъ ее, впрочемъ такъ, что она стала негодна въ употребленіе. Дѣло было около самой мызы, недалеко отъ большаго дуба, на вершинѣ котораго аистово гнѣздо. Управляющій пошелъ на мызу, но тутъ показался въ воротахъ самъ

помѣщикъ. Остановились, переговорили, подошли оба къ намъ. Помѣщикъ приказалъ остановить работу; подозвалъ къ себѣ солдата ходившаго по билету и приказалъ ему вырѣзать десять палокъ. Мы всѣ стояли безъ шапокъ, и солдатъ рѣзалъ безъ шапки. Помѣщикъ приказалъ провинившемуся мужику снять камзолъ, а другому держать его за воротъ рубашки обѣими руками, подъ самое горло. Солдатъ, ударивъ палкой разъ, бросалъ ее и бралъ новую, до тѣхъ поръ пока перебралъ всѣ десять.*) По окончаніи работы, избитый мужикъ пошелъ къ мѣстному священнику. Черезъ нѣсколько времени, ихъ потребовали въ Приходскій Судъ. Дѣло было слишкомъ явно, потому что случилось днёмъ, то есть въ то время, когда въ Лифляндіи занялась было заря Православія и правды. Увѣртокъ не могло быть, ибо, за отсутствіемъ другихъ свидѣтелей, моглабы свидѣтельствовать изсѣченная спина крестьянина.

Поэтому, повернули дѣло на мировую. Спросили у мужика, чего онъ хочетъ? Управляющій отдѣлался, кажется, 10 руб. серебромъ. Значитъ: „дѣло въ шапкѣ — говорили крестьяне — и теперь ужъ можно и деньгу получить за побои, а прежде, съ сѣченнаго брали по 15 к. сер. за труды.“

Упоминать ли еще о томъ, что этотъ же помѣщикъ, собственноручно, въ этихъже воротахъ, отхлесталъ мать мою хворостиной, которою пастухи гоняютъ коровъ, за то, что та осмѣлилась придти на мызу и попросить для насъ, дѣтей своихъ, хлѣба? Моя мать отнесла эту хворостину съ Ригу, показала ее Преосвященному Филарету, а Фи-

* Вспомните, что все это дѣлалось съ людьми *свободными*, что крѣпостное право было отмѣнено 40 лѣтъ тому назадъ, и что правительство находило ненужнымъ вступаться въ хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и опекать первыхъ, такъ какъ они считались полноправными личностями. (Пр. изд.)

ларетъ отправилъ ее, вмѣстѣ съ моею матерью, къ Генералъ-Губернатору Головину.**) Это я слышалъ, но очевидцемъ при этомъ не былъ.

Я сказалъ, что Гернгутеры находились въ положеніи сравнительно лучшемъ. Во первыхъ, за нѣкоторыми исключеніями, помѣщики оказывали имъ терпимость, а иногда и покровительство; во вторыхъ, главные члены и руководители братствъ принадлежали къ деревенской аристократіи, то есть къ разряду состоятельныхъ крестьянъ хозяевъ и форминдеровъ; за то, они подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ со стороны пасторовъ, которымъ не разъ удавалось разгонять ихъ сходки и запечатывать ихъ молитвенные дома. Въ то время, покончивъ съ первою группою, Лютеранское духовенство, не предусматривало для себя опасности со стороны Православія и въ возможность его распространенія въ народѣ не вѣрило, несмотря на нѣкоторые довольно знаменательные признаки. Такъ, въ одномъ приходѣ, Гернгутеры выведенные изъ терпѣнія своимъ пасторомъ, сказали ему прямо: „мы всѣ перейдемъ въ Православіе, если вы не перестанете ругаться!" — Пасторъ на это отвѣчалъ: „чтожъ! идите! я тоже перекрещусь, и навѣрное новое начальство оставитъ меня тутъже, надъ вами Священникомъ." Нѣтъ сомнѣнія, что Гернгутерство имѣло значеніе только какъ протестъ и какъ свидѣтельство искренней, живой и неудовлетворенной религіозной потребности. Само по себѣ, оно было не въ силахъ создать чтолибо самостоятельное и потому, рано или поздно, должно было примкнуть къ Православной Церкви. Но также несомнѣнно и то, что слѣпое озлобленіе пасторовъ ускорило это движеніе и втолкнуло Гернгутеровъ въ единственныя отверзтыя передъ ними врата Церкви. Какъ это случилось, можно всего лучше видѣть по примѣру одного человѣка, тогоже Давида Баллода, о которомъ я уже упоминалъ, этомъ бывшемъ крестьянинѣ, потомъ проповѣдникѣ въ Гернгутерской общинѣ, наконецъ, Православномъ Священникѣ Лаудонской Іоанно — Предтеченской Церкви.

*) Понятно ли теперь отчего Лифляндское дворянство такъ часто настаивало на томъ, чтобы священники не принимали отъ крестьянъ никакихъ жалобъ и не вмѣшивались въ мірскія дѣла? Не въ свойствѣ ли этихъ дѣлъ, разгадка домогательствъ? (Пр изд.)

Я разскажу нѣкоторыя черты изъ жизни этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ я много бесѣдовалъ въ то время когда я былъ молодъ, а онъ уже въ сѣдинахъ: его состязаніе съ пасторомъ, его дѣйствія въ должности волостнаго, преслѣдованія имъ испытанныя и, наконецъ, его обращеніе. Пасторъ того прихода, въ которомъ проживалъ Баллодъ былъ человѣкъ вспыльчивый и ожесточенный врагъ Гернгутеровъ. Видя, что проповѣди его, произносимыя съ каѳедры, не производятъ никакого дѣйствія, онъ разъ прибѣжалъ самъ въ молитвенный домъ, послѣ службы въ киркѣ, въ то время, когда уже началась бесѣда и сталъ горячиться. Его остановили, очень спокойно замѣтили ему, что тутъ не мѣсто спорить, потому что много народу, и попросили его въ другую комнату. Едва только пасторъ перешагнулъ порогъ, какъ затопалъ ногами и закричалъ; но его опять попросили быть потише и прибавили: безъ шума, безъ гнѣва, вы можете говорить всё; мы всё выслушаемъ и дадимъ отвѣтъ. Начался диспутъ.

Пасторъ: „какъ вы смѣете проповѣдывать? Кто вамъ далъ на то право?"

Баллодъ: „также, какъ и вы; тотъже кто и вамъ. Покажите: гдѣ сказано, что вы имѣете право, а намъ запрещено — вотъ библія?"

П. „Кто васъ избралъ и поставилъ на эту должность?"

Б. „Тѣже кто и васъ. Вы избраны и насъ они же избрали себѣ въ учителя, а вамъ въ помощники"

П. „Не нужны мнѣ такіе помощники, не нужны; развѣ я самъ не проповѣдую?“

Б. „Если вы не нуждаетесь, то они нуждаются. Посмотрите сколько народу! Пока не было насъ, сколько разъ случалось, что кирка бывала пуста, а корчмы полны? — Посмотрите теперь: они насъ слушаютъ охотнѣе чѣмъ васъ. Вы звали въ кирку, кричали, кляли, а люди всё не шли; а теперь, и къ утрени сюда придутъ, и въ киркѣ посидятъ, и къ вечернѣ придутъ сюдаже. Значитъ: мы нужны, необходимы, если не для васъ, то для нихъ. Вы проповѣдуете, это правда, но очень рѣдко; хорошо — но чаще клянете; за чтоже?“

П. „Почему вы въ киркѣ не остаетесь? тамъ бы и проповѣдывали?“

Б. „Если вы насъ и отсюда гоните, то неужели потерпѣли бы насъ въ киркѣ?“

П. „Ваши собранія — собранія развратниковъ!“

Б. „Говорите, господинъ пасторъ, но говорите обдуманно! Давно мы слышимъ обвиненія въ развратѣ отъ людей въ развратѣ погрязшихъ и не требуемъ отъ нихъ доказательствъ — ихъ обличаютъ ихъ дѣла. Слышали мы тоже обвиненіе и отъ васъ, съ каѳедры, и приписывали это тому, что вы были въ гнѣвѣ. Теперь, мы стоимъ лицемъ къ лицу, изъ устъ въ уста говоримъ; укажите виновныхъ. Назовите ихъ и предъявите доказательства. Скажите намъ: сколько довелось вамъ окрестить незаконнорожденныхъ дѣтей прижитыхъ нами и тѣми, которые посѣщаютъ наши собранія? Вы этого не скажете. Мы наполняемъ кирки народомъ, а вы его гоните. У насъ научаются и взрослые и дѣти познавать Бога, читать и пѣть, а въ киркахъ забываетъ и тотъ кто зналъ. Чьи дѣти лучше читаютъ: дѣти ли тѣхъ, которые насъ поносятъ, или тѣхъ, которые сюда ходятъ? А вы — мы знаемъ это: вооружаете противъ насъ, обязуете присягой

не ходить сюда, возстановляете противъ насъ молодыхъ людей на конфирмаціяхъ, въ томъ числѣ и нашихъ же дѣтей противъ насъ, ихъ родителей! Грѣхъ вамъ и грѣхъ тяжелый! Вы мертвите вѣру, и за то, что мы живимъ ее, вы насъ гоните какъ Савлъ.“

Долго еще длился споръ; наконецъ, пасторъ выбѣжалъ хлопнувъ дверью; но не могъ простить своего пораженія и бѣдный Баллодъ поплатился дорого за свою побѣду.

Это случилось правда не сейчасъ. Долгое время доносы и жалобы пастора помѣщику той мызы оставались безъ всякаго дѣйствія. Помѣщикъ видѣлъ въ Баллодахъ трудолюбивыхъ, умныхъ и благочестивыхъ крестьянъ и потому не трогалъ ихъ.

Давида Баллода, несмотря на его молодость, избрали въ должность волостнаго старшины. Быть старшиною, въ Лифляндіи, значитъ: смотрѣть за общественнымъ сундукомъ съ деньгами, принимать, разбирать на мѣстѣ и улаживать жалобы и споры, а чего не удастся уладить, то передавать волостному суду, гдѣ старшина, по судебной части, не имѣетъ голоса. Главная же его обязанность состоитъ въ смотрѣніи за хлѣбнымъ магазиномъ, въ выдачѣ весною хлѣба и сѣмянъ всякому хозяину, который въ томъ нуждается или проситъ, а осенью, въ истребованіи возврата и въ пріемѣ ссудъ.

Отецъ Баллодовъ обучилъ своихъ сыновей писать и отчасти ариѳметикѣ. Давидъ Баллодъ отказывался быть старшиной, ибо зналъ изъ опыта, что это должность опасная и сопряженная со многими непріятностями. Весною всё просили, а осенью, никто не хотѣлъ возвращать, отговариваясь неимѣніемъ хлѣба и прося отсрочки.

Однако, Баллоду не удалось отвертѣться. Зная какія подлоги и несправедливости позволяли себѣ его предшественники, онъ повелъ дѣло совершенно иначе чѣмъ они. Выдачи записывалъ волостной писарь, но, независимо отъ

этого, самъ Баллодъ завелъ для себя карманную тетрадку и акуратно отмѣчалъ въ ней: кто, когда, сколько и чего взялъ изъ общественнаго магазина, а осенью, опять отмѣчалъ: кто, когда, сколько и чего возвратилъ.

Въ этомъ отношеніи, ему помогъ своими предостереженіями старшій его братъ Иванъ, который тоже былъ старшиною въ томъ же судѣ. Заведя строгій учетъ по пріему и отпуску хлѣба, Давидъ Баллодъ навѣрное зналъ, что непріятностей ему не миновать, но онъ былъ характера твердаго и правдиваго и, при этомъ, надѣялся, что въ случаѣ надобности, всегда будетъ въ состояніи доказать передъ какимъ угодно судомъ свою правоту.

Весною, волостные засѣдатели первые заявили, что имъ нужно то да то. Давидъ Баллодъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что они вовсе не нуждались ни въ чёмъ, но нечего было дѣлать, нельзя было отказать.

Наступила осень и Баллодъ объявилъ всей волости, что пора возвратить въ магазинъ занятой хлѣбъ.

Многіе, со слезами, умоляли дать имъ отсрочку, увѣряя, что нечего внести; но Д. Баллодъ крѣпко стоялъ на томъ, чтобъ отдали хоть что нибудь и чѣмъ нибудь, хоть картофелемъ или капустою, и наконецъ, послѣ долгихъ турдовъ, добился таки того, что всѣ внесли отпущенный имъ хлѣбъ, кромѣ однако волостныхъ засѣдателей.

Д. Баллодъ потребовалъ и отъ нихъ. За такую неожиданную дерзость, они ему пригрозили и сказали: „мы тебя проучимъ!“ — „Сдѣлайте милость, учите“ отвѣчалъ Баллодъ „вы старше меня; я всегда готовъ выслушать умный совѣтъ.“

Прошла недѣля, другая, а засѣдатели не везутъ хлѣба въ магазинъ. Тутъ уже Баллодъ потребовалъ настоятельно и объявилъ, что если въ слѣдующую недѣлю хлѣбъ не будетъ внесенъ, то онъ огласитъ это по всей волости и будетъ жаловаться въ высшій судъ.

Тутъ Баллодъ услышалъ отъ засѣдателей обѣщанное наставленіе: „зачѣмъ намъ возвращать взятый хлѣбъ? — Лучше и ты бери свою часть безъ возврата, мы уже знаемъ какъ это дѣло устроить. Не первый разъ!“ Давидъ Баллодъ, выслушавъ ихъ, отвѣчалъ: „такъ вотъ оно обѣщанное мнѣ наставленіе? И вы, не зная меня, такъ таки прямо и совѣтуете мнѣ примкнуть къ шайкѣ воровъ? Вы хотите, чтобъ и я обкрадывалъ своихъ бѣдныхъ братьевъ? По мнѣ, такіе воры опаснѣе ночныхъ. Имъ даже не нужно прибѣгать къ взлому, потомучто имъ же вручены ключи, какъ отъ магазина, такъ и отъ сундука! Напрасно однако вы хлопочете; я не изъ тѣхъ волостныхъ и магазинщиковъ, о которыхъ давно уже ходитъ слишкомъ, къ несчастію, вѣрная поговорка. Если кто спроситъ у Латыша: „есть у васъ воры?“ — то онъ, не задумываясь, отвѣчаетъ: нѣтъ, у насъ всѣ воры размѣщены по должностямъ и выбраны въ засѣдатели или въ старшины. — Пора положить этому конецъ. Я приказываю и требую въ послѣдній разъ, чтобы не далѣе какъ завтра, весь отпущенный вамъ хлѣбъ былъ осыпанъ.“

Нечего было дѣлать — пришлось исполнить. Засѣдатели, на другой же день, привезли хлѣбъ, молча ссыпали и молча посматривали какъ Баллодъ ровнялъ мѣру и записывалъ; онъ не простилъ имъ и процентовъ; отдали все, какъ слѣдовало, какъ и простые мужики. Они сгорали отъ стыда и досады; да и не они одни.

Такое неожиданное осрамленіе старыхъ, опытныхъ засѣдателей и внезапное искорененіе обычнаго злоупотребленія не пришлось по душѣ ни пастору, ни управляющему. По истеченіи трехлѣтняго срока службы, Баллода вновь не выбрали и онъ выбылъ изъ должности; но его недоброжелатели этимъ не удовольствовались.

Пасторъ, давно на него злившійся, обрадовался случаю отомстить ему подъ предлогомъ заступничества за

„толковыхъ и опытныхъ“ засѣдателей. Gott sei Dank — подумалъ онъ: вотъ теперь то время благопріятно! Теперь я имѣю такое орудіе, которымъ могу навѣрное выжить Д. Баллода если не изъ своего прихода, то, по крайней мѣрѣ, изъ этой волости, и тѣмъ избавиться отъ близкаго сосѣдства съ молитвеннымъ домомъ и хоть отъ одного самороднаго проповѣдника.

Пасторъ намекнулъ, что Д. Баллода мало наказали, лишивъ должности, и что нужно выгнать его изъ дома. Управляющему стоило для этого сказать одно всемогущее слово: „ты долженъ очистить усадьбу“ — сказано и сдѣлано. Къ несчастію, этотъ управляющій, человѣкъ безграмотный, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ помѣщика и что́ хотѣлъ то и дѣлалъ. Помѣщикъ этого имѣнія, хотя и былъ человѣкъ добрый, но пойти противъ желанія управляющаго, который ради его пользы отказался отъ выгодной женитьбы, было для него невозможно.

Такимъ образомъ, по проискамъ пастора, который научилъ управляющаго, Баллодъ, безъ всякой вины, лишился своей усадьбы, служившей сборнымъ мѣстомъ для Гернгутеровъ. Зная непримиримую злобу и мстительный характеръ пастора, Баллодъ не могъ не ожидать новыхъ преслѣдованій и, хотя благодушный но слабый помѣщикъ жалѣлъ его, какъ трудолюбиваго хозяина и благочестиваго Христіанина, рѣшился продать свое имущество и уйти совершенно, подальше отъ глазъ своего пастора.

Онъ взялъ паспортъ и перебрался на жительство въ Ригу, а въ прежнемъ своемъ приходѣ оставилъ своего старшаго брата Ивана, трудиться на пользу своимъ братьямъ и бороться съ пасторомъ. Съ этимъ братомъ — Иваномъ Баллодомъ, пастору не легко было тягаться. Они жили въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ, почти ежедневно встрѣчались и почти ежедневно спорили.

Иванъ Баллодъ жилъ недалеко отъ кирки, въ корчмѣ,

былъ кузнецъ и, въ тоже время, обработывалъ землю придѣленную къ корчмѣ. Онъ былъ засѣдателемъ въ волостномъ судѣ, потомъ въ приходскомъ, и получилъ, какъ я читалъ въ Латышскихъ газетахъ, медаль за усердіе.

Избралъ онъ себѣ для жительства корчму не ради прибыли, а единственно для посильнаго вразумленія и исправленія своихъ братьевъ Латышей. Стариковъ онъ всѣхъ почти привлекъ на свою сторону, но съ молодежью ничего не могъ подѣлать. Какъ только она побываетъ на конфирмаціи, въ рукахъ пастора, наслушается у него всякихъ клеветъ на Гернгутеровъ, присягнетъ не имѣть съ ними общенія, такъ послѣ этого и бросалась въ распутство и безвѣріе. Ив. Баллодъ все это видѣлъ и зналъ, но не падалъ духомъ. Пасторъ не разъ уже запечатывалъ молитвенный домъ; онъ даже упросилъ тогоже управляющаго и того хозяина, на чьей землѣ былъ выстроенъ этотъ молитвенный домъ, опахать его кругомъ, до самыхъ стѣнъ и дверей, такъ, чтобы къ нему не оставалось и прохода. Словомъ, пасторъ работалъ безъ устали до тѣхъ поръ, пока не раздавилъ Гернгутеровъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уничтожилъ въ своемъ приходѣ всякую вѣру вообще, оставивъ свою паству при одномъ названіи Лютеранъ, а на самомъ дѣлѣ, при полнѣйшемъ безбожіи. Я уже сказалъ выше, что въ корчмы ходили ночевать молодые конфирманціанты. Около самой кирки и пастората, корчемъ было довольно, никакъ три или четыре.

Въ одной изъ нихъ, жилъ Ив. Баллодъ. Послѣ долгихъ трудовъ и многихъ непріятностей, ему удалось таки наконецъ добиться, чтобы всѣ дѣвушки, однѣ дѣвушки, ходили обѣдать и ночевать особнякомъ отъ мущинъ и только въ его корчму. Цѣль его была, насколько онъ могъ, избавить ихъ отъ соблазна и разврата. Хотя и здѣсь пасторъ всячески ему мѣшалъ, но это однако удалось Ив. Баллоду, такъ какъ онъ былъ силенъ и словомъ и дѣломъ,

имѣлъ вѣсъ по занимаемой имъ должности, и главное — былъ любимъ и уважаемъ всѣмъ приходомъ. Онъ взялся за искорененіе сквернаго обычая горячо и круто. Во время конфирмацій, по ночамъ, вставалъ самъ, обходилъ спящихъ и частёхонько находилъ парней въ дѣвичьей. Для нихъ у него нарочно была припасена нагайка и многіе на себѣ испытали дѣйствительность этого орудія. Иногда и дѣвки пропадали по ночамъ, ускользая отъ его надзора; сперва онъ ихъ усовѣщивалъ, а попадавшихся по нѣскольку разъ, тоже наказывалъ, заставляя ихъ стоять на колѣняхъ, на щебнѣ. Молодежь зароптала на строгаго наставника, а пасторъ этимъ воспользовался и раздулъ неудовольствіе. Это было очень не трудно; стоило только разными намёками насулить всякихъ поблажекъ разгоряченнымъ страстямъ.

Наконецъ, черезъ того же управляющаго, пастору удалось и Ивана Баллода выжить изъ корчмы. Предлогомъ послужилъ какой то овинъ выстроенный имъ на слишкомъ близкомъ разстояніи отъ молитвеннаго дома и въ ненастную погоду служившій пріютомъ для приходившихъ на молитву рано утромъ, когда еще домъ не былъ отпертъ.

Между тѣмъ, другой Баллодъ, Давидъ, перебравшійся въ Ригу, нашелъ тамъ туже духовную жажду въ пасомыхъ, тоже нерадѣніе въ пастыряхъ, туже съ ихъ стороны ненависть къ Латышамъ.

Городскіе Латыши обрадовались прибытію своего знаменитаго проповѣдника. По неотступной ихъ просьбѣ, онъ долженъ былъ, во чтобы ни стало, открыть Гернгутерскій молитвенный домъ не въ далекѣ отъ Православной Покровской Церкви, на Петербургскомъ форштатѣ.

Собрали деньги, наняли домъ, устроили всё какъ слѣдуетъ, и Д. Баллодъ открылъ свою Гернгутерскую каѳедру. Много и долго боролся онъ съ городскими пасторами; но главнымъ, заклятымъ врагомъ его былъ пасторъ кирки Св. Яна, Трей — редакторъ и издатель извѣстной газеты: „Другъ Латышей" тотъ самый, который за поношеніе Православной Церкви словесно и печатно, былъ осужденъ, по донесенію Д. Баллода Преосвященному Филарету.*)

Послѣ нѣсколькихъ для него очень неудачныхъ состязаній съ Гернгутерами, пасторъ Трей бросилъ всякую надежду побѣдить ихъ словомъ и обратился къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству, т. е. къ доносу. Онъ представилъ полиціи, что собранія Гернгутеровъ побуждаютъ Латышей къ бунту и уговорилъ ее запечатать ихъ недавно устроенный въ Ригѣ молитвенный домъ. Полиція конечно знала, что это была клевета, но всётаки не отказалась послужить орудіемъ ненависти пастора.

Баллодъ и его послѣдователи, когда узнали объ этомъ, собрались на совѣщаніе, поговорили, обсудили свое положеніе и порѣшили на томъ, что больше ничего не остается, какъ всѣмъ перейти въ Русскую вѣру. Баллодъ захотѣлъ однако еще разъ поговорить съ своимъ гонителемъ; онъ взялъ подъ мышку Библію и отправился къ п. Трею узнать причину: почему именно онъ запечаталъ молитвенный домъ?

Состязаніе между ними продолжалось долго. Давидъ Баллодъ пересчиталъ по пальцамъ всѣ обвинительные пункты противъ Лютеранскаго духовенства; онъ указалъ на безвѣріе, нерадѣніе, лѣность, вымогательства, надменность и недоступность какъ самаго Трея, такъ и другихъ пасторовъ; потомъ открылъ Библію, прочиталъ ему 34

---

*) Отдѣльная брошюра и статьи Латышской газеты, въ которыхъ пасторъ Трей поносилъ Православіе стали выходить еще до Беверсгофскаго бунта, когда движеніе Латышей въ Православіе только что готовилось (Пр. автора.)

гл. изъ книги Прор. Іезекиля, закрылъ книгу и сказалъ: небо и земля прейдутъ, но не прейдетъ ни одно слово, ни одна іота изъ этой книги. Вы не вѣрите, что прочтенный мною приговоръ написанъ для васъ? Невидимый перстъ Божій уже начертываетъ роковыя слова: „исчислено, измѣрено, взвѣшено!“ а вы еще смѣетесь! Я не въ силахъ вразумить васъ, но скоро дѣло докажетъ, относятся ли къ вамъ слова пророка о нерадивыхъ пастыряхъ, пасущихъ не овецъ имъ ввѣренныхъ, а самихъ себя.“ Понятно, что послѣ такого объясненія, не могло быть мѣста для мира.

Изъ покоевъ Трея, Давидъ Баллодъ отправился прямо къ Преосвященному Рижскому Епископу Филарету, разсказалъ ему, хотя и ломаннымъ Русскимъ діалектомъ всё, какъ свое личное, такъ и общее дѣло, и выразилъ отъ себя и за своихъ братьевъ твердое желаніе присоединиться къ Православію, на что, разумѣется, получилъ благословеніе незабвеннаго нашего Архипастыря. Такимъ образомъ, Давидъ Баллодъ присоединился къ Православной Церкви. Присоединился! Давидъ Баллодъ присоединился! . . . . .

Вѣсть объ этомъ разнеслась по Лифляндіи и Эстляндіи съ быстротою молніи. Она проникла въ трущобы, въ лѣса и болота, повидимому совершенно разобщенныя съ міромъ, и заглянула въ такія жилья куда не проникалъ никогда и солночный свѣтъ.

Дѣйствіе ея было потрясающее. Всѣ остальныя заботы на время притихли и никакихъ другихъ толковъ въ народѣ не было, какъ о присоединеніи или, какъ говорили Латыши, о перекрещеніи Давида Баллода. При этомъ замѣчательно, что никому, ни на минуту, не пришло въ голову взглянуть на это происшествіе какъ на явленіе случайное и единичное, то есть, какъ на дѣло лично относящееся до одного Баллода; но всѣ, не сговариваясь, почуяли въ немъ разомъ начало общаго движенія и какъ бы переломъ въ ихъ собственной судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что Латыши давно уже чувствовали, что они непремѣнно присоединятся, во чтобы ни стало: но никакъ не ожидали, чтобъ это могло совершиться именно въ этотъ моментъ, такъ скоро и — это главное — такъ безпрепятственно. Бевергофское побоище было еще у всѣхъ свѣже въ памяти. И въ послѣдствіи: присоединились, а всё какъ будто не довѣряли самимъ себѣ, дѣйствительно ли присоединились, не во снѣ ли это? Очнулись лишь тогда, когда начали сажать въ тюрьмы и пороть вездѣ, въ городахъ и на мызахъ. Кто хоть разъ былъ наказанъ, тотъ уже дѣлался въ собственныхъ своихъ глазахъ рѣшительно Православнымъ.

Удивительное было настроеніе массы! Ее нисколько не удивляли, даже не раздражали эти наказанія, преслѣдованія и гоненія. Всё это казалось необходимымъ. Наказанные крѣпли въ Православіи, а Лютеране, смотря на это, какоюто невидимою силою побуждались присоединяться. Наказаній не гнушались, а напротивъ ими гордились, не только сами наказанные, но и семейства ихъ. Этого состоянія духа я не умѣю описать, но приведу въ примѣръ одинъ случай изъ многихъ. Вытребовали на мызу 20 человѣкъ присоединившихся. Управляющій спрашиваетъ: „что для васъ лучше: здѣсь ли получить 40 палокъ, или въ Приходскомъ судѣ 60?“ Спросили: „да въ чемъже наша вина? Что мы сдѣлали?“ Отвѣтъ: „я не знаю, но если вы не примете здѣсь 40 или въ Приходскомъ судѣ 60 палокъ, то я не могу оставаться на мѣстѣ: вѣдь вы перекрестились? — „Да“ — „Ну такъ какъ же?“ — Гмъ! ... Поразсудили и порѣшили на томъ, что лучше получить 40 палокъ на мѣстѣ, чѣмъ шляться, а то пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ; однако спросили еще: „тутъли конецъ наказанію, или будетъ продол-

жение?“ — (Отвѣтъ: „тутъ и конецъ.“ — „Ладно!“ — Одинъ говоритъ: „съ когоже начать? Пожалуй хоть съ меня.“ — Скидываетъ свои доспѣхи и становится, отогнавъ отъ себя тѣхъ, которые хотѣли поддержать его — „Неужто сорока ударовъ не вытерплю?“ — Ему отсчитываютъ сорокъ ударовъ Онъ крестится, одѣвается и говоритъ прочимъ: „ну, теперь, становитесь и вы, а я пойду тѣмъ временемъ покурю“ — Это фактъ, фактъ.*) Всѣмъ исполосовали спины и всѣ, съ радостью, пошли дамой. Эти повѣрили что они Православные, а другіе недоумѣвали.

На дорогахъ, въ корчмахъ, слышали отъ всѣхъ одно и тоже, отъ корчмарей, отъ проѣзжающихъ отъ своихъ и чужихъ, что дѣйствительно присоединился Баллодъ, что и всѣмъ теперь можно, и всётаки нарочно сами ѣздили въ Ригу узнать отъ самаго Д. Баллода.

Да! дѣйствительно присоединился, и крестъ на груди носитъ, и крестное знаменіе творитъ не такъ какъ мы, всею рукою, а тремя перстами, и не по нашему, а прежде кладетъ на правое плечо, потомъ на лѣвое, и икона въ комнатѣ, и лампадка горитъ. Многіе ходили съ Давидомъ Баллодомъ въ Алексѣевскую Церковь и, по возвращеніи оттуда, присоединялись.

Къ числу недовѣрявшихъ слуху о Баллодѣ принадлежалъ и гонитель его, бывшій его пасторъ. Онъ встрѣтилъ около кирки ѣхавшаго въ Ригу своего прихожанина, родственника Д. Баллода — Мартина Зелтыня и строго наказалъ спросить самаго Д. Баллода: „дѣйствительно ли онъ присоединился, и что побудило его?“ Мартинъ Зел-

*) Тѣхъ изъ читателей которые подумаютъ, что это клевета, я попрошу отсрочить свой приговоръ до тѣхъ поръ, пока они прочтутъ въ 3 или 4 выпускѣ *подлинное свидѣтельство Лютеранскаго пастора* о такихъже истязаніяхъ за обнаруженіе *намѣренія* перейти въ Православіе, свидѣтельство *съ одобреніемъ* этого рода мѣръ. (Пр. издат.)

тынь исполнилъ порученіе и получилъ отъ Д. Баллода слѣдующій короткій отвѣтъ для передачи пастору: „скажи Маддалинскому пастору такъ: Маддалинскій пасторъ N. началъ меня гнать (въ Православіе), а пасторъ Трей окончилъ.“ — Это собственныя слова Д. Баллода. М Зелтынь передалъ ихъ пастору, который, выслушавъ ихъ молча, повернулся медленными шагами, пошелъ въ свой кабинетъ и легъ на диванъ. Легъ и началъ новое гоненіе уже не на Гернгутеровъ, а на Православныхъ.

Таково было начало втораго кризиса, въ которомъ главными дѣятелями были Давидъ Баллодъ и пасторъ Трей. Повтореніе одного и тогоже явленія послѣ четырехлѣтняго промежутка, послѣ Беверсгофской экзекуціи, не доказываетъ ли само по себѣ, что и первый кризисъ былъ не бунтъ, по крайней мѣрѣ — не простой бунтъ, и что къ нему отнеслись какъ къ бунту потомучто не разобрали дѣла? Не лучше ли бы было сказать тогдаже: „пусть присоединяются“ — чѣмъ карать и проливать кровь?

Впрочемъ, пути Промысла неисповѣдимы!

Второй кризисъ Господь устроилъ такъ, что и фарисеи не могли предупредить его. Они сами, своими руками, разобрали крышу дома, который принадлежалъ не имъ, а Самому Спасителю, и опустился къ ногамъ Его разслабленный Латышъ, еще не умѣвшій исповѣдать своей вѣры въ своего исцѣлителя .

Самъ Богъ, также, устроилъ и время года и опредѣлилъ настать этому кризису тогда, когда всѣ полевыя работы на мызахъ были окончены или кончались. Только и оставалось, что лёнъ мять и чистить, да молотить. Но молотьба, мѣстами, не имѣла ни начала, ни конца, даже *въ эти голодные года*, поэтому, тутъ и самъ Богъ не могъ ничего сдѣлать, не могъ улучить минуты.

Мирно, тихо, спокойно, безъ шума, съ величайшимъ

благоговѣніемъ, никого не трогая, ни дома ни по дорогѣ, никого не задѣвая ни словомъ, ни дѣломъ, ни помѣщиковъ, ни пасторовъ, потекли Латыши и Эсты густыми толпами, со всѣхъ концевъ, въ городъ Ригу, принимать новую вѣру, вѣру Православную.

Присоединеніе совершалось подъ рукою представителя Православія, Епископа Филарета, въ Церкви Св. Алексія, человѣка Божія. Она стояла подлѣ самаго Архіерейскаго дома, а теперь соединена съ нимъ совершенно.

Здѣсь приняли Православіе тысячи Латышей и Эстовъ, въ этой усыпальницѣ Русскихъ вельможъ, надъ прахомъ ратниковъ земли Русской: Князя Никиты Васильевича Репнина, Князя Василія Репнина, Василія Абрамовича Лопухина, Зыбина, Князя Владиміра Долгорукаго. Дорогія воспоминанія связаны съ этою Церковью для меня и для моихъ братій! Человѣкъ Божій Алексій! Ты много видѣлъ слезъ, много и моихъ. Тамъ, въ этомъ храмѣ, намъ, дѣтямъ присоединенныхъ, былъ произведенъ публичный экзаменъ, въ первый и въ послѣдній разъ, въ 1854, году 15 Іюля. Тамъ, мы, въ послѣдній разъ, по окончаніи экзамена, слушали рѣчь знаменательную нашего Архипастыря Платона.

Тамъже и въ тотъже день, мы обмѣнивались между собою напутственными рѣчами, прощаясь съ товарищами.

Въ томъже храмѣ, совершилось на мнѣ второе великое таинство Св. Пр. Церкви: я услышалъ, что я одинъ изъ своихъ единоплеменниковъ поступаю на служеніе своимъ братьямъ, одинъ, одинокій и съ скуднымъ запасомъ познаній.

Первый выступилъ тогда, первый выступаю и теперь и не остановлюсь до конца, договорю все. Хочу, наконецъ подѣлиться съ другими тяжелою ношею личныхъ моихъ воспоминаній.

Едвали нужно изображать досаду, негодованіе и

ярость пасторовъ при видѣ движенія народа. По всему, что было разсказано прежде, можно представить себѣ, что они чувствовали и говорили. Какъ ни противно имъ было Гернгутерство, но всётаки они видѣли въ немъ не болѣе какъ безсильный протестъ и несостоятельную попытку создать новую вѣру. Теперьже, напротивъ, ихъ паства убѣгала отъ нихъ въ отверзтыя врата Церкви, притомъ Церкви господствующей, слѣдовательно: уходила отъ нихъ навсегда. Они умоляли, угрожали, проклинали, клеветали и лгали на Православіе и этимъ еще болѣе поощряли крестьянъ къ переходу. Латыши перестали даже съ ними спорить, а выслушавъ спокойно, отвѣчали только: а мы всётаки примемъ Православіе.

Дворянство, по причинамъ одинаково понятнымъ, также смотрѣло на переходы въ Православіе иными глазами чѣмъ на развитіе Гернгутерства; поэтому, оба первенствующія въ краѣ сословія очень скоро стакнулись. Такъ какъ убѣжденія не помогали, то нужно было силою остановить движеніе. Сила была въ рукахъ Правительства; слѣдовательно, нужно было его увѣрить, что переходъ въ Православіе есть бунтъ, или слѣдствіе обманчивыхъ обѣщаній и подговоровъ. Начали сперва раздражать крестьянъ, чтобъ вызвать шумъ, непокорство и подобіе бунта; но, при всей своей простотѣ, Латыши высмотрѣли ловушку. Они говорили: если мы теперь не устоимъ, то наше святое дѣло опять кончится тѣмъже, чѣмъ кончилось въ 1841 году, въ Беверсгофѣ и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи.

За отсутствіемъ зазорныхъ дѣлъ, стали придираться къ словамъ, чтобъ основать на нихъ обвиненіе въ подговорахъ. Шпіоны наплодились по всей Лифляндіи; въ корчмахъ, на поляхъ, по дорогамъ, въ лѣсахъ, подъ окнами хатъ, въ сумеркахъ, управляющіе, мызные, старосты, форминдеры, подслушивали что говорили мужики между со-

бою; этою арміею шпіоновъ руководили главнѣйшимъ образомъ пасторы. Шпіоновъ посылали и въ Ригу — присутствовать при присоединеніи. — И вотъ какимъ образомъ удалось наконецъ создать и пустить въ ходъ извѣстную фикцію объ эмиссарахъ Православія, то есть о Священникахъ, будтобы злонамѣренно мутившихъ воображеніе крестьянъ, суля имъ помѣщичью землю.

Правда, мужики между собою поговаривали и про землю, но не про Остзейскую, не про свою родину, а про землю *Енской* губерніи, про теплую землю, а не про свою холодную. Они знали и знаютъ твердо, что въ Остзейскомъ краѣ господамъ принадлежатъ: земля, лѣса, деревни, звѣри, птицы, рыбы, время, погода, и самъ крестьянинъ, весь, всѣмъ существомъ своимъ. Говорили и о выгодахъ, о тѣхъ, о которыхъ, я думаю, позволительно мечтать и скотинѣ — если она мечтаетъ, то есть о томъ, что можетъ быть наступитъ такое время, когда можно будетъ жить — не болѣе. А образованные люди отнесли мечты о даровомъ надѣлѣ къ своей землѣ, и подняли тревогу въ защиту своей собственности.

Да даже и нынче, мужикъ купившій усадебку не вѣритъ, чтобъ она могла принадлежать ему и его роду навсегда; онъ прямо говоритъ, что можетъ быть, черезъ нѣсколько времени, ее отнимутъ господа.

Въ сущности, пасторы и помѣщики дѣйствительно боялись, но только не тѣхъ пугалъ, которыми они стращали правительство, а совершенно инаго. Они чувствовали, что тщательно скрываемая правда о крестьянскомъ быту, разными путями, начинала доходить до правительства, что пожалуй скоро наступитъ время когда придется дать мужику на самомъ дѣлѣ то, что давно было дано на бумагѣ, только на бумагѣ, и что пожалуй захотятъ слить въ одну линію двѣ параллельныя, никогда въ Лифляндіи не сливавшіяся: теорію и практику.

Опасеніе понятное, даже извинительное; я и не виню никого, но я защищаю свою совѣсть и совѣсть моихъ братьевъ. Нѣтъ, не оттого мы приняли Православную вѣру, что будтобы въ то время намъ обѣщали то, чему мы и теперь не можемъ повѣрить и чего даже теперь не можемъ себѣ представить, не только на яву, но и во снѣ.

Никто не обѣщалъ намъ даровыхъ надѣловъ *въ отплату за отступничество* (какъ говорятъ Нѣмцы) и еслибы Православные священники, сами не имѣющіе горсти собственной земли, вздумали *прельщать* насъ такого рода посулами, то мы бы имъ не повѣрили. Дѣйствительно, измученные и обремененные повинностями, мы ожидали также облегченій и улучшеній; но ожидали какъ исполненія давно намъ обѣщаннаго, ожидали и просили только, чтобы всё *вами же*, помѣщиками, начертанное въ законѣ перешло наконецъ изъ области фикцій въ жизнь. Отчасти, такъ и случилось.

Бытъ крестьянъ нѣсколько улучшился самъ собою, потомучто не могъ не улучшиться; я разумѣю бытъ Лютеранъ, ибо на насъ, Православныхъ, обрушились всею тяжестью всѣ права, всѣ преимущества, вся принудительная сила, по закону, оставленная помѣщикамъ. Мы поплатились за всѣхъ; съ насъ стали безпощадно взыскивать недоимки, насъ стали сгонять съ усадьбъ. Отецъ и мать лишенные послѣдняго рубища, съ малютками дѣтьми, сидѣли въ лѣсу, подъ ёлкой, цѣлое лѣто — это фактъ и много было подобныхъ; вся Лифляндія это знаетъ.*)

Говорили также, говорятъ и теперь, что насъ соблазняли въ Православіе даровою раздачею хлѣба; но и это Нѣмецкое объясненіе также несостоятельно какъ и первое.

*) О томъ, что помѣщики дѣйствительно выживали Православныхъ крестьянъ изъ своихъ имѣній, отбирая у нихъ усадьбы, въ третьемъ выпускѣ приведено будетъ свидѣтельство, если не Нѣмецкое, то [illegible] Нѣмецкому — свидѣтельство князя Суворова. (Пр. издат.)

Хлѣба мы точно просили и ждали съ нетерпѣніемъ (года, какъ извѣстно, были голодные, особенно 1845); но о *даровомъ* хлѣбѣ мы не дерзали и мечтать и не эта надежда влекла насъ къ Православію. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить обстоятельства того времени. Узнавъ наконецъ о бѣдственномъ положеніи Лифляндіи, правительство приняло противъ голода чрезвычайныя мѣры и разрѣшило выдачу хлѣба всѣмъ нуждающимся, разумѣется — безъ различія вѣроисповѣданія; а на дѣлѣ, воспользовались имъ преимущественно Лютеране и, въ несравненно меньшей степени, Православные. Отчего это произошло — извѣстно всѣмъ. Хлѣбъ раздавался крестьянамъ хозяевамъ, т. е. владѣльцамъ усадьбъ, а большинство крестьянъ перешедшихъ въ Православіе принадлежало къ разряду работниковъ и бобылей. Далѣе, раздача производилась только въ 1845 и 1846 годахъ, а присоединенія продолжались и въ послѣдующихъ годахъ, когда начали уже взыскивать розданный хлѣбъ: съ Лютеранъ снисходительно, а съ Православныхъ съ безпощадною строгостью. Тутъ не помогали ни просьбы, ни слёзы, ни обѣщанія; послѣдняя корова или коза продавалась съ аукціона. Нечего сказать: хороша приманка къ переходу въ Православіе!*)

*) Старая басня Нѣмецкаго изобрѣтенія о мнимомъ подкупѣ Латышей раздачею хлѣба повторена въ безъименной брошюрѣ вышедшей въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ (Livländische Beiträge zur Verbreitung gründlicher Kunde etc. etc.) Въ доказательство приводится, что Эсты, въ окрестностяхъ Пернавы, донынѣ называютъ розданный въ 1846 году хлѣбъ: „usuleib" по Нѣмецкому переводу „Glaubensbrod" — хлѣбомъ вѣроисповѣданія (стр. 85 прилож.) Авторъ видитъ въ этомъ намёкъ на посулы, которыми будто бы сопровождались подговоры къ переходу въ Православіе. Нужно ли доказывать натянутость этого толкованія и не очевидно ли для всякаго, что для отличія хлѣбнаго долга 1846 года отъ множества другихъ насчитываемыхъ на нихъ долговъ, крестьяне просто пріурочили этотъ долгъ къ одновременному событію всѣмъ имъ памятному? Иными словами: usuleib — хлѣбъ розданный *въ то время* когда стали перемѣнять вѣру. (Пр издат.)

Кстати объ этомъ хлѣбѣ — пора бы привести въ ясность обстоятельства сопровождавшія выдачу и возвратъ ссудъ и разрѣшить наконецъ: въ какой мѣрѣ основателенъ всеобщій, распространенный въ народѣ слухъ о разныхъ бывшихъ при этомъ злоупотребленіяхъ. Предупреждаю впрочемъ, что раскрыть это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ будетъ очень не легко; оно запутано нарочно, лицами орудовавшими имъ и потому запросы къ мѣстнымъ властямъ и ревизіи производимыя мѣстными чиновниками никогда не наведутъ на правду, а напротивъ затрутъ всякій къ ней слѣдъ. Я разскажу только, что̀ мнѣ лично извѣстно и что̀ происходило въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, нисколько не обобщая моихъ наблюденій. Хлѣбъ отпущенный правительствомъ въ голодные года раздавался въ волостяхъ не по душамъ, и не по дворамъ, и не всѣмъ членамъ общества, а только нуждавшимся въ пособіи, и изъ числа нуждавшихся, опять таки не всѣмъ, а только и исключительно тѣмъ *хозяевамъ*, которые, *своимъ личнымъ движимымъ имуществомъ*, могли обезпечить возвратъ, какъ капитальнаго долга, такъ и процентовъ. Слѣдовательно, это былъ долгъ не общественный, а *частный*, долгъ каждаго домохозяина порознь, а не цѣлой волости, притомъ: долгъ лежавшій не на землѣ, а обезпеченный движимостью. Такъ по крайней мѣрѣ было у насъ и, сколько мнѣ извѣстно, въ большей части имѣній. Мало того, я знаю положительно, что въ нѣкоторыхъ вотчинахъ, мука отпущенная на волость даже и не сдавалась въ общественный магазинъ, а поступала прямо въ господскій амбаръ, оттуда на господскій винокуренный заводъ; тамъ изъ нея гнали водку, а помѣщикъ отъ себя раздавалъ хозяевамъ рожь зерномъ. Дѣло это, какъ и всѣ дѣла такъ называемыя *общественныя*, было въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ оффиціалистовъ и арендаторовъ, а выборные отъ крестьянъ, призывавшіеся къ участію только для формы, не знали и не понимали, что̀ творилось

отъ ихъ имени, для нихъ и черезъ нихъ. Въ волости N. былъ такой случай, разсказанный мнѣ самими волостнымъ писаремъ и засѣдателями. Въ 1858 г., откудато пришло отношеніе съ грознымъ запросомъ: отчего де волость такаято, которой въ голодный годъ выдано въ ссуду деньгами 1000 р. сер. не уплачиваетъ не только капитала, но и процентовъ на эту ссуду? Стали рыться въ книгахъ — не оказалось никакихъ слѣдовъ займообразной ссуды. Пришелъ помѣщикъ, разыскивалъ и онъ въ своей конторѣ и также ничего не нашелъ. Тогда, волостной судъ отвѣтилъ коротко и ясно, что де волость такаято никогда тысячи рублей въ ссуду не получала. Но сверху прислали улику: четко написанную росписку въ полученіи, скрѣпленную крестиками *толковыхъ* и *разумныхъ* засѣдателей. Потянули къ отвѣту засѣдателей: они ли ѣздили отъ волости, они ли подтянули кресты, они ли получили деньги? И опознали засѣдатели свои кресты; точно, они ѣздили по приказу арендатора; ониже деньги получили, выдали квитанцію, привезли деньги и отдали томуже арендатору, по егоже приказу; вотъ и всё, а что было дальше, того они не вѣдаютъ и то не ихъ дѣло. Это одинъ изъ очень многихъ образчиковъ, по которымъ можно судить о томъ, что̀ называется въ Лифляндіи *общественнымъ* (волостнымъ) управленіемъ свободнаго сословія сельскихъ обывателей. Взысканіе розданнаго въ голодные года хлѣба и процентовъ по этой ссудѣ производилось въ точности сообразно изложенному выше способу раздачи, а именно: порознь съ каждаго хозяина получившаго ссуду, безъ привлеченія къ участію общества, притомъ съ безпощадною строгостью (особенно съ Православныхъ крестьянъ). Снисхожденія не оказывалось, и, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, у него отбирались и продавались съ аукціона послѣдняя корова, послѣдняя коза, дѣти его отдавались въ заработки и т. д. Многіе были разорены въ конецъ, но

долгъ съ процентами взысканъ если не со всѣхъ, то съ многихъ. Такъ шло дѣло до конца прошлаго царствованія. При восшествіи на престолъ Императора Александра II, въ народѣ распространилась вѣсть, что всемилостивѣйшимъ манифестомъ прощены проценты по хлѣбной ссудѣ голоднаго года. Нѣкоторые говорили, что сложены всѣ проценты сполна, другіе говорили, что только часть процентовъ, но ничего достовѣрнаго объ этомъ крестьяне не узнали до сихъ поръ.

На распросы ихъ, мызныя управленія отвѣчали иногда, что слухъ этотъ не имѣетъ никакого основанія, а иногда, по секрету, что дѣйствительно послѣдовала Высочайшая милость, но что признано *цѣлесообразнымъ* приберечь ее до поры до времени, на какойто будущій голодный годъ. Какъбы то ни было, со дня обнародованія манифеста, свойство хлѣбнаго долга какъ будто измѣнилось. Онъ теперь признанъ долгомъ общественнымъ и поземельнымъ и, вслѣдствіе этого, вся та сумма, отъ которой правительство отказалось, зачисляется общественнымъ капиталомъ и употребляется на построеніе Лютеранскихъ школъ, помѣщеній для волостныхъ судовъ и т. п. или поступаетъ въ раздѣлъ между всѣми домохозяевами. Пока дѣло шло объ отвѣтственности и взысканіяхъ, общество оставалось въ сторонѣ, и хозяева не занимавшіе хлѣба на свое имя тщательно уклонялись отъ всякаго участія въ тягостяхъ падавшихъ исключительно на должниковъ; а когда дѣло дошло до льготъ и милостей, къ дѣлежу сбѣжались всѣ, разумѣется всётаки кромѣ бобылей и работниковъ. Повторяю опять: не знаю вездѣ ли такъ было, но во многихъ мѣстахъ крестьяне положительно заявляютъ, что Высочайшая воля отъ нихъ скрыта, и что милость оказанная Государемъ досталась не тѣмъ, въ чью пользу она предназначалась.

Заподозривая побужденія массъ, Нѣмцы, разумѣется,

не упускали и случая чернить въ глазахъ народа людей, которымъ онъ вѣрилъ. Давидъ Баллодъ, въ этомъ отношеніи, стоялъ на виду и потому не могъ избѣгнуть клеветы. Стали распускать про него всякаго рода небылицы между прочимъ, будтобы онъ разбойничалъ, по вечерамъ выходилъ на дороги грабить Латышей, будтобы онъ обобралъ своего брата Ивана, будтобы его давно слѣдовало сослать въ рудники и сослалибы непремѣнно, еслибы Русскіе не поставили его священникомъ *) Все это я слы-

*) Въ дополненіе къ этому я могу прибавить, что въ 1847—1848 годахъ, по доносу Лютеранской консисторіи, въ Рижской полиціи производилось [illegible] обращеніи Баллода въ [illegible] Латышей къ переходу въ Православіе [illegible] подложной [illegible] отъ ихъ имени. Не [illegible] Православнаго священника, также родомъ Латыша и также [illegible] на своихъ земляковъ, на отца Михайлова, взведено было обвиненіе въ растратѣ какихъ то суммъ, въ то время когда онъ, до поставленія его, занималъ должность въ имѣніи Гр. Шереметева. Слѣдствія о Баллодѣ я не читалъ и не имѣлъ случая узнать на чемъ основано обвиненіе отца Михайлова, такъ что, по этимъ двумъ дѣламъ, я не могъ составить себѣ положительнаго убѣжденія. Но я считаю себя въ правѣ, въ этомъ случаѣ, не вѣрить на слово, ибо знаю, что всѣ этого рода обвиненія распространялись тоюже партіею, которая когдато доказывала, что Ломоносовъ былъ не болѣе какъ пьяница мѣшавшій успѣхамъ нашей Академіи; той партіи, которая теперь возводитъ Бирона на степень непризнаннаго просвѣтителя и благодѣтеля Россіи; той партіи, которая, въ нынѣшнемъ году печатно заявила, что объѣздъ Лифляндіи Преосвященнымъ Платономъ сопровождался *революціоннымъ подстрекательствомъ поселянъ* (revolutionäre Aufwiegelung des Landvolks) и служилъ *сигналомъ къ систематическому возбужденію ихъ противъ Нѣмецкой полиціи и Нѣмецкихъ судовъ* (zu einer systematischen Revolutionirung des Landvolkes gegen die deutsche Landespolizei und Landesjustiz); что управленіе казенными имѣніями въ Лифляндіи направлено съ *высказанной цѣлью* (ausgesprochene Absicht) поддерживать крестьянъ, въ частныхъ имѣніяхъ, въ возбужденномъ настроеніи противъ помѣщиковъ; что Министръ Государ. Имуществъ Ген. Ад. Зеленый пытался лишить частныхъ владѣльцевъ Балтійскихъ губерній послѣдняго остатка ихъ свободной недвижимой собственности (um den letzten Rest ihres freien Grundvermögens zu bringen); что и Графъ Шуваловъ, *сбросивъ наконецъ тѣ личины, которыя онъ иногда охотно надѣвалъ на себя въ Ригѣ* (die Masken, die er von Zeit zu Zeit in Riga zu tragen liebte), усвоилъ себѣ *коммунистическую теорію* своего товарища; что вожаки антинѣмецкой партіи, *которыхъ должно искать въ средѣ Православнаго духовенства и вѣдомства Государственныхъ имуществъ* (Арх. Платонъ и бывшій управл. Лифл. Палат. Гос. Им. Шафрановъ) въ самое

шалъ своими ушами. На такія рѣчи Латыши отвѣчали смѣхомъ: „не проведете! Мы знаемъ Баллода не со вчерашняго дня! вѣдь онъ прежде не воровалъ; мы бывали у него не разъ, когда онъ содержалъ постоялый дворъ, останавливались у него съ товаромъ, и покражъ не случалось. А теперь нечего и воровать; мы ѣздимъ въ Ригу порожнякомъ — для присоединенія, а не за покупками; развѣ что крестъ отнять, а болѣе нечего!“ Наконецъ, стали придираться къ Латышскому діалекту, къ словамъ, къ ихъ производству и значенію. Извѣстно, что Латышскій языкъ также бѣденъ какъ и его обладатель; о языкѣ и о хозяинѣ, до сихъ поръ, одинаково мало заботились; оба были въ загонѣ и никуда не смѣли высунуться. Это не языкъ, а рубище нищаго. Латышъ (тутъ я разумѣю Латыша настоящаго, первобытнаго) говоритъ чисто по дѣтски, пробиваясь скуднымъ запасомъ словъ, едва достаточныхъ для выраженія самыхъ елементарныхъ и рѣзкихъ понятій. Оттѣнковъ, для него не существуетъ. Рѣчь его всегда выражается въ формѣ строго положительной или строго отрицательной. Въ тѣже двѣ, одна другой противоположныя категоріи, положенія и отрицанія, укладываются и рѣчи къ нему обращенныя. Посредствующихъ терминовъ

послѣднее время, пытались, въ окрестностяхъ Феллина, терроризировать Нѣмецкихъ помѣщиковъ *посредствомъ краснаго пѣтуха* (eine Terrorisirung der deutschen Gutsbesitzer durch den „rothen Hahn“) и произвели рядъ *демонстративныхъ, церковно-политическихъ поджоговъ* (eine Reihe kirchlich-politischer Tendenzbrände). Все это, и многое другое, одинаково правдоподобное, всякій можетъ прочесть въ брошюрѣ не разъ уже мною цитованной (Livländische Beiträge zur Verbreitung etc. etc. стр. 17, 18, 19, 21, 22, 24) правда запрещенной у насъ, но свободно расходившейся въ Ригѣ, и теперь выставленной во всѣхъ книжныхъ лавкахъ Германіи. Нужно ли прибавлять, что тутъже поименно названы *тайные подготовители и вожаки Русской революціи* (die geheimen Vorbereiter und Leiter der Russischen Revolution): *Герценъ*, [illegible] *Милютины, Ханыковы, Самарины, Катковы* и другіе (стр. 104, 110)? Кто знакомъ съ полемическими пріемами der loyalen, hochedlen Baltischen Ritterschaft и отчасти испыталъ ихъ на себѣ, тому позволительно не вѣрить на слово. (Пр. издат.)

онъ не вмѣщаетъ. На примѣръ: Латышъ войдетъ въ вашу комнату, и вы, уходя куда либо, хоть въ другую комнату, скажете ему: „ты *можешь* тутъ постоять, я скоро приду.“ Затѣмъ, пойди кто либо другой, только не вы, и скажи ему: „какъ ты тутъ смѣешь стоять? Убирайся вонъ, хоть въ кухню!“ — онъ ни за что не пойдетъ, а непремѣнно скажетъ „мнѣ *приказано* здѣсь стоять.“ И вы сами его не убѣдите, что вы ему не *приказывали*, а только *позволили*. Латышъ будетъ спорить и доказывать, что вы приказали, приказали — да и только.*)

---

*) Не могу не остановить вниманія читателей на этомъ глубокомъ наблюденіи. Оно содержитъ въ себѣ самое простое и естественное объясненіе многихъ явленій доселѣ непонятыхъ, или понятыхъ ложно единственно потому, что толкователи исходили изъ предположенія ложнаго сознанія и умысла тамъ, гдѣ ихъ не было. Представьте себѣ человѣка, у котораго, съ самаго его рожденія, отшибли свободную волю, по крайней мѣрѣ, всякую возможность обнаруживать ее въ чёмъ бы то ни было; вся его житейская обстановка опредѣлена безъ его согласія, участія и вѣдома; онъ родился въ тискахъ, живетъ въ тискахъ и въ нихъ умретъ; отъ людей власть имущихъ, и, вообще въ какомъ бы то ни было отношеніи стоящихъ выше его, онъ не слыхалъ и не надѣется услышать другихъ словъ какъ только: *приказываю* или *запрещаю*. И вдругъ, этому человѣку говорятъ, что ему предоставляется на выборъ остаться Протестантомъ или перейти въ Православіе. Онъ непремѣнно приметъ это за насмѣшку или за ловушку. Въ киркѣ ему говорятъ, что, кто перейдетъ въ Православіе, будетъ проклятъ и наказанъ, но онъ плохо вѣритъ своему пастору и идетъ за справкою къ Православному священнику. Онъ спрашиваетъ: „точно ли запрещено переходить въ ту вѣру, которую исповѣдуетъ Царь?“ — Священникъ отвѣчаетъ: „неправда; Православная Церковь открыта для всѣхъ“ — „А! значитъ такъ и есть: приказано всѣмъ переходить въ Царскую вѣру!“ — „Опять нѣтъ! Не приказано, а дано всѣмъ на волю переходить или оставаться.“ — „Какъ на волю? На чьюже?“ — Да на вашу“ — „Что вы это, на нашу! Да вы насъ морочите. Дураки мы что ли? Мы хотимъ знать, что приказалъ Царь?“ — „Да ничего не приказалъ.“ — „Какъ ничего! Такъ значитъ, по вашему, ему все равно: будемъ ли мы молиться въ киркѣ или въ той церкви, въ которой онъ молится самъ? Еще разъ: хочетъ ли Царь, чтобъ мы перешли въ его вѣру? Есть ли на то приказъ?“ — „Повторяю: приказа нѣтъ...“ — „А! если нѣтъ, такъ значитъ пасторъ то правъ: не смѣй переходить.“ — Такъ длится разговоръ, часъ, другой, третій, и возобновляется ежедневно. Теперь, скажите по совѣсти, если въ виду явной стачки помѣщиковъ и пасторовъ, страшающихъ крестьянъ всевозможными карами за переходъ въ

Слова: „дозволено“ и „приказано“ извѣшивались, разбирались и служили темою для обвиненія въ распространеніи ложныхъ слуховъ, не только въ мирскихъ, но и въ высшихъ судахъ. „*Дозволено*“ *то есть* (какъ понимаетъ и такъ говоритъ Латышъ) — *приказано* переходить въ Царскую вѣру, и вотъ онъ дѣлается неожиданно злонамѣреннымъ толкователемъ Высочайшей воли, подстрѣкателемъ и распространителемъ ложныхъ слуховъ. За это непонятное для него преступленіе, онъ расплачивается своими ребрами или сидѣніемъ въ тюрьмѣ, мѣсяцъ, два и болѣе, а иногда: и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

И сидитъ онъ, пока не выпустятъ по ходатайству епископа Филарета и по приказанію Генералъ-Губернатора Головина; выпустятъ, но уже не въ своей одеждѣ, а въ нарядномъ костюмѣ арестантовъ, съ чернымъ треугольникомъ на спинѣ, и съ какою то надписью.

Затѣмъ, его препровождаютъ на мѣсто жительства,

Православіе, въ виду недоумѣвающей толпы, ожидающей *одного* слова, чтобы склониться на ту или другую сторону, именно *одного* слова и не принимающей никакихъ другихъ словъ ни объясненій; если, при этой въ своемъ родѣ исключительной обстановкѣ, это слово сорвется съ языка священника если онъ скажетъ: „Царь желаетъ, чтобъ вы перешли въ его вѣру“ — рѣшитесь ли вы осудить его и скажете ли вы, вслѣдъ за пасторами и баронами, что священникъ лгунъ, обманщикъ и эмиссаръ революціи, прикрывающій свои замыслы авторитетомъ Царскаго имени?

Мы видѣли у себя совершенно аналогическое явленіе, въ 1861 году, во время составленія уставныхъ грамотъ. Помѣщики спрашивали у крестьянъ: хотите ли вы сохранить на время всю землю, которою вы владѣете или перейти на высшій надѣлъ; хотите ли отбывать барщину, или платить оброкъ, или перейти на выкупъ? Мировые посредники читали и толковали имъ подходящія статьи положенія, а крестьяне отвѣчали: ничего мы не беремъ и рукъ ни на что не даемъ, будемъ ждать указа; что Царь прикажетъ, тому и быть. Я знаю, что къ счастью, наши крестьяне не Латыши а наши помѣщики не Остзейскіе бароны: но знаю также, что еслибы правительство вздумало отнестись къ нашимъ крестьянамъ и къ нашимъ мировымъ посредникамъ съ тѣми понятіями и требованіями, какія оно примѣнило къ Лифляндіи, въ 1845 году, то половину Россіи пришлось бы отдать подъ судъ за распространеніе ложныхъ слуховъ и перетолкованіе Высочайшей воли. (Пр. издат.)

связаннымъ, подъ конвоемъ, съ выбритою или полувыбритою головою, въ арестантской шапкѣ сшитой изъ черныхъ и сѣрыхъ клиньевъ, и водятъ нарочно эту чучелу зигзагами по всей Лифляндіи, на показъ, особенно по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ начиналось движеніе въ Православіе, чтобъ видѣли люди и знали, какія блага и выгоды сопряжены съ перемѣною вѣры. Много я видѣлъ такихъ и пишу съ натуры; а вотъ и слухъ, но переданный мнѣ человѣкомъ, которому я вѣрю вполнѣ, Давидомъ Баллодомъ.

Въ иныхъ мѣстахъ, Латыши жаловались, что ихъ не пускали въ Ригу для присоединенія, то есть не выдавали изъ мызныхъ управленій свидѣтельствъ въ Ригу, а выдавали въ уѣздный городъ, гдѣ еще не было Православнаго священника; тамъ ихъ приводили въ Орднунгсъ-Герихтъ и сѣкли, сѣкли больно, потомъ, вмѣсто мνропомазанія, пачкали имъ лица дёгтемъ. Кажется, впрочемъ, что это было еще во время перваго кризиса, въ 1841 году.

И за что такія гоненія? За слова, за приглашеніе ѣхать вмѣстѣ въ городъ; за то, что не туда поѣхалъ, не въ тотъ городъ, куда мыза прописала билетъ, а въ тотъ, куда зналъ дорогу, куда ѣхать было удобнѣе или ближе. Конечно, это были только предлоги или поводы къ истязаніямъ.

А вѣдь если разобрать дѣло съ точки зрѣнія темныхъ Латышей, разобрать серьезно, то нельзя не придти къ заключенію, что дѣйствительно было даже нѣкоторое основаніе утверждать, что не только разрѣшено, а приказано переходить въ Православіе.

Основаніе къ такому заключенію дали сами пасторы и помѣщики своими происками; ибо вотъ какъ разсуждали Латыши: мы ужъ давно задумывали присоединиться къ Православной Церкви, еще до 1841 года, и вотъ теперь намъ говорятъ, что и въ то время дорога въ Церковь была открыта для всѣхъ; но вы перегородили намъ путь,

вы просто запретили намъ присоединеніе; вы насъ били и сѣкли вездѣ, на мызахъ, въ полиціяхъ, на поляхъ Беверсгофскихъ, и чтожe? — Тѣ самые изъ нашихъ, которые въ то время желали и не могли перейти въ Православіе, теперь переходятъ. Запретить намъ этого, вы уже не смѣете, вы можете только мстить намъ и мучить насъ. Не ясно-ли, что теперь не только дозволено, но уже и „приказано" присоединять насъ, и вотъ мы присоединяемся, а иначе мы и теперь не могли бы исполнить своего желанія.

Дѣйствительно, обстоятельства измѣнились. Правительство на столько прозрѣло, что уже нельзя было напугать его призракомъ бунта. Отъ надежды повторить Беверсгофскую экзекуцію и еще разъ показать Латышамъ Русскую силу въ ненавистномъ образѣ солдата вооруженнаго палкою, пришлось отказаться. Мелкія экзекуціи на мызахъ тоже не помогали противъ общаго движенія массы. Но оставалось другое, страшное орудіе, страшное тѣмъ, что оно причиняло не временную боль, а губило окончательно, безъ скандала и шума, безукоризненно и *законно*. Можно было, если не засѣчь, то *разорить* Православныхъ крестьянъ; можно было, на основаніи вотчинныхъ правъ и не выступая изъ нихъ, обезземелить крестьянъ — хозяевъ, владѣльцевъ усадьбъ, а батраковъ оставить безъ работы. Разумѣется, не нужно было слишкомъ явно высказывать настоящую, дѣйствительную причину, а на случай какого либо запроса, имѣть въ готовности другіе, благовидные предлоги. Эта система дѣйствій примѣнена была въ широкихъ размѣрахъ, по всей Лифляндіи, и характеризуетъ гоненіе начавшееся послѣ втораго кризиса и продолжающееся донынѣ. Я не стану описывать его въ подробности, а разскажу только судьбу нашего дома. Подобное тому что постигло насъ, испытали многіе.

Въ концѣ Октября, или въ началѣ Ноября мѣсяца

1845 годъ, были въ послѣдній разъ на причастіи, въ киркѣ, отецъ мой и мать моя.

Тамъ, какъ и всегда, они выслушали не то что проповѣдь, а площадное ругательство на Православие. Пасторъ говоритъ между прочимъ: „тѣ которые валяются въ грязи, живутъ во тьмѣ, всю жизнь проводятъ въ пьянствѣ, вотъ кто выдумалъ эту запись и новую вѣру!“

По выходѣ изъ кирки, мой отецъ, ѣдучи домой, разговорился съ другими своими собратьями.

„Я знаю навѣрное — говоритъ онъ — что Сибирь тому, кто побуждаетъ или принуждаетъ къ переходу въ Русскую вѣру; но Сибирь и тому, кто мѣшаетъ. Думаю, что и пасторъ и всѣ его сотоварищи и помѣщики знаютъ этотъ законъ. Странно однако, что первая половина его слишкомъ широко исполняется, а другая совершенно брошена, даже и не объявлена. Тѣ сидятъ въ тюрьмѣ, которые сговорились ѣхать вмѣстѣ въ Ригу и тамъ приняли Православіе; даже ѣздившіе въ одиночку и присоединившіеся и тѣ посажены: зачѣмъ самаго себя побуждаешь къ принятію Православія! А тѣ, которые съ такимъ озлобленіемъ удерживаютъ народъ побоями, угрозами, ругательствами и клятвами, тѣ вѣрно чада Божія. Ихъ никто не трогаетъ; вотъ на примѣръ, хоть нашегоже пастора и другихъ, до корчмаря и волостнаго.“

Слова эти были переданы пастору агентами его тайной полиціи. Пасторъ, сейчасъ же, написалъ письмо къ помѣщику съ просьбою присмотрѣть за моимъ отцомъ, не перейдетъ ли онъ въ Русскую вѣру? По прибытіи домой, отецъ мой, въ слѣдующую же недѣлю, пошелъ на мызу, взялъ у помѣщика билетъ на проѣздъ въ Ригу, отправился и присоединился. Въ то время (когда еще можно было присоединяться не объявляя объ этомъ впередъ вотчинной полиціи) посторы, помѣщики, управляющіе и форминдеры рыскали повсюду разузнавая о присоеди-

нявшихся. Волостные начальники и первостатейные хозяева были всѣ въ разгонѣ — они занимались доставкою присоединявшихся въ городскія тюрьмы, связанными и подъ сильнымъ конвоемъ. Но не всегда удавалось доводить ихъ незамѣтно до этой тихой пристани. Случалось, что изъ партіи привезенныхъ въ Ригу Православныхъ узниковъ, одинъ улизнетъ съ постоялаго двора; какой нибудь Русскій купецъ пропуститъ его черезъ свою лавку, на улицу, и освободившійся бѣжитъ безъ оглядки, переулками, и закоулками, чтобъ какъ нибудь ночью добраться до Баллода, О. Якова Михайлова, или самаго епископа Филарета, который почти всегда бодрствовалъ. Такимъ путемъ, черезъ него, высшее мѣстное начальство узнавало о невинныхъ арестантахъ, которыхъ привозили изъ разныхъ имѣній, а на другой день, къ неописанной ихъ радости, имъ объявлялась свобода. Тутъ, въ первый разъ, узнавали Латыши или начинали догадываться, что есть на свѣтѣ правда и власть выше помѣщичьей. Видя, грубое насиліе не всегда удается, Нѣмцы придумали новое средство. Подъ предлогомъ предупрежденія безпорядковъ отъ единовременныхъ выѣздовъ большаго числа крестьянъ, они успѣли испросить распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ отправляться въ Ригу для принятія Православія, не предувѣдомивъ о томъ мызнаго управленія и не получивъ отъ него билета, и чтобы ѣздили *записываться въ Русскую вѣру* (какъ выражались въ Лифляндіи) не куда кто пожелаетъ, а именно въ тотъ городъ, который прописанъ на билетѣ. Но въ то время, Православные священники были далеко не во всѣхъ городахъ; они еще только приготовлялись ѣхать туда изъ Риги. Для Нѣмцевъ, тѣмъ разумѣется было лучше. Нужно было спѣшить, исполнять буквально и живо. Крестьянину прописываютъ билетъ въ Венденъ или Лемзаль, зная, что туда еще не прибылъ священникъ, приказываютъ съ би-

детомъ явиться въ полицію или въ Орднунгсъ-Герихтъ, а тамъ — *свои люди*, умѣющіе читать промежъ строкъ, зарубливаютъ на спинахъ предъявителей пестрыя отмѣтки, на память и вразумленіе, чтобъ не пропала поѣздка даромъ. А кто вздумаетъ пойти въ Ригу, вмѣсто Вендена или Іемзаля, того также пороли, за ослушаніе *и неповиновеніе распоряженіямъ Русскаго епископа Филарета*. Видитѐ, какіе ревнители! Преосвященный далъ предписаніе въ облегченіе Латышамъ: куда ближе или удобнѣе, туда пусть и идутъ, а не въ одну Ригу; а Нѣмцы ухитрились повернуть это такъ, что затруднили присоединеніе и подали поводъ Латышамъ усомниться въ намѣреніяхъ епископа. Притѣсненіямъ этого рода наиболѣе подвергались крестьяне проживавшіе въ уѣздахъ отдаленныхъ отъ губернскаго города; тѣмъже, которые были приписаны къ Рижскому уѣзду, было гораздо легче присоединяться, такъ какъ они отправлялись въ Ригу. Тутъ, въ глазахъ главнаго мѣстнаго начальства и архіерея, противникамъ Православія труднѣе было употреблять насиліе или грубый обманъ, а нужно было прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобъ ускользнуть отъ наблюденія и провести свой грузъ прямо въ Орднунгсъ-Герихтъ.

Мой отецъ былъ уже предупрежденъ въ Ригѣ; онъ зналъ, что нужно быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ, даже на словахъ, и что противъ него замышляли чтото недоброе. Но на умныхъ и ловушки устраиваются похитрѣе. Такъ было и съ отцемъ моимъ. Его таки перехитрили пасторъ, помѣщикъ, управляющій, волостные и ихъ шпіоны. Дали знать, чтобъ собирались ѣхать въ Ригу за мукой. Засѣдатель самъ зашелъ на нашъ дворъ и приказалъ, чтобъ мой отецъ непремѣнно ѣхалъ самъ съ засѣдателями и другими наряженными хозяевами. Мы всѣ почуяли бѣду. Невольно поразило насъ, вопервыхъ, то обстоятельство, что на сей разъ

засѣдатель не вошелъ даже въ хату, а далъ приказаніе на дворѣ, вызвавъ къ себѣ отца моего; во вторыхъ, поневолѣ показалась намъ настойчивость требованія и неоднократное повтореніе, чтобъ отецъ непремѣнно самъ ѣхалъ въ Ригу; къ этому еще было прибавлено, какъбы въ объясненіе, что онъ наряженъ вмѣстѣ съ управляющимъ и засѣдателями *подтянуть кресты въ конторъ*,*) что наша волость дѣйствительно взяла столько то муки, не болѣе и не менѣе. Засѣдатель даже пригрозилъ, что если отецъ самъ не поѣдетъ, то помѣщикъ строго его накажетъ за ослушаніе. Все это насъ смутило и заставило пригорюниться.

Во всю дорогу, засѣдатели и управляющій обращались съ отцемъ моимъ очень ласково. Прибыли въ Ригу благополучно; въ лавкѣ, утромъ, выпили водки и отправились всѣ вмѣстѣ, какъ говорили засѣдатели и управляющій, будтобы въ *контору*, для отдачи мызнаго документа и чтобъ узнать откуда получить муку. Но предатели повели не въ контору, а къ заднему крыльцу Орднунгсъ-Герихта. Какъ только вошли туда, предсѣдатель принялъ бумагу, прочиталъ и спросилъ только: кто изъ нихъ N. N.? — Указали на моего отца. Его немедленно заковали и отправили подъ строгимъ конвоемъ въ городскую тюрьму. Какъ я сказалъ, онъ выѣхалъ изъ дому съ зловѣщимъ предчувствіемъ, но только тутъ, когда увидалъ знакомый красный околошекъ, сторожей съ ружьями, да желтыя пуговицы вицмундира, понялъ онъ, что его заманили въ ловушку и что онъ погибъ; однако онъ спросилъ у судьи: „за что меня заковываютъ? Я не знаю, мнѣ не объявлено въ чемъ мое преступленіе?“ Но судья не удостоилъ его отвѣтомъ. Товарищи и спутники его тоже молчали,

*) То есть: росписаться въ полученіи, проставивъ за безграмотностью кресты. (Пр. издат.)

но перемѣнились въ лицѣ, прежнее доброжелательство и лукавыя улыбки исчезли. Такимъ образомъ, мой отецъ получилъ, вмѣсто муки, мýку.

Впрочемъ, не долго торжествовали и предатели; ихъ тоже постигла незавидная участь. Управляющаго скоро выгнали изъ имѣнія; онъ скитался по городу Ригѣ разнощикомъ, обиталъ въ шинкахъ, ночевалъ на тротуарахъ.

Старшій засѣдатель спился совершенно и окончилъ жизнь свою въ канавѣ; другой засѣдатель, при новомъ владѣльцѣ, былъ выгнанъ изъ своей усадьбы и скитается по волости и по корчмамъ, также спился съ кругу и вѣроятно кончитъ какъ его товарищъ. Подговоренный лжесвидѣтель бродитъ по окрестнымъ мызамъ и слыветъ никуда негоднымъ работникомъ.

Лошадь нашу съ возомъ пригнали домой едва живою. Дорогой, никто ея не кормилъ; возъ навалили почти двойной, да кромѣ того, на него садились засѣдатели и кто хотѣлъ. Доѣхавъ до своего дома, засѣдатель прислалъ къ намъ своего работника съ приказомъ, чтобъ кто нибудь изъ нашего дома пришелъ за лошадью, хозяинъ молъ остался въ Ригѣ. Это былъ для насъ громовый ударъ. Всѣ залились слезами. Мать сама пошла на мызу за лошадью, распрашивала: куда дѣлся мужъ, за что его посадили? Обращалась то къ одному, то къ другому, но никто не удостоилъ ее отвѣтомъ. Никто ни слова не говорилъ съ нею. Только, когда уже начало смеркаться, одинъ работникъ шепнулъ ей: „такъ приказано. Кто одно слово скажетъ тебѣ въ отвѣтъ, тотъ самъ тудаже попадетъ.“ Мы, оставшіеся дома, хотя и плакали, однако всётаки питали надежду, что отецъ придетъ съ мызы вмѣстѣ съ матерью. Но нѣтъ! Мать пришла одна, не успѣвъ даже узнать положительно, чтò сталось съ ея мужемъ; хоть поминай его умершимъ.

Тѣмъ временемъ, и онъ плакалъ въ городской тюрьмѣ, смотря на Православный Петро-Павловскій соборъ. Латыши уже знали, что кто попадетъ въ городскую тюрьму изъ деревни, тому ужъ не видать болѣе своихъ. Это было дознано горькимъ опытомъ многихъ

Въ тюрьмѣ отецъ мой нашелъ, въ числѣ другихъ Православныхъ арестантовъ, двухъ своихъ близкихъ сосѣдей: II. II. и Р. Б. и спросилъ ихъ: „вамъ сказали, за что васъ посадили въ тюрьму?“ Тѣ отвѣчали: „за то, что мы, какъ и всегда, поѣхали вмѣстѣ въ Ригу и тамъ присоединились; намъ сказали, что вѣрно мы сговорились еще дома.“ — „Такъ вы, по крайней мѣрѣ, знаете въ чемъ васъ обвиняютъ, а мнѣ не сказали; вѣрно выдумали страшное преступленіе, что не хотятъ и объявить!“ — Вспоминая о своей женѣ и о дѣтяхъ, и представляя себѣ какъ они по немъ тоскуютъ, онъ плакалъ и рыдалъ долго, денно и нощно. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли, у него какъ будто и слезъ не стало. Онъ исчерпалъ до дна и этотъ послѣдній источникъ утѣшенія и тогда сказалъ своимъ товарищамъ: „чувствую, что подступаетъ ко мнѣ предсмертная тоска . . . Скажите тюремному надзирателю: я умру исповѣдникомъ св. вѣры . . . умру не узнавъ своей вины, не видавъ своихъ лжесвидѣтелей. Скажите женѣ и дѣтямъ мое послѣднее прощаніе и благословеніе.“ Это намъ передали наши сосѣди II. II. и Р. Б. когда ихъ выпустили изъ тюрьмы; они и теперь живы. — Послѣ мы узнали и двухъ лжесвидѣтелей показывавшихъ на моего отца: І. Б. и А. У.; они были подкуплены и подучены пасторомъ и помѣщикомъ; а вины моего отца мы и теперь не знаемъ: правда помѣщикъ объяснялъ ее, но все еще не вѣрится.

Послѣ уже смерти отца моего, когда мать горько рыдала у помѣщика, онъ, повидимому тронутый ея горемъ, сказалъ ей ласковымъ тономъ: „женщина! Не сѣтуй на меня. Я не виноватъ въ смерти твоего мужа,

виноватъ пасторъ. Онъ мнѣ жаловался въ письмѣ, что будтобы твой мужъ, во время проповѣди, въ киркѣ осмѣлился ему перечить; поэтому я не могъ его здѣсь оставить.“ Это подлинныя слова сказанныя моей матери Г. фонъ Б. владѣльцемъ мызы N.

Разсудите сами: можно ли этому вѣрить, а если поневолѣ приходится вѣрить, то есть ли въ этомъ обвиненіи хоть тѣнь правдоподобія? Какъ! Въ воскресный день, когда было много причастниковъ, когда кирка была полна народу, отецъ мой будтобы возражалъ пастору, а не могли подобрать и выставить болѣе двухъ свидѣтелей? Какъ разъ двухъ, не болѣе, и то еще: изъ нихъ, одинъ, кажется не былъ въ киркѣ, а потому не могъ и слышать разговора происходившаго по выходѣ изъ нея на пути къ дому. Да наконецъ, еслибъ даже мой отецъ и въ самомъ дѣлѣ возразилъ пастору на его грубыя выходки противъ Православія, неужели у насъ, въ Россіи, такой поступокъ можетъ считаться преступленіемъ, да еще такимъ, за которое безъ суда и слѣдствія, набиваютъ кандалы и сажаютъ въ тюрьму?

А пасторъ всё тутъ, на мѣстѣ, и я, родной сынъ замученнаго имъ, долженъ съ нимъ встрѣчаться и имѣть съ нимъ дѣло. Не скажу, чтобъ это испытаніе было изъ числа легкихъ.

Мать отправилась въ Ригу отыскивать отца, а мы остались дома одни. Глядя на нее, волостные начальники говорили между собою: пусть идетъ и ее посадятъ туда, гдѣ и свѣта Божьяго не увидить. Въ первый разъ въ жизни довелось матери быть Ригѣ; она не знала куда идти, къ кому обратиться, гдѣ найти проводника къ Д. Баллоду, къ еписк. Филарету и въ тюрьму. Опять помогъ Русскій купецъ, нашелъ Латыша проживавшаго въ Ригѣ, который, разумѣется, зналъ уже всё закоулки. По-

бывала у всѣхъ; ее утѣшили, обнадежили, осушили слезы, но не на долго.

Добралась и до тюрьмы. Здѣсь нашла она много подобныхъ ей горемыкъ, которымъ угрожало преждевременное вдовство. У каждой изъ пришедшихъ тюремный надзиратель спрашивалъ: кого желаетъ видѣть изъ заключенныхъ, а самъ смотрѣлъ въ списокъ. Дошла очередь и до матери. Тюремный смотритель объявилъ ей, что она не можетъ быть допущена къ мужу, а другихъ женъ пустили въ тюремный замокъ, поговорить 5 минутъ въ корридорахъ съ мужьями, въ присутствіи надзирателя. Мало того, часовому было приказано прогнать мою мать отъ дверей тюрьмы. Она сѣла на крыльцѣ Петро-Павловскаго каѳедральнаго собора и уставила глаза въ тюремныя окна, изъ которыхъ выглядывало, сквозь рѣшетки, множество Латышскихъ физіономій.

Наконецъ, форточка открылась и мать услышала желанный голосъ ее подзывавшій. Она соскочила съ крыльца и подошла къ тюрьмѣ: учи дѣтей! Пусть обо мнѣ не плачутъ. Я еще живъ! Послѣши сама присоединиться и дѣтей присоедини. Правь домомъ, какъ слѣдуетъ“ .... Тутъ, къ ужасу, эта проповѣдь Православія выходившая изъ тюремнаго окна, какъ то коснулась слуха надзирателя; онъ крикнулъ на часоваго и на отца; — форточка тотчасъ закрылась и послѣднее свиданіе прекратилось. Мать сѣла опять на паперти собора и уставила глаза въ туже сторону; но тюремный надзиратель и тутъ не оставилъ ея въ покоѣ, а велѣлъ солдату прогнать ее въ шею, хотя на этойже паперти преспокойно сидѣли и стояли нищіе — въ это время кончалась въ соборѣ литургія.

Черезъ недѣлю мать опять отправилась въ Ригу. — Баллодъ, въ то время уже діаконъ, О. Михайловъ и самъ Преосвященный Филаретъ обнадежили ее и другихъ, что

въ скоромъ времени всѣ будутъ выпущены, а нашъ отецъ — непремѣнно. Но, не смотря на эти повидимому благоприятныя извѣстия, сердце у матери моей замирало, чуя чтото недоброе. Можетъ быть на нее дѣйствовалъ и видѣнный ею передъ этимъ зловѣщий сонъ, будтобы она ѣла хороший, сухой горохъ, и должна была таскать тижелые мѣшки — горохъ означаетъ у насъ слезы, а мѣшки — покойниковъ. Собравъ послѣдния свои силы, она поплелась къ знакомому собору и, на колѣнихъ, стала упрашивать тюремнаго сторожа пусить ее къ мужу обмѣняться не болѣе какъ парою словъ и передать ему лубошку творогу. Доложили надзирателю и вышелъ приказъ, что теперь уже можно ее пустить, но предварительно хорошенько перещупавъ ее и отобравъ у нея всѣ вещи. Явился самъ надзиратель и сказалъ ей въ упоръ съ прiятною улыбкой: „твой мужъ умеръ. Хочешь его видѣть?“

Повели ее въ какой то подвалъ; тамъ лежало на кирпичномъ, засоренномъ полу нѣсколько труповъ мущинъ и женщинъ. Это мѣсто было страшное и видомъ и запахомъ. Надзиратель, отворивъ дверь, сказалъ: „тутъ и твой мужъ! Разыскивай сама!“ — Мать узнала его, и кинулась съ неимовѣрной быстротой на совершенно обнаженное тѣло. Только и было при немъ что гнилое полѣно подъ головой. Лицо и животъ были покрыты красноватыми пятнами, челюсти были судорожно сжаты; какая то красноватая пѣна сочилась изо рту. Обезумѣвшая мать впилась въ него, цѣловала руки и ноги, звала его, спрашивала; но онъ молчалъ. Видно, все что намъ нужно было отъ него услышать, было сказано въ тюремную форточку. Бывшiе съ нимъ вмѣстѣ сосѣди наши передали намъ, что онъ долго лежалъ, крѣпко сомкнувъ уста: когда докторъ поднесъ ему ложку лѣкарства, онъ не хотѣлъ принимать — однако принялъ одну и сказалъ: „теперь довольно.“

Ему хотѣли вторично открыть ротъ но не могли; тогда докторъ брызнулъ ему чѣмъ то въ глаза, и черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался.

Насильно оттащили мать мою отъ покойника; она очнулась уже на улицѣ, куда часовой вытолкалъ ее изъ тюрьмы, пригрозивъ ей прикладомъ.

Съ трудомъ добрела она до архiерейскаго дома. Преосвященный Филаретъ принялъ ее по прежнему ласково. Этотъ добрый, сострадательный архипастырь, выслушалъ печальный разсказъ ея, распросилъ обо всемъ, до малѣйшей подробности: какъ велико семейство, въ какомъ положенiи хозяйство, есть ли такой который бы могъ помогать, править домомъ, отбывать повинности, есть ли долги и сколько? Спросилъ также: долго ли намѣрена она пробыть въ Ригѣ и есть ли на что похоронить мужа? Мать сказала, что прiѣхала провѣдать мужа, не зная о его кончинѣ, поэтому и не думала брать съ собою ни покрывала, ни простыни, а денегъ маловато. Преосвященный пошелъ искать денегъ и нашелъ у себя не болѣе пяти рублей, извинился что мало и спросилъ: довольно ли будетъ? Мать поблагодарила и сказала, что достаточно. — „Да! у тебя вѣдь четыре сына? Одного изъ нихъ я возьму въ школу, а именно — втораго К...а.“ Взялъ перо: записалъ и сказалъ, „можетъ быть онъ будетъ тебѣ утѣшенiемъ. Училище, которое скоро откроется, будетъ духовное. Изъ Латышей я еще девять возьму, кромѣ твоего сына, и постоянно буду принимать; тамъ не нужно будетъ ничего платить; всё будетъ готовое. Если окажутъ успѣхи, сынъ твой и другiе удостоятся священства.“ — Затѣмъ, онъ благословилъ мать мою и обратился къ другимъ посѣтителямъ. Тутъ были люди всякаго разбора, Латыши и Эсты, ограбленные избитые. Иной снималъ съ себя, страшно морщась, свою одежду и показывалъ издали свою изсѣченную, окрова-

вленную спину. Эти приемы у Преосвященнаго походили на выставку всякаго рода истязаний и мукъ. Сколько тутъ было заботъ и труда архипастырю! Всѣмъ нужно помочь, дать совѣтъ и притомъ — одному, съ однимъ только письмоводителемъ. Онъ не зналъ, что такое отдыхъ, работалъ съ ранняго утра до поздняго вечера, обѣдалъ когда удосуживался, часто ничего не ѣлъ кромѣ просфоры и промачивалъ чаемъ свое засыхавшее горло. Я самъ видѣлъ его комфортъ: кожанная лежанка, простой столикъ, огромная кипа бѣлой и исписанной бумаги, чернильница, песочница и на краю стола стаканъ чаю. Тутъ онъ и почивалъ и работалъ своею изсохшею, усталою рукою.

На пожертвованные имъ 5 р. мать купила простыню, рубашку, сама одѣла покойника — изъ тюрьмы дали лошадь, потащилась одна за гробомъ, изъ четырехъ необстроганныхъ досокъ, и похоронила сама, не зная на которомъ кладбищѣ, безъ христіанскаго обряда, этого новаго исповѣдника. Она пріѣхала домой полуживая и привезла намъ въ утѣшеніе рубище нашего отца, въ которомъ мы его проводили изъ дому; эти остатки ей удалось выпросить у тюремнаго начальства. Привезла на рукахъ, какъ теперь помню: шинель сѣраго грубаго сукна, полушубокъ изъ разныхъ шкурокъ, сѣраго же сукна жилетъ, новыя, на дорогу сдѣланныя пасталы (лапти) изъ сырой кожи. Всё это мать разложила, какъ драгоцѣнность, на кровать свою и сказала: „вотъ вамъ, мои милые, вашъ отецъ!“ Мы всѣ кинулись къ кровати, обступили ее и намъ казалось будто мы видимъ въ этой знакомой одеждѣ самого отца. Въ домѣ поднялся плачь и стонъ: — это было единственное отпѣваніе добраго и примѣрнаго труженика, неутомимо работавшаго всю жизнь свою и заработавшаго себѣ мученическую смерть въ этой юдоли плача, въ этомъ плѣну Вавилонскомъ, въ этомъ проклятомъ *раю Лифлянд-*

скомъ, у входа въ который поставленъ Россіею не ангелъ, а Нѣмецъ.

Миръ праху невѣдомаго страдальца! Не онъ былъ первый и не онъ послѣдній! . . . Черезъ нѣсколько дней, мать отправилась на мызу къ помѣщику, поговорить съ нимъ на счетъ нашего житья въ слѣдующемъ 1846 году. Нельзя было медлить, такъ какъ уже близка была пора для найма работниковъ. Помѣщикъ принялъ ее очень ласково, утѣшилъ вышеприведенною рѣчью, свалилъ всю вину въ смерти ея мужа на пастора и сказалъ ей: „живи спокойно. Я тебя не гоню съ усадьбы. Твой мужъ мнѣ не долженъ ни гроша, у тебя хороший зять. Онъ можетъ быть тебѣ за хозяина и опекуна. Онъ человѣкъ честный; вотъ уже второй годъ служитъ мнѣ овинщикомъ и я его люблю. Будь спокойна!“ Вскорѣ послѣ этого, пасторъ объявилъ, что будетъ *прослушивать* (допрашивать) дѣтей. Всѣ собрались въ корчму. Пасторъ опять началъ съ притчей и намёковъ всё противъ *Русской* вѣры, Русскаго духовенства и всего Русскаго. Многіе ему возражали, въ томъ числѣ и мать моя. Между прочимъ, прямо спросила у него: за что онъ погубилъ ея мужа и нашего отца? Онъ замялся, сконфузился и не придумалъ въ свое оправданіе ничего лучшаго какойто притчи на тему: кто больше и дальше видитъ, тотъ ли, кто стоитъ на горѣ, или кто стоитъ внизу? — Это былъ не отвѣтъ на вопросъ, а пустая отговорка. Послѣ этого, что ни скажетъ пасторъ, бабы перебивали и сбивали его; онъ краснѣлъ, досадовалъ, но очень злиться не смѣлъ, чтобъ не раздражить женщинъ, которыя еще были всѣ Лютеранки. Наконецъ, онъ сѣлъ и началъ вызывать дѣтей, но вмѣсто испытанія, онъ задавалъ всѣмъ одинъ вопросъ: въ какой вѣрѣ они хотятъ жить и умереть? Первымъ былъ вызванъ мой старшій братъ. Мы уже всѣ знали, что пасторъ, а не кто другой погубилъ нашего

отца; тѣмъ не менѣе, онъ прикинулся ласковымъ и кроткимъ, сталъ слегка трепать брата по щекамъ и спросилъ у него: „ну что, милое дитятко, ты ужъ конечно останешься въ своей прадѣдовской, святой, Лютеранской вѣрѣ?“ — Но братъ уклонился отъ ласки и отвѣчалъ на отрѣзъ: „нѣтъ! Я хочу умереть въ той вѣрѣ, въ которой умеръ мой отецъ.“ — Пасторъ оттолкнулъ его отъ себя, разсвирѣпѣлъ и закричалъ: „прочь! къ чёрту, на погибель, въ адъ!“ — Въ толпѣ поднялся смѣхъ, а мать поскорѣе взяла брата подъ руку, и увела домой. Вотъ, подумали мы, новый поводъ къ гоненію; погубилъ отца, не пощадитъ и дѣтей.

Полагаясь на слова помѣщика, мы однако жили спокойно. Зять взялся за хозяйство, работалъ и распоряжался какъ отецъ. Подошла весна. Тутъ слышимъ: новый хозяинъ, а не зять, подряжаетъ работниковъ на нашу усадьбу. Мать пошла къ помѣщику, но тотъ не допустилъ ея до себя; пошла спросить у волостныхъ засѣдателей, чтобъ это могло значить и сослалась на обѣщаніе помѣщика. Ей отвѣтили съ презрительной усмѣшкой: помѣщикъ тебѣ отказалъ, и остается тебѣ убираться вонъ и больше ничего. Мать поспѣшила въ Ригу, къ Преосвященному Филарету; тотъ препроводилъ ее при запискѣ къ Генералъ-Губернатору Головину. Генералъ-Губернаторъ, выслушавъ мать, сказалъ ей: „ступай домой, тебя не смѣютъ выгнать.“ Пріѣхала домой, а пасторъ ужъ объявилъ съ каѳедры, что въ мызѣ N., на нашей усадьбѣ, въ такой-то день, будутъ продаваться съ торговъ лошади, скотина, земледѣльческія орудія и разная домашняя утварь. Мать опять отправилась въ Ригу, къ Генералъ-Губернатору, который вторично ее обнадежилъ и сказалъ: „по твоему дѣлу бумага уже послана въ Приходскій Судъ.“ Мать сказала на это, что пасторъ въ киркѣ, съ каѳедры, ужъ объявилъ аукціонъ. — „Не будетъ никакого аукціона; они не могутъ этого сдѣлать, живи спокойно“ — сказалъ Генералъ-Губернаторъ, и приказалъ послать вторую бумагу. Когда мать вернулась домой, она уже не нашла ничего; все было пусто, всё продано, всѣ амбары и клѣти взломаны, замки и запоры отбиты. Мать опять поѣхала въ Ригу. Генералъ-Губернаторъ пожалъ плечами и сказалъ: „я этого дѣла такъ не оставлю, не выходи изъ усадьбы.“ На сей разъ, по возвращеніи, мать и дѣтей своихъ уже не нашла на старыхъ пепелищахъ. Съ мызы прислали работниковъ, и насъ, со всѣмъ скарбомъ, отвезли къ одному хозяину, подлѣ большой дороги, побросали все, въ старый, когда то бывшій сарай, но уже по ветхости не занятый ничѣмъ; туда насъ загнали: меня, другаго брата 7ми, и третьяго 5ти лѣтъ; старшій братъ былъ отданъ матерью къ кузнецу, съ которымъ сговорился еще отецъ.

Хороша была и старая наша квартира, но эта куда лучше. Въ ней, когда то, хозяинъ сберегалъ мякину, потомъ, давно уже ее забросилъ; иногда только ночевали въ ней свиньи и хозяйская собака, да сами хозяева заходили въ ненастную погоду, по своей надобности. Но, благодареніе весеннему вѣтру! онъ успѣлъ уже осушить что было по неприличнѣе и приготовилъ квартиру къ нашимъ услугамъ, правда — безъ дверей, безъ фундамента, съ нѣсколькими охабками гнилой соломы, съ поломъ покрытымъ толстымъ слоемъ навозу разнаго рода, безъ печки, словомъ: въ родѣ Итальянской гостинницы. Соръ и навозъ намъ пригодились на постель, хоть и незавидную, но всёже лучше голой и мокрой земли. Поплакали, закусили черствымъ хлѣбомъ, напились какъ цыплята прямо изъ лужи, свалили навозъ въ одинъ уголъ, легли прижавшись другъ къ другу въ кучку, покрылись, заснули и проспали всю ночь сномъ праведника. У матери отняли лошадь, на которой она ѣздила въ Ригу.

Помѣщикъ взялъ ее къ себѣ на мызную конную мельницу; тамъ, цѣлый годъ, на этой лошади мололи, потомъ ее продали, а денегъ намъ не отдали .... Вотъ какого рода *мірскія выгоды* пріобрѣтались переходомъ въ Православную вѣру. Это ужъ не слова, не обѣщанія, не посулы, а факты совершавшіеся въ виду всѣхъ. Выводы изъ нихъ и пояснительные къ нимъ комментаріи излагались въ киркахъ, съ каѳедръ, и на мызныхъ дворахъ.

Не понять *эту проповѣдь*, подкрѣпленную такими осязательными доказательствами, и не распознать по нимъ гдѣ были *выгоды* и гдѣ *невыгоды* — было довольно трудно.

Вскорѣ по прибытіи матери моей изъ Риги, ее потребовали въ Приходскій Судъ .... Но не довольно ли, и нужно ли продолжать этотъ разсказъ?

ИНДРИКЪ СТРАУМИТЪ.

Послѣсловіе.

Надѣюсь, что авторъ будетъ продолжать: а между тѣмъ, позволю себѣ обратиться съ двумя словами къ читателю.

О движеніи Латышей изъ Лютеранства въ Православіе мы много разъ читали, по крайней мѣрѣ слышали, сужденія, отзывы и разсказы Лютеранскаго духовенства, Лютеранскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ (большею частью также Лютеранъ) и изрѣдка Православныхъ священниковъ (въ мало распространенныхъ духовныхъ журналахъ). Въ первый разъ услышали мы теперь голосъ Латыша, одного изъ тѣхъ, которые пережили въ своей совѣсти тяжелый кризисъ 1841—1845 годовъ и на себѣ самихъ испытали ближайшія его послѣдствія.

Можетъ быть, читатель подумаетъ, что именно по этой причинѣ, авторъ не можетъ относиться *безпристрастно* къ дѣлу; положимъ, но, во первыхъ, онъ относится къ дѣлу съ полнымъ знаніемъ дѣла, какъ экспертъ, разумѣя въ этомъ случаѣ подъ дѣломъ тѣ внутреннія побужденія, которыя влекли Латышей въ Православіе. Во вторыхъ, есть-ли достаточныя причины предполагать большее безпристрастіе въ сужденіяхъ тѣхъ свидѣтелей тогоже событія, которымъ мы повѣрили на слово, и вѣримъ до сихъ поръ?

Я разумѣю Лютеранское духовенство, терявшее съ присоединенiемъ бывшей своей паствы къ Православiю не только свои доходы, но и свою raison d'être, и Лютеранское помѣстное дворянство, прямо заявлявшее, что послѣдняя, нравственная связь его съ народомъ обрывалась.

Скажутъ еще, что это не объективное изображенiе дѣйствительности, не документальное свидѣтельство, на которое бы можно было ссылаться какъ на доказательство, а случайный наборъ личныхъ впечатлѣнiй, свидѣтельствующихъ только о темпераментѣ повѣствователя. Къ чему, на примѣръ, такъ подробно и съ такимъ паѳосомъ описывать какую нибудь зимнюю облаву и ставить ее въ одинъ рядъ съ дѣйствительно жестокими истязанiями, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ или жертвою? Точно, это не болѣе какъ личныя воспоминанiя; и потому ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что иногда происшествiя воспроизводятся авторомъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ не столько ихъ сравнительной важности, сколько тому впечатлѣнiю, которое онѣ произвели на него въ былое время, на примѣръ, когда его, тринадцатилѣтняго мальчика, въ добавокъ плохо обутаго и голоднаго, высылали гонять зайцевъ по лѣсамъ и болотамъ. Но чтоже изъ этого? и можетъ ли такой недостатокъ, бросающiйся всякому въ глаза, притомъ почти неизбѣжный въ частныхъ запискахъ, ввести кого нибудь въ заблужденiе?

Пожалуй есть недостатки болѣе существенные. Тамъ гдѣ авторъ, не ограничиваясь простою передачею того что онъ видѣлъ и слышалъ, вдается въ объясненiя (на прим. говоря о порядкѣ отбыванiя рекрутской повинности) онъ иногда принимаетъ злоупотребленiе за законъ, а иногда наоборотъ — законъ за злоупотребленiе. Но всётаки, практику онъ передаетъ вѣрно — это главное; а неточности въ объясненiяхъ доказываютъ только, что онъ смотрѣлъ на нее съ точки зрѣнiя крестьянъ, которые, по

егоже свидѣтельству, рѣшительно не знали, чего отъ нихъ требовалъ законъ и потому не были въ состоянiи отличать легальное отъ произвольнаго.

Я готовъ пойти далѣе и сдѣлать широкiя уступки господствующимъ у насъ понятiямъ. Предположите, что авторъ наложилъ на свою картину слишкомъ густыя тѣни, и что иное происшествiе, котораго онъ самъ свидѣтелемъ не былъ, попало въ нее въ томъ преувеличенномъ видѣ, въ какомъ оно донеслось до него на крыльяхъ народной молвы; отбросьте даже совсѣмъ то, что покажется вамъ невѣроятнымъ и натянутымъ; скиньте на личное раздраженiе автора сколько хотите процентовъ; затѣмъ, соберите мысленно все остальное, сосредоточте въ себѣ ваши впечатлѣнiя и рѣшите про себя: слышнали въ разсказѣ правда, и гдѣ ея больше — въ тѣхъли комментарiяхъ, къ которымъ мы давно прислушались въ Петербургскихъ гостиныхъ, и которые теперь печатаются за границей для раздраженiя Нѣмецкой публики, или въ безъискуственномъ повѣствованiи Латыша, съ которымъ вы теперь случайно столкнулись? Этотъ страшный итогъ высчитанныхъ имъ обидъ, оскорбленiй, ругательствъ и истязанiй, что это? — бредъли больнаго воображенiя, или можетъ быть злонамѣренная клевета, или горькая дѣйствительность, носящая въ себѣ самой неотразимое свидѣтельство своей подлинности?

Мнѣ кажется, что послѣдняго нельзя не признать.

Когда зашевелилась Лифляндiя, Лютеранское духовенство поспѣшило заявить, что въ движенiи массъ не было и тѣни религiозной потребности, и что онѣ искали не новой вѣры, а только и исключительно мiрскихъ выгодъ. Дворянство прибавило, что это бунтъ, и что поэтому нужны не священники съ крестами, а казаки съ нагайками. Все дѣло объяснялось подговорами, подкупами, дѣйствiями какихъ-то эмиссаровъ и чьихъ-то агентовъ. Въ

этомъ смыслѣ доносилъ покойному Государю тогдашній Генералъ-Губернаторъ баронъ Паленъ, тоже повторялъ Граѳъ Бенкендорѳъ; этому, наконецъ, повѣрилъ и вѣритъ до сихъ поръ весь Петербургъ.*)

---

*) Кстати привести здѣсь отрывокъ изъ неизданнаго дневника покойнаго Лиѳляндскаго Ландрата Самсона, подъ 2 Мар. 1846 года: „депутація отъ Лиѳляндскаго дворянства (вызванная въ Петербургъ для обсужденія мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ): ѳонъ Лиліенѳельдъ, баронъ Нолькенъ, ѳонъ Эттингенъ, Самсонъ ѳонъ Гиммельстіерна (авторъ дневника) и баронъ Ѳелькерзамъ были представлены Государю Наслѣднику (нынѣ Императору) Ген.-Губерн. Головинымъ. Пріемъ былъ самый снисходительный и милостивый. Государь Наслѣдникъ сказалъ намъ: въ томъ, что вы слышали отъ Государя Императора, заключается такое признаніе давнишнихъ заслугъ дворянства на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, такая увѣренность въ продолженіи тогоже отличнаго его расположенія, что вы провинились бы даже передъ Лиѳляндскимъ дворянствомъ, еслибы дали въ себѣ мѣсто малѣйшему сомнѣнію или безпокойству. Вѣрность Государя Императора вашимъ привилегіямъ и вашимъ учрежденіямъ (des Kaisers Treue gegen unsere Rechte und Verfassung) и участіе имъ принимаемое въ вашемъ благосостояніи перейдутъ ненарушимо, по наслѣдству, ко мнѣ и къ моему сыну. Вамъ нечего опасаться, даже при тѣхъ треволненіяхъ (Zerwürfnisse), которыя вызваны были стремленіемъ поселянъ къ переходу въ Греко-Россійскую Церковь; къ тому же, можно надѣяться, что эти треволненія найдутъ скорый и удовлетворительный конецъ. Правительство не можетъ воспротивиться переходу отдѣльныхъ лицъ (der einzelnen) и ограничится принятіемъ ихъ (въ Православную Церковь). — Государь Наслѣдникъ очень удивился, когда узналъ . . . . . (пропускъ въ текстѣ). Наше заявленіе, что всякая нравственная связь между помѣщиками и крестьянами неминуемо порвется, если послѣдніе перейдутъ въ другую вѣру, и что, къ сожалѣнію, новообращенные, по всей вѣроятности, составятъ не болѣе какъ новую секту и останутся безъ всякаго наставленія въ вѣрѣ — эти слова, повидимому, произвели на Государя Наслѣдника глубочайшее впечатлѣніе. Генералъ-Адъютантъ Веймарнъ разсказывалъ въ послѣдствіи, что Великій Князь, тотчасъ послѣ свиданія съ нами, обнаруживалъ на бывшемъ смотру видимое безучастіе и какую-то сосредоточенность въ себѣ самомъ, чего, въ то время, никто себѣ объяснить не могъ; что черезъ день, Великій Князь навѣстилъ его (Веймарна), говорилъ съ нимъ о происходившемъ свиданіи съ нами и выражался съ глубокимъ прискорбіемъ о разрывѣ нравственной связи между помѣщиками и крестьянами, равно какъ и о заявленномъ опасеніи какъ бы поселяне, съ переходомъ въ другую Церковь, не лишились наставленія въ вѣрѣ, которымъ они прежде пользовались, и къ которому привыкли — Государь Наслѣдникъ распрашивалъ насъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ къ томуже предмету относящихся и, между прочимъ, сказалъ отъ себя, что безъ всякаго сомнѣнія были при этомъ какіе нибудь агенты, которые сбили съ толку

Ясно ли теперь, что все это несостоятельно и придумано pour les besoins de la cause, то есть для замаскированія правды? что въ сороковыхъ годахъ, въ Лиѳляндіи, разигрывалась не мелкая, подпольная интрига, а одна изъ тѣхъ историческихъ драмъ, которыхъ значеніе, для совре-

---

(bethört — буквально: одурачили) крестьянъ въ такой значительной массѣ, и что удивительно только какъ не удалось ихъ выслѣдить. Затѣмъ, Государь Наслѣдникъ, съ видимымъ участіемъ и плѣнительною благосклонностью, повторилъ намъ прежнія, ободрительныя слова свои и отпустилъ насъ, пожавъ на прощаніе руку Ландмаршалу Лиліенѳельду.“

Точность передачи этого свиданія остается на отвѣтственности автора; съ своей стороны, я могу только засвидѣтельствовать, что весь разговоръ, въ тѣхъже самыхъ выраженіяхъ, тотчасъже сдѣлался извѣстенъ въ Ригѣ, обѣжалъ всю Лиѳляндію, и что при этомъ поспѣшили довести до свѣдѣнія крестьянъ, присоединившихся къ Церкви, или изъявившихъ желаніе присоединиться, что Государь Наслѣдникъ не вѣритъ въ искренность ихъ побужденій. Это я слышалъ отъ Православныхъ священниковъ которые въ свою очередь слышали отъ крестьянъ, да и не могли узнать другимъ путемъ.

Теперь, въ виду современныхъ обстоятельствъ, то что въ 1845 году, дѣйствительно, должно было представляться страннымъ и загадочнымъ, кажется, объясняется довольно просто. Въ самомъ дѣлѣ, Польскія и Венгерскія газеты ежедневно свидѣтельствуютъ о цѣлыхъ легіонахъ агентовъ Русскаго правительства, будтобы шныряющихъ по всѣмъ Славянскимъ землямъ, и о массѣ разсыпаемыхъ тамъже рублей; а между тѣмъ, ни одного изъ этихъ агентовъ полиціи до сихъ поръ не удалось накрыть. Не по тойже ли самой причинѣ и Лиѳляндская полиція (состоявшая и состоящая исключительно изъ мѣстныхъ дворянъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, которые такъ боялись за свою *нравственную* связь съ народомъ) не могла выслѣдить ни одного изъ тайныхъ эмиссаровъ, будтобы подбивавшихъ крестьянъ къ перемѣнѣ вѣры?

Приведенный въ буквальномъ переводѣ отрывокъ изъ дневника Ландрата Самсона обнародованъ издателемъ Livländ. Beiträge (B. 1. Heft. 2. S. 133—134 Anmerk.) и оканчивается слѣдующею замѣткой самаго издателя: „Кстати о Веймарнѣ, весною 1845 года, оба доблестные брата, Фердинандъ и Петръ ѳонъ Веймарны, оба Генералъ-Адъютанты, оба отличавшіеся мужественнымъ заступничествомъ за дѣло Германизма и Протестанства въ Лиѳляндіи, одинъ вскорѣ послѣ другаго (какъ значится въ дневникѣ) умерли внезапною смертью — *отъ Русскаго яда* (an Russischem Gifte), какъ разсказывали въ то время и вѣрили всѣ.“ — Вотъ какъ пишется для современной Германіи и въ какомъ видѣ передается потомству новѣйшая исторія Россіи Лиѳляндскими нашими согражданами и вѣрноподданными Русскаго Государя — die loyale Ritterschaft. Правда, что они отлично служатъ и потому, повидимому, многое могутъ позволять себѣ.

менниковъ, привыкшихъ вращаться въ области анекдотовъ, сплетень и осязательныхъ, на поверхности лежащихъ причинъ, почти всегда остается неразгаданнымъ, частью потому что оно умышленно затемняется и перетолковывается лицами и партіями, находящими въ этомъ свой интересъ, частью же потому, что для оцѣнки этого рода крупныхъ явленій, обыкновенная оффиціальная терминологія не даетъ ни подходящихъ мѣрилъ, ни готовыхъ опредѣленій.

Всмотримся ближе въ ходячія объясненія, которыми мы до сихъ поръ удовлетворялись.

„Все было дѣломъ подговора и подкупа.“ — Значитъ все было *сдѣлано* Православными священниками (которыхъ было въ краѣ пять или шесть человѣкъ) или агентами правительства (вѣроятно тоже Православными), о которыхъ само правительство ничего не знало. Я допускаю на минуту это предположеніе, становлюсь на указанную точку зрѣнія и спрашиваю: а чѣмъже объясните вы широкое и быстрое распространеніе, въ тойже Лифляндіи, Гернгутерства — это отпаденіе лучшихъ изъ крестьянъ отъ Лютеранской Церкви, *предшествовавшее* переходамъ въ Православіе, и которымъ это послѣднее явленіе было подготовлено? Кѣмъ, на чьи деньги, *сдѣлана* была эта попытка своего рода реформаціи снизу, въ средѣ самаго Лютеранства? Какого рода обѣщаніями и посулами подбивались Латыши къ образованію изъ себя такъ называемыхъ духовныхъ братствъ? Неужели и въ этомъ случаѣ дѣйствовали агенты правительства? Неужели Православное духовенство проповѣдывало и Гернгутерство? Неужели и въ этомъ движеніи не было никакихъ слѣдовъ религіозной, духовной потребности, напрасно искавшей себѣ удовлетворенія въ вымершемъ организмѣ оффиціальнаго Лютеранства? А вѣдь развитіе Гернгутерства, непосредственно связанное съ переходомъ въ Православіе, такой

фактъ, о которомъ могли благоразумно умалчивать Генералъ-Губернаторы баронъ Паленъ и князь Суворовъ, въ своихъ донесеніяхъ, и дворянскіе депутаты, въ своемъ разговорѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, но котораго всётаки нельзя отрицать. Скажите еще: какими искуственными возбужденіями объясняется развитіе въ тойже народной массѣ, и преимущественно въ Курляндіи (до которой Православное духовенство не касалось), другой секты, Анабаптизма, быстро плодящагося въ настоящее время и отличающагося рѣдкимъ озлобленіемъ противъ кирокъ и пасторовъ, по свидѣтельству самихъ Балтійскихъ газетъ?*) Тутъ кто агитируетъ, подкупаетъ и соблазняетъ?

„Переходившіе въ Православіе побуждались житейскими разсчетами, ожиданіемъ выгодъ, надеждою получить землю, зажить лучше — *стало быть* убѣжденіе было ни при чёмъ, и они просто продавали свою вѣру.“ — Странный выводъ, и что за удивительное легкомысліе въ этомъ *стало быть!* Человѣкъ взятый порознь, и тотъ очень рѣдко, въ любомъ своемъ дѣйствіи, слѣдуетъ *одному* побужденію, всецѣло и безраздѣльно наполняющему душу; а наоборотъ, почти всегда, при нѣкоторомъ вниманіи, подмѣчаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ двигателей, единовременно направляющихъ его волю: это общій законъ человѣческой природы; а тутъ дѣло идетъ о цѣлой массѣ людей тёмныхъ, неразвитыхъ, не обладающихъ способностью внутренняго анализа, людей лишенныхъ всякой возможности отрѣшиться даже мысленно отъ своей житейской обстановки и перенестись въ область отвлеченныхъ

---

*) На прим. въ корреспонденціи изъ Митавы (Рижск. Газета 1867. Окт 5. N. 231) мы читаемъ: въ какуюбы сторону мы ни оглянулись, вездѣ мрачно и опасно; въ деревняхъ свирѣпствуютъ Баптисты противъ нашихъ церквей и нашего духовенства (im Lande wühlen die Baptisten gegen unsere Kirchen und Geistlichkeit).

вопросовъ: а мы не хотимъ понять, что, говоря словами автора записокъ, ихъ мучили и томили единовременно двѣ неудовлетворенныя потребности: голодъ плотской и жажда духовная. Чтобъ цѣлый народъ, самъ собою, могъ пожелать обратиться изъ Лютеранства въ Православіе, это намъ кажется почему то до такой степени дикимъ и невѣроятнымъ, что мы хватаемся съ радостью за всякое другое, подвертываемое намъ объясненіе, лишь бы оно обходилось безъ участія духовныхъ инстинктовъ, и при этомъ не замѣчаемъ, что предлагаемое намъ толкованіе, которому мы добродушно поддакиваемъ, во сто разъ невѣроятнѣе. Продать свою *вѣру*, вѣру отцевъ и дѣдовъ, за кусокъ хлѣба или за клочекъ земли, даже за простое обѣщаніе хлѣба и земли — это какъ будто ни по чёмъ. Пусть бы однако попытались, хотябы даже и въ голодный годъ, предложить такуюже сдѣлку, не говорю уже Православнымъ Русскимъ крестьянамъ, но хоть бы Польскимъ, Ирландскимъ, Татарскимъ, какимъ угодно. Отчегоже вѣроотступничество въ массахъ, невозможное и не мыслимое въ другихъ земляхъ, такъ легко и быстро совершалось именно въ Лифляндіи? Этотъ фактъ, самъ по себѣ, не доказываетъ ли до очевидности, что Латыши и Эсты, которыхъ ихъ господа, въ XVI. вѣкѣ, даже не справляясь съ ихъ образомъ мыслей, просто перечислили за собой изъ Латинства въ Лютеранство, нисколько не дорожили вѣрой навязанной имъ безъ ихъ вѣдома и не считали ея *своею*. На обращавшихся въ Православіе мы смотрѣли какъ на людей мѣнявшихъ одну вѣру на другую, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они просто искали вѣры, какой нибудь, и, послѣ попытки составить себѣ самодѣлную вѣру (Гернгутерство) ухватились за ближайшую къ нимъ, которая пришлась имъ по сердцу.

„Они не имѣли и не могли имѣть о Православіи яснаго понятія." — Да оттогото они цѣлыми толпами и валили

въ наши церкви, что, чувствуя инстинктивное влеченіе къ Православію, желали узнать его и, въ тоже время, очень хорошо сознавали, что ихъ пасторы умышленно старались своими клеветами и поношеніями очернить въ ихъ глазахъ *Русскую вѣру*. — „Ясное понятіе!" Этогото именно они отъ насъ и ждали. Или, можетъ быть, имъ слѣдовало сперва пройти курсъ Богословія, а потомъ попросить тогдашняго Генералъ-Губернатора барона Палена, чтобъ онъ нарочно для нихъ устроилъ публичное состязаніе Православныхъ богослововъ съ учеными пасторами и далъ бы имъ возможность, выслушавъ обѣ стороны и наведя нужныя справки, учинить выборъ? Вспомните: такъли при Святомъ Владимірѣ крестилась Россія, и распросите: такъли, въ настоящую минуту, въ Ковенской губерніи, Балтійскіе помѣщики, скупившіе большую часть имѣній по дешевой цѣнѣ, втихомолку разводятъ въ нихъ Лютеранство?

Все дѣло въ томъ, что Православіе представлялось Латышамъ и Эстамъ совсѣмъ не какъ *доктрина*, а какъ *Православный людъ*, въ цѣльномъ и живомъ образѣ Православной Россіи, съ ея Православнымъ Царемъ во главѣ. Иначе оно и не могло имъ представляться. Они потянули къ нему всѣми своими пробудившимися потребностями, нигдѣ и ни въ чемъ не находившими удовлетворенія: не одно, а многія разнообразныя побужденія, какъ подземныя струи, пробившіяся наружу и слившіяся въ одинъ потокъ, несли толпу; она просила и живой вѣры, и хлѣба, и обезпеченнаго клочка земли, и закона, въ которомъ бы она могла видѣть и почитать не переодѣтый въ мундиръ произволъ помѣщиковъ, а проявленіе верховной власти, то есть силы нравственной, свободно признаваемой, какъ бы подъ часъ она тяжела ни была. Безъ всякихъ подкуповъ и агентовъ, Православная Россія, сама того не вѣдая и даже не желая, какъ магнитная гора,

тянула къ себѣ непреодолимою силою всю эту Латышскую пыль, которую высокородные рыцари и спѣсивые пасторы такъ долго мѣсили и утрамбовывали своими ногами, и которая вдругъ, поднятая какимъто таинственнымъ вихремъ, закружилась надъ ихъ головами. Ясноли это теперь, по прочтенія записокъ Православнаго Латыша?

Ясноли, наконецъ, что мы не только не вышли на встрѣчу къ этому несчастному народу, который бросался въ наши обятія, а напротивъ оттолкнули его отъ себя нашимъ холоднымъ недовѣріемъ къ искренности его движенія?

Мы какъ будто испугались стремительности неожиданнаго къ намъ сочувствія, котораго мы не вызывали, и, по неумѣнію ли, по нежеланію ли на него отозваться, мы повернулись къ нему спиной и обратили свою сострадательную заботливость въ противоположную сторону. Въ то самое время какъ цѣлыя партіи такъ называемыхъ разглашателей ложныхъ слуховъ (по просту простолюдинъ, повторявшихъ общую молву носившуюся въ воздухѣ) гремя цѣпями и съ перебритыми головами, медленно двигались по Лифляндскимъ дорогамъ, въ то время какъ на тамошнихъ мызныхъ дворахъ пороли подозрѣваемыхъ въ желаніи принять Православіе и заставляли наказанныхъ платить за розги, въ это время, мы думали больше всего о томъ, какъ бы не порвалась *нравственная* связь помѣщиковъ съ народомъ. Сами то они очень берегли ее! Впрочемъ и то сказать: ктобы въ то время былъ въ состояніи понять и ктобы могъ рѣшиться объяснить, что мы сами подрывали довѣріе этого народа къ России и, упуская единственную минуту прикрѣпить его къ ней навсегда, связью дѣйствительно нравственною, добровольно отказывались отъ силы, которая сама давалась намъ въ руки . . . . . .

Записки Православнаго Латыша раскрыли внутреннія причины обращеній въ Православіе; въ слѣдующемъ выпускѣ, я разскажу какими мѣрами это движеніе было подавлено и какимъ образомъ оно въ послѣдствіи перешло въ обратное движеніе изъ Православія въ Лютеранство. Тутъ уже мы будемъ имѣть дѣло съ оффиціальными документами.
